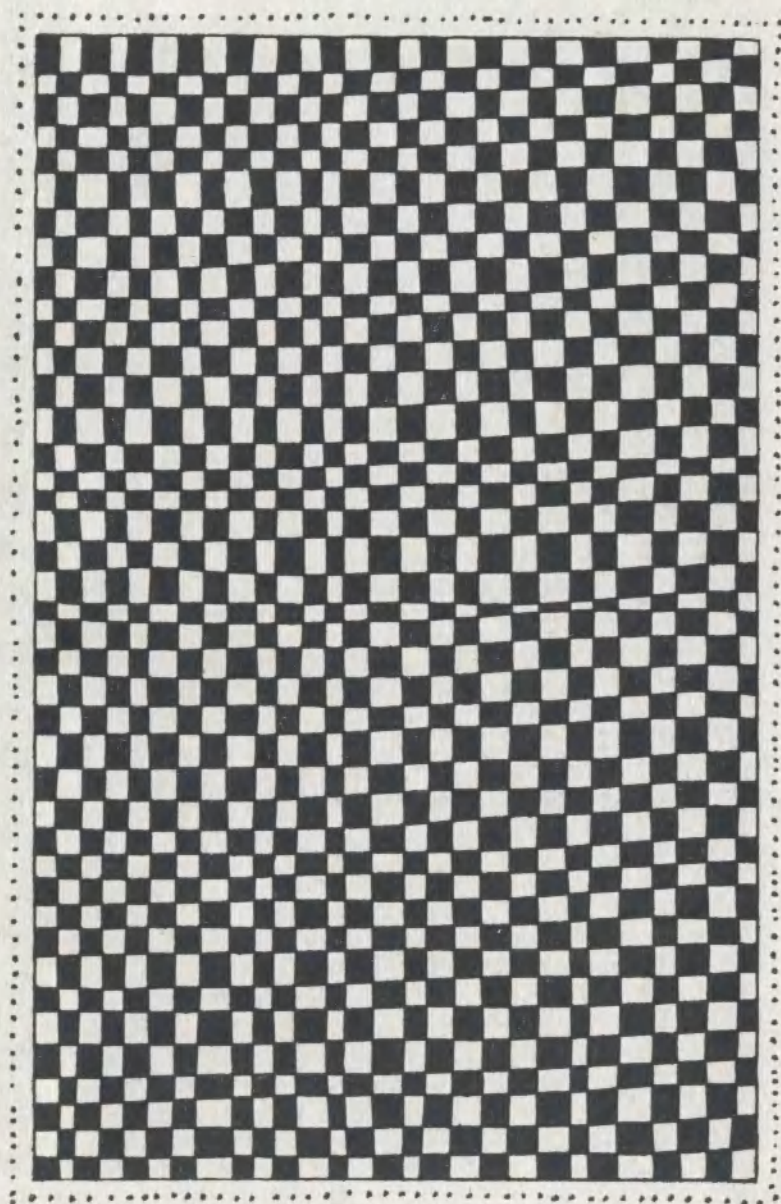
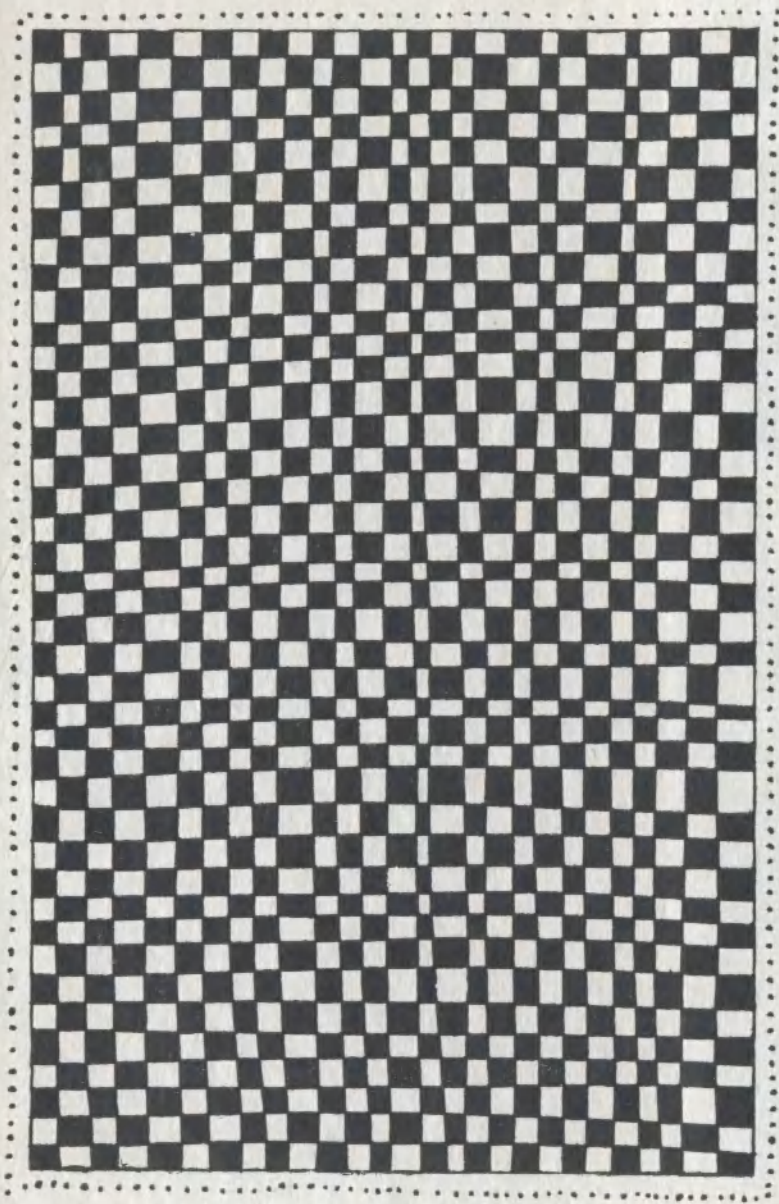

ВАСИЛИЙ ПАНОВ

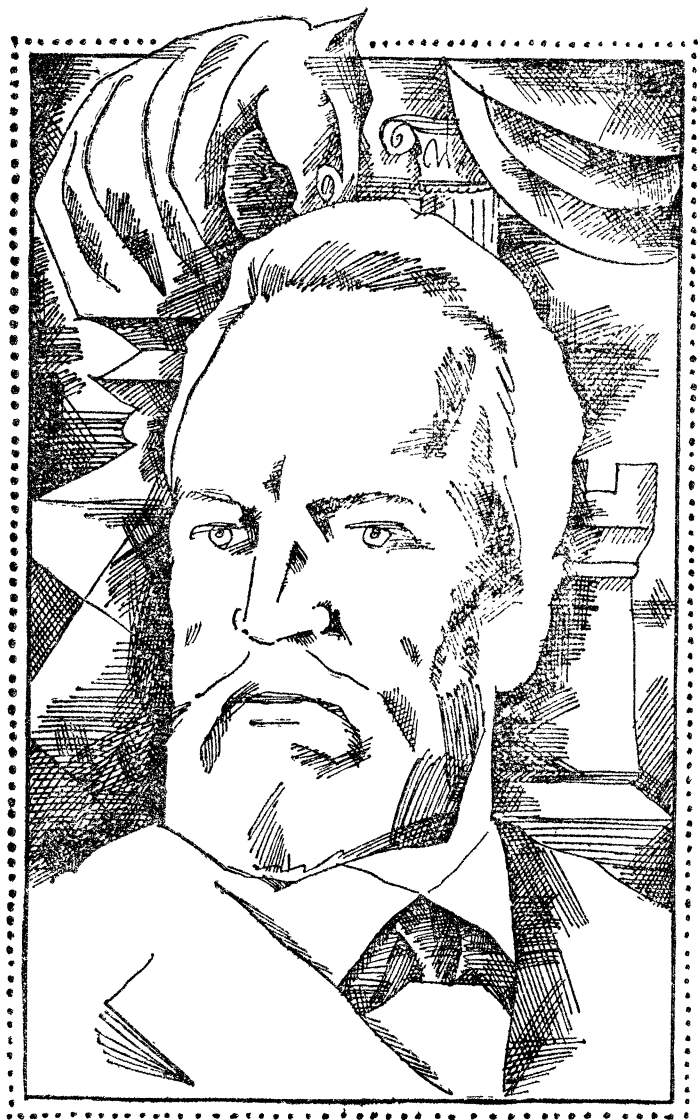

РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ

*Посвящается
моему брату и другу — поэту
Николаю Николаевичу Панову*

**ВАСИЛИЙ
ПАНОВ**

РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ

**ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ШАХМАТНИСТЕ
МИХАИЛЕ ИВАНОВИЧЕ ЧИГОРИНЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА - 1968**

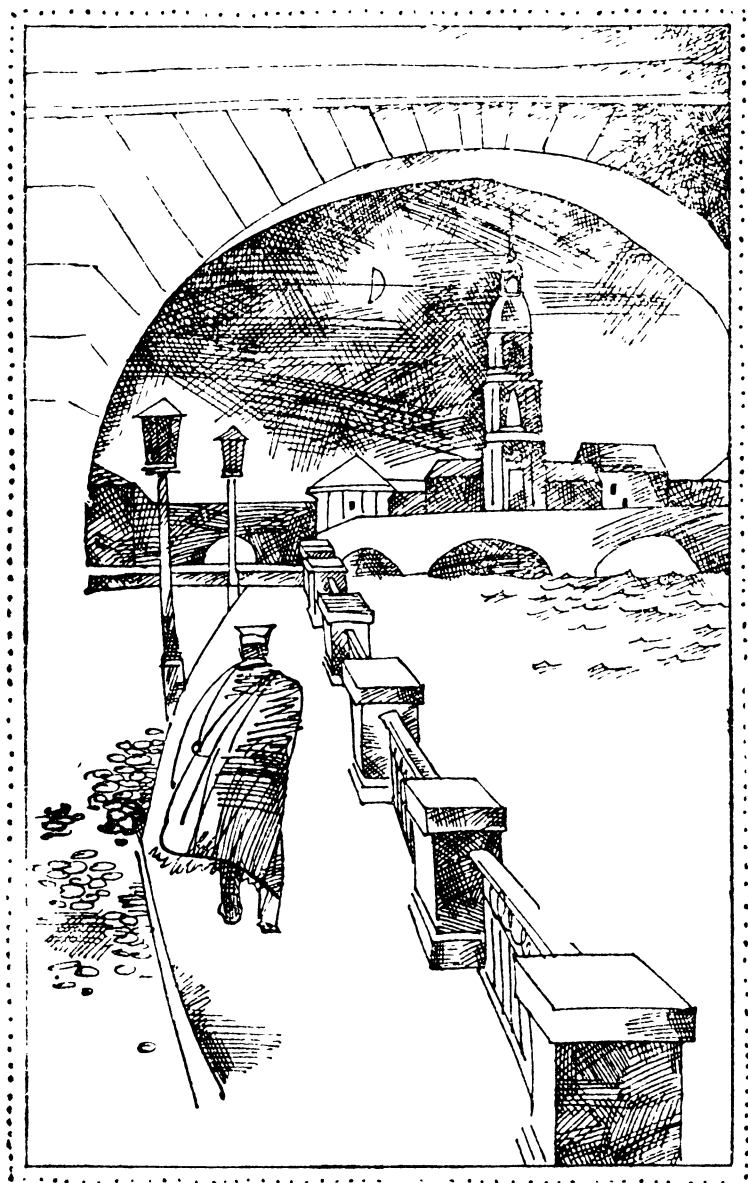
Более сорока лет спортивному миру известно имя Василия Николаевича Панова — шахматного мастера, на филигранных партиях которого учились пынешние знаменитые гроссмейстеры. Нет, наверное, термин — шахматный писатель, но если бы он был, то Василия Панова с полным правом можно было назвать именно так. На многих языках мира выходили его книги, и тираж их достиг полутора миллионов экземпляров. Писал он и об Алехине, и о Капабланке, сотни турниров — больших и малых — запечатлел на страницах той поистине шахматной энциклопедии, которую неустанно создает почти всю свою сознательную жизнь. И есть шахматная страна, а в этой стране люди, которых В. Панов знает и любит больше всего. Страна эта — Россия, а люди — шахматисты, творчество которых, судьбы, дела привлекают В. Панова.

В документальной повести «Рыцарь бедный» автор рассказывает о жизни великого русского шахматиста, основателя отечественной шахматной школы Чигорина. В книге дана широкая картина русского и международного шахматного спорта, его традиции и обычаи, нарисованы портреты многих шахматистов — соперников Чигорина во главе с первым чемпионом мира Стейнцем.

**Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.**

А. С. Пушкин

В сырой, дождливый день осени 1873 года по Невскому проспекту шли два молодых человека. Это был час, по удачному выражению французов, «между волком и собакой» — быстро наступали северные сумерки. Давно схлынула с широких, просторных тротуаров первая волна гуляющих — няньки с закутанными детьми, блестящие, звенящие шпорами гвардейцы, молодые франты в модных бекешах, нарядные женщины и девушки знатных фамилий, сопровождаемые компаньонками или лакеями. А для третьей, вечерней, или, вернее, ночной волны — бурливой, кипящей, жаждущей развлечений толпы огромного города, — час еще не наступил.

Сейчас на улицы Санкт-Петербурга высыпал чиновный люд, возвращающийся домой после окончания томительного служебного дня в опостылевших канцеляриях. Мелкие и средние чиновники неторопливо шли пешком, вдыхая промозглый воздух и задерживаясь у ярко освещенных витрин. Чиновники высших рангов лихо проносились по бесшумным деревянным торцам Невского проспекта на собственных дрожках, запряженных улитанными лошадьми.

Наши молодые люди были одеты в потертые клетчатые пледы, из-под которых высовывались лоснящиеся обшлага чиновничьих вицмундиров. Пройдя почти весь Невский, они остановились у огромного дома близ тускло мерцающего, только что зажженного газового фонаря. Дверь подъезда с ярко освещенной вывеской поминутно открывалась, и за ней слышались звон посуды, веселые крики, неясный гул. В тумане неподалеку туск-

**Глава
первая**

**ПОСВЯЩЕНИЕ
В ОРДЕН «ДОМИ-
НИКАНЦЕВ»**

до вырисовывались гигантские колонны Казанского собора.

— Пойми, Федя, я просто не решаюсь, — сказал один из молодых людей, брюнет двадцати трех лет с резкими чертами лица, большими карими глазами и волевым подбородком, на котором только пробивалась черная бородка. Из-под форменной фуражки с кокардой виднелись зачесанные назад черные, как смоль, волосы. — Куда мне, с суконным рылом да в калашный ряд? В такой ресторан, в центре столицы, как и войти-то не знаю. Я ведь недавно в Питере. Все жил на Охтенских пороховых заводах. Какие у меня там знакомые? Голь перекатная: мещане, мелкие чиновники, как мы с тобою, рабочие, выбившиеся в люди, как мой отец. А ты меня тащишь туда, где, сам говоришь, и бароны и генералы бывают. Разве я чета генералам да богачам? На равной ноге с ними быть не могу, а пресмыкаться не стану: не такая у меня натура.

Его задумчивые, грустные глаза гневно вспыхнули. Он нервно провел рукой по лицу и заставил себя ласково улыбнуться приятелю.

Тот был полным контрастом собеседнику. Приземистый, толстенький, веселый человечек с душой нараспашку. Говорил быстрым, четким тенорком, непрестанно улыбался и для большей убедительности горячо жестикулировал.

— Чудак ты, Миша! Боишься людей, привык жить, как таракан в щели. Сейчас не николаевские времена, чтоб перед каждым фоп-бароном тянуться. Сейчас 1873 год. Если есть голова на плечах, и в люди выйти, и разбогатеть недолго.

— Я к этому не стремлюсь.

— Я к примеру сказал. Но я ж тебя не в аристократический салон веду, а к будущим друзьям. Ты интересуешься шахматами, играешь хорошо...

— Какое там хорошо! До знакомства с тобою семь лет фигуры в руки не брал. Да и научился играть только шестнадцати лет. Был у нас учитель немецкого языка Шуман, славный такой старик. Увидит тоскующего воспитанника и подзовет к себе: «Ты что делаешь? Погоди-ка!» Вытаскивает из шкапчика доску с шахматами и начинает показывать ходы. Сам играл слабо. Я и увлекся — все-таки какой-то просвет в нашей горькой жизни. Все свободные часы проводил за игрой с товари-

щами и с Шуманом. Под конец стал ему даже фору давать — ладью.

— Так много? Это значит, дружище, у тебя талант. Мы с тобою лишь месяц знакомы, но я сразу распознал. Ты и меня уже побеждаешь.

— Какой я игрок! Ни книг по шахматам не читал, ни журналов, а говорят, есть специальные. Теорию не знаю, с дебютами знаком понаслышке. Королевский гамбит! Еще какой-то! Я, брат, самоучка во всем. Ты меня обещал свести в шахматный клуб, показать настоящих, сильных игроков, не таких, как мы с тобой, а куда тащишь?! В ресторан! Выпить! Нешто я не вижу!

— Ах, Миша, Миша, как ты несправедлив! Я ведь добра тебе желаю! А настоящих шахматистов покажу тебе сейчас же, высших категорий.

— Какие там еще категории?

— Так принято делить шахматистов. Самые слабые, начинающие, вроде тебя — пятая категория. Получше, поопытнее, не первый год играющие, вроде меня — четвертая категория. Опытные, сильные шахматисты — третья категория. А уже бывалые, понаторевшие и в теории и в практике игроки, бравшие призы в соревнованиях, — вторая категория.

— А первая?

— А это, братец ты мой, — уже вершина, орлы. На Западе их величают «маэстро», по-нашему — умельцы, мастера. Это уже подлинные доки! Во всей России таких, может быть, лишь десяток или дюжина наберется. У нас в Питере самых могучих — двое: Шумов Илья Степанович, бывший моряк, крупный чиновник. Играет, как бог, и задачи шахматные забавные составляет. А второй — твой ровесник Шифферс Эммануил, учитель математики, художник-любитель, знаток шахмат, с младых ногтей играет; его мать, отец, братья, сестры — тоже! Про Шифферса Илья Степанович во «Всемирной иллюстрации» писал, что он молодой шахматист, но уже опытный, искусный и знающий всю шахматную теорию, как «Отче наш». Еще есть Ашарин, Петровский, Безкровный. В Москве — музыкант Соловцов да учитель Шмидт. В Варшаве — купец Винавер, в Нижнем Новгороде — адвокат Хардин. В своих поместьях проживают герой севастопольской обороны князь Сергей Урусов и его брат Дмитрий. Вот, пожалуй, и все шахматные киты 9

Российской империи. Сергей Урусов, рассказывают, до того любил шахматы, что во время войны — а он был храбрейшим офицером — пришел к начальнику севастопольского гарнизона Сакену с замыслом: предложить англичанам сыграть партию в шахматы. Наградой победителю, призом должна была быть передовая траншея, которая уже много раз переходила из рук в руки и стоила сотни жизней. Урусов головой ручался, что выиграет эту партию у любого англичанина. Сакен, конечно, рассмеялся и отказал Урусову. А, ей-богу, напрасно! Урусов победил бы обязательно! Еще бы: знаток теории, игрок первой категории.

— К чему категории-то эти? Не все ли равно, кто какой?

— Э, нет! Благодаря им все друг с другом в турнирах могут играть, даже самый сильный с самым слабым. Так-на-так, то есть на равных, ты не станешь, да еще на деньги, играть с маэстро. Даст мат — чихнуть не успеешь! Сразу кошелек опустеет! А тут делается иначе. Первая категория дает второй пешку и ход, то есть снимает у себя пешку и играет черными. Третья категория получает от первой пешку и два хода, то есть, имея лишнюю пешку и играя белыми, делает сразу два хода. Четвертая категория получает от первой фору коня, пятая — берет целую ладью. Такое же соотношение и других категорий. Например, игрок второй категории дает четвертой пешку и два хода, пятой — коня. И турниры с участием шахматистов всех пяти категорий устраиваются. Играет поочередно каждый с каждым. Называются они гандикапами.

— Как интересно! А я и не знал! Значит, даже такой шахматный неуч, как я, сможет сразиться с мастаком! Идем скорей в шахматный клуб! Чего мы тут полчаса торчим у ресторана, точим ляды. Уже прохожие оглядываются.

— Да я ж тебя, упрямца, добру учу. Туда идти ни к чему. Одна слава, что шахматный клуб, а на самом деле — комната в «Немецком собрании», в просторечии в «Шустер-клубе», где богатая немчура петербургская собирается. Чинно, солидно, скучно. Русские шахматисты не любят там бывать. Все вступили в орден доминиканцев.

— Чепуху городишь, Федя. Доминиканцы — это католические монахи. При чем тут шахматы?

— Это в шутку, да не совсем. «Доминик» — название ресторана... Деньги-то у тебя есть?

— Я, брат, сегодня богат! Вчера двадцатое было, жалование получил. Отдал хозяйке меблированных комнат, заплатил за месяц в столовку за «домашние обеды», купил новые брюки, галстук английский, стихов две книжки — Некрасова и Никитина, да еще синенькая в кармане осталась. На кофе и на пироги нам с тобой хватит.

Федор хотел что-то сказать, но зашнулся, видимо боясь спугнуть друга, и, схватив его за руку, втащил в подъезд ресторана.

Ресторан «Доминик» был любимым прибежищем петербургского неслужилого люда: писателей, журналистов, актеров, художников, людей неопределенных занятий, а также шахматистов. Основатель ресторана швейцарский купец Доминик Яковлевич Риц-а-Порт не подозревал, что он навсегда вписал свое имя в летопись русских шахмат! В ресторане целый край огромного зала был отведен под бильярдные столы, столы для игры в домино, шахматные столики. Там можно было за 20 копеек в час получить шахматную доску с комплектом фигур. Расположенный в центре города, «Доминик» являлся как бы призывным маяком для многих поколений шахматистов на протяжении почти восьмидесяти лет: с 1841 года до Октябрьской революции. Прийти из холодных, неуютных меблированных комнат в теплое, светлое помещение, отдохнуть за газетой, закусить, выпить, поиграть на бильярде, в домино, в шахматы — что еще требовалось для безалаберной петербургской богемы?

Игра в шахматы велась обычно на денежную ставку — на равных или с форой — на дачу вперед. Некоторые сильные шахматные игроки проводили долгие вечера в этом ресторане; по шутливому выражению — «выслуживали пенсию у «Доминика». Друг с другом они играли редко, выжидали появления слабо играющего, но денежного любителя. Эти «петербургские доминиканцы», действительно составлявшие своеобразный орден шахматных профессионалов, к концу вечера не только оправдывали расходы на кофе, напитки и закуски, но и уносили домой несколько рублей чистой выручки.

Впрочем, Петербург не был исключением. То же происходило в Москве в известной кофейне Печкина, час-

тыми посетителями которой были в свое время Герцен, Белинский, Грановский, Щепкин, Мочалов, и в большинстве крупных городов Российской империи, отнюдь не поощрявшей возникновения специальных шахматных клубов.

Друзья отдали швейцару пледы и, потирая зазябшие на осеннем воздухе руки, вошли в зал. Федя, уже не раз бывавший у Доминика, провел Михаила прямо туда, где собирались заядлые любители шахмат.

Перед их взорами предстала картина, удручившая бы любого нового человека. Ресторанные испарения смешивались с густым табачным дымом, синеватой пеленой свисавшим с потолка. Перекликания официантов, повторявших заказы буфетчику. Стук бильярдных шаров, сопровождаемый таинственными криками: «Желтый в среднюю!», «Карамболь по красному!», «В угол на шлоп-штосе!». Резкие удары костяшек домино под аккомпанемент прибауток. И тут же несколько шахматных столиков. Каждый был окружен плотным кольцом любителей, ждущих своей очереди выйти на арену или просто с удовольствием наблюдающих, как сильный шахматист громит «туриста». Так на жаргоне «доминиканцев» назывался слабо играющий любитель, получавший фору «туру» — тогдашнее наименование ладьи. Здесь тоже стоял шум, слышался смех, похвалы удачным ходам, подтрунивание над ошибками, обсуждались шансы и даже заключались пари: кто победит.

— Вот ад-то! — вырвалось у Михаила, и, обратившись к Феде, он с изумлением спросил: — Да как же играть, как думать в такой обстановке?! Вот ты мне рассказывал, что знаменитые шахматисты иногда объясняют свое поражение плохим настроением, небольшим нездоровьем или тем, что зрители разговаривают, отвлекают внимание. А как бы они играли в такой духоте, как здесь, в табачном дыму, среди гвалта игроков в домино, в бильярд?! Какими нервами, какой крепкой головой надо обладать, чтоб играть у твоего Доминика!

Федя, считавший себя заправским «доминиканцем», только рассмеялся такой наивной тираде:

— Э, брось, подумаешь! Привычка — вторая натура! Зато весело. И выпить можно, и побеседовать со знатоками, и теории игры поучиться.

— Ну, а где твои шахматные львы и орлы? Показывай зверинец!

— Вот, смотри налево. — Федя показал на сидевшего поодаль за кружкой пива и блюдом раков солидного пожилого человека с военной выправкой. Он держал перед собой раскрытую записную книжку и карманные шахматы. — Я тебя познакомлю, благо никого нет. Ваше превосходительство, разрешите представить моего друга коллежского регистратора Михаила Ивановича. Шахматы любит — страсть!

Сидящий важно сунул Феде два пальца и внимательно посмотрел на новичка, как человек, привыкший к быстрой и точной оценке людей.

— Так, так, — начальственным басом сказал он. — Одобрю. Для молодого чиновника шахматы полезны весьма и весьма! Приучают к рассудительности, аккуратности, терпению. Хвалю! А задачи любите решать? Мой отдел читаете?

— Он, ваше превосходительство, в Питере недавно, — заторопился Федя. — Еще ничего и никого не знает. Я его, так сказать, ввожу в курс. Знай, Миша, что Илья Степанович Шумов как знаменитый игрок и председатель Общества любителей шахматной игры приглашен заведовать шахматной страницей в журнале «Всемирная иллюстрация». И печатает там свои скахографические задачи с остроумными стишками. «Скахографические» — это, братец ты мой, значит — изобразительные. Шахматные фигуры в них изображают какую-нибудь вещь или событие. У меня, ваше превосходительство, есть даже сборник ваших задач. Роскошное издание! Вот, Миша, интересно. Целая шахматная азбука, где фигуры расположены в виде букв и надо дать мат в два, три, четыре хода. А в одной расположены в виде сабли. Эта двухходовка называется «Меч Дамоклеса». Я даже подпись наизусть выучил:

Война! Война! Кто думать мог?!
Меч Дамоклеса, как злой рок,
Висит над черным королем.
За что ж мы с ним войну ведем,
За что громим со всех сторон?
Ужель за то, что черен он...

Шумов удовлетворенно улыбнулся. Как многие поэты и шахматисты, он был падок на лесть, а искреннее восхищение простодушного Феде было вдвойне приятнее. Шумов был подлинным фанатиком шахмат. Воспитанный, как и его три брата: Петр, Алексей и Николай,

в морском корпусе, он четыре года проплавал в чине мичмана и лейтенанта на кораблях, но потом, увлекшись шахматами, перешел на службу в кораблестроительный департамент, для постоянного «сухопутного» контакта с шахматной жизнью. Шумов быстро завоевал на родине и за рубежом репутацию одного из сильнейших шахматистов России. Вместе со знаменитым Петровым и известным Янишем он был приглашен в 1851 году на первый международный турнир в Лондоне. К сожалению, никто из этой могучей русской тройки поехать в Лондон не смог.

В уже довольно высоком чине статского советника Шумов в 1862 году перешел на службу в министерство государственных имуществ. Будучи чиновником особых поручений при министре, Шумов часто выезжал в командировки в разные города Российской империи и не упускал случаев наладить связи с провинциальными шахматистами.

Шумов был создателем своеобразного жанра шахматного юмора.

Можно привести такой пример. В «Евгении Онегине» есть упоминание, что влюбленный Ленский часто играет с Ольгой в шахматы:

Уединясь для всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Спят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

Шумов остроумно «обыграл» последние две строки. Он сообщил читателям «Всемирной иллюстрации», будто редакция получила несколько партий, иггранных между героями пушкинского романа, причем: «Партии писаны рукою Ольги. Везде делается мат Ленскому». После этого Шумов напечатал сочиненную им мифическую партию Ленский — Ольга, доведя ее до позиции, где влюбленный поэт «в рассеянье» берет пешкою свою же ладью, замечает ошибку, хочет поставить фигуры на место, но кокетливая Ольга не позволяет ему переменить ход и объявляет Ленскому мат в пять ходов.

В другой позиции, якобы создавшейся в партии между теми же партнерами, на одну из клеток доски села муха. Ольга подумала и сказала жениху со смехом: «Я сейчас из мухи сделаю слона». Ставит на место улетев-

ней мухи слона и объявляет жениху в создавшейся позиции мат в четыре хода.

Такие шахматные, или, вернее, околошахматные произведения Шумова доставили ему широкую известность не только в России, но и за рубежом, поскольку он «обыгрывал» и актуальные политические события. Например, одна задача называлась «Война Англии с зулусами». В ее ходах и в стихотворном комментарии высмеивалось поражение английских войск (белые), нанесенное им черными — зулусами.

Другая задача была посвящена поражению Наполеона III во франко-прусской войне.

В описываемое нами время Шумов заслуженно считался (Петрова и Яниша уже не было в живых) сильнейшим шахматистом Петербурга, если не всей России. Но его славу уже начинал затмевать двадцатитрехлетний Шифферс, и Шумов не подозревал, что второй, еще более опасный «могильщик» ее, стоял сейчас перед ним.

— Может быть, соизволите испытать молодого любителя, ваше превосходительство? — спросил Федя, дергая за рукав друга и заискивающе заглядывая в глаза Шумову.

Тот важно покачал головой.

— Времени нет, должен доклад министру готовить. Да и неохота грабить неопытных новичков. Есть у нас такие, я — не из них. Да вот Шифферс, кажись, прикончил очередную жертву. Сыграйте с ним, если есть охота и... но не прогадайте: скажите, что вы «турист»!

— Я здешний, не приезжий, я не турист, — начал было Михаил, но Федя, засмеявшись, толкнул его в бок и что-то зашептал.

Шумов подозвал официанта, бросил ему рублевку и, кивнув друзьям, направился к выходу. Молодые люди подошли к столику, где, окруженный толпой поклонников, восседал Шифферс. Это был симпатичный молодой гигант с зачесанной назад копной белокурых волос, с густой бородой и умными серыми глазами. Он приветливо помахал рукой Феде.

— Федор Федорович! Мое почтение! Зачем пожаловали? Верно, реванш за прошлую среду хотите взять?

— Нет, почтеннейший Эммануил Степанович, кияшка тонка! Вот хочу вас познакомить с приятелем. Тоже шахматист, но начинающий.

— Очень приятно, — привстав и протянув руку, об-

ратился Шифферс к Михаилу и, тряхнув своей львиной гривой, добавил: — Нам молодые силы ой как нужны, а то что ж с одними стариками бороться. Хотите партию?

Михаил замялся. Федор пришел к нему на выручку:

— А какую вы ему дадите фору для уравниения сил? Он даже теории не знает. Мат слоном и конем не даст.

— Фору? Гм! Ну, пожалуй, для почина, как «туристу», ладейку... По «франку» партию. Согласны?

— Эммануил Степанович предлагает тебе дать вперед ладью и играть на ставку, — перевел Федя другу жаргон «доминиканцев».

— Не понимаю, — пробормотал Михаил. — Я сам когда-то давал ладью вперед — это ужасно много. Вам трудно будет. И никаких франков у меня нет, только русские деньги.

Окружающие дружно рассмеялись.

— Теперь я вижу, что вы вправду новичок, — улыбнулся Шифферс. — «Франк» у нас, «доминиканцев», означает четвертак, двадцать пять копеек. А если вы сами давали ладью, значит действительно такая форa мне трудновата. Хотите лошадку вперед?

— Бери, бери! — торопил друга Федя. — Даровому коню в зубы не смотрят! Покажи, как люди с Пороховых играют! Или пороуху не хватит?

Михаил смущенно сел против Шифферса. Тот быстро расставил фигуры, взяв себе белые и сняв у себя ферзевого коня. Окружающие сдвинулись ближе. Федя притаил дыхание.

Но, к его разочарованию, партия продолжалась лишь несколько минут. Шифферс — опытный игрок на дачу вперед, знаток теории и мастер атаки — предложил королевский гамбит и, выиграв вскоре ферзя за слона, принудил противника к сдаче.

— Не унывайте! — добродушно подбодрил победитель обескураженного новичка. — Если конька вам маловато, попробуем на ладью. Сравняем шансы.

Говоря так, Шифферс немного хитрил. Хотя лишняя ладья дает гораздо большее преимущество, нежели лишний конь, но оно сказывается только в середине или в конце партии. При игре же с начинающими опытный шахматист стремится добиться победы уже в дебюте.

16 В начальной же стадии партии конь быстрее вводится в

бой и легче создать немедленную атаку на короля, чем без коня, но при ладье.

Михаил побледнел от обиды и разочарования, но не протестовал и позволил Шифферсу в очередной партии снять с доски ферзевую ладью.

И эта партия длилась недолго. Шифферс закончил ее таким эффектным матом, что окружающие их любители игры зааплодировали. Федя же вздохнул.

«Черная пятница!» — подумал он, подразумевая, что его другу, как получающему большую фору, приходится все партии играть фигурами черного цвета.

— За вами два «франка», — ласково сказал Шифферс противнику. — Желаете еще?

— Конечно! — резко ответил Михаил, а в голове у него пронеслось: «Пять рублей, деленные на «франки», — это двадцать партий. Но надо оставить хотя бы на стакан кофе и бутерброд. Пусть не считают за ничего, не смеются! И на конку сегодня и завтра. Стало быть, самое большее — еще четырнадцать партий. А главное — лучше играть. Целая ладья перевесу, а я проигрываю, как ребенок. Позор! Стыд! Но как он играет! Как играет!!»

Следующая партия снова принесла победу Шифферсу, но уже не так быстро. В четвертой партии Михаилу удалось дать вечный шах. Потом опять последовали три проигрыша. И наконец — первая победа новичка!

— Молодец! — похвалил партнера Шифферс. — Уже зубы показываете!

Михаил быстро подсчитал в уме: пять проигранных четвертаков равны одному рублю двадцати пяти копейкам минус отыгранный «франк». Итак, потерян пока только целковый. Вперед! В бой!

И он бодро расставил шахматы.

— Ресторан закрывается! — раздался у столика мягкий голос официанта. — Прикажете-с получить за кофе, за бутерброд, за пользование шахматами?

Михаил оглянулся. Кроме Феи, никого у столика уже не было. Ресторан опустел. В окно глядела глухая петербургская ночь. Михаил заплатил официанту, поднялся со стула и поглядел на партнера. Шифферс также встал, потянулся, разминая затекшие члены, и зевнул.

— Плюс пятнадцать, минус три, четыре ничьи, — лаконично сказал он. — Всего лучшего, господа. А у вас, 17

знаете, — обратился он к Михаилу, — есть способности к игре. Годика через три будете на третью категорию играть. Главное — больше практики, ну и с теорией надо познакомиться. Вы, я вижу, — «натуршпицер», самоучка, а без теории далеко не уедешь... Ну, я пошел. Устал как собака. Утром в гимназии математику оболтусам преподавал, днем в Эрмитаже картину Брюллова копировал, вечером вас в члены ордена «доминиканцев» посвящал, ха, ха! Пора и на боковую.

Шифферс снова зевнул во весь рот, небрежно сунул в жилетный карман трехрублевку, полученную от Михаила, накинул крылатку и широкополую шляпу, обычный костюм художников того времени, взял стоявший в углу мольберт и ящик с красками и, вежливо поклонившись друзьям, удалился.

Спустя несколько минут за ним последовали и приятели.

Федя просто не мог посмотреть в лицо Михаилу. Он знал, что его друг остался даже без денег на конку и сейчас побредет домой пешком от Невского проспекта до окраины Васильевского острова, да еще на пустой желудок. Неплохое расстояние.

Сам Федя жил совсем близко, и ему жаль было оставить друга в беде. Его терзали угрызения совести еще и по другой причине. Он смущенно остановился на перекрестке.

— Ах, Миша, Миша, прости меня! Это из-за меня ты без копейки, и дать тебе займы ничего не могу — сам гол как сокол. Ах, как некрасиво вышло! И обыграли тебя в пух и прах, и обидели, сказав, что только года через три... Я-то рассчитывал, что если ты и проиграешь с лишней ладьей, то две-три партии. Если б я знал...

Федя взглянул на друга и запнулся, увидев, к своему изумлению, что тот вовсе не убит горем, а находится в приподнятом настроении. Глаза Михаила сияли, лицо, обычно бледное, раскраснелось.

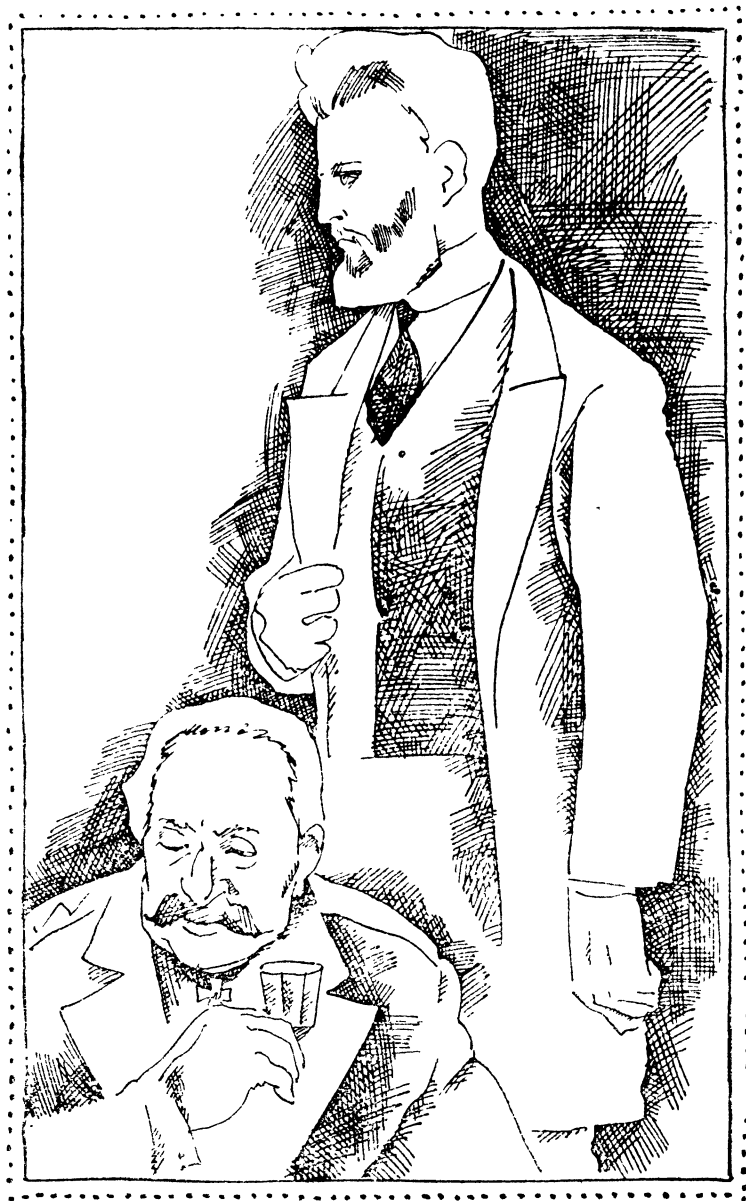
— Как он играет, Федя, как божественно играет! Вот уж подлинный маэстро! Это, Федя, не то, что мы с тобой. Куда мне до него! Это настоящее, большое искусство! Преклоняюсь! За такой урок ничего не жалко!

— Урок-то урок, но он тебе обошелся дороже билета в Мариинский театр. Как же ты дотянешь до жалованья?

48 И зачем я привел тебя сюда?! Тебя, наверно, впредь и

калачом не заманишь к нашим петербургским доминиканцам? Что ж, может, и к лучшему, что больше сюда не придешь...

— Я — не приду?! Завтра же! Продам на Апраксином рынке новые брюки, заложу отцовские серебряные часы, выпрошу у казначея малую толику, если надо, к ростовщику пойду, но приду... учиться игре! У Шифферса! У Шумова!! У Черта Ивановича!!! И вот тебе мой зарок: через три года не игроком третьей категории стану, а сам буду не хуже Шифферса. Покажу ему, и Шумову, и всем кузькину мать — не будь я Михаил Чигорин!

Чигорин сидел в просторной, но неуютной комнате, которую старшины богатого «Немецкого собрания», объединявшего иностранных коммерсантов Санкт-Петербурга, снисходительно предоставили Обществу любителей шахматной игры. При основании общества в 1869 году оно занимало отдельное помещение, но из-за недостатка средств должно было бы закрыться, если бы не «счастливая» мысль президента общества об объединении с Шустер-клубом. Но — увы! — шахматистов, бедно одетых, тративших в буфете гроши, непочтительных к купцам даже первой гильдии, в «Немецком собрании» только терпели. Они это чувствовали и приходили лишь для игры в турнирах-гандикапах. Общество любителей шахматной игры снова дышало на ладан!

Михаил Иванович тоже редко здесь бывал, предпочитая заходить к «Доминику» или собирать друзей-шахматистов в своей скромной квартире, недавно панятой после женитьбы. Сейчас он пришел по необходимости: поделиться своими далеко идущими планами и посоветоваться с президентом общества.

Народу было мало. Два голландских купца чинно сидели за шахматной доской, глубокомысленно обдавая друг друга сигарным дымом и не спеша делая ходы. Поодаль какой-то почтенный бюргер пытался расставить на доске шахматную позицию, заглядывая в немецкий журнал «Дейче шахцайтунг», лежавший перед ним.

Глава
вторая

ВЕЧЕР ГРУСТНЫХ
ВОСПОМИНАНИЙ

Чигорин был погружен в раздумья о пролетевших годах, о странной двойственности своей жизни, о молодой жене, которой он не мог обеспечить легкого, веселого существования.

Теперь это был сложившийся двадцатилетний мужчина в расцвете сил. Невысокая, стройная, изящная фигура в строгом черном сюртуке, по соображениям экономии надевавшаяся лишь по праздникам или при посещениях чопорного Шустер-клуба. Тонкие, нервные руки артиста. Симпатичное, внушающее доверие, но почти никогда не улыбающееся лицо. Широкий открытый лоб, над которым волны зачесанных назад черных волос. Небольшая борода лопаткой. Выразительные, живые глаза, вспыхивающие при волнении или гневе, но чаще затуманенные скрытой печалью.

Тяжелые испытания выработали в Чигорине умение подавлять свой бурный, страстный темперамент, быть замкнутым и осторожным с посторонними, малознакомыми людьми. Но с близкими друзьями и искренними ценителями его таланта Чигорин становился простым, откровенным и, по свидетельству современников, прямо-таки обаятельным человеком.

Разные мысли проносились сейчас в его голове.

Жизнь проходит быстро, но дни ползут, как черепахи, в душной, скучной канцелярии, где коллежский регистратор Михаил Иванович Чигорин за свое скудное тридцатирублевое жалованье должен корпеть над «Журналом входящих и исходящих», над копированием казенных бумаг. Чигорин добросовестно отсиживает свой служебный день и лишь ждет, когда старинные стенные часы гулко пробьют «увольнительную» и он снова сможет отдать целый вечер любимой игре... нет, не игре! Искусству!

Три года прошло с тех пор, как робкий юноша переступил порог «Доминика». Спустя год он уже стал шахматистом второй категории и получал от Шумова и Шифферса вперед только пешку и ход. Еще несколько месяцев, и Шумов с гордостью напечатал во «Всемирной иллюстрации» выигранную им у молодого противника партию (первую, известную нам), в которой он чудом спасся от поражения. Причем по рассеянности или небрежности Шумов назвал партнера «Чигорец». Возможно, это было шуткой. Ведь Шумову, с присущим ему

грать» далеко не шаблонную фамилию противника и намекнуть на сходство Чигорина с черногорцем. А этому небольшому славянскому народу, героически боровшемуся против турецкого владычества, тогдашняя пресса уделяла много внимания. Не за горами была русско-турецкая война, начатая в защиту славянских народов.

А когда зимою 1874/75 года в Петербурге закончился большой турнир-гандикап, в котором первый приз взял Шифферс, а второй — Шумов, в той же «Всемирной иллюстрации» Чигорин прочел такие приятные строки:

«Третий приз достался молодому шахматисту второй категории Михаилу Ивановичу Чигорину, который в самое короткое время сделал блистательные успехи, и, к удивлению любителей, состарившихся в пятой категории и еще недавно побеждавших его в игре на равных, он сражается с ними теперь без коня, а с игроками первой силы — так-на-так».

Выражение «так-на-так» означало, что в этом турнире Чигорин, имевший формальное право получать от Шифферса и Шумова вперед пешку и ход, отказался от форы. Впервые проявилась гордая непрактичность Чигорина, который при получении форы легко бы взял первый приз, но предпочел потерпеть крупный финансовый ущерб в виде денежной разницы в призах, но быть на равной ноге с сильнейшими шахматистами столицы.

С тех пор Чигорин стал полноправным членом могучей петербургской тройки.

В 1875 году в русскую столицу приехал из Варшавы на двухмесячные гастроли известный международный маэстро Симон Винавер — человек любопытной биографии.

Польский еврей, коммерсант, в свободное время поигрывавший для развлечения в шахматы в варшавских кофейнях, Винавер в 1867 году отправился по торговым делам в Париж. Там как раз намечался международный турнир, третий в истории шахмат. Организаторы его, случайно познакомившиеся с Винавером, так были восхищены его игрой, что включили варшавянина в число участников в качестве представителя Российской империи. Винавер оправдал доверие, взяв второй приз — вслед за известным венгерским маэстро бароном Колишем. Позже они поменялись ролями: Винавер стал выступать в турнирах как шахматный профессионал, а Ко-

лиш отошел от шахмат и стал банкиром! Третий приз в парижском турнире достался будущему чемпиону мира Стейнницу.

В Петербурге Винавер выиграл матч у Шумова со счетом +5, —2. Затем с его участием состоялся турнир сильнейших шахматистов столицы. Винавер, который был на тринадцать лет старше Чигорина и Шифферса и являлся для них европейским эталоном шахматного мастерства, поддержал марку. Он взял первый приз — выше Шифферса, Чигорина, Шумова и четвертого сильного петербургского первокатегорника Ашарина, через несколько лет переехавшего в Ригу.

Винавер был восхищен красивой и остроумной игрой Чигорина.

— Почтенный мой Михаил Иванович, вы прямо-таки феномен, надежда России! — сказал Винавер. — На смену знаменитому Петрову вырастает новый замечательный игрок! Это я, Симон Винавер, вам говорю! Между прочим, Петрова очень любили поляки, хотя он был приближенным царского наместника князя Паскевича-Эриванского, да и сам — тайным советником. Не шутите, третий чин империи! И все же Петров был прост и доступен и, можете себе представить, не притеснял ни поляков, ни евреев! Но слушайте самое интересное, господин Чигорин: при польском восстании Петров был захвачен в плен, и — что бы вы думали! — вождь повстанцев Лангович освободил Петрова, взяв с него честное слово явиться через две недели. Петров сдержал слово, но, представьте себе, нашел Ланговича в Кракове уже самого в русском плену. Петров позже отзывался о Ланговиче прямо-таки с благоговением!.. Однако я отвлекся. Так вот, Петрову не суждено было выступать в международных турнирах, их тогда почти не было, но вы, Михаил Иванович, должны! Уверяю вас, имя Чигорина прогремит в шахматном мире!

— Что вы, Симон Абрамович! — возразил Чигорин, — да кто ж меня, неизвестного шахматиста, пригласит в турнир?

— Об этом позабочусь я, — твердо сказал Винавер, — напишу европейским друзьям. Верьте Симону Винаверу, его слово — надежный вексель, и без процентов, хе-хе!

Забегая вперед, отметим, что Винавер сдержал обещание. По его рекомендации Чигорин был приглашен в

ром, правда, не смог участвовать) и в следующий, где получил «боевое крещение» как международный маэстро. Винавер показал редкий пример великодушного, лишенного зависти покровительства сильному сопернику.

Одинок сидя в комнате «шахматного общества», Чигорин вспомнил пророчество Винавера и вздохнул. Эх, если бы его начальство или даже сам господин министр услышал такой лестный отзыв об их подчиненных! Вот бы удивились! А скорее всего, не обратили бы никакого внимания! «Подумаешь, — шахматы! Настольная игра, вздор!»

Каково было отношение русского общества в те времена к шахматам, видно из того, что в 1880 году в Петербурге вышло в свет «Практическое руководство, чтобы правильно, верно, со всеми тонкостями играть без проигрыша в шахматы, шашки, бильярд, кегли, лото, трик-трак, домино, лапту, крокет и бирюльки»!

Сам Чигорин ощущал себя художником большого, но еще только зарождающегося искусства, получавшего все большее распространение в Европе и Америке. Чигорин казался себе властелином неведомого, фантастического мира, где в обличии королей, ферзей, ладей, слонов, коней, пешек шла напряженная борьба абстрактных идей, в которой один мощный ум побеждал другой.

Вот он сидит у края деревянной доски, разграфленной на 64 белых и черных квадрата. Перед ним — другой шахматист, но он не смотрит на него, не помнит даже, каков тот из себя, старый или молодой, высокий или низкий, породистый денди или разночинец, богач или бедняк, покрыто ли его лицо глубокими морщинами или время еще не оставило на нем следов, играет ли на лице небрежная полуулыбка или оно искажено гримасой недовольства. Но уже с первых ходов, спустя полчаса или час после начала борьбы, перед ним начинает вырисовываться настоящий облик партнера, вовсе не похожий на внешний: то смелый и энергичный, то бесхитростно прямолинейный, то лукаво притворяющийся наивным простаком, то поражающий знанием всех тонкостей шахматной премудрости, то удивляющий неожиданной глубиной замысла. Это лицо он запомнит лучше, чем школьные одноклассники, просидевшие десять лет на одной парте, помнят друг друга. Он легко опознает партнера в очередной встрече за доской по манере разыгры-

вать дебют, вести атаку, по стремлению перейти в активную или глухую защиту.

Но для начальства Чигорин был только скромным исполнительным чиновником, выделявшимся не идущей к его положению честностью да хорошим почерком. Для сослуживцев Чигорин был «какой-то такой, чудаковатый, непрактичный, хотя в общем неплохой парень. Чистоплюй, правда: суют деньги просители, прямо сами навязывают «благодарность», а он не берет. Вообще не от мира сего, хотя, когда надо помочь товарищу, — всегда первый. Вспыльчив немного: порой вскипит, как молоко на плите, но скоро отходит».

Для молодой жены, мещанскому кругозору которой был недоступен столь сложный характер, Чигорин — «милый Миша, красивый, умный, только без царя в голове, не желающий брать того, что само плывет в руки, и убивающий полезное время за бессмысленной игрой». «Я понимаю, — убеждала она мужа после медового месяца, — почему не поиграть после службы для отдыха в домино, в пашки, в дурачки, в шахматы, наконец, с хорошим знакомым, дома, за самоваром, возле жены, по за чем так увлекаться, что даже делом манкировать? И о деньгах не думаешь: есть ли, нет ли, тебе наплевать! Вот разве, когда будет ребенок, образумишься волей-неволей. Сама жизнь заставит! Подожду».

Чигорин снова вздохнул и покачал головой. Как различны его планы и чаяния жены! Что ж, со своей точки зрения она права. Как же быть? На что решиться? Он после восторженного отзыва Винавера мечтает выступить на международной арене, получить признание, как маэстро. Сейчас 1876 год. Ему всего двадцать шесть. Он уже известен всем русским шахматистам. С каждым месяцем, с каждой неделей играет сильнее и уверенней. Первоочередная задача — победить самого Шифферса (Шумов уже стареет, он слабее) и прочно утвердить свое первенство в Петербурге, а затем в России, а потом... Зреют новые замыслы. Только вот проклятая чиновничья ляпка, убивающая энергию, жизнерадостность, уносящая лучшие годы. За жалованье в тридцать рублей!

«Гроши! — размышлял Чигорин. — Даже у «Доминика» можно игрой заработать куда больше. Но не хочу превращаться в мелкого профессионального игрока, зависящего от прихотей богатых неумелых любителей.

Играть все вечера с ними, давая фору, на ставку — значит губить талант, сушить мозг. На это, как Шифферс, я не пойду! Правда, и канцелярия не лучше, но это все-таки что-то твердое, надежное, государственная служба с обеспеченной пенсией в старости. Но ведь меня не интересует все это бумажное корпенье, прислуживанье к начальству. Тоска!..»

Чигорин встал и нервно прошелся по комнате. Вдруг его глаза радостно заблестели. Послышались знакомые тяжелые шаги, сопенье, и неторопливо вошел Шумов.

— Здравствуйте, здравствуйте, господин Чигорец-черногорец, простите за шутку. Вы хотели о чем-то со мной посоветоваться? Президент общества к вашим услугам. Здесь лучше, чем у «Доминика»: не так шумно для Шумова. Хорош каламбурчик? Народу полтора человека.

— Я желал бы, ваше превосходительство...— начал Чигорин, но Шумов предостерегающе поднял руку:

— Никаких «превосходительств»! Здесь беседуют не действительный статский советник с коллежским регистратором, а два шахматных маэстро! Наше искусство уравнивает людей. Демократия шахматной доски, ха-ха! Я для вас не генерал, а Илья Степанович, а вы не рядовой чиновничьих полков, а Михаил Иванович.

— Спасибо, Илья Степанович!— с чувством ответил Чигорин. Наконец-то хоть здесь он может забыть о чиновопочитании, об осточертевшей своей доле!

— Разговор у нас будет, надеюсь, не короткий? И у меня к вам вопросы. Знаете что, пройдем в буфет, посподим и, как индейцы Майн Рида, за бутылкой «огненной воды» поговорим по душам.

Они прошли в просторный буфет и сели за уединенный столик. Беспшумный официант, видимо давно знакомый с привычками Шумова, принес бутылку «Вдовы Попова» — распространеннейшей тогда марки водки — и разнообразную закуску. Шумов налил две рюмки.

— Ну-с, за ваше, господин Чигорин. Чокнемся! За ваши успехи — блистательные! Скоро затмите и Шифферса и даже — чем черт не шутит! — меня, старика. Знаете, Винавер назвал вас гениальным шахматистом. «Комбинации Чигорина, говорит, красивей андерсеновских, а атакует он куда логичнее». Ха-ха! Отмочил! Слы-

хали, конечно, про немецкого маэстро Адольфа Андерсена? Сейчас он тоже старик, но голова! Не хуже нашего Петрова! Простой учитель математики из захудалого немецкого города и вдруг, неожиданно для всех, взял первый приз на международном турнире в Лондоне 1851 года, где все знаменитости, кроме русских, участвовали. Первый турнир в шахматной истории. Выпустил сборник интереснейших задач, — не хуже моих, ей-богу! В 1858 году, правда, проиграл матч юному американцу Паулю Морфи, но тот вообще был какое-то чудо природы, пока не свихнулся. Сейчас Морфи живет дома в Новом Орлеане под присмотром родных. Страдает боязнью пространства, один не выходит, в шахматы не играет, пищу принимает только от матери — боится, что его отравят. Конченный игрок! Андерсен же не только замечательный шахматист, но еще математик и филолог. Память сногшибательная! Может целую песнь «Одиссеи» по-древнегречески процитировать без запинки, решает в уме любую сложную геометрическую задачу. Вот, берите пример, молодой человек! А вы небось забыли уже всю университетскую науку?

— И рад бы в рай, да грехи не пускают, Илья Степанович! Я ведь и не нюхал высшего образования. Куда мне, простому писцу, до «Одиссеи».

— Да? А я думал, судя по разговору и манерам, вы универсант. Вот что, дорогой мой Михаил Иванович, расскажите-ка о себе поподробнее. Мне надо знать. Может, придется писать о вас. И за границей и у нас спрашивают, что, мол, за новая звезда появилась на шахматном небосводе России. О вас, друг мой, заговорили даже в высшем свете. Но никто ничего о вас не знает. Даже Федор Федорович, что нас познакомил. «Таинствен, — говорит, — как Железная Маска», вы то есть. Так вот, как говорится в русских сказках: поведай мне, добрый молодец, счастья пытаешь аль от дела лытаешь?

— Не люблю я рассказывать о себе, ваше превосходство Илья Степанович. Тяжело вспоминать прошлое.

— Прощлое? У такого молодого человека? Иль проштрафились чем-нибудь? Меня не стесняйтесь. Я — тертый калач: и на море плавал, и по всей империи колесил, был и на коне и под конем. А теперь доживаю свой век: днем служба при особе министра — для чрева, вечером шахматы — для души... Ну-с, я жду.

— История моей жизни несложна и незавидна,— медленно начал Чигорин.— Дед мой был николаевским солдатом. Двадцать пять лет фрунта отстрадал, а потом стал рабочим на Охтенских пороховых заводах под Петербургом.

— Знаю,— кивнул Шумов.— Бывал там, когда в морском ведомстве служил.

— Отец родился там же, кончил пиротехническую школу, стал старшим мастером, потом унтерцейхвертером — заведующим провиантским магазином, потом начальником школы, потом бухгалтером, под конец — правителем канцелярии, дослужившись до титулярного советника.

— Труженик! — восхищенно сказал Шумов.

— Женат мой отец был два раза. От первой жены имел сына — моего сводного брата Петра, который и сейчас на том же заводе работает. Старше меня на одиннадцать лет. Вторая жена, из крестьянок, моя мать Наталья Егоровна, умерла рано, когда мне было всего шесть лет. Вскоре за ней последовал и отец. Остался я круглым сиротою, только брат и тетушка Фекла Ивановна. Тяжко, Илья Степанович, в детстве лишиться и родителей и крова!

Шумов сочувственно кивнул и без слов налил две рюмки, придвинув одну Чигорину. Тот залпом осушил ее и продолжал:

— Девяти лет меня тетушка с помощью начальства из Пороховых определила в Гатчинский сиротский институт, основанный императором Николаем для осиротевших детей обер-офицеров и чиновников. Прямо скажу, не жизнь была, а кабала, мученье. Читали господина Достоевского сочинение «Мертвый дом»? Точь-в-точь про нас! Такая же каторга — только не для преступников, а для тех, кто ни сном, ни духом ни в чем не виноват! Если бы не добрые товарищи в детстве, а позже — не шахматы, утешавшие меня в юности, я бы с ума сошел или повесился.

— Ну, это вы преувеличиваете,— возразил Шумов,— знаю я эти закрытые учебные заведения. Не сладко там, а все же учат, кормят.

— «Учат», «кормят», — с горькой усмешкой повторил Чигорин. — Пожалуй, вы правы, если под ученьем 29

понимать битье чем попало и за что попало. Истязали поркой, зуботычинами, карцером, в солдаты сдавали. Директор Доливо-Добровольский никого не боялся, так как крестным отцом одного из его детей был сам царь. Ну, крестным отцом или не крестным, про это знают лишь бог да жена Добровольского, а только муж держал себя так, будто ему море по колено. И инспектора подбирал подходящего — Игнациуса, подлинного палача. По субботам происходила обязательная всеобщая порка, а в остальные дни, — как вздумается. Некоторых в карцер на три месяца сажали!

— Черт знает что! — возмутился Шумов. — Хуже тюрьмы! И вы терпели?

Чигорин мрачно улыбнулся.

— А что можно сделать? Были отдельные воспитатели, которые заступались: Шуман Август Августович, Цейдлер Петр Михайлович. Он не так давно умер. Про него писали в «Гражданине», когда редактором журнала был сам Достоевский, что благодаря Цейдлеру в институте прекратились телесные наказания и отдача за малейшую провинность в солдаты, поднялся у воспитанников интерес к знанию. Но это далось ему не сразу и не легко, уже после моего ухода. Учили нас так, что в каждом классе сидишь по два года из-за побоев, из-за болезней, из-за бессмысленной зубрежки. Когда запомнишь не буква в букву «от сих до сих», а своими словами расскажешь, тогда кол или двойка!

Водка явно подействовала на Чигорина: обычно замкнутый и молчаливый, он стал словоохотливым и откровенным. Он налил себе еще рюмку и сразу выпил.

— Мы, ученики, были в сущности затравленным стадом, детьми-арестантами. Ни свету, ни радости! К тому же — пища. Стыдно сказать, чем кормили: кислым хлебом, тухлой жилистой говядиной, прогорклым маслом, суп и каша с песком и всяким сором. А если какой-нибудь смельчак пожалуется дежурному воспитателю, получит издевательский ответ: «А вы за пищу собственные деньги платили?» Многие болели чахоткой, воспалением легких после сидения в холодном карцере, золотухой, экземой и черт знает чем...

— Ужас! Ужас! — бормотал Шумов... — Нет, у нас в морском корпусе при всех военных строгостях ничего подобного не было.

глухим голосом продолжал Чигорин. — Девять с лишним лет я промучился в этой каторге. Мне стукнуло уже семнадцать. Был я только в пятом классе, всего их было семь. В начале февраля 1868 года Игнациус ни с того ни с сего запретил воспитанникам стоять на крыльце института. Чаша терпения переполнилась и готова была пролиться. Начался общий ропот. Атмосфера все накалялась. А 19 февраля был арестован и посажен Игнациусом в карцер воспитанник Власов за отказ поцеловать руку у издевавшегося над ним священника. Товарищи возмутились и выбрали делегацию (меня в том числе) для переговоров с директором. Пришли к нему вечером на квартиру. Доливо-Добровольский накричал на нас, отказал в освобождении Власова, пригрозив, что и его и всех нас отдаст в солдаты. Я не стерпел. В квартире был полумрак, только одна керосиновая лампа подле меня...

Чигорин замялся.

— И вы погасили ее, — догадался Шумов.

Чигорин кивнул.

— И директору влетело по первое число? — весело продолжал Шумов. — Одобряю! Это как у нас в корпусе с ябедами. Называется «делать темную».

Чигорин снова кивнул.

— Ну, дальше, дальше!

— Избив Доливо-Добровольского до потери сознания — все равно под красную шапку идти! — мы разбежались по закоулкам. Начался шум, гвалт! Свыше назначили комиссию для расследования. Всех учеников старших классов вызывали и задавали вопрос: участвовал ли в беспорядках и добровольно ли? Все, и я тоже, отвечали утвердительно. Лопнуло терпение! Никто не выдал ходивших к директору, а со слезами резали правду-матку. Комиссия просто не решалась протоколировать показания о гнилой пище, о побоях, карцерах, о зверствах Игнациуса и Доливо. Даже стала в тупик: как быть? Тогда приехал сам главноуправляющий четвертым отделением собственной его величества канцелярии принц Ольденбургский — родственник царя. Собрали всех воспитанников в зале. Он обратился к нам с речью, чтобы выдали «зачинщиков бунта». Я стоял ни жив ни мертв. Но все молчали, как рыбы, не поддаваясь ни на угрозы, ни на посулы. Тогда принц придумал подлую, но остроумную штуку. Отошел на другой конец зала,

как раньше делал, когда в день рождения царя приезжал дарить конфеты, указал на себя и крикнул: «Дети! Кто меня любит — сюда, ко мне!» Ну, конечно, думая получить по конфете, ринулись, как бараны. Когда из всей толпы осталось человек двенадцать, принц крикнул: «Довольно!» — и, указав на оставшихся, меня в их числе, торжественно, медленно и страшно произнес: «Вот они — зачинщики!» И угадал!

Шумов вздохнул и налил две рюмки. Чигорин жадно выпил.

— Я подошел к принцу и говорю: «Как же так, ваше императорское высочество? Мы-то надеялись, что комиссия, назначенная вами, докопается до правды. Уж если директора стали бить, значит, немоготу!» Принц посмотрел на меня долго-долго и ничего не ответил. И тут же подскочил Игнациус, весь зеленый, глаза круглые, хищные и прошипел: «Вы — Каракозов! У вас каракозовские убеждения»¹. И нас арестовали.

— Как же вы все-таки выкрутились? — удивился Шумов.

— Кое-кто из учителей принял сторону воспитанников и доложил принцу правду. Да и сам он побоялся раздуть дело, чтобы все безобразия на божий свет не выплыли. Новые веяния начались. Гласность! Печать! Как бы не попасть под перо! Скандал вопиющий! Тянули, тянули расследование, судили-рядили и решили по-соломоновски. Так сказать, вничью. Пат! Доливо-Добровольскому предложили подать самому в отставку «по болезни», а нас, «зачинщиков беспорядков», помиловали и просто уволили из института. Даже выдали на прощанье «на экипировку» по шестьдесят рублей. Ну, и аттестаты, конечно. Мой был прямо-таки издевательским. В нем черным по белому прописано было, что воспитанник Чигорин за девять лет обучения окончил пять классов, оказав такие «успехи»: по русской словесности и латинскому языку — двойки, а по закону божьему — тройка! Черт знает что! Только по математике и французскому языку хорошие отметки были...

— И все же дешево отделались, — сказал Шумов. — При Николае не миновать бы вам зеленой улицы: про-

---

¹ Каракозов Дмитрий Владимирович — русский революционер, участник неудачного покушения в 1866 году на императора Александра II. Вскоре был казнен.

гнали бы сквозь строй раз десять, и каждый раз тысяча палок по голой спине! Верная и мучительная смерть!

— Вы правы. Тетушка Фекла Ивановна уж не знала, какому угоднику свечку ставить,— ответил Чигорин и вытер глаза платком.— Обратите, однако, внимание, ваше превосходительство...

— Илья Степанович.

— ...на отметку по закону божьему — три! Подлость! Ведь никогда и нигде, как бы плохо ученик ни запоминал, меньше пятерки по этому предмету не полагалось ставить. Четверка — уже что-то из ряда вон выходящее, только за плохое поведение. А тройка — попросту «волчий паспорт». Наш поп заявил, что во мне нет христианского смирения (зачем, дескать, заступился за Власова), что я «навверняка нечестивец, не верящий в бога живаго и Христа нашего». А как я мог верить после того, что пережил?.. Много мне эта тройка навредила! Клеймо вольнодумца!

— Меня больше удивила двойка по русской словесности,— задумчиво сказал Шумов,— и то, что за девять лет лишь пять классов окончил. А речь у вас образованного человека — не впервые с вами беседую,— говорите логично, ясно, картинно, правильным русским языком.

— А я, ваше превосходительство, простите — Илья Степанович, сам себя образовал. Как вышибли из Сиротского института, поселился в домике тетушки, на Пороховых, и стал искать, чем жить. Семнадцатилетнему парню, да с таким аттестатом, на службу не поступить. Занялся, чем мог: и тетушке помогал корову доить, и молоко разносил, и огороды у соседей полол, и картошку копал, и дрова колол, и прошения по трактирам за гривенник сочинял,— там и водку пить научили, ведь не откажешь клиенту, — и знакомым отца — старым чиновникам — помогал деловые бумаги переписывать. Время у меня все же по ночам оставалось. Записался в земскую библиотеку, у знакомых тоже книги брал, русской грамматикой занимался, из языков, французского, немецкого, повторял, в общем — как все самоучки. Люблю читать, и не только Буагобея де Фортюнэ, Габорио или «Тайны Рокамболя», но и научные книги. Недавно вот прочел господина Сеченова сочинение «Рефлексy головногo мозга». Конечно, не все понял, но удивительная книга. Человек объяснен во всем величии ума и воли своей! И стихи люблю. Бывало, увижу в библиотеке ста-

рый «Современник» со статьей Добролюбова, со стихами Некрасова, с юмористическим «Свистком» — так и бросаюсь, как волк на сырое мясо. Жаль, что прихлопнули — хороший журнал был... Да, так-то... А три года назад в Питер приехал искать счастья, стал заправским чиновником, первый чин получил, обещают скоро второй, недавно женился. Но не лежит душа к канцелярскому делу. Если бы не необходимость жить на что-то, не жена... Да и шахматы совсем меня зачаровали, только в них себя настоящим человеком почувствовал. Три года у вас да у Шифферса учился играть. Сколько я ему четвертаков за науку переплатил! Иногда не только без обеда, но и без бутербродов оставался. Но я поступал, как греческий философ: «Бей, но выучи!» И всем теперь говорю: спасибо! — и Шифферсу, и вам, и всем «доминиканцам».

Наступило молчание. Бутылка была пуста, закуски целы.

— Ну вот! — вздохнул Чигорин, — вся моя жизнь. Как видите — безотрадная. Потому и не люблю о своей юности рассказывать. Кровь кипит! И вам бы, Илья Степанович, не рассказал, если б не узнал вас как доброго, отзывчивого человека. Ценю, что не мелкого писца во мне видите, а младшего товарища. Пришел у вас попросить...

— Пожалуйста! Всегда готов. Много не могу, по сотню займы...

Чигорин покачал головой.

— Нет, займы не беру. Голодным буду сидеть, а просить не стану. Совета у вас прошу, хочу знать, одобрите ли вы мой замысел, как опытный журналист, как знаменитый, уважаемый всеми игрок, как президент Общества любителей шахматной игры.

— Слушаю вас, — сказал заинтересованный Шумов.

Мечты и надежды

Михаил Иванович откашлялся и провел рукой по волосам. В голосе зазвучали новые, бодрые нотки.

— В минувшие три года я много работал над изучением шахматной теории: дебютов, концовок, немало думал над тем, как вести атаку, защиту. Читал иностранные журналы: «Дейче шахцайтунг» и другие. Думал о шахматной жизни. Почему она бьет ключом в Англии

или Германии, а у нас нет? Ведь людей, любящих шахматы, в России не меньше, чем в любой стране. Но сидят дома, как тараканы в щели. Возьмите наше Общество любителей шахматной игры. Пустота! Идут к «Доминику» охотнее, но и там лишь два-три десятка завсегдатаев. В Москве, в провинции такая же картина. А почему? Нет единого центра, нет органа, который теории учил бы, партии маэстро и задачи печатал, сообщал новости со всего мира о турнирах и матчах, помогал общению и объединению шахматистов всей империи. И я решил...

Чигорин остановился, перевел дыхание и торжественно произнес: — ...издавать шахматный журнал, а потом...

Он снова перевел дыхание и проглотил слюну:

— ...постараюсь объединить всех любителей в Питере, Москве, и других городах во Всероссийский шахматный союз. Вот цель моей жизни!

Наступило длительное молчание. Шумов мысленно подбирая слова, убедительные и не слишком огорчающие молодого энтузиаста. Потом решился.

— Выбросьте эти фантазии из головы, — внушительно сказал он. — Выбросьте, если не хотите снова стать несчастным человеком.

— Почему? Почему???

— У нас общественная деятельность невозможна. Знаете, что писал ваш любимый Некрасов:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером.
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

— Что вы говорите, Илья Степанович! Как можно не верить в наш народ? Он забит, невежествен, неорганизован, и сколько все же выдвинул блестящих деятелей в науке, в искусстве и даже в шахматах: Петров, Урусов, Винавер, Шифферс, Соловцов, вы...

Шумов поморщился: ему показалось бестактным упоминание его фамилии последней.

— Вы забыли на втором месте, после Петрова, поставить себя, — со скрытой насмешкой сказал он.

— Ну, и я. Так вы не одобряете, что я хочу себя целиком посвятить шахматам?

— Посвящайте! Уйдите со службы, ходите к «Доминику», играйте на ставку, вы легко заработаете четыре-

пять рублей в день. Полтора ста в месяц — это раз в пять больше вашего чиновничьего жалованья. Попробуйте выступить в международном турнире, я уверен, что и там возьмете приз. Создайте, как я, шахматный отдел в какой-нибудь газете или журнале. Иностранцы маэстро так и поступают без зряшных хлопот. А об обществе всероссийском, о журнале шахматном бросьте мечтать. Никто все равно спасибо не скажет. И копейки вам не бросят, когда будете умирать в нищете под забором.

— Но я же хлопочу о всех шахматистах — от мала до велика! Если сплотить всех любителей России, создастся огромная аудитория для тех же маэстро, для их встреч: с местными сильными игроками в турнирах и матчах, с любителями — в сеансах одновременной игры. Создать, так сказать, почву для процветания шахмат. Наряду с другими культурными интересами — театрами, концертами — почему не насаждать и шахматы всюду? Народ оценит! То же и с журналом. Если его хорошо поставить, аккуратно выпускать, давать интересно чтение, материал для разыгрывания на доске, привлечь для начала хотя бы пятьсот подписчиков со всей империи, а там, глядишь, и больше, можно и на подписные средства жить. И себе и людям польза! Выходил же у нас лет пятнадцать назад «Шахматный листок». Я вчера просматривал этот журнал и хочу свой назвать так же... Преемственность...

Шумов жестом остановил размахивавшегося собеседника.

— Вы когда-нибудь работали в печати? Знакомы с техникой? Нет! А я работал и сейчас сотрудничаю. Нелегкое дело! Надо не только знать шахматную теорию и историю всесторонне, не только быть безупречно грамотным человеком, надо уметь писать литературно. Надо знать, как производится набор шрифта, уметь править корректуру, верстать, рассчитывать. Надо учитывать стоимость типографских работ — а за сложный шахматный набор втридорога дерут! — оплачивать стоимость бумаги, расходов по пересылке, переписку с читателями...

— Я научусь всему! Не боги горшки обжигают. День и ночь буду учиться, вычислять, корректировать, писать, бандероли клеить... Все!

— Допустим. А где вы возьмете подписчиков? Где деньги на издание? На что сами будете жить?

— Пока... буду служить, а все дело вести вечерами. Подписчиков привлекать буду. Повешу объявления здесь и у «Доминика» о выходе журнала, всем знакомым шахматистам расскажу, в Москву напишу, в другие города. И вас хотел просить сообщить во «Всемирной иллюстрации».

— Это-то конечно, но много ли вы при всем старании наберете подписчиков? Не любят у нас новизны! На большую подписку до выхода первых номеров и не рассчитывайте. И вот сразу убыток. Прогорите!

— На первые четыре номера в этом году денег наскребу. Кое-что скопил. Из маленького жениного приданого возьму сотни три. Заложу, что лишнее. Но почему непременно убыток? Выходил же «Шахматный листок» с 1859 по 1863 год?

— Да, выходил. Почти пять лет. И первый шахматный клуб тогда существовал. И второй. Рассказать вам всю подоплеку?

— Слушаю, Илья Степанович. С интересом! С огромным! Кому же знать, как не вам!

— Так вот, слушайте и поучайтесь.

Его окатывают холодной водой

Шумов приосанился, поманил лакея, заказал ему бутылку мадеры и сифон сельтерской воды. Неторопливо выпил стакан ее, видимо готовясь к долгому повествованию.

— Начну с себя. Я был флотским офицером. Потом высадился на сушу, чтобы подобно вам целиком отдаться шахматам, не бросая службы, разумеется. Одними шахматами и тогда нельзя было жить. Было мне двадцать восемь лет. Поселился в Петербурге, играл со знакомыми, подружился с Карлом Андреевичем Янишем, обрусевшим финном, математиком и шахматным теоретиком. Он на французском языке два тома анализов дебютов выпустил.

В 1852 году решили мы создать первый в Петербурге шахматный клуб во дворце графа Кушелева-Безбородко. Он и сам любил шахматы, а сын его, Григорий Александрович, о котором речь впереди, еще больше. Назвали клуб «Обществом любителей шахматной и военной игры». В числе учредителей были еще бароны Мейендорф и Фредерикс, князья Урусовы и Долгоруков, гене-

ралы Анненков, Корф, Розен, почетным членом — фельд-маршал князь Паскевич. Недаром английский шахматный журнал с восторгом сообщил, что в числе членов петербургского клуба сто фамилий первых чинов Российской империи. Знай наших!

Секретарем был Яниш, я ему помогал, чем мог. Вскоре из дворца переехали в специально нанятое помещение в гостинице Демута, потом на Конюшенную. Сочинили и издали «Новый устав шахматной игры», который был потом перепечатан в берлинском шахматном журнале и одобрен лучшими игроками мира.

Сначала в клубе бывало много народу, человек до шестидесяти даже. Заходили писатели Лев Толстой, Тургенев — в силу маэстро играет, ей-богу! — Панаев, Мей, Полонский. И все же не пошло дело! Пустел клуб от месяца к месяцу. Пришлось в его устав включить бильярд, домино, стали даже о карточных играх ходатайствовать, в чем, конечно, отказали. Лет восемь клуб формально проскрипел, а потом тихо погас, как свеча без воздуха. У меня с собою как раз «Шахматный листок» за 1859 год, принес, чтобы вернуть в библиотеку. Вот прочтите, что его редактор Михайлов писал о клубе... он и меня заодно ударил копытом.

Чигорин прочел:

«В последние два года Петербург совершенно охладел к умнейшей и благороднейшей из игр: шахматный клуб, так блестяще начавший свое существование, пустел с каждым днем и в настоящее время существует только по имени: шахматные журналы выписывались в столь незначительном количестве, что газетная экспедиция отказалась от доставки их.

Даже знаменитые наши шахматисты и те покинули славное для них поприще: Яниш весь поглощен математическими вычислениями и неумеренным чтением политических журналов; Урусовых почти никогда нет в Петербурге. Шумов, увы, играет в ералаш и ездит по маскарадам».

Чигорин засмеялся:

— Что такое «ералаш»?

— Это такая карточная игра вроде преферанса или виста.

— И вы вправду ездили по маскарадам?

Шумов пожал плечами:

— Тогда такая мода была. Повальное увлечение

маскарадами. Чувствовал, что молодость уходит навсегда, и хотелось окончательно перебеситься. Да я не оправдываюсь перед вами и Михайловым. Шахматы — шахматами, но нельзя в них замыкаться.

— Расскажите о втором клубе, Илья Степанович.

— В 1862 году открыли второе Общество любителей шахматной игры. Старшинами были молодой граф Кушелев-Безбородко, профессор Вернадский и публицист Лавров.

— Лавров? — воскликнул Чигорин. — Тот самый? Известный народник? Помню. Читал. Он считает прогресс человечества результатом деятельности «критически мыслящих личностей». И я так думаю. И в шахматах так же обстоит.

— Не знаю, не читал и вам советую подальше держаться от всяких народников и социалистов, до добра не доведут, — продолжал Шумов. — Они вот все дело со вторым шахматным клубом испортили. Началось блестяще. На гастроли пригласили венгерского маэстро барона Колиша — играть матчи со мною и с князем Сергеем Урусовым. У меня Колиш выиграл шесть, а проиграл только две партии. Везло ему дьявольски, да и нездоровилось мне, ох, уж наш петербургский климат! С Урусовым Колиш сыграл хуже: две выиграл, две проиграл, две вничью. Народу в клубе было — хоть отбавляй! Но, к несчастью, стали приходиться не только для игры, но и для разговоров на политические темы. И все люди, которые давно были на плохом счету у тайной полиции. Например, журналист Чернышевский, тот, что вскоре был арестован, подвергнут гражданской казни и сослан в Сибирь. Чернышевский, как придет в клуб, сядет за шахматный столик, расставит фигуры для отвода глаз и начнет с другим социалистом разговоры разговаривать, а не играть. Постоянно у нас бывали Некрасов, Писемский, Писарев, карикатурист Степанов, сатирики братья Курочкины, журналист Благодетель — все, кроме Писемского, — народ аховый, люди неблагонамеренные...

— Но это и есть «критически мыслящие личности», лучшие люди России! — воскликнул Чигорин. — Их знает и любит вся интеллигентная публика.

Шумов сурово посмотрел на него.

— Молодой человек, если я, действительный статский советник, верноподданный государя моего, говорю,

что это — люди вредные, не вам, коллежскому регистратору, мне перечить!

— Прошу извинения, ваше превосходительство, — холодно поклонился Чигорин, встав со стула, — разрешите распрощаться?

— Что с вами? Куда вы, Михаил Иванович?

— Вначале вы сами, милостивый государь, изволили подчеркнуть, — с холодным достоинством продолжал Чигорин, — что здесь беседуют не генерал с мелким чиновником, а два собрата по шахматному оружию. А сейчас вы меня осадили по-генеральски.

Шумов опешил, но, рассмеявшись, взял Чигорина за плечо и ласково усадил на стул.

— Экий вы горячка. Вспыхнули как порох! Что значит на Пороховых родиться! С таким темпераментом, батенька, трудно жить. Ну, ладно, не сердитесь. Выпейте вот рюмочку мадеры. Все это прошло и быльем поросло. Я к тому сказал о вредности этих писателей, что они не умели держать язык за зубами и в шахматном клубе нешахматные разговоры вели. Знакомый мой, жандармский полковник, рассказывал мне по секрету, что был донос, будто идея создания политического клуба под маркой шахматного пришла из-за границы от Герцена (знаете, что за птица?!), и что «на вечерах этого клуба собирались люди всех оттенков революционной партии. Главные члены шахматного клуба были крайней партии». Подлинные слова доноса! Вот! А потом начались пресловутые петербургские поджоги. Общее смятение умов! Правительство использовало обстановку и прихлопнуло клуб. 8 июня 1862 года в газете «Русский инвалид» появилось объявление санкт-петербургского военного губернатора, который признал необходимым закрыть, впредь до усмотрения, шахматный клуб, в котором происходят и из которого распространяются неосновательные суждения. Итого, жития клубу было всего пять месяцев!

Чигорин вздохнул, но решил вслух не высказывать свои мысли.

— Я и другие люди, которым дороги шахматы, а не якобинские словопрения, были недовольны писателями, — продолжал Шумов. — Спустя несколько лет я начал действовать сам. Нашел человека благонамеренного, сильного любителя Брандта, помещавшего в немецком шахматном журнале статьи по теории дебютов, игравше-

го много по переписке, составлявшего задачи, а главное — имевшего хорошие связи в министерстве внутренних дел. Он быстро провернул разрешение, и в 1869 году возникло теперешнее Общество любителей шахматной игры. Секретарем его был Брандт, я — президент, а почетным президентом, нашим, так сказать, высоким покровителем, дабы и про нас не подумали чего худого, по моему предложению избран был его императорское высочество государь великий князь Константин Николаевич, изволивший меня помнить по совместной службе в морском ведомстве, — с гордостью закончил Шумов. — Ему я посвятил «с благоговением и преданностью» роскошное издание своих скахографических задач. Да! Уж это-то шахматное общество из-за политики не прихлопнут!

Чигорин взглянул на дверь, ведущую в почти пустое помещение общества, и многосзначительно улыбнулся. Шумов прочел его мысли.

— Да-с, немного — одна комната в «Немецком собрании», а все лучше, чем ничего. По одежке протягивай ножки. Мы, старики, сделали, что могли. Посмотрим, как вы — молодые. «Вы, нынешние, ну-тка!» Хвалится синица море зажечь, да...

— Вот и я говорю, — миролюбиво сказал Чигорин, — что одному человеку это не по силам. Нет множества, на которое можно опереться. Потому клубы и распадаются. А будь журнал, духовно объединяющий любителей всей империи, он бы помог сохранению и созданию клубов и положил бы начало Всероссийскому шахматному союзу. Журнал необходим! Был же «Шахматный листок», выходил аккуратно пять лет. И деньги на издание нашлись.

— «Деньги нашлись», — иронически улыбаясь, повторил Шумов. — Да, именно «нашлись»! Если вы, Михаил Иванович, где-нибудь в таинственном подземелье найдете золотой слиток с голову величиною, сможете хоть десяток шахматных журналов издавать — не прогорите!

— Кто же нашел золотой слиток?

— Бывает золотой самородок и в образе человека. Я уже упоминал имя графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко. Потомок екатерининского фаворита, несметный богач, миллионщик и очень добрый и культурный человек. Но цену деньгам не знал — они текли у него, как вода! У него был роскошный дворец

в Петербурге, где сначала устраивались шахматные вечера, а потом открылся шахматный клуб. А лето граф проводил в старинной дедовской усадьбе в Полюстрове, выходящей на Неву и окруженной огромным парком. Кушелев-Безбородко приглашал туда духовой оркестр и разрешал окрестным дачникам гулять в своем парке. Мало того! Он к ним высылал лакеев с подносами, уставленными блюдечками с мороженым, чашками шоколада, прохладительным питьем: лимонадом, оршадом, клюквенным морсом. Все это, конечно, бесплатно и буквально навязывалось всем желающим.

Иногда к публике в сопровождении целой свиты выходил и сам Кушелев-Безбородко — высокий, стройный, холеный человек с русой бородкой и добрыми голубыми глазами. Помню, как-то раз вслед за компанией на веранду вышел, пошатываясь, известный поэт Мей с графином вина в руке и, обращаясь к графу, окруженному цветником разряженных дам и кавалеров, произнес таковой экспромт:

Графы и графини!
Счастье вам во всем,
Мне же — лишь в графине
И притом — в большом!

Кушелев-Безбородко не довольствовался избранным кругом друзей — светских знакомых или любителей искусств, а допускал к себе случайных, порою даже вовсе не знакомых людей. Графский дворец всегда был переполнен и напоминал восточный караван-сарай. Много о жизни графа мне рассказывал Афанасий Афанасьевич Шеншин. Был такой кавалерист — не то кирасир, не то лейб-улан, который увлекся писаньем стихов и стал известен как поэт Фет. Потом женился на миллионнице, и дурь из головы вылетела. Сейчас — богатый помещик.

Так вот, говорил Фет, к Кушелеву-Безбородко приезжал и даже ночевал, кто хотел, из многочисленной петербургской богемы. Даже не одни, а с любовницами. Можно было встретить наряду с известными писателями, поэтами, художниками, журналистами, шахматистами всякого рода темных личностей, включая спиритов, шулеров и прочую шуштуру. Все это размещалось в огромном барском доме, бесплатно жило, ело, пило, играло в карты, каталось в экипажах графа, сидело, никем не звано, за его роскошным столом, обедаясь изысканными яствами и упиваясь редкими винами.

Дым стоял коромыслом! Некоторые наглые прихлебатели, пользуясь простотой и радушием графа, спяну даже оскорбляли его. Вот уж правда: «Посади свинью за стол...»

Жену граф Григорий Александрович тоже подобрал подходящую: форменную транжиру! Писаная красавица. Выйдя за графа, она просто обезумела от нахлынувшего богатства и предалась самому необузданному мотовству. Четыре раза в день к ней приезжали модистки с новыми платьями. Потом она приказывала приносить себе прежние, надоевшие платья и расстреливала их из револьвера!

Природная фамилия ее была — Кроль. Получила воспитание в институте благородных девиц-дворянок, где «привлекла внимание» самого императора Николая. Пришлось срочно выдать «девицу» за гвардейца Пепхержевского. Муж вскоре умер, вышла за пожилого чиновника Голубцова, но в поисках веселой жизни бросила его. Встретясь на балу с Кушелевым-Безбородко, так очаровала его, что граф откупил Любовь Ивановну за сто тысяч рублей у второго мужа, добился развода и сам женился на ней.

Но великосветское общество столицы не приняло в свой круг графини со столь темным прошлым. И вот однажды Любовь Ивановна явилась в театральной ложе с огромным букетом камелий (а тогда романом Дюма-фиса прямо зачитывались!) и громко заявила: «Не суждено мне быть первой среди графинь, так буду первой среди камелий!» И пустилась во все тяжкие, да так, что в конце концов несчастный граф дал жене несколько сот тысяч с условием, чтобы она навсегда уехала из России.

Но Кушелев-Безбородко, к сожалению, скончавшийся рано, тридцати восьми лет, был не только лукулловским прожигателем жизни, но подлинным меценатом и знатоком искусств. Он был другом Гончарова, Тургенева, Писемского, Крестовского и других известных писателей, многих художников, артистов, принимал у себя Александра Дюма, когда тот приехал в Россию, и других иностранных знаменитостей, покровительствовал молодым талантам. Граф издавал «толстый» журнал «Русское слово» и сам написал два тома рассказов, воспоминаний и путевых очерков. Недурно владел пером!

Кушелев-Безбородко был страстным любителем шахмат, почетным членом многих иностранных шахмат-

ных союзов. Вот граф и решил при своем «Русском слове» с 1859 года давать ежемесячное приложение «Шахматный листок» размером в 24 странички под редакцией Виктора Михайловича Михайлова — сильного шахматиста и опытного литератора, владевшего пятью европейскими языками.

«Мы надеемся, — говорилось в первом номере «Шахматного листка», — что небольшое шахматное обозрение, выходящее под эгидой литературно-ученого журнала, найдет себе читателей и будет приятно тем, к сожалению, слишком немногочисленным нашим соотечественникам, сердца которых горят благородной страстью». Видите, какая у меня память? Наизусть! Фу, даже горло пересохло! Впрочем, не мудрено: ведь я сам все это писал!

Шумов налил стакан сельтерской, жадно выпил и, обтерев пышные усы, продолжал:

— «Шахматный листок» велся хорошо. Давались биографии русских и иностранных корифеев, печатались рассказы, теоретические исследования, статьи Александра Петрова, Сергея Урусова, Карла Яниша, вашего покорного слуги, интересные партии и задачи, обзоры шахматной жизни за границей и в России, причем не только столиц, но и глубокой провинции. Ведь «Русское слово» было очень популярно среди мыслящего общества, распространялось и в городах и среди помещиков, а стало быть — прокладывало дорогу и своему приложению — «Шахматному листку». Финансовых забот для «Шахматного листка» не существовало, как и заботы о привлечении подписчиков. Карман Кушелева-Безбородко был еще толст, несмотря на расточительство. Но вот в 1862 году «Русское слово» было правительством закрыто вкупе с другими либеральными изданиями. «Шахматного листка» это не коснулось. Он продолжал выходить, но уже по подписке, так как напуганный граф от него отшатнулся. Как ни старался Михайлов, журнал хирел не по дням, а по часам, выходил неаккуратно. Последний номер его, датированный декабрем 1863 года, на деле вышел в октябре 1864 года. Какая уж тут подписка! На том дело и кончилось. Вот вам урок: в России издание шахматного журнала без больших денег и убытка невозможно! И он лопнет, и вы с голоду умрете!

— А я все-таки буду издавать! Верю в успех! Верю, что меня поддержат русские шахматисты! И не только

в Петербурге и Белокаменной, но и в самых медвежьих углах, где шахматы могут особенно скрасить пустоту существования. Не только водка и карты могут быть утехой! Сперва будет тяжело, пока не завоюю доверия подписчиков, а там с каждым годом легче. Надо думать не только о себе, но и об обществе! Найду единомышленников! Буду в журнале вести кампанию за Всероссийский шахматный союз. Все поддержат! И на вашу помощь, Илья Степанович, надеюсь. Сообщайте во «Всемирной иллюстрации» о выходящих номерах журнала, давайте в него ваши замечательные партии и задачи, указывайте на мои ошибки, критикуйте, советуйте, как опытный литератор и знаменитый игрок, сообщите за границу о новом журнале...

Шумов поморщился:

— Что ж, все это можно, но в успех не верю. Загубите свою молодость и талант.

— Илья Степанович! Ваше превосходительство! В начале нашей беседы вы мне прочли горькое, пессимистическое четверостишие Некрасова. Разрешите, теперь я прочту вам мое любимое стихотворение покойного Ивана Саввича Никитина. Это мое кредо!

Медленно, торжественно и чеканно Чигорин продекламировал изумленному Шумову одно из лучших произведений русской революционной поэзии:

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
Мертвые в мире почилл,
Дело настало живым...

А кончалось чигоринское «кредо» так:

Рыхлая почва готова.
Сейте, покуда весна!
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим...
Мертвые в мире почилл,
Дело настало живым.

Доброго дела и слова семена» действительно не пропали. Спустя несколько дней — 23 апреля 1876 года в Главное управление по делам печати поступило «прошение коллежского регистратора М. И. Чигорина об издании под своей редакцией» ежемесячного журнала «Шахматный листок», 5 июня разрешение на издание было просителю выдано, а с сентября журнал стал выходить.

Именно с основания «Шахматного листка» в 1876 году можно отсчитывать славное тридцатилетие, в течение которого Чигорин совершенствовался во всех видах шахматной культуры: играл в турнирах-гандикапах и в обычных отечественных и международных турнирах; встречался в матчах с грозными соперниками; играл по переписке и по телеграфу; издавал и редактировал журналы; вел шахматные отделы в газетах и журналах; корреспондировал в газеты о ходе соревнований; проводил сеансы одновременной игры — обычные и «вслепую» и консультационные партии; читал лекции по теории игры, вел многолетнюю полемику с другими крупнейшими теоретиками того времени; не щадя сил, создавал петербургские шахматные клубы, гастролировал в Москве, в русской провинции, в Центральной и Западной Европе, в США и на Кубе, пропагандировал идею создания Всероссийского шахматного союза, лично организовал три первых чемпионата России, дважды оспаривал мировую шахматную корону.

Все это — без какой-либо прави-

Глава третья

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕХ ФРОНТАХ!

тельственной и общественной поддержки, нередко даже вопреки бездушным и бессердечным царским чиновникам, борясь с врагами, завистниками, интриганами.

Шахматный журнал был создан, и Чигорин надеялся, что подписчики с каждым годом будут прибывать, вследствие чего издание в конце концов станет рентабельным.

Шумов в первые годы благожелательно относился к журналу и сдержал обещание, данное Чигорину, о поддержке журнала на страницах «Всемирной иллюстрации».

Вначале он прибегнул к своей любимой «малой форме» — остроте. Так, среди читателей, правильно решивших шахматную задачу во «Всемирной иллюстрации», упоминается и Чигорин, «намеревающийся задать себе труднейшую задачу: издавать шахматный журнал». Любопытство возбуждено: как, когда, где, почему?

Ответ на такие вопросы явился вторым шагом: 27 июля в той же «Всемирной иллюстрации» Шумов помещает «Объявление об издании «Шахматного листка».

А когда наконец первый номер его вышел в свет, Шумов 11 сентября 1876 года дает благожелательную рецензию, начинавшуюся так: «С радостью приветствуем появление нового «Шахматного листка». 1 сентября вышла его первая книжка, составленная очень хорошо и в полтора раза полнее книжек иностранных ежемесячных шахматных журналов».

А спустя год Шумов в характерном для него стиле вновь упомянул «Шахматный листок», отметив основную заслугу Чигорина: ознакомление русских шахматистов с последними достижениями теории дебютов в систематически печатаемом «Курсе дебютов».

Шумов поместил «скахографическую» шахматную задачу, расположение фигур которой изображало букву «Ч» (инициал Чигорина). В условии задачи требовалось, чтобы белые, несмотря на подавляющий перевес противника, добились пата. Над задачей была надпись: «М. И. Чигорину от подписчиков «Шахматного листка».

Под задачей следовал такой стихотворный комментарий:

«Изучая» «Курс дебютов»
В нашем «Шахматном листке»,
Мы какой достигли силы —
Полюбуйтесь на доске.
Против нас тут черных много,

Но любителей таких
Нам не страшны легионы:
Наше знание против них!
Место выберем другое,
Укрепимся и вдвоем
На ничью принудим черных,
Всех их ловко проведем.

Первый номер новорожденного журнала действительно производил прекрасное впечатление и по внешности и по содержанию. Правда, сразу сказалась неопытность Чигорина, не знавшего основного закона корректуры: труднее всего заметить опечатку в крупном шрифте, в заголовках. «Шахматный листок» имел такой гриф: «1 СЕТНЯБРЬ 1876».

Было, конечно, много опечаток и в тексте. Дело новое! Зато огромная передовая с благородным пылом хватала быка за рога. В ней давались не только чисто шахматные установки и освещалась программа журнала. Уже первые патетические строки показывали отвращение Чигорина к «золотой лихорадке» зарождающегося русского капитализма:

«Приобретать! Приобретать! Приобретать! Вот возгласы, которые раздаются со всех сторон в нашем практическом, очень практическом веке, среди водоворота спекуляций, ажиотажа, среди грома, стука машин».

После этого следовала полемика с теми, кто отрицал серьезное творческое значение шахмат и их пользу для общества, и указывалось на важность изучения теории дебюта и эндшпиля для достижения практических успехов. Заканчивалась передовая страстной просьбой ко всем русским любителям «сообщать редакции Листка имеющийся у них материал».

Не забыл Чигорин отметить и большие заслуги Шумова. В той же статье отмечалось, что за последние годы «любители шахматной игры имели возможность получить краткие сведения о том, что делается в шахматном мире, в небольшом отделе «Всемирной иллюстрации» только благодаря известному любителю и знаменитому игроку Илье Степановичу Шумову, принявшему на себя труд вести этот отдел. И. С. Шумов изъявил согласие также участвовать в нашем журнале. Кроме того, в сотрудничестве примут участие Н. И. Петровский, Э. С. Шифферс и др.».

Богато и разносторонне было чисто шахматное содержание первого номера журнала.

Обзор мировой шахматной жизни с таблицами всех шести состоявшихся до 1876 года международных турниров, которые в те времена носили пышное название «конгрессов».

Статья «Шахматы в России», хроника, шесть русских и пять иностранных партий с подробными примечаниями. «Смесь» из шахматной истории. Начинает печататься «Руководство к изучению шахматной игры». В дебютной части вначале рассматриваются неправильные ответы на первый ход королевской пешкой и затем анализируется «защита Петрова, или русская игра конем».

Заметим, к слову, что ныне у нас этот дебют именуется «русской партией», а в зарубежной прессе «защитой Петрова».

Затем следовали концовки игр с анализом эндшпиля «король один против короля и фигур», проще говоря — элементарные матовые окончания. Заканчивался журнал четырнадцатью шахматными задачами и почему-то еще одной шашечной.

Работа для одного человека — а Чигорин не имел помощников и к тому же совмещал ежемесячный выпуск журнала со службой — была проделана колоссальная! Странно, что такой содержательный и к тому же единственный русский шахматный журнал не получил существенной поддержки ни от любителей, ни от прессы. Первое время было около ста подписчиков при цене 6 рублей в год, то есть годичный доход от журнала был шестьсот рублей, в то время как расходы по производству и рассылке составляли по меньшей мере в три раза больше. А жалованья Чигорин получал триста шестьдесят рублей в год, львиная доля которого шла на оплату счетов типографии и покупку марок.

Но Чигорин мужественно продолжал выпускать номер за номером. В большой передовой статье «Шахматы в России» отмечалось, что «гробовое молчание, которое хранит в шахматном отношении провинция, не следует принимать за доказательство отсутствия интереса к этой игре и небольшого ее там развития. Наоборот, интерес к шахматной игре в провинции очень велик, и там зачастую можно встретить любителей, просиживающих дни и ночи за шахматами». Это «гробовое молчание» журнал объясняет так: «Отсутствие общности интересов, выражающееся в такой политической, сословной и местной замкнутости, к сожалению,

единственная причина, почему до сих пор не развился дух общей ответственности и взаимной пользы».

Нельзя было сказать иначе, чем подобным эзоповским языком, о тяжелой политической обстановке, душащей любое общественное начинание в царской России.

Чигорину приходилось солоно не только от недостатка подписчиков, но и от недостатка сочувствия в собственной семье. Первое время его молодая жена Ольга Петровна, которая к тому же была занята поворожденной дочерью, не возражала против увлечения мужа.

— Миша молодец! — говорила она матери. — Остепенился, не шляется до поздней ночи бог знает где, а сидит дома и работает. Иногда мне поможет, воды принесет, дров наколет, то да се и за ребенком посмотрит. Взялся за ум! Вот только скоро ль начнет с журнала прибыль получать? Говорят, Некрасов на журнале «Современник» большие тысячи имел. Вот бы нам!

Но когда она спросила мужа, скоро ли можно ожидать получения крупных подписных сумм и вернет ли он взятые из ее грошового приданого триста рублей, Чигорин растерялся:

— Потерпи, Оля, — ласково ответил он. — И Москва не в один день строилась. Еще не все русские шахматисты знают о журнале. Вот с Нового года можно ожидать большей подписки. Люди привыкли получать журнал с января. Я маху дал, что не подождет немного. А деньги твои верну. Деньги будут! Должны быть! — убеждал Михаил Иванович не только ее, но и себя, — хотя, говорят, не в деньгах счастье...

— Не в деньгах? — иронически спросила жена. — Что ж ты раньше этого не говорил, когда за меня сватался? Вот ты служить не хочешь, делом брезгуешь, а мне Федор Федорович рассказывал, что ваш столоначальник очень хвалил и почерк твой и умение писать. «У Чигорина, говорил, есть слог. Толково излагает дело».

Чигорин качал головой.

— Не по душе мне! Как журнал окрепнет, начнет приносить доход, плюну на всякое начальство.

— Плюнешь? Напрасно! Вот Федор Федорович рассказывал про знаменитого Петрова. Не то, что ты! Играл не хуже тебя, и не с голодранцами, а с фельдмаршалами, генералами, князьями, графами, даже к императрице

был приглашен показать ей задачу о том, как Наполеон удирает из Москвы. Вот и дослужился до тайного советника! Это я понимаю! А ты как был коллежским регистратором, так и остался. И свое жалованье Петров — раз в сорок больше, чем твое, — не швырял на издание всяких глупейших журналов, от которых одни слезы, а не деньги.

Михаил Иванович подошел к жене и нежно обнял ее.

— Оля! Не гожусь я к чиновничьей карьере, пойми! И не о ней думаю, не о ней мечтаю. К тому же Петров был образованным человеком, с большими связями, в хороших чинах смолоду, а я — мелкий писец, разночинец. Кто меня выдвинет? Да и взятки брать не могу. Помнишь, мы с тобой видели пьесу господина Островского «Доходное место»? Там такая же парочка, точь-в-точь, как мы, и жена поедом ест мужа, что он не хочет, как его влиятельный родственник, грабить казну. И что же в конце концов? Хапугу отдают под суд, и жена убеждается, что муж прав: лучше быть честным.

— Да, но этот... как его... Жадов, что ли, все жалование жене отдавал, а не на журнал, не играл день и ночь в бирюльки!

— Шахматы — не бирюльки, Оля! — пытался убедить жену Чигорин. — Посмотри, как их уважают и в Европе и в Америке. И у нас будут!

— Пока солнце взойдет, роса очи выест!

— А насчет журнала, что ж... сама видишь, как я стараюсь. Дело новое! И если он пока убыточен, то все же я прирабатываю у «Доминика» свободными вечерами. Через журнал все меня знают и прямо рвутся играть со мною. Вот вчера красненькую принес, глядишь, на днях еще принесу... Потерпи, Олечка! Купим тебе новую шляпку не хуже, чем в пьесе.

Но жена решила излить душу полностью, хотя и была тронута добротой и кротостью Михаила Ивановича.

— Бессребреник ты, Миша, — вздохнула она. — Я уже давно собиралась тебе сказать. Ходишь вот ты иногда в клуб к «Доминику» играть. Я понимаю: деньги нужны — волком завоешь! Вот ты и играешь на ставку и даешь всем фору, как сильный игрок. И поэтому приносишь домой выручки мало. А там бывают помещики из провинции или новички из здешних господ. Люди 52 денежные! Зачем им давать вперед фигуру? Играй на

равных! Пока они узнают, что ты лучше всех в Питере, не один целковый перекочет в наш карман. А они будут только довольны, польщены даже, что такому знаменитому игроку на равных проиграли. Будет чем похвастаться перед знакомыми и родственниками! Не жалей их кошелек! Играть на ставку ведь бедные люди не ходят: дворяне, чиновники, господа офицеры, из купцов кто пополюрованное...

— Ниже моего достоинства обыгрывать заведомо слабейших,— терпеливо объяснял Чигорин.— И вредно для развития таланта. А когда дам такому любителю вперед ладью или коня, начинается настоящая борьба с обоюдными шансами. И мне играть интересно!

— Интересно? А мне совсем неинтересно, когда к тебе подсядет провинциал, выпросит вперед ладью, а окажется сильным шахматистом второй категории. И я должна с ребенком неожиданно сидеть без обеда. Помнишь, как третьего дня без копейки домой притащился? Черт бы побрал твой клуб, отнимающий у меня мужа и деньги. Черт бы побрал твой паршивый, никому не нужный журнал, на который ты тратишь свое жалкое жалованье, когда у меня нет приличного платья! Разве я затем замуж шла, чтобы нищенствовать?

— Потерпи. Еще годик, два, а потом...

— Эту песню я не первый раз слышу и уж мало верю ей. Ты, Миша, не думаешь обо мне, о дочке, для тебя ферзь дороже жены, а ребенок — хуже пешки! Бедная я, бедная! Вот уж не думала...

Ольга Петровна залилась слезами.

Но Чигорин и без причитаний жены чувствовал, что его надежды не оправдываются.

Тревожило и другое: работа над журналом и служба не оставляли времени для совершенствования мастерства, а необходимость подрабатывать игрою на ставку со слабыми любителями просто пугала его.

И все же как Михаил Иванович ни думал, но видел лишь один выход: всячески улучшать «Шахматный листок», чтобы привлечь больше читателей и сделать его хотя бы безубыточным.

Но пути к улучшению журнала Чигорин по своей журналистской неопытности выбирал не лучшие.

Вместо того чтобы по образцу удачного первого номера ориентироваться на среднего квалифицированного любителя второй и третьей категорий и на талант-

ливую молодежь, которая больше всего рвется к шахматной «науке», Михаил Иванович стал возлагать надежды на людей, интересующихся шахматами только как развлечением, как забавной настольной игрой. С четвертого номера «Шахматный листок» обзавелся подзаголовком «Ежемесячный журнал, посвященный шахматной игре и ее литературе». В нем стали печататься не только интересные для любого настоящего шахматиста материалы: статьи о шахматной жизни, обзоры русских и зарубежных соревнований, анализы дебютов и эндшпилей, исторические и биографические заметки, партии с комментариями, задачи и этюды. Начинают — и, к сожалению, в изобилии — появляться «развлекательные», якобы шахматно-литературные, а на деле убогие «околошахматные» переводные рассказы с налетом тупого остроумия и даже пошлости.

Например, в одном рассказе, занявшем девять (!) страниц убористого, мелкого шрифта — петита, рыцарь освобождает девушку-рабыню. Она предлагает ему сыграть в шахматы. Он говорит, что шахматистки должны всегда играть черными фигурами, «чтобы белизна рук ярче выделялась от контраста».

В другом рассказе под названием «Шахматная болезнь», тоже переведенном с немецкого и занявшем четыре страницы, дана сентиментальная история юноши, увлекшегося шахматами, а потом разочаровавшегося в них и вернувшегося на стандартную жизненную колею. Этот рассказ Ольга Петровна, вероятно, прочла с особенным удовольствием, но чем он мог понравиться Чигорину?

Есть и переведенный с французского рассказ о Мефистофеле, играющем в шахматы. В конце этого нудного повествования на десяти страницах Мефистофель может дать мат в четыре хода. И здесь выясняется «изюминка» рассказа: в финальной матовой позиции фигуры расположены в форме креста. А как известно из творений отцов церкви, крест дьяволу органически противопоказан. Конечно, сердце Мефистофеля не выдерживает, и он, сделав мат, умирает от инфаркта.

Подобные «шахматные» рассказы были пустой тратой драгоценного места и переводом бумаги.

Даже материалы, казалось бы, интересные для шахматиста, как например «История шахматной игры», появлявшиеся с продолжениями из номера в номер, дава-

лись чересчур сухо, подробно и академично. Одна «история рокировки» заняла девять страниц, хотя достаточно было одной-двух.

Ошибкой было и то, что Чигорин с первых же номеров стал печатать шашечные задачи, а потом даже завел целый шашечный отдел с большими статьями по теории шашек, не имеющими отношения к названию журнала и не привлекавшими подписчиков-шашистов.

Такая эклектичность «Шахматного листка», стремившегося «объять необъятное», публикация статей и рассказов, не имевших прямого отношения к цели журнала и лишенных какой-либо познавательной ценности, не привлекали, а отталкивали любителей игры, которые в шахматной печати всегда искали, ищут и будут искать только то, что им может помочь в достижении победы над противником. Неважно, кто этот противник: собственный сын, жена, сосед, сослуживец или профессиональный шахматист, досконально знающий теорию.

Если бы Чигорин ориентировался только на таких знатоков и «серьезных» любителей игры (а их даже в дореволюционной России были тысячи!), он бы легче сколотил постоянный контингент подписчиков, обеспечивающих по меньшей мере безубыточность журнала.

Но увы! Число подписчиков «Шахматного листка» не росло с каждым годом, а или немного превышало сотню, или даже опускалось ниже.

Ошибкой непрактичного Чигорина было и то, что он делал ставку только на постоянных читателей-подписчиков и не пытался организовать розничную продажу. Здесь сказывалось, конечно, отсутствие всяких связей его с тогдашней прессой, которая объявлениями и рецензиями могла бы значительно помочь распространению журнала. Мешало успеху и жалкое общественное положение издателя: кто тогда принимал всерьез чины коллежского регистратора, а несколько позже — губернского секретаря, по-нынешнему — мелкого служащего. А если бы Чигорин, уйдя со службы, являлся бы в виде журналиста, литератора — пусть начинающего, непризнанного, — то тогда ему было бы куда легче «пробивать», рекламировать, распространять свой журнал. Но Чигорин семь лет сидел меж двух стульев, вел двойное существование.

Убытки, изнурительная бесплатная работа, отчужде-

ние жены, которая была по-своему права, безмерная душевная усталость!..

Но у Михаила Ивановича была твердая вера в свое предназначение! Характерно, что хотя Чигорин в 1877 году был еще совершенно неизвестен зарубежному шахматному миру, да и в Петербурге был лишь одним из ведущих шахматистов, но в своих журнальных высказываниях, в теоретических анализах, в комментариях к партиям он выступает в духе высокоавторитетного знатока и полноправного международного маэстро. Он даже вступает в дискуссии с такими зарубежными знаменитостями, как Стейниц! И это отнюдь не наигранная поза или фразерство: все высказывания Чигорина по форме скромны и корректны, но от них веет огромной убежденностью в своей творческой правоте, беспощадной логикой великого шахматиста. Можно лишь пожалеть, что такой могучий интеллект не смог собрать массовой аудитории. Журнал стал рупором его интереснейших, передовых, творческих взглядов для нас, далеких потомков, но не для сотни случайных подписчиков-современников, из которых не больше десятка понимали и ценили Чигорина.

Конец 1876 и 1877 год были посвящены неусыпным заботам Михаила Ивановича о двух новорожденных: журнале и дочке, и трудно сказать, кто из них требовал большего внимания.

По-прежнему аккуратно, хотя никто не ведает, каких материальных и духовных жертв стоило это Чигорину, выходил в 1877 году «Шахматный листок». Двенадцать отдельных номеров — все как полагается!

Не забывал Чигорин и о другой своей задаче — объединении русских шахматистов. В № 2—3 журнала за 1877 год передовая, носившая стандартный заголовок «Шахматы в России», начиналась так:

«В последнее время в Петербурге образовалось несколько шахматных кружков, в которых принимает участие более или менее значительное число лиц. Мы с удовольствием приветствуем эти проявления шахматного оживления, но не можем не высказать, что было бы, несомненно, лучше, если бы эти кружки слились в одно шахматное общество и тем бы уничтожили сепаратизм, так вредящий делу шахматного развития. Мы уже сообщали о том единодушии, с каким берутся в других

56 странах за устройство шахматных обществ, значительное

число которых весьма ясно показывает любовь к этой игре и умение поддерживать ее интересы. Так, например, в одном Лондоне существует несколько шахматных клубов, считающих своими членами тысячи лиц. В Германии, даже почти в каждом небольшом городке, можно найти организованное общество шахматистов. Отчего же у нас до сих пор не создается ничего подобного? Число лиц, принимающих участие в различных кружках Петербурга, настолько, как мы слышали, значительно, что, даже не привлекая других любителей, одно соединение этих кружков дало бы возможность образовать правильно организованное общество шахматистов».

Под «несколькими шахматными кружками» Михаил Иванович подразумевал в первую очередь еще влачившее свое существование при «Немецком собрании» шумовское «Общество любителей шахматной игры». Затем «доминиканцев», шахматный кружок в Английском клубе, чемпионом которого был Шифферс, победивший прежнего чемпиона англичанина Филда, и, конечно, собственный «чигоринский» кружок, собиравшийся то у него на дому, то в квартире какого-нибудь другого шахматиста. Были и крохотные кружки при отдельных министерствах и других учреждениях и в некоторых институтах Петербурга.

Наряду с агитацией за объединение шахматных кружков и ведением убыточного журнала Михаил Иванович ухитрялся не только заботиться о жене и ребенке, но и настойчиво совершенствовать свое шахматное мастерство!

Сильнейший шахматист столицы

«Доминик» закрылся на длительный ремонт, но владелец другого кафе-ресторана Прадер, сам страстный любитель шахмат, отвел «доминиканцам» отдельное помещение, куда более подходящее для серьезных соревнований. У «Доминика» шахматистам крайне мешал шум от стуканья костяшками домино, от щелканья бильярдных шаров, сопровождающегося лихими выкриками игроков, волны табачного дыма наплывали из всех углов. У Прадера было тихо, спокойно, все благоприятствовало напряженным шахматным баталиям между лучшими шахматистами столицы.

К этому времени Чигорин и Шифферс окончательно

доказали свое превосходство над Шумовым, который, как писал Ашарин своему другу в октябре 1877 года, «почти полностью отошел от игры. Он почивает на лаврах и играет сейчас только на дачу вперед». Другими словами, Шумов избегал играть на равных с другими шахматистами первой категории и прежде всего — с Чигориным и Шифферсом.

Некоторые свои партии против Шумова (две выигранные и одну проигранную) Михаил Иванович напечатал со своими комментариями в «Шахматном листке» 1876 года. Здесь мы встречаемся с редкой даже в наши дни самокритичностью Чигорина. Очень многие мастера и гроссмейстеры не любят возвращаться к своим поражениям, и тем более по собственной инициативе печатать проигранные ими партии. Чигорин же не боялся публиковать свои неудачные партии, если они давали повод для содержательного творческого разговора.

К сожалению, стареющий Шумов болезненно реагировал и на освещение в печати его поражений и вообще на оттеснение его талантливейшей молодежью. Его доброжелательное отношение к Чигорину постепенно сменяется враждебным, и в следующие годы он во «Всемирной иллюстрации» начинает систематически обстреливать мнимого врага.

Главным соперником Михаила Ивановича в 1878 году оставался его прежний постоянный партнер в игре на дачу вперед Эммануил Степанович Шифферс, но теперь между бывшими учителем и учеником началась решающая борьба на равных. По существу это была первая попытка определить тогдашнего фактического чемпиона России, так как вряд ли кто из московских и провинциальных шахматистов мог успешно соперничать с ними.

Шифферс, хотя и ровесник Чигорина, обладал большим опытом и теоретической подготовкой, и ему было, конечно, неприятно, что тот столь быстро «догнал и перегнал» его. Однако он в противоположность Шумову всю свою жизнь относился к Чигорину доброжелательно и корректно и не раз подчеркивал в печати явное превосходство Михаила Ивановича над всеми русскими шахматистами.

Если Чигорин тридцать лет считался шахматным королем России, то Шифферс достойно мог претендовать на звание «шахматного вице-короля» страны.

Шахматист острокомбинационного стиля, мастер атаки и комбинаций, Эммануил Степанович был знатком теории. Он перевел на русский язык с немецкого популярный шахматный учебник Дюффрени и сам написал оригинальный «Самоучитель шахматной игры», ставший настольной книгой дореволюционных русских шахматистов. Это был интереснейший сборник классических партий XVI—XIX веков, подобранных по дебютам и умело прокомментированных Шифферсом. В конце «Самоучителя» был большой раздел, посвященный теории эндшпиля, не потерявший ценности и в наши дни, как, впрочем, и вся книга.

В 1889 году Шифферс первым в России начал читать публичные лекции по теории игры, пользовавшиеся большим успехом и иногда собиравшие до ста слушателей (громадная аудитория для того времени). Он был редактором «Шахматного журнала», издававшегося в девяностых годах неким Макаровым, и вел большой шахматный отдел в самом распространенном в дореволюционной России журнале «Нива».

Шифферс гастролировал по стране и восемь раз выступал в международных турнирах, дважды добившись крупного успеха.

Почему такой одаренный и эрудированный человек не стал, подобно Чигорину, звездой международной арены? Только потому, что буквально разменялся на мелочи! Всю свою энергию и талант Шифферс с молодости тратил на игру на ставку в петербургских кафе против второстепенных противников, а позже — на литературную подцензину.

Но в 1878 году Шифферс, как и Чигорин, был в расцвете сил, и сыгранные весной подряд два матча на равных оказались, пожалуй, самыми напряженными и трудными из всех шести матчей, состоявшихся между ними на протяжении двадцати лет. Пять матчей выиграл Чигорин, и только один матч закончился победой Шифферса. Всего оба ведущих русских маэстро, не считая бесчисленного количества партий на дачу вперед в годы чигоринского «ученичества», сыграли между собой на равных условиях сто турнирных и матчевых партий. Пятьдесят одна партия закончилась победой Чигорина, двадцать девять — его поражением, двадцать партий закончились вничью. Для Шифферса это надо признать почетным результатом, так как если он по силе игры

соответствовал теперешнему международному мастеру, то Чигорин по нынешней квалификации ФИДЕ (Международной шахматной федерации) был бы ведущим международным гроссмейстером.

Надо, кстати, объяснить, почему в этой книге я не прибегаю к столь знакомым уху советского читателя понятиям «мастер» и «гроссмейстер», а именую всех шахматных корифеев, включая чемпионов мира, титулом «маэстро».

Ответ прост: таких спортивных званий в прошлом веке не существовало.

Звание «маэстро» вошло в общеевропейский обиход с давних времен, потому что в живописи, музыке, пении, фехтовании и шахматах в XVI—XVIII веках доминировала итальянская школа, и при квалификации ее лидеров, естественно, использовался итальянский термин.

В третьей четверти XIX века на турнирах старейшего в Европе Германского шахматного союза сильным шахматистам (или, как тогда говорили, игрокам), набравшим определенную норму очков, стали присуждать звание «мейстер» («мастер»).

В русских турнирах мастерской нормы не было до 1909 года, когда впервые звание маэстро за победу во всероссийском турнире любителей было присуждено Александру Алехину, будущему чемпиону мира. До этого русские шахматисты получали такое звание, выступая в турнирах Германского шахматного союза и в других международных соревнованиях. Но термины «мейстер» и «мастер» не употреблялись в царской России. Говорили: «маэстро».

Позже, в двадцатых годах нашего столетия, сильнейших из маэстро, бравших первые призы в международных турнирах, в порядке любезности стали называть «гроссмейстер». Примерно так же во Франции к крупнейшим ученым, прославленным писателям и художникам принято обращение «метр» («Дорогой метр!», «Уважаемый метр!»), хотя оно никем не присваивается и не утверждается. По этому образцу Ласкера, Капабланку, Алехина, Рубинштейна, Боголюбова, Нимцовича и некоторых других сильнейших шахматистов двадцатых годов стали именовать гроссмейстерами. В Советском Союзе это звание было введено официально лишь в 1935 году. Первым его получил М. М. Ботвинник. Звания

60 же «международный гроссмейстер» и «международный

мастер» были официально учреждены Международной шахматной федерацией лишь после второй мировой войны.

Поэтому даже такие великие шахматисты, как первый чемпион мира Стейниц, Андерсен, Чигорин, Блекберн, Цукерторт не были «гроссмейстерами», а только скромными «маэстро».

Возвращаясь к борьбе Чигорина с Шифферсом.

Первый матч игрался до семи выигранных партий. Длился он с 28 февраля по 26 марта 1878 года. Играли в дни, когда обоим партнерам это было удобно. Однако состоялось всего десять партий: Чигорин одержал убедительную победу, выиграв семь и проиграв только три.

Огорченный Шифферс тотчас вызвал Михаила Ивановича на матч-реванш на тех же условиях. Чигорин великодушно согласился, и противники в тот же вечер, когда была закончена последняя партия первого матча, сыграли первую партию матча-реванша!

Как просто тогда устраивались соревнования даже сильнейших шахматистов! Ни официальных вызовов, ни длительных переговоров, ни скрупулезного обсуждения регламента и всяких подробностей и, уж конечно, никаких тренеров и секундантов, как в наше время.

Надо отметить, что Чигорин и Шифферс вовсе не были какими-то исключениями. На одном из немецких турниров первый приз получил знаменитый Андерсен. Второй приз был вещевым стоимостью в 120 марок (примерно 50 рублей). Достался он двум второклассным шахматистам и должен был быть разыгран ими в матче. Но они пожертвовали свой приз для организации матча между Андерсеном и другим известным немецким маэстро Паульсеном.

— Ну что ж,— решил Андерсен, выслушав предложение.— Один приз получить хорошо, а два — еще лучше!

«Старичок устал от турнира и против меня вряд ли устоит»,— подумал Паульсен.

И два ведущих шахматиста мира сыграли матч из десяти партий из-за грошового приза! Выиграл Паульсен.

Матч-реванш Чигорин — Шифферс, проходивший, как и первый, в ресторане Прадера в апреле — мае 1878 года, закончился победой Шифферса с небольшим перевесом $+7, -6, =1$.

Любопытно, что из двадцати четырех партий обоих матчей только одна закончилась вничью! Вот с кого можно брать пример бескомпромиссной, смелой борьбы!

Кроме матчей, Чигорин принимал участие в партиях по переписке петербургских шахматистов с шахматными кружками Москвы и Харькова. Подробности этих соревнований, как и оба матча с Шифферсом, Михаил Иванович регулярно освещал в своем журнале.

После аккуратного выхода в первом полугодии 1877 года журнал на полгода перестал выходить. Вынужден был Чигорин отказаться и от дебюта на международной арене, хотя в журнале даже было помещено приглашение организаторов Парижского международного турнира ему и «другим отличным игрокам России». Никто поехать не смог.

— Нехорошо поступаешь, Миша! — кричала, сверкая глазами, Ольга Петровна. — Ты будешь по Парижам разъезжать, а я как же? А девочка? Кто нас поить-кормить будет, когда ты в долгу как в шелку? Возьмешь там приз аль нет — вилами на воде писано, а жалованье за это время не получишь, да и поездка в копеечку станет! Не пуцу! И не заикайся больше!

Миша и не заикался: он сам сознавал, что поездка ему не по средствам, тем более что надо заботиться о возобновлении выхода журнала и об осуществлении еще более дерзкого плана. Чигорин решил провести первый турнир шахматистов ряда русских городов — своего рода репетицию чемпионата России, хотя сама премьера смогла состояться лишь через двадцать лет!

Как секретарь организационного комитета, Чигорин вел энергичную переписку с Москвой и другими крупными городами, убеждал, уговаривал, доказывал, просил.

Наконец в конце 1878 года на рождественских праздниках, когда чиновники имели несколько дней отпуска, турнир состоялся.

Однако первый блин вышел комом! Организаторы турнира не имели нужного опыта и решили средства для найма помещения и для призового фонда собрать по подписке среди богатых любителей, а также от входной платы и от взносов участников за право играть в турнире. На участников падали и расходы по проезду и по проживанию в Петербурге. Поскольку подписка почти

62 не дала средств, то размер призов пришлось резко со-

кратить, и для многих участников (особенно провинциальных) участие в столичном турнире оказалось чресчур дорогим удовольствием.

Представителей провинции поэтому не удалось привлечь: не приехали давшие было согласие Винавер из Варшавы и самарский адвокат Хардин, вошедший в историю не только как сильный шахматист, игравший главным образом в турнирах по переписке, но и тем, что он был одно время постоянным партнером Владимира Ильича Ленина.

Когда Ленин учился в Казанском университете, он играл с Хардиным партию по переписке. Как вспоминает Д. И. Ульянов: «После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь сделает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали. Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересованному их игрой, ход Хардина казался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Н-да, это игрок, чертовская сила!»

Оценка была правильной: Хардин, во всяком случае, входил в десятку сильнейших русских шахматистов того времени. Переехав в Самару, Ленин стал работать у Хардина в качестве помощника присяжного поверенного (как тогда именовались адвокаты), по вечерам часто встречался с ним за шахматной доской и принимал участие в турнирах-гандикапах. Сначала Ленин получал от Хардина фору коня, а затем только пешку и ход.

Вернемся к рождественскому турниру 1878/79 года. В нем встретились только сильнейшие шахматисты двух столиц. От Москвы играл Шмидт — известный теоретик, который ранее жил в Германии и в 1866 году редактировал журнал «Дейче шахцайтунг», чем, конечно, был особенно интересен для Чигорина. Фактическим чемпионом Москвы был другой участник турнира — Соловцов. Профессиональный музыкант, он с детства страстно увлекался шахматами. У его кровати стоял ряд столиков с расставленными на них позициями, которые он анализировал по ночам после напряженного трудового дня. По силе игры Соловцов уступал только Чигорину и

Шифферсу. К сожалению, этот замечательный самородок из-за занятости не выступал в международных турнирах, но до начала двадцатого века был сильнейшим шахматистом Москвы, а потом отошел от шахмат.

От Петербурга выступали лучшие шахматисты: Чигорин, Шифферс, Петровский, Ашарин, Алапин. В последнюю минуту в список участников были включены (взамен не прибывших Винавера и Хардина) Лизель и Нерлинг.

Большой интерес, кроме Чигорина и Шифферса, вызывало участие еще одного молодого шахматиста — двадцатитрехлетнего Семена Зиновьевича Алапина. Сын богатого предпринимателя, Алапин еще в гимназии фанатически увлекся шахматами. Когда он был еще юношей, Шумов поручил ему заведование шахматной библиотекой при Немецком собрании, что дало Алапину возможность досконально изучить теорию, в особенности теорию дебютов. Позже он проявил себя незаурядным аналитиком и дебютным теоретиком, создавшим своеобразные системы, которые, однако, не удержались в практике.

Об этом человеке, которому суждено было омрачить всю последующую жизнь Чигорина, стоит рассказать поподробнее. Будучи на шесть лет моложе Михаила Ивановича, Алапин во всех отношениях был антиподом великого русского шахматиста. Честолюбивый, эгоистичный, энергичный, разбогатевший вместе со своим отцом на лесных подрядах, Алапин мог годами заниматься шахматами без всякой заботы о завтрашнем дне. Он часто бывал за границей по торговым делам, долгие годы жил во Франции, а потом в Германии, куда впоследствии и переселился окончательно. В Петербурге с середины девяностых годов бывал лишь наездами.

Шахматист сугубо рационалистического стиля, убежденный сторонник начинавшей входить в моду зарубежной позиционной школы, Алапин позже не раз выступал в международных турнирах, но без больших успехов — иногда занимая невысокие призовые места, иногда оказываясь в конце турнирной таблицы. Первого приза не взял ни разу. В матчах против сильных маэстро играл неудачно, у второстепенных, случалось, и выигрывал.

Алапинские чувства к Чигорину можно определить как сплав зависти и ненависти посредственности по от-

ношению к гениальному творцу, сторонника установившихся теоретических шаблонов — по отношению к новатору. Неоднократные попытки Алапина помериться силами с Чигориным за доской, как мы увидим, заканчивались полным фиаско. Оставался лишь путь непрестанной мелочной полемики и всяческих закулисных интриг.

Плотный, приземистый человек с лицом бульдога и бульдожьей хваткой в позициях, где можно «зажать» партнера, Алапин считал себя полноправным соперником Чигорина и настойчиво пытался захватить руководящую роль в петербургской шахматной жизни. Практичный, ловкий, неразборчивый в средствах, Алапин искусно использовал особенности гордой и нетерпеливой природы Чигорина, чтобы, выражаясь шахматным языком, «добиться явного преимущества» не только на доске, но и в жизни.

Вот как рисует их современник В. Чиж антагонизм характеров Чигорина и Алапина. Пришел Чиж как-то к некоему любителю шахмат графу Граббе, числившемуся при русском посольстве в Париже и часто бывавшему в Петербурге. «Смотрю — он стоит в передней, — пишет В. Чиж, — вежливо жмет руку небольшому человеку с лицом мопса, а тот низко кланяется и говорит: «Не беспокойтесь, ваше сиятельство, все исполню в самом скором времени» — и быстро вышел на лестницу, до которой Граббе проводил его. Я удивился и спросил: «Почему вы этого толстяка провожали с такой любезностью?» Он ответил: «Да ведь это известный Алапин». «Что ж, вы с ним играли?» Граббе улыбнулся: «Нет, он у меня на службе» — и рассказал, что он, интересуясь некоторыми дебютами и не находя исчерпывающих анализов в руководствах, обращается к крупным шахматистам. «Теперь я особенно интересуюсь гамбитом Стейница и играю по переписке серию партий им с французскими шахматистами. Все бранят этот дебют, а мне он нравится. Хочу исследовать его, но не хотелось бы в партиях сыграть слабо, когда есть хорошие продолжения. Я и обратился по приезде сюда к Чигорину. Он, правда, не отказал в помощи, но давал ее как-то неохотно. Я решил платить ему, пригласил к себе и сказал, что я не рассчитываю на бесплатную помощь. Он ответил как-то уклончиво — ни да ни нет. Я сказал, что скоро уезжаю во Францию и прошу ответы на мои за-

просы присылать туда. «Размер вознаграждения определите сами, — попросил я Чигорина. — Только одно условие: ответы присылайте без задержки — это мне очень важно». Вдруг Чигорин покраснел, вскочил и, сказав: «Я к вашему сиятельству в услужение поступать не намерен», почти бегом выбежал из комнаты, и я не успел остановить его. Признаюсь, я растерялся. Что было делать? Мне как-то неловко было даже встретиться с ним, тем более что он явно избегал меня. Тогда меня познакомили с Алапиным. С ним дело кончили в пять минут. Он дает товар, я плачу. Он смотрит на это как на коммерческую сделку, и это так приятно: я могу, не стесняясь, сколько угодно и о чем угодно спрашивать, спросил и заплатил — и никаких одолжений!»

— Зачем вы перебили заработок у Чигорина? — спросили позже у Алапина. — Ведь вы в деньгах не нуждаетесь. Что вам лишние сто рублей?

— Сто рублей никогда не бывают «лишними», — ответил Алапин. — Впрочем, я сговорился с Граббе не только из-за денег. Во-первых, я люблю анализировать и шлифую позицию не хуже вашего Чигорина, хотя и думаю, что я уступаю ему. Во-вторых, я собираюсь обосноваться во Франции, и у меня будет «рука» в политике. И в-третьих...

Алапин замялся.

— Хотели насолить Чигорину?

— Нет, просто чуть-чуть подбавить соли, чтобы вскипел как следует!

Чигорин также испытывал к Алапину явную антипатию из-за крайнего теоретического догматизма Алапина, апломба, с которым тот отстаивал свои ошибочные взгляды, из-за постоянных его попыток сорвать дело объединения русских шахматистов, которому Михаил Иванович посвятил всю свою жизнь, и из-за недопустимых, неэтичных выходов Алапина по отношению к Чигорину, о которых будет рассказано далее.

«Рождественский» турнир был первой встречей этих двух вечных антагонистов в ответственном соревновании. Проходил турнир с 25 декабря 1878 года по 3 января 1879 года в «столовой дешевых обедов госпожи Мильбрет». Как видно, владельцы ресторанов учли выгоду привлечения шахматистов для «перевыполнения плана» по реализации залежавшихся съестных припасов

Играли с песочными часами с семи вечера при контроле времени на обдумывание — двадцать ходов в час. Можно было по взаимному соглашению играть и без часов, но с обязательством закончить партию к часу ночи, иначе она засчитывалась как ничья.

Весь турнир Чигорин шел на первом месте, сделал лишь ничью с Шифферсом и победив остальных участников, но в последнем туре проиграл Соловцову, и его нагнал Алапин. Оба набрали по $6\frac{1}{2}$ очков из восьми возможных.

Алапин проиграл Чигорину и сделал ничью с Ашапиным. Третье и четвертое места поделили Соловцов и Шифферс — по $5\frac{1}{2}$ очков.

Чтобы определить победителя, между Чигориным и Алапиным, согласно регламенту, была сыграна добавочная решающая партия, закончившаяся убедительной победой Михаила Ивановича, ставшего фактическим чемпионом России.

Выбор сделан

Чигорин получил первый в своей жизни крупный приз — 125 рублей, равнявшийся его более чем четырехмесячному жалованью. Ольга Петровна тоже была довольна. Но — увы! — именно этот первый крупный материальный успех повел к трагическому финалу первой любви Чигорина.

— Молодец, Миша, — целовала Ольга мужа. — Вот что значит перестать возиться с журналом! Тогда и от шахмат можно пользу иметь. Я так рада, так рада. Нам деньги ой как нужны! Давай их мне и решим, что надо купить в первую голову. А к чаю принесу торт!

Однако у Чигорина был не радостный, а виноватый вид.

— Деньги? Хм... Денег у меня, Оля, нет.

— Как? Почему? Ты что — долги отдал? Могли и подождать. Есть более неотложные нужды.

— Вот, вот! Ты знаешь, ведь я снова должен выпускать журнал, а то за прошлый год недодал подписчикам шесть номеров. Нехорошо. Ну и я...

— Ну и ты?!

— Внес весь приз в типографию за бумагу и печать. Скоро выпущу первый номер.

Ольга Петровна долго смотрела на мужа. Она была так ошарашена, что даже не могла говорить.

— Больше не могу, — наконец прошептала она.

— Что ты говоришь? Не слышу.

— Больше мочи нет, — качая головой, так же тихо повторила она. — Капля камень точит! Я долго ждала, терпела, надеялась. Не жизнь, а мученье! Вечная пищета, долги, насмешки родственников, соседей. Знаешь, как тебя все называют: «Блажной»! И ничего не скажешь против. Они правы! Ты не злой, хороший, но тебе шахматы дороже семьи. А я еще молода, жить хочу. Ночами не спала, тебя поджидая, но ты неисправим!

Чигорин горько улыбнулся.

— «Неисправим»? Какое выражение! Точно я конокрад, или взломщик, или горький пьяница! Разве я не люблю тебя, не пекусь о тебе и дочке! Пойми и ты меня. Есть же обязанности перед обществом. Обещал выпустить журнал, взял подписные деньги и обманул людей, их ожидания. Все равно, что занял без векселя, на честное слово — и сбежал. Какое дело читателю-шахматисту до моих семейных дел? Обещал, значит, подай, я и то полгода отсрочки взял. Нет, Оля, я всегда был и буду честным человеком. Не сердись, Оля, пойми меня. Поздравь даже. Уж одно то, что я взял первый приз, что стал лучшим игроком России — разве не шаг вперед, не прыжок! Послушай, что говорят люди.

— Лю-ю-ди? — презрительно протянула она. — Нешто шахматисты люди, нешто ты человек? Нешто вы думаете о чем, кроме проклятых деревяшек? Нет, нет, я твердо решила. Не проси. Завтра же перееду к родителям и ребенка заберу с собой. Развод! Ты возьмешь вину на себя. Ты виноват! Ты меня доехал!

Чигорин вспыхнул.

— Хорошо! Развод так развод! И вину возьму. Но и развод тоже денег стоит. И больших! Да и содержать вас придется. Или ты за другого собираешься?

— Тебе-то что? Может, и за другого, за Федор Федоровича, например. Такой ласковый, душевный. Вот хоть и в шахматы играет, а карьеру делает. Тебя по службе давно обскакал. Ни много ни мало — титулярный советник! С таким шахматистом можно жить. А на девочку нашу буду тебе присылать счета: за одежду, обувь, питание.

Невелика твоя любовь была, если ты за моей спиной шуры-муры заводила да нового мужа подбирала... — Он помолчал. — А может, передумаешь, Оля? Попробуй еще, последний раз. Я ведь и то бьюсь как рыба об лед...

— Нет, нет. И разговору не может быть! Подумать только: получил после голодовки и нищеты большую сумму и бросил собаке под хвост!

Она хлопнула дверью перед носом мужа и стала выдвигать ящики комода, собирая пожитки. Михаил Иванович тоскливо прошелся по комнате и присел к письменному столу.

Там лежала пачка свежих гранок очередного номера журнала, которые он принес, и были расставлены небольшие дорожные шахматы со свертывающейся деревянной доской — верные спутники его жизни и дома и в поездках. Он попытался читать гранки, но работа не шла.

Как быть? Что делать?! Оля уходит и ребенка забирает! Точно куски живого мяса от души отрывают. Ведь я их люблю и они меня, хотя... У нее, видно, уже давно задумано. Ее не уговоришь...

На глазах Чигорина выступили слезы. Он встал, схватился за голову и бросился на кровать...

Через несколько дней Ольга Петровна, несмотря на неоднократные попытки примирения со стороны мужа, все же уехала с ребенком к своим родителям. Чигорин остался один. Он отправил не нужный ему теперь домашний скарб к жене, оставив себе только самое необходимое, и переехал в меблированные комнаты на Офицерской улице.

В маленькой комнатушке, где ему был обеспечен ночлег, стол для работы, кипятик для чая по утрам и вечерам и прислуга для уборки, снова началось, столь привычное для него прежде существование холостяка. Только труд, труд и труд!

Но Чигорин по-прежнему неуклонно продолжал наступление на всех фронтах!

Выиграл третий матч у Шифферса с убедительным перевесом: $+7, -4, =2$.

Первый раз в жизни гастролировал в Москве, выиграв там три матча у Шмидта — первый со счетом $+6, -0, =2$, второй: $+4, -2, =0$, третий: $+3, -0, =1$. Четвертую серию партий, закончившуюся вничью, трудно назвать матчем, так как все они были сыграны за один вечер.

Уже в это время у Чигорина появился спортивный недостаток, преследовавший его всю жизнь, иногда ведущий к «досадным промахам» (ныне классическое выражение спортивных обозревателей), а то и к грубым «зевкам» в лучшем, нередко — даже в выигрышном положении. Этим недостатком была неоправданная торопливость игры, являющаяся порой следствием такого достоинства, как быстрота мышления, хотя это не одно и то же. Этот недостаток встречается и в наше время даже у самых выдающихся мастеров.

«Семь раз примерь, один раз отрежь», — говорит мудрая древняя поговорка, изобретенная, конечно, не портным, а математиком или шахматистом.

Почему проявляется иногда такая торопливость? В уме мастера выкристаллизовался в ходе упорной борьбы четкий план победы, и ему кажется, что противник зря тянет безнадежное сопротивление. «Все предусмотрено! Все ясно! — думает мастер. — Правда, он отвечает не совсем так, как я ожидал. Ну, неважно! Еще удар, и он сдастся!» Делается поспешный ход, и вдруг выясняется, что хитрый противник именно на это и рассчитывал, найдя глубоко скрытый шанс спасения или поставив коварную ловушку.

Чтобы держать свой пылкий темперамент в узде, Михаил Иванович применял оригинальный прием: во время серьезных состязаний сидел за доской спокойно и прямо, а в острые, напряженные моменты партии осторожно садился на кисти рук, расположенные на сиденье стула, чтобы удержать себя от поспешного касания фигур руками.

И все же журнал скончался!

С журналом дело по-прежнему не ладилось. В 1879 году Чигорин вынужден был дать двенадцать номеров в восьми выпусках, причем в сдвоенном номере за февраль—март он под рубрикой «От издателя» обратился к подписчикам с отчаянным призывом.

Михаил Иванович писал, что издает журнал без всяких корыстных целей, а исключительно из любви к шахматному искусству. Он доказывал, что сумма подписки не покрывает даже стоимости типографских работ и бумаги, не говоря уже о том, что редакторский и литературный труд Чигорина не оплачивался совсем, да и на

гонорар посторонним авторам не шло ни копейки.

В 1878 году у журнала было всего 120 подписчиков при подписной цене в 6 рублей, а для безубыточности издания необходимо было не менее 250 подписчиков. Об оплате своего труда Михаил Иванович и не заикался.

«Единственный способ» спасти журнал, по мнению Чигорина, заключался в том, чтобы состоятельные любители шахматной игры выписывали не один, а несколько экземпляров журнала.

Но даже такое откровенное и страстное обращение к подписчикам не привело к необходимому минимуму. Количество подписчиков увеличилось лишь до 168, и выписывали они 191 экземпляр, причем некий Кондратьев из Тифлиса — сразу одиннадцать, то есть больше двадцатой части всего крошечного тиража.

Выяснилось, что ориентация Чигорина на людей, обладающих средствами, которые якобы будут выписывать много экземпляров, оказалась ошибочной. Вероятно, следовало попытаться решить проблему доходности или, по крайней мере, безубыточности журнала иным путем: печатать больший тираж (например, тысячу экземпляров) и рассылать сотни и десятки номеров на комиссию в Москву и другие крупные города, не говоря уже о Петербурге. Да и в шахматных кружках и в книжных магазинах можно было организовать продажу на комиссионных началах. Ни Соловцов, например, ни Хардин не отказались бы, не рискуя собственным кошельком, помочь распространению журнала среди знакомых шахматистов и членов своих шахматных кружков.

Несмотря на отдельные недочеты и эклектичность журнала, все же он был интересен и необходим, являясь единственным русским шахматным органом. «Шахматный листок» давал картину мировой шахматной жизни, освещал, как мог, отечественные соревнования, помещал статьи по истории и теории шахмат, и в нем даже пробивались публицистические нотки.

Например, находим в нем такое оригинальное иносказание, как-то проскочившее цензуру:

«Я говорю о сходстве, которое существует между ходами фигур и положением партии, с одной стороны, и способностями человека и превратностью судьбы, с другой. Слон олицетворяет ловкость и смелость; Ладья — благоразумие и размышление; Конь — хитрость

и энергию; Пешка — равенство и честолюбие; Ферзь — силу, преданность, могущество и заботливость об общих интересах; Король — ограниченный в своих ходах, облеченный титулом повелителя, пользуется своею властью только при содействии окружающих его фигур и осуществляет принцип, господствующий у народов, наиболее цивилизованных: «Король царствует, но не управляет».

И переводные материалы не все были плохи.

Так, в № 7—8 «Шахматного листка» за 1879 год был помещен перевод большой статьи Деланнуа, получившей первую премию на шахматно-литературном конкурсе в США. На 17 (!) страницах петита решался вопрос: «Какой нации будет принадлежать пальма первенства в шахматной игре?» и, разумеется (иначе не было бы премии!), торжественно «доказывалось», что пальма первенства обязательно достанется американским шахматистам.

Привожу забавный фрагмент из статьи Деланнуа, в которой автор оценивает шахматные возможности тогдашней России:

«...На севере живет народ изобретательный, умный, энергичный и обладающий удивительной памятью — я говорю о РУССКОМ народе. К сожалению, ему недостает качеств, наиболее необходимых для гениального вдохновения. Уединение, бесконечность бесплодных степей, необозримые хвойные леса, напоминающие вбитые колья, медно-красное солнце, свинцовое небо, кругом картины, украшенные изморозью, реки и целые моря, покрытые льдом, меховые шапки, скрывающие женские головки, медвежьи шубы, плотно охватывающие мужчин, невообразимая грязь, фантастические упряжки на снежных дорогах, полицейские, вооруженные комьями снега, чтобы при случае оттереть отмороженный нос прохожего (! — В. П.), — все это представляет печальные картины, и, несмотря на счастливые способности русских, у них нет священного огня. Они проявляют иногда огонек, но не пламя».

Использовал Чигорин в «Шахматном листке» и стихотворные цитаты. В № 9—10 за 1879 год «Хроника» начинается стихами Некрасова:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там — во глубине России —
Там вековая тишина...

«Тишина», конечно, Чигориным подразумевалась в смысле шахматной апатии. Любопытно, что эту полюбившуюся ему цитату он привел еще дважды (шесть и пятнадцать лет спустя) в редактировавшихся им шахматных журналах. «Тишина», как видно, оказалась очень стойкой.

Чигорин использовал факты из жизни великих шахматистов прошлого, чтобы подчеркнуть необходимость большего внимания к современным.

В биографии знаменитого французского шахматиста и оперного композитора Филидора сообщалось, что ему в конце жизни английский шахматный клуб назначил пожизненную пенсию с обязательством взамен проводить не менее четырех месяцев в году в Лондоне.

А в зарубежной хронике журнала была такая заметка, в конце которой таплся горький намек:

«Пример, достойный полного сочувствия

Английские любители шахматной игры, узнав, что вдова капитана Эванса, известного изобретателя дебюта, находится в нищете и в старости (ей 78 лет), открыли в пользу ее подписку и сделали значительный сбор. Счастлива страна, где заслуги ценятся!»

Наиболее важный для журнала теоретический отдел был очень неровен. Анализы модных в то время открытых дебютов были полны и разносторонни. Полуоткрытые дебюты были освещены скупой и сухой, а такой капитальный закрытый дебют, как ферзевый гамбит, занял всего 19 строк! Приводился без комментариев только один симметричный вариант, не дающий белым ни преимущества, ни активной игры.

Слабым местом журнала были статьи. Исследование на шаблонную тему «О влиянии шахмат на характер» печаталось из номера в номер на десятках страниц. Сухой, схематичный и с излишними подробностями были разработаны интереснейшие темы: «Шахматы на Востоке» и «Шахматы в средние века», занявшие 25 страниц убогистого текста.

Но оригинальные анализы, теоретические дискуссии, примечания к партиям давались Чигоринным четко, жи-

во, глубоко и являлись солью его журнала. За пять лет в «Шахматном листке» было помещено свыше пятисот превосходно прокомментированных русских и иностранных партий, составлявших поистине «золотой фонд» столетия.

Как издатель Михаил Иванович поражал своею непрактичностью. Так, справедливо сетуя на плохое распространение «Шахматного листка», зная, что ему самому дозарезу не хватает подписчиков, Чигорин помещает сообщение, что знаменитый Цукерторт вместе с журналистом Гоффером готовятся издавать журнал на английском языке «Чесс мансли», и пишет в рекламном стиле: «Талант Цукерторта, живой интерес, который он умеет придать своим анализам партий и дебютов, позволяют надеяться, что новый журнал сразу станет наряду с лучшими шахматными журналами».

Чигорин даже приводит подписную цену на «Чесс мансли» — 10 шиллингов (5 рублей — на рубль дешевле чигоринского журнала!) и сообщает адрес издателя. Форменное хакари!

Много места на страницах «Шахматного листка» приходилось Чигорину отводить полемике с Шумовым, причем он вносил в нее излишнюю резкость и страстность. Например, поводом для нападок Шумова явилось то, что Михаил Иванович впервые в русской шахматной литературе стал применять сокращенные обозначения фигур перед их ходами. С тех пор это вошло в обиход и применяется и в советской печати. Диву даешься, что хотя и консервативно настроенный, но опытейший шахматный журналист, каким был Шумов, не только не оценил полезного чигоринского нововведения, а даже стал охаивать его на страницах «Всемирной иллюстрации». Это в свою очередь вызвало гневную отповедь Чигорина в «Шахматном листке», что усугубило неприязнь Шумова к его издателю.

Вскоре Михаил Иванович — этот неугомонный правдолюб — дал Шумову повод для уже вполне обоснованной обиды в такой заметке:

«Шахматные отделы в русских иллюстрированных журналах:

Нам давно уже хотелось сказать несколько слов о шахматных отделах наших иллюст-

рированных журналов. Ближайшее ознакомление с ними дает положительнейшее доказательство плачевного состояния у нас этих отделов. Собственно говоря, шахматные отделы существуют только в трех журналах: во «Всемирной иллюстрации», в «Ниве», и в «Живописном обозрении». Лучше всех дело ведется в первом из этих журналов, хотя далеко не так хорошо, как можно было бы вести».

Но особенно отношения обоих русских маэстро ухудшились после того, как Чигорин с обычной прямолинейностью отметил в № 7—8 «Шахматного листка» за 1879 год, что Общества любителей шахматной игры, «президентом» которого по-прежнему числился Шумов, «собственно говоря, не существует». Эту чистейшую правду нужно было высказать потому, что Михаил Иванович как раз в это время вел агитацию за создание нового, самостоятельного шахматного клуба и за объединение сначала петербургских, а потом и всех шахматистов империи.

Огромная загруженность Чигорина службой, журналом, игрой в турнирах и матчах и по переписке не мешала ему заботиться об общественных интересах. Медленно, но целеустремленно и настойчиво пробивал он гранитную скалу: бюрократические и финансовые препятствия. И наконец 31 октября 1879 года, в день, когда Михаилу Ивановичу исполнилось двадцать девять лет, он получил своеобразный подарок: был утвержден устав «Петербургского общества любителей шахматной игры», за создание которого так долго ратовал Чигорин в своем «Шахматном листке».

На общем собрании членов новоявленного общества председателем был избран некий Корбут (крупный чиновник, игравший роль шахматного «свадебного генерала»), а секретарем общества и его фактическим руководителем — сам М. И. Чигорин.

Однако общество сразу не могло начать свою деятельность, так как, по сообщению «Шахматного листка», «нет полагающихся шестидесяти членов, а пока их тридцать семь!» Но и это препятствие Чигориным было преодолено, и двадцать три новобранца были им найдены. 11 января 1880 года новый шахматный клуб начал

свое существование в отдельном помещении на одной из центральных улиц Петербурга.

Шумов немедленно начал поход на чигоринский шахматный клуб. На страницах «Всемирной иллюстрации» он, по выражению Михаила Ивановича, «сетовал», что «петербургские любители не идут в старый клуб, соединенный с Немецким собранием».

Понять чувства Шумова можно: «президент» бывшего шахматного общества даже не был свергнут в порядке «шахматно-дворцового переворота», да и его шахматное общество формально еще не стало «бывшим», а просто перестало привлекать людей. Но Чигорин-то в этом не был виноват!

Шумов сразу попытался дискредитировать чигоринский шахматный клуб, естественно не располагавший такими же условиями, как богатый «Шустер-клуб», и иронизировал в печати, что «просторные комнаты любителям не по вкусу» и им, дескать, «нужно тесное помещение, напоминающее железную клетку Тамерлана». И тотчас состряпал очередную «скахографическую» (вернее — символическую) задачу, в которой черный король (петербургский шахматный любитель) загонялся белыми фигурами (Чигориным и другими руководителями нового общества) в «клетку Тамерлана» (тесное помещение чигоринского клуба), где черному королю делался мат.

Не мудрено, что Михаил Иванович, раздраженный несправедливыми и непрерывными нападкамии Шумова на два дела, которым он посвятил свою жизнь: журнал и шахматное общество, пришел наконец в ярость и разразился громовым посланием Шумову в № 3—4 «Шахматного листка», в котором, что называется, отвел душу.

Чигорин привел ряд фактов и высказываний, характеризующих враждебное и несправедливое отношение Шумова к нему, подчеркнул, что сам он «не сходил на почву личных дрязг», и закончил свою филиппику так: «Было время, когда вам все поклонялись, и, правду сказать, было это понятно. Но вы, по русской пословице, старитесь, в то время как молодое растет и, разумеется, обгоняет вас. Не вы один подчинены этому закону: как вам известно, та же судьба постигла даже Андерсена. Но вам до Андерсена, как до звезды небесной, далеко. Тот умел понимать свое положение, а у вас чего-то не хватает для этого. Понятно, что выходит. Сунетесь вы

сыграть с одним из «новых», вас побьют, захотят «новые» что-нибудь сделать, вас не спросят. Вот вы и кипятитесь: и люди выходят не хороши у вас, а дела их еще того хуже...»

Надо сразу признать, что реплика Чигорина производит тяжелое впечатление. Она показывает, что нервы молодого маэстро в борьбе с житейскими невзгодами стали явно сдавать. Конечно, Михаил Иванович правдиво охарактеризовал враждебное отношение Шумова к нему и правильно подметил, что это — результат глубокого разочарования старого и больного маэстро в современниках. Не каждый способен с достоинством пережить свою славу! Но нужно ли было на всю Россию вещать горькие истины про своего маститого коллегу и предшественника? Своими несправедливыми нападками на Михаила Ивановича Шумов вредил только самому себе. То же можно сказать по поводу справедливых нападок Чигорина на Шумова!

Они оттолкнули от Михаила Ивановича много общих друзей его и Шумова и отняли у журнала немало подписчиков, для которых долгие годы Шумов был крупным авторитетом. Впервые публично проявился крупный недостаток чигоринского характера: резкость без должного такта и нарушение из-за страстного темперамента обычных норм общежития.

Столь же показательно в этом отношении было обращение «К нашим читателям» в первом номере «Шахматного листка» за 1880 год, которое, как последнюю попытку привлечь подписчиков, надо признать сверхоригинальной, но достигающей противоположной цели.

Отвечая на упреки по поводу запаздывания журнала и выхода частых сдвоенных номеров. Чигорин в запальчивом тоне объясняет, что в этом виноваты сами читатели, которые крайне неаккуратно, с многомесячным запозданием вносят подписную плату, лишая его средств на издание журнала.

«Могут ли требовать опоздавшие подписчики, чтобы мы не опаздывали? — логично ставит вопрос Чигорин и продолжает: — Наш журнал — другое дело, чем все остальные издания: мы издаем его для любителей, любящих нашу игру, как и мы сами, но плоха любовь без дела... Обиднее всего, что и неподписчики, но любители, как мы слышали, тоже претендуют... Лучше бы поддержали наше издание, подписавшись, так и увидели бы,

что если бы побольше любви к делу со стороны подписчиков и любителей игры, теперь только берущих на себя нетрудную роль судей наших, то и нас не пришлось бы ни в чем упрекать... Конечно, мы не разумеем здесь тех подписчиков, от которых мы видели только полное доверие и участие к нашему делу. Их, конечно, мы можем только благодарить», — под конец спохватился Чигорин.

Ясно, что подобные взаимные упреки никогда не достигают цели, как и публичное разделение подписчиков на «злых» и «добрых», «хороших» и «плохих». Те же справедливые и логичные аргументы можно было изложить в совершенно ином — спокойном и корректном тоне. Снова нервы и темперамент Михаила Ивановича сослужили ему плохую службу!

Получился порочный круг: подписчики не были аккуратны в высылке денег, так как журнал не выходил аккуратно; неаккуратность журнала была вызвана неаккуратностью в подписке.

Но и после этого «откровенного разговора» положение не изменилось. Ценой отчаянных усилий Чигорин выпустил за первое полугодие 1880 года шесть номеров журнала, из которых только один (за март—апрель) был сдвоенным.

Затем, очутившись перед выбором: совсем прикрыть журнал или опять приостановить его на полгода из-за отсутствия средств, Михаил Иванович испробовал последнее средство: пригласил в соиздатели богатого владельца крупной типографии Голике, пытаясь обеспечить, так сказать, журналу техническую базу. Но Голике был чужд чисто шахматным интересам и решил лишь попробовать, нельзя ли журнал сделать доходным, учитывая столь редкую оказию, что ни гонорара авторам не надо выплачивать, ни компенсировать редакторский труд. Однако хлопот и при этом было много, и вскоре Голике пришел к выводу, что игра не стоит свеч. Остальные номера за 1880 год вышли все сдвоенными.

Устал от борьбы и Чигорин. Материалы, опубликованные в четырех номерах «Шахматного листка», вышедших в 1881 году, носят печальный характер прощания с читателем. В № 1 Михаил Иванович поместил свой большой литографированный портрет — по просьбе поклонников его таланта. Следующие номера выходили в жирной траурной рамке. Правда, это объясняется официальным трауром по случаю убийства Александра II

народовольцами, но получалось впечатление, будто журнал заранее возлагает венок на собственную могилу!

Выпуском этих номеров Чигорин закончил свое первое крупное наступление на шахматно-литературном фронте. Внешне ему не удалось добиться успеха, но на самом деле созданный им журнал за пять лет существования глубоко всколыхнул русское шахматное «болото», помог возникновению многих шахматных клубов и кружков в Петербурге, Москве и провинции, воспитал тысячи квалифицированных шахматистов, которые впервые систематически осваивали теорию игры. Всего за пять лет — с сентября 1876 года по апрель 1881 года вышло пятьдесят два номера «Шахматного листка».

Очень способствовал чигоринский журнал сближению русских шахматистов с зарубежными шахматными союзами, для которых он стал единственным источником солидной информации о шахматной жизни России.

Семя, брошенное Чигориным в «каменистую» шахматную почву, не погибло!

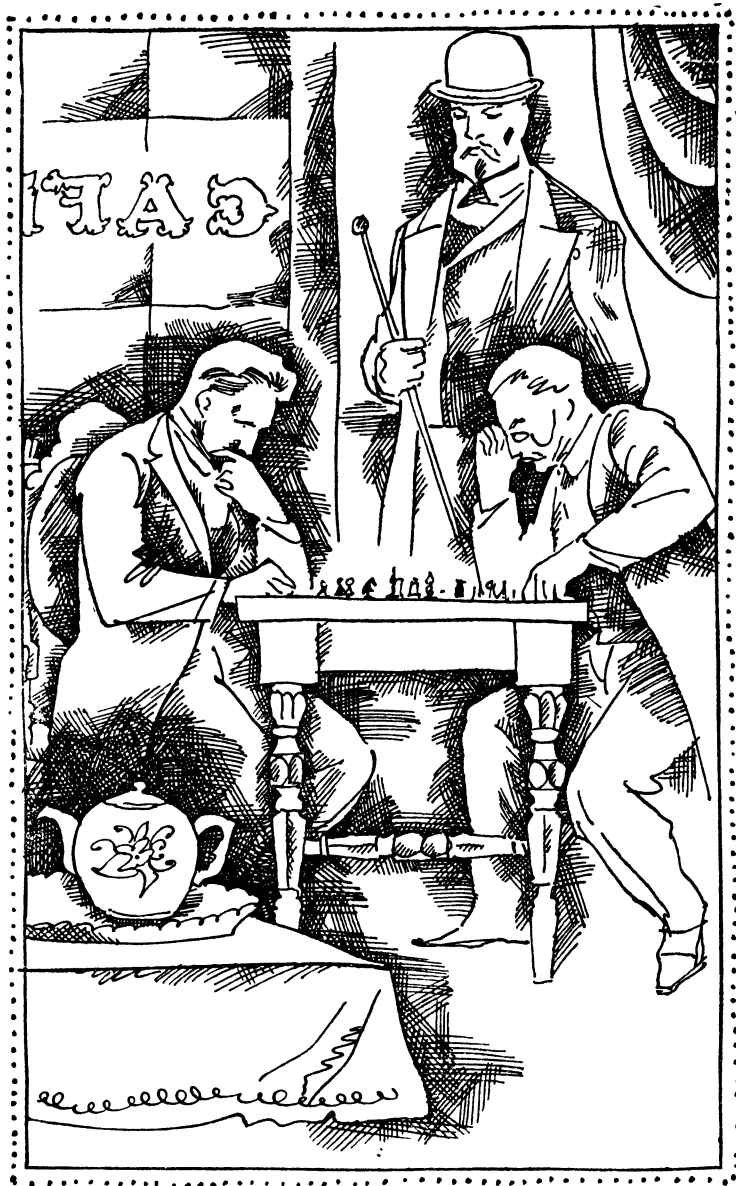
В новом шахматном обществе, обладавшем скромным, но самостоятельным помещением, не зависящим от прихотей случайных покровителей, тоже были созданы нормальные творческие условия. Там удалось в 1880 году и в начале 1881 года провести ряд интересных соревнований, в которых Чигорин доказал свое превосходство над всеми соперниками.

Правда, организованный в начале 1880 года большой турнир-гандикап закончился победой Шиффера, а Чигорин оказался вторым. Но весной того же года Михаил Иванович с разгромным счетом: +7, —1, =3 выиграл матч у Шиффера, а затем со счетом: +7, —3, =0 — у Алапина.

На стыке 1880 и 1881 годов состоялся турнир, где в два круга встретились восемь сильнейших шахматистов Петербурга. Первые два места поделили Чигорин и Алапин, набрав по 11½ очков, но матч между ними за первый приз снова закончился победой Чигорина со счетом 2 : 1.

Ни у кого не осталось сомнений, что Михаил Иванович является сильнейшим шахматистом России. Пришла пора помериться ему силами с иностранными корифеями.

И Чигорин решил наконец дебютировать в международном турнире.

Даже в восьмидесятых годах прошлого века международные шахматные турниры были еще в диковинку. За тридцать лет со времени первого международного турнира, который состоялся в Лондоне в 1851 году, было проведено только одиннадцать.

Двенадцатый состоялся в Берлине осенью 1881 года.

В конце июня Чигорин подал министру внутренних дел прошение: «Имея надобность по делам своим отправиться за границу в Берлин с 12 августа по 3 сентября текущего года, я имею честь ныне просить 28-дневный отпуск с 10 августа» и вскоре получил уведомление, что «министр разрешил Чигорину отпуск за границу».

Эта история с отпуском сама по себе любопытна. Чигорин как бы стесняется указать, для какой цели он отправляется за рубеж, точнее — в чем его «надобность», вместо того чтобы, наоборот, подчеркнуть, что он едет в качестве представителя России вообще и петербургского шахматного клуба в частности на соревнование лучших шахматистов мира. И министра почему-то ни капли не удивляет, что какой-то ничтожный коллежский регистратор возымел «надобность» отправиться в Берлин.

На самом деле министр, конечно, не мог не знать, что один из его подчиненных является известным шахматистом, фактическим чемпионом России. Не мог министр и не знать, что Чигорин уже пять лет издает шахматный журнал и является основателем Общества любителей

Глава четвертая

ЗВЕЗДА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЫ

шахматной игры. Не мог хотя бы потому, что именно через министра внутренних дел шло и утверждение журнала и разрешение на открытие шахматного клуба. Да и как министр внутренних дел в то тревожное время, когда в России после убийства царя свирепствовала реакция, мог не поинтересоваться: зачем и на какие деньги мелкого чиновника на 30-рублевом жалованье поспешно за границу?

Все это министр несомненно знал. Но холодное чиновничье сердце не позволило ему поинтересоваться Чигориным, этим удивительным человеком, годами прозябавшим в канцелярии и в то же время завоевавшим международную известность. Естественно было бы вызвать Чигорина, подбодрить его, предложить добавочный отпуск для отдыха и подготовки, назначить пособие для дорогой поездки. Нет! Холодное безучастие!

Но, как бы там ни было, дело решилось, и на последние деньги Чигорин отправился на конгресс Германского шахматного союза, где его встретил старый знакомый, по рекомендации которого Михаил Иванович получил приглашение, — Винавер, с 1875 года поселившийся в Берлине.

Кроме польского маэстро, который со времени их знакомства не раз успешно выступал в международных турнирах и стал одним из ведущих шахматистов мира, в Берлин, считая Чигорина, прибыло еще семнадцать шахматистов. Среди них были такие крупнейшие имена того времени, как Блекберн, Цукерторт, Луи Паульсен, его брат Вильфрид и Мэзон.

Джозеф Генри Блекберн — высокий, стройный англичанин — в течение своей полувековой шахматной карьеры сыграл, по его собственному подсчету, 50 тысяч партий! Сын манчестерского купца, семнадцатилетний Джозеф, познакомившись с шахматами, бросил коммерческую деятельность, к которой начал было приучаться, и целиком посвятил себя игре.

Любопытно, что и многие другие знаменитые шахматисты, выросшие в богатых семьях, не устояли против таинственного очарования шахмат и предпочли обеспеченному жизненному благополучию богемное, плохо оплачиваемое, полное невзгод и трепки нервов существование шахматного профессионала. К таким «фанатикам игры» можно, кроме Блекберна, отнести Винавера,

самого Алехина, не говоря уже о десятках более мелких «имен».

Радости турнирных и матчевых побед над могучими соперниками, первенство в каком-то (неважно: большом, малом или крошечном — размером в ЖЭК!) районе планеты Земля, удовлетворение от безукоризненного воплощения собственных творческих замыслов, признание знатоков и известность среди любителей с лихвой компенсировали любые материальные блага. Именно они, а не призы и гонорары — обычно очень скромные и далеко не гарантированные в соревновании шахматистов примерно равной силы!

Впрочем, такую же картину мы наблюдаем и в артистическом мире: среди музыкантов, певцов, художников и т. п. Ведь, может быть, лишь один из ста, пройдя тернистый путь учебы и совершенствования мастерства, добивается признания современников и материальных плодов успеха. Но и остальные 99 процентов «неудачников» испытывают те же незабываемые минуты творческого горения, поисков, разочарования, «находок» и ярких достижений.

Когда вы смотрите на запись шахматной партии, перед вами на разграфленном листке бумаги монотонный набор цифр и знаков. На деле — это конденсированная, лаконичная повесть борьбы и страданий, удач и неудач, горечи поражения и сладости победы. Некоторые из этих записей, подобно ленте кинохроники, десятки лет хранят все перипетии умственного фехтования двух шахматных д'Артаньянов. При переигрывании они даже долгое время спустя возбуждают тот же трепет сочувствия и ожидания, как возбуждали в турнирном зале у болельщиков, а у знатоков — те же эмоции восхищения и удивления мастерством, как старинное полотно или классическая поэма.

Джозеф Блекберн был блестящий мастер комбинационной атаки, получивший от соотечественников-партинеров даже шутовское прозвище «Черная смерть». Соль шуток в том, что фамилия «Блекберн» по-английски звучит так же, как «Черная жизнь».

Бессменный чемпион викторианской Англии, один из трех сильнейших шахматистов мира, сорокалетний Блекберн приехал в Берлин в зените своей шахматной славы. В то время он уступал только Стейницу, против которого играл поразительно неудачно, просто «не пере-

носил» его. В 1863, 1870 и 1876 годах он проиграл Стейницу три матча, в которых из двадцати трех партий проиграл девятнадцать, выиграв только одну. Счет был настолько убедителен, что позже, когда Стейниц стал чемпионом мира, Блекберн, хотя и был в расцвете сил, даже не отважился оспаривать шахматную корону.

Такая «идиосинкразия» по отношению к примерно равному по силе противнику встречается часто. Нимцович регулярно проигрывал Боголюбову, Тартаковер не выдерживал Рети. Рубинштейн почти все партии с Капабланкой свел вничью, но не мог сколько-нибудь успешно бороться с Ласкером. А из советской практики можно привести в пример «самого» Ботвинника, как правило, часто неудачно игравшего против московского мастера Кана.

Третьим из тогдашней великой шахматной тройки (вместе со Стейницем и Блекберном) был Иоганн-Герман Цукерторт, в жилах которого текла немецкая, польская и еврейская кровь. Если учесть, что Цукерторт знал двенадцать языков (немецкий, английский, французский, русский, испанский, итальянский, польский, латинский, древнегреческий, древнееврейский, арабский и санскрит) да в придачу владел еще одним — международным, шахматным, то ясно, что в любой стране он был желанным гостем и своим человеком.

Это был маленький, тщедушный, нервный, преждевременно стареющий блондин, автор популярного шахматного учебника и других книг по теории игры, издатель шахматного журнала «Чесс мансли».

На международной арене Цукерторт резко выдвинулся в конце семидесятых и особенно в начале восьмидесятых годов, завоевав ряд призов на международных турнирах и в 1881 году со счетом +7, —2, =5 победив Блекберна, которому вообще не везло в матчах.

В начале своего шахматного пути Цукерторт славился как комбинационный игрок, но затем стал уравнивать свой стиль позиционным маневрированием, что, как ни странно, привело к снижению его успехов.

Оба Паульсена были опытными международными маэстро, неизменно занимавшими высокие места в турнирах тех лет. Из них сильнее был Луи Паульсен — крупный теоретик и выдающийся матчевый боец, дважды победивший (в 1876 и 1877 гг.) состарившегося

Джесмс Мэзон — ирландец, переселившийся в Америку, выдвинулся в американских турнирах. Он был чемпионом США 1876 года, но затем вернулся в Англию и в течение четверти века с переменным успехом выступал в международных турнирах. Это был сильный, изобретательный тактик со всеми достоинствами и особенно недостатками среднего шахматного профессионала, о которых расскажем далее.

Таковы были основные соперники Чигорина.

Треволнения дебютанта

Итак — первое международное выступление, так сказать, публичный экзамен на звание международного маэстро. Не мудрено, что Михаил Иванович волновался — слишком много значил для него этот турнир.

И вот наконец первый тур. Торжественная обстановка, зрители, репортеры берлинских газет — все ново, интересно и приятно, но непривычно для «скромного русского медведя», как поспешили окрестить Чигорина веселые коллеги.

В первом матче Чигорин встретился тоже с новичком международной арены — австрийским маэстро Виттеком, зарекомендовавшим себя в национальных турнирах смелым комбинационным игроком. Однако, попадая под огонь противника, Виттек обычно не оказывал в защите особенного упорства.

Михаил Иванович сразу допустил психологическую ошибку: решил «прощупать» не известного дотоле ему противника и до выяснения его шахматного «лица» играть осторожно и, вопреки своему обыкновению, не рисковать.

Неожиданно робкая игра Чигорина в дебюте, да еще белыми, быстро привела к худшему положению. Вскоре Чигорин вынужден был отказаться от рокировки, и его король попал под неотразимую атаку. На 41-м ходу после тщетных попыток добиться вечного шаха Михаил Иванович сдался и поднялся со стула, как будто облитый холодной водой.

«Эх! — с горечью подумал он, — куда уж мне в международных турнирах играть, такому недотепе. Сидел бы уж в своей проклятой канцелярии, как таракан в щели, и не совался бы с суконным рылом в калашный ряд. 85

Позорно играю! Э-эх! Черт меня дернул заняться шахматами! Правильно говорила Оля: «Продал душу за горсть деревяшек».

Такие минуты самобичевания и горького разочарования в любимом деле случаются у каждого творческого работника. Для шахматистов же, чьи нервы во время трудного соревнования натянуты, как струны, они обычны. Впрочем, такое настроение быстро проходит — после первого нового успеха!

К Чигорину подскочил Винавер.

— Что с вами, дорогой мой? Нездоровы? Проиграть в этом турнире можно всякому, но не так безропотно. Не ожидал от вас! Трусите, что ль?

— Поджилки дрожат, — откровенно признался Чигорин. — На каждый свой ход предчувствую громовой удар. И не привык сидеть на виду у публики. Ведь у «Доминика» или в клубе совсем простая, домашняя, можно сказать, обстановка. А тут перед лицом всей Европы. И все противники такие опытные, уверенные в себе. Зря я сюда приехал...

— Что значит «опытные»? А вы не опытный?

— Да ведь я до сих пор с иностранными профессионалами не встречался совсем.

— Вздор! Не унывайте! Сначала всегда страшно. А что до опыта — его у вас не меньше. Представьте только, сядь за доску, что играете не здесь, а у «Доминика», и, как там, атакуйте, рискуйте, жертвуйте! Помните русскую поговорку «Смелость города берет»? Завоюйте город Берлин, хе-хе, как русские казаки сто двадцать лет тому назад!

Чигорин приободрился.

— Пожалуй, вы правы. Конь о четырех ногах и тот спотыкается. Не шахматный конь, правда. Играть надо вовсю, чтоб чертям тошно было! А то домой будет стыдно возвращаться. Засмеют! Надо взять себя в руки. Спасибо, добрый мой Симон Абрамович!

И в следующих турах Чигорин как бы переродился. Он постиг секрет успеха: во время каждой партии думать не о том, силен или слаб противник, не о возможном результате борьбы, а только о том, чтобы сыграть как можно лучше, отдать всего себя творчеству в эти тяжелые пять-шесть часов.

Ведь мастер только тогда не чувствует угрызений совести после проигрыша, если он может честно сказать

самому себе: «Я сделал, что мог! Кто может, пусть делает больше!»

Партия за партией! Победа за победой! В следующих десяти турах Михаил Иванович набрал 8½ очков и нагнал шедшего на первом месте Блекберна, опередив Цукерторта.

Вскоре наступила решающая схватка двух лидеров турнира.

Блекберн играл белыми, но, к общему удивлению, избрал спокойный симметричный вариант ферзевого гамбита, видимо опасаясь русского соперника и стремясь к почетной ничьей.

Чигорин быстро перехватил инициативу и начал стремительный штурм королевского фланга. Жертва им двух коней за ладью и две пешки разрушила прикрытие белого короля и оставила «его величество» беззащитным против тяжелых фигур русского маэстро. И здесь Чигорин допустил первую ошибку. Вместо того чтобы двинуть слоновую пешку, что вело к красивому выигрышу, он двинул соседнюю, коневую. Этим победа была упущена!

Блекберн, отгоняя ферзя противника, стал повторять одни и те же ходы — знак безмолвного предложения ничьей. Она позволила бы обоим партнерам сохранить лидерство. Но «боязнь ничьих» была характернейшим спортивным недостатком (а может быть, достоинством?) Чигорина.

Возможно также, что Михаил Иванович поддался типичной психологической иллюзии, хорошо знакомой каждому опытному шахматисту. Когда упускаешь шансы на выигрыш, как-то не можешь примириться с этим и играешь в равной позиции, как будто у тебя прежнее преимущество. А играть в равной позиции на выигрыш — значит играть на проигрыш! Отказываешься от легко достижимой ничьей, начинаешь необоснованно усложнять борьбу и в результате оказываешься у разбитого корыта! Так случилось и с Чигориным в этой встрече. Он уклонился от повторения ходов и отступил ферзем на край доски. Преимущество перешло к англичанину. Но даже спустя еще шесть ходов Михаил Иванович имел возможность добиться вечного шаха, но — теперь уже совсем необоснованно! — отказался от возможности спасти партию. Блекберн развил неотразимую атаку, и на 48-м ходу Чигорин сдался.

Это неожиданное поражение, после того как он добился выигрышной позиции, деморализовало русского маэстро.

Такой упадок духа и воли к победе после обидного поражения бывает у многих шахматистов. Вообще бойцов шахматной арены можно разделить на три психологические группы.

Одни из них, например Чигорин, Рубинштейн, Капабланка, после проигрыша играют явно хуже обычного — неуверенно и пассивно. Другие, как Стейниц, Ласкер, Ботвинник, не ощущают влияния проигрыша и после него играют столь же хорошо, как раньше.

И третью, самую интересную группу бойцов проигрыш только стимулирует к новой напряженной борьбе. Блестящим представителем такого типа шахматистов был Алехин, который после поражений (а они случались у него крайне редко!) играл так яростно, смело, окрыленно, будто его сжигала жажда шахматной вендетты. Но, конечно, люди такой страстной воли и среди шахматистов редки, как алмазы в природе!

Гроссмейстеры и мастера наших дней в большинстве тоже неважно переносят проигрыши и поэтому взяли себе за правило в случае неожиданных, деморализующих поражений в следующей, очередной партии делать «ничейную передышку», чтобы прийти в себя, восстановить форму и, так сказать, подтянуть психологические резервы.

Но в прошлом веке спортивная тактика еще не была разработана, и Чигорин, тяжело переживавший по неопытности не только проигрыш Блекберну, но и потерю лидерства, совсем расстроился и в пяти финишных партиях потерпел еще три поражения, упустив не только первый, но и второй призы.

Победителем турнира вышел блестяще игравший чемпион Англии Блекберн. Он в личной встрече выиграл и у другого опасного соперника — Цукерторта и, обогнав его на три очка (!), завоевал первый приз. Блекберн набрал 14 очков из 17 возможных.

Вторым был Цукерторт — 11 очков, третий и четвертый призы поделили Винавер и Чигорин с 10½ очками у каждого. Чигорин выиграл десять партий, проиграл пять и сделал лишь одну ничью!

— Что я вам предсказывал в Петербурге? — хлопнул 88 Чигорина по плечу добродушный Винавер. — Неплохо

дебютировали, хоть и сорвались в конце. Не привыкли играть с равными по силе! Опыт — это все в международных соревнованиях. Ничего! Все в свое время! А вообще — поздравляю! Жаль только, что Блекберна выпустили, да и меня, старика, «обидели»... Но вот что главное: вы, как Петр Первый, прорубили окно в Европу, только — в шахматную!

Чигорин покачал головой:

— Эх, Симон Абрамович! Если бы вы знали, с каким трудом мне все дается. Тут уж не окно, форточку хотя бы. Есть такой поэт — Минаев — остроумнейший стихотворец. Мне перед отъездом приятель дал прочесть такую его забавную штучку:

Великий Петр уже давно
В Европу прорубил окно,
Чтоб Русь вперед стремилась ходко,
Но затрудненье есть одно:
В окне железная решетка!

— Это все верно, и все же большое дело сделали. Хе-хе! Русская звезда!

Винавер был не одинок в своих похвалах. Немецкие газеты писали, что «из иностранцев, приехавших в Берлин, наибольший интерес возбуждают секретарь петербургского шахматного клуба Чигорин, англичанин Блекберн и американец Мэзон».

Особенно поразил немецких шахматистов комбинационный талант Чигорина. Так, про его встречу со Шмидтом писали: «Чигорин блистательно окончил партию изящной и неожиданной комбинацией, обратившей на него общее внимание».

Для нас, конечно, особенно интересно мнение знатоков того времени, воочию наблюдавших игру русского маэстро; они как будущие соперники особенно тщательно выясняют сильные и слабые стороны новоявленного таланта.

Цукерторт в своем шахматном журнале писал: «Представитель России был допущен к участию в турнире как маэстро, выдвинувшийся у себя на родине. Стиль его игры предприимчив и энергичен, комбинации очень остроумны, но он играет чересчур смело. Мы приветствуем его блестящий дебют. До сих пор он был нам известен лишь как сильный местный шахматист. Теперь одним прыжком Чигорин стал в ряд международных маэстро.

Очень характерна партия Чигорина с Блекберном. В сложном положении Чигорин абсолютно правильно пожертвовал фигуру, чем обеспечил себе ничью, однако он не пожелал довольствоваться половиной очка и проиграл.

В будущих соревнованиях Чигорин будет опаснейшим соперником».

Выигрыш Чигорина у тогдашнего чемпиона Германии Луи Паульсена немецкий журнал «Дейче шахцайтунг» охарактеризовал так: «Одной этой партии достаточно, чтобы признать представителя России первокласснейшим маэстро».

Действительно, когда изучаешь эту партию, создается впечатление, будто она играна не в 1881, а в 1968 году! Настолько в игре Чигорина органически соединены тонкая стратегия наших дней, последовательное наращивание позиционного преимущества и финальная комбинационная атака.

В цитированных отзывах зарубежной печати обращает внимание и то, что Чигорину было приятнее всего прочесть, — он прежде всего именовался «представителем России», то есть уже с первого же шага способствовал международному признанию русского шахматного искусства.

Материально его поездка в Берлин тоже оправдала себя. Чигорин с Винавером получили по 300 марок, то есть по 130 рублей по тогдашнему валютному курсу. И хотя турниры Германского шахматного союза славились скромностью призовых сумм, но даже такой маленький приз превышал четырехмесячное жалованье Михаила Ивановича.

Но куда больше оказался моральный выигрыш!

Русские газеты широко осветили успех Чигорина, и он сразу завоевал авторитет в общественном мнении страны. В Петербург вернулся уже не скромный коллежский регистратор, в свободное время баловавшийся шахматами, а признанный всем зарубежным миром международный маэстро, сразу ставший в один ряд с иностранными знаменитостями.

Особенно горячо Михаила Ивановича приветствовали его друзья и поклонники в чигоринском шахматном клубе.

Впервые Чигорину было предложено вести постоянный шахматный отдел в распространенном печатном

органа той эпохи. Шумов уже с января 1881 года оставил службу и, перейдя на пенсию, уехал к брату-адмиралу в Кронштадт, а затем в Севастополь, где и умер в июле того же года.

17 октября 1881 года журнал «Всемирная иллюстрация» сообщил: «Смерть нашего многоуважаемого сотрудника И. С. Шумова, к сожалению, вызвала временное прекращение отдела «Шахматы». Возобновляя его с этого номера, редакция заявляет, что ведение этого отдела обязательно взял на себя Михаил Иванович Чигорин — представитель России на Берлинском шахматном конгрессе».

Не мудрено, что, прочтя такие почтительные строки о своем подчиненном, господин министр удивленно поднял брови и распорядился повысить Чигорина в следующий чин — губернского секретаря.

В мае—июне 1882 года Чигорин снова принял участие в международном турнире, на этот раз — в Вене. Состав турнира был немногим сильнее берлинского, но регламент гораздо тяжелее. Восемнадцать участников играли в два круга, то есть по 34 партии, и к тому же ничьи, согласно тогдашним обычаям, переигрывались. Потопонная система в шахматах!

Чигорин, приехавший на турнир, как и в прошлый раз, за счет служебного отпуска, без предварительного отдыха и подготовки, был к тому же расстроен тем, что с таким трудом созданное им «Общество любителей шахматной игры» прекратило свою деятельность из-за недостатка средств.

В Венском турнире Михаил Иванович сыграл очень неудачно.

Сказался в соревновании и характерный для Чигорина, как шахматного бойца, недостаток — неровность, изменчивость его спортивной формы, происходивший, очевидно, от нервного переутомления. Это был типичный «человек настроения», своего рода шахматный Мочалов, то играющий с большим подъемом и вдохновением, то вяло и монотонно.

Любопытно, что в воспоминаниях известного реакционного журналиста того времени, издателя журнала «Гражданин», князя Мещерского, эта черта характера Чигорина нашла неожиданное отражение. Мещерский рассказывает, что в тогдашних великосветских кругах одного молодого аристократа, то достигавшего в своих 91

замыслах большого успеха, то с треском проваливавшегося, в насмешку прозвали «Чигоринным».

В Венском турнире 1882 года первые два приза поделили Стейниц и Винавер, добившийся крупнейшего в своей жизни успеха. Третьим был Мэзон. Четвертый и пятый призы поделили Мэкензи и Цукерторт. Блекберн был шестым. Чигорин же оказался на «роковом» тринадцатом месте.

Некоторым утешением для Михаила Ивановича было то, что он выиграл по одной партии у обоих претендентов на звание чемпиона мира: Стейница и Цукерторта.

Впрочем, неудача Чигорина имела и свои положительные стороны: она заставила Михаила Ивановича, которому вскоре исполнилось тридцать два года, серьезно призадуматься над своей будущностью.

Он понял, что силы человека не беспредельны и что для достижения спортивных успехов в шахматах мало иметь талант и даже гений, если нет сносных жизненных условий и возможности беспрепятственно совершенствоваться.

Препятствий к достижению успеха было много, но основным была связанность чиновничьей службой. На служебную карьеру без протекции нельзя было надеяться. Герцен, описывая в «Былом и думах» канцелярию министерства внутренних дел, указывал: «В регистратуре был чиновник, тридцать третий год записывающий исходящие бумаги и печатавший пакеты». И Михаил Иванович принял крайне смелое по тем временам решение: стать первым русским шахматным профессионалом!

В этом решении его укрепило и признание его таланта русской общественностью, и то, что у него появился постоянный добавочный заработок во «Всемирной иллюстрации», и то, что на обратном пути домой из Вены он, по совету неизменно дружественного Винавера, заехал в Варшаву и там провел несколько выступлений в виде сеансов одновременной игры и партий с сильнейшими местными шахматистами. Это был первый опыт гастролей в стране, которая только формально входила в состав Российской империи, а с шахматной точки зрения была «заграницей». Чигорин очаровал радушных хозяев блеском своего таланта, и это укрепило у него веру в возможность шахматного заработка.

Радовало и подбодряло Михаила Ивановича и то, что в результате его деятельности как маэстро, журналиста и теоретика началось повсеместное оживление шахматного спорта в России. Возникло много кружков в провинции. По примеру Чигорина московский шахматист Гельвиг попытался издавать «Шахматный журнал». Правда, вышло лишь два номерочка по десять страничек и еще один сдвоенный, после чего «предприятие» лопнуло, но уже само начинание было хорошим симптомом.

И Чигорин решил, избрав карьеру мастера-профессионала, продолжить борьбу за объединение сначала петербургских, а потом всех русских шахматистов и за создание нового шахматного журнала. Недаром же он накопил богатый литературный, теоретический, полиграфический и организационный опыт!

Все, что нужно было Михаилу Ивановичу для начала — время и деньги, то есть возможность свободно располагать собою. Но прежде всего необходимо было взять реванш за неудачное выступление в Венском турнире и восстановить репутацию сильнейшего шахматиста России.

Случай скоро представился: весной 1883 года в Лондоне проектировался один из самых крупных турниров прошлого столетия, и Чигорин был в списке приглашенных.

И он решился! 22 февраля 1883 года губернский секретарь Чигорин навсегда расстался с опостылевшей канцелярской службой, подав министру такое прощальное заявление:

«По домашним обстоятельствам моим не имея возможности продолжать службу по занимаемой должности регистратора, прошу к сему, дабы повелено было, прошение сие принять и сделать распоряжение об увольнении меня со службы в отставку».

Снова гордое умалчивание истинной причины отставки — шахмат! И снова ни малейшего участия или интереса со стороны министра к человеку, одиннадцать лет отдавшему, как тогда выражались, «коронной службе». Министр лишь милостиво «соизволил дабы прошение сие удовлетворить».

Мосты были сожжены! И Чигорин, свободный, как птица, отправился в Лондон отстаивать спортивную честь Родины.

Середина девятнадцатого века была эпохой расцвета английского капитализма, золотой эрой Британской колониальной империи, о которой до сих пор с умилением вспоминают консервативные зубры. Эпоха, воспетая Киплингом и Райдером Хаггардом! Под скипетром королевы Виктории находилось несколько десятков миллионов белых подданных и свыше полумиллиарда рабов всех цветов кожи и наречий земного шара. Бронированные подвалы и стальные сейфы старинного Сити ломались от золота и драгоценностей, доставлявшихся с разных континентов и островов.

Процветание викторианской Англии отразилось и на шахматном движении — она и в этом отношении была ведущей страной.

В конце восемнадцатого века Англия еще только «пригревала» знаменитых иностранных шахматистов: француза Андре-Даникана Филидора, автора знаменитого руководства по шахматам и многих популярных опер, сирийца Филиппа Стамму — автора учебника под захватывающим названием «Разоблаченные Стаммой секреты шахматной игры».

Но уже в первой половине девятнадцатого века выдвинулось несколько превосходных английских шахматистов. Мировую известность завоевал Вильям Льюис, первоклассный маэстро, крупный теоретик, остроумный шахматный литератор. Его ученик и преемник шотландец Александр Макдоннел прославился своей борьбой в матчах со знаменитым чемпионом Франции Луи Шарлем Лабурдонне, в которых, правда, гениальный француз одержал победы с общим счетом $+45, -27, =13$.

Макдоннела сменил Говард Стаунтон — известный шекспировед, издатель шахматного журнала и автор ряда книг по теории игры. Одно время, до побед Андерсена в первых лондонских турнирах, Стаунтон имел репутацию лучшего шахматиста мира.

О блестящем Блекберне я уже рассказывал. Большой популярностью одно время, как «надежда Англии», пользовался семнадцатилетний лорд Сесиль де Вер, выигравший в 1865 году при форе «пешка и ход» матч у Стейница со счетом $+10, -2, =3$.

В Лондоне существовал ряд шахматных клубов —
94 от обычных общедоступных до аристократического

«Сент-Джордж клаба» и «Сити оф Лондон клаба», членами которого были богатые купцы, банкиры, промышленники. Особенную популярность завоевало шахматное кафе «Сигар-диван», оформленное в восточном, экзотическом стиле.

Были шахматные клубы и во многих других городах и в курортных местечках: в Манчестере, Ливерпуле, Лидсе, Ноттингеме, Гастингсе, Бристоле, Брайтоне и др.

В Лондоне в 1851 и в 1862 годах состоялись первые в истории шахмат международные турниры, принесшие, однако, победы не англичанам, а немцу Андерсену.

Характерно для английского шахматного движения, что во второй половине девятнадцатого века сильнейшие иностранные маэстро неизменно переселялись в поисках славы и денег именно в Лондон. Долгие годы там жили Стейниц, Цукерторт, Левенталь, в конце века — Ласкер.

Турнир 1883 года, проходивший почти два месяца — с 14 апреля по 10 июня, — был организован с неслыханным финансовым размахом.

В подписке на призовой фонд приняли участие клубы, рядовые любители игры, меценаты из аристократии и буржуазии. Рекорд поставил «Сент-Джордж клуб», подписавший 666 фунтов стерлингов — шутка в духе холодного английского юмора. Ведь тогда не было ни одного англичанина, с малых лет не читавшего Библию, и все они знали, что 666 «по Апокалипсису» является «звериным числом».

Общая подписка по Великобритании дала еще 123 фунта, а по Индии — 481 фунт. Особенно раскошелся раджа Визанагар, подписавший 200 фунтов. 300 с лишним фунтов были выручены от продажи входных билетов, а венгерский маэстро и банкир (уникальное сочетание профессий) барон Колиш учредил приз в 25 фунтов за лучший результат непризера против победителей.

Играли четырнадцать участников в два круга, но это вовсе не значило, как в наши дни, что каждый с каждым должен был сыграть по две партии. Принципиальным недостатком турнирного регламента тех времен была установка на переигрывание ничьих до победы одного из партнеров. Программой Лондонского международного турнира предусматривалось, что ничьи переигрываются два раза, и лишь третья ничья заносится,

как таковая, — каждому по пол-очка — в турнирную таблицу.

Это была тяжелая добавочная нагрузка для участников! Даже Чигорину, обладавшему очень острым, смелым стилем игры и принципиально избегавшему всякого упрощения позиции, в двадцати восьми турах пришлось переигрывать шесть ничьих. Еще больше страдали другие маэстро, особенно те из них, кто не любил необоснованного риска или тяготел к позиционно-маневренной борьбе.

Не мудрено, что Лондонский турнир очень затянулся, так как было только четыре туровых дня в неделю. Играли по утрам и вечерам, так что отложенных партий не было, но два дня в неделю было посвящено переигрыванию ничьих.

Единственное достоинство системы переигрывания до победы было то, что она волей-неволей вынуждала участников к крайне острой, напряженной борьбе.

Огромным же недостатком, помимо затягивания турниров и выматывания сил маэстро, было крайне вредное влияние этой системы на тогдашнюю теорию дебютов. Она психологически ориентировала шахматистов не на то, чтобы, как в наши дни, находить для белых активные продолжения, сохраняющие преимущество выстулки, а для черных — продолжения, уравнивающие шансы или дающие прочные защитительные позиции. Требовалось, наоборот, и за белых и за черных находить самые острые, рискованные варианты, при которых обе стороны с самого начала могли бы вести бесшабашную атаку друг на друга.

Лондонский международный турнир вызывал огромный интерес и в Англии и во всем шахматном мире своим блестящим составом. Англичане, конечно, мечтали о победе своего соотечественника Блекберна. В предыдущих международных турнирах английский чемпион неизменно занимал высокие места, а совсем недавно — в 1880 и 1881 годах — даже завоевал первые призы.

Мировое же общественное мнение рассматривало Лондонский турнир как соревнование двух сильнейших шахматистов мира: Стейница и Цукерторта.

Английский журнал «Бритиш чесс мэгэзин» писал: «Когда Цукерторт играл свою вторую партию со Стейнцем (первую Цукерторт проиграл, а вторую выиграл. —

96 В. П.), наплыв публики был совершенно необычен.

Хорошие места брались буквально с боя, и захватившие их зрители с беспримерной выдержкой оставались на них неподвижно до конца партии».

Правда, была у турнира и другая особенность, облегчавшая условия игры. Впервые были применены изобретенные английским часовщиком Вилсоном двойные контрольные часы, которые применяются и в наши дни. На обдумывание давалось 15 ходов в час, и просрочка времени каралась не штрафом, как в других турнирах того времени, а означала, как и в наши дни, поражение.

Турнир закончился полным триумфом Цукерторта, набравшего 22 очка из 26 возможных и опередившего на три очка своего главного соперника Стейница.

Третьим был многолетний чемпион Англии Блекберн с 16½ очками. Чигорин набрал 16 очков и завоевал четвертый приз.

Любопытно, что в турнирной таблице в графах, относящихся к первым четырем победителям и содержащих результаты 92 встреч, отмечена только одна ничья. Другая интересная подробность: Цукерторт, игравший так хорошо, как никогда в жизни, все же потерпел четыре поражения, причем два из них от Сэлмена и Мортимера, занявших места в хвосте турнирной таблицы, что указывает на сильный состав турнира и отсутствие «аутсайдеров».

Мировому общественному мнению турнир дал материал для двух основных выводов. Первый — определить сильнейшего шахматиста мира (тогда еще в шахматном спорте не было понятия «чемпион мира») можно лишь в единоборстве между Цукертортом и Стейницем.

Второй — на мировом шахматном небосводе появилась новая звезда первой величины — русский маэстро Михаил Чигорин. Особенно поразило всех, что Чигорин в превосходном боевом стиле выиграл обе партии у Стейница и таким образом как бы сделал заявку на борьбу за мировое первенство. С другими зарубежными знаменитостями Михаил Иванович тоже сыграл успешно: выиграл обе партии у тогдашнего чемпиона США Мэкензи, со счетом 1 : 1 закончил встречи с Блекберном и Мэзоном.

Но Чигорин мог бы сыграть еще лучше, если бы ему порой не изменяла спортивная выдержка и он не допускал бы иногда роковых просмотров (как говорят шахматисты — «зевков») в чисто выигрышной позиции. 97

Этот недостаток наблюдался у него даже в самой, казалось бы, благоприятной обстановке — когда он играл с энергией, воодушевлением и целеустремленностью. Вероятно, эти просмотры объяснялись минутами внезапной усталости, которые ощущает шахматный боец после напряженных и трудных моментов в партии, когда кажется, что победа, как говорят в наше время, — «дело техники». Конечно, такие минуты депрессии при крепкой нервной системе нетрудно преодолеть, но как раз у Чигорина с молодости нервы были не в порядке. Да и вообще в то время медицина неврастению, нервное переутомление, нервное истощение не считала болезнями, почему страдавший ими человек не заботился о себе. А какие тяжелые спортивные последствия влекли они за собой у шахматиста! С годами же склонность Чигорина к «зевкам» и грубым ошибкам, особенно на исходе хорошо проведенной партии, принимала все большие размеры.

В Лондонском турнире в партии с английским маэстро Бердом он ухитрился в совершенно выигрышной позиции «зевнуть» фигуру. «Единственный просмотр фигуры во всем турнире», — было сказано про эту партию в турнирном сборнике. Столь же неожиданно Михаил Иванович «подарил» чистое очко Мортимеру.

Всего Чигорин в 26 партиях одержал 16 побед при 10 поражениях, что, учитывая малую турнирную опытность Михаила Ивановича и его стремление добиваться победы иногда с необоснованным риском и явное невезение в отдельных встречах, было прекрасным результатом.

Именно так оценила успех Чигорина и тогдашняя шахматная специальная пресса. Например, в турнирном сборнике было сказано: «Чигорин, взявший четвертый приз, может рассчитывать на великую шахматную будущность. У него нет еще опыта Цукерторта или Стейница, но в нем живет та энергия, без которой немислим великий шахматист. В продолжение всего турнира он упорно стремился к выигрышу, пренебрегая ничьими, и, к счастью, добился заслуженной награды».

По окончании турнира Лондонский шахматный клуб избрал Чигорина своим почетным членом — высшая по английским понятиям честь для иностранца.

Во время турнира в Лондоне на арене цирка регулярно проводились партии «живыми шахматами». Вот

как об этом позже рассказывал Чигорин, руководивший игрой наряду с Цукертортом и Гунсбергом:

«Это были партии, иггранные живыми фигурами: солдаты в богатых костюмах исполняли на громадной шахматной доске передвижения, указываемые игроками... Спектакли имели громадный успех, и каждый раз иностранные маэстро, ведущие партии, были вызываемы публикой».

Чигорин был доволен результатом турнира. Не менее Михаил Иванович был доволен и своим профессиональным заработком: четвертый приз, который он завоевал, представлял кругленькую сумму в 125 фунтов стерлингов (по тогдашнему курсу 1250 рублей золотом) — более, чем его бывшее трехгодичное жалованье!

Это позволило Чигорину, не обязанному теперь торопиться в Петербург, на обратном пути заехать в Париж. Очарованный блестящей столицей Франции, богатой шахматными преданиями, он пробыл там пять недель.

Две надежды шахматного мира

Первым делом Михаил Иванович посетил знаменитое кафе Регентства, помещавшееся в центре Парижа неподалеку от знаменитого Лувра. Большой зал, в одной стороне которого стояло несколько шахматных столиков, и шумная бильярдная рядом напомнили русскому маэстро родного «Доминика». Однако французское кафе помнило среди своих бывших посетителей таких любителей шахматной игры, как писатели и философы Вольтер, Руссо, Дидро, политические деятели Робеспьер и Наполеон, и таких блестящих шахматных профессионалов, как Лабурдонне и его предшественник — отставной однорукий наполеоновский генерал Дешапель.

К своей скудной половинной пенсии Дешапель успешно добавлял заработок от игры в шахматы, в вист и, что кажется невероятным, если учесть, что у него была только одна и притом левая рука, от игры на бильярде. Современники утверждали, что во всех трех играх Дешапель достиг одинакового совершенства.

В кафе Регентства, известном всему шахматному миру, Чигорин встретился с французским маэстро Жюлем Арну де Ривьером, имя которого в шахматной истории неразрывно связано с загадочным Морфи.

Чигорин с Арну де Ривьером договорились сыграть

матч из десяти партий. Француза крайне заинтересовал талант русского маэстро.

Первую половину соревнования Михаил Иванович провел отлично, из пяти партий выиграв четыре, но потом силы, подорванные утомительным лондонским турниром, ему изменили. Недооценивая к тому же неудачно начавшего матч противника, он стал играть небрежно и потерпел два поражения подряд. Потом последовала ничья и новый проигрыш. Уравнение счета заставило Чигорина взять себя в руки. В последней, решающей партии он одержал победу, выиграв благодаря ей и весь матч.

На прощание Чигорин пригласил Арну де Ривьера в ресторан и за бутылкой бургонского сказал:

— Давно собираюсь спросить вас о Морфи, которого вы так хорошо знали. У нас в России им очень интересуются. Ведь он жив, но о нем ничего не слышно. Расскажите, в чем дело?

— С удовольствием, Мишель! — воскликнул де Ривьер. — Вы разрешите человеку, годящемуся вам в отцы, такую фамильярность?

— Пожалуйста, дорогой мэтр.

— Я сначала и Морфи пазывал «Поль», но он при этом как-то бледнел и щетинился. Я подумал-подумал и стал говорить «мистер Морфи». И все пошло на лад.

Михаил Иванович засмеялся:

— Мне, наоборот, очень приятно, что прославленный маэстро Франции обращается ко мне так дружески. Продолжайте, прошу вас.

— Так вот, слушайте. Я неспроста сказал «щетинился». В этом — ключ к характеру Морфи, а ведь мы с ним были близкими друзьями... Но сначала за ваше здоровье!

Он налил себе и Чигорину по бокалу и неторопливо выпил, видимо готовясь к долгому повествованию. Несколько минут помолчал, обдумывая, и потом заговорил:

— Поль, как зовут его во Франции, Пол, как произносят американцы, Пауль, как его называют немцы и русские, был в сущности мальчиком, которого преждевременно сделали взрослым и который внутренне так и не вырос. Родился он на юге Америки, в Новом Орлеане, в чопорной рабовладельческой семье, которая бог весть почему считала себя аристократической, хотя вряд ли ее генеалогическое древо насчитывало сто лет. Это не

то, что у нас во Франции, где даже трехсотлетним дворянством никого не удивишь. Я лично уверен, что Морфи вовсе не являлся, как он утверждал, потомком испанских переселенцев, а происходил от обыкновенных ирландцев, которыми кишит Америка.

Но, как всегда бывает с выскочками, семья Морфи и его мать-француженка тщательно культивировали аристократические обычаи и предрассудки.

Десяти лет Поль научился играть в шахматы. Партнеров ему хватало: дед, отец, дядя и брат! Тринадцати лет он выиграл партию у гастролировавшего в США известного венгерского маэстро Левенталья. Мать Поля неодобрительно относилась к увлечению сына шахматами и, кроме того, считала, что «джентльмену непристойно играть на деньги». Сняла распятие со стены (семья была католической) и взяла с сына клятву, что он не будет ни играть на ставку, ни принимать денежные призы, ни получать гонорар за игру — никогда! Никогда!! Никогда!!! Бедный малый, как он страдал от этого! Почему артист, поэт, художник, певец, танцор может зарабатывать своим искусством, а шахматист — нет? Дура! Выпьем, месье Мишель, за красивых женщин, занимающихся своим прямым делом. Париж полон ими!

Русский и француз чокнулись и выпили по бокалу вина.

— Продолжаю. Юный Морфи обучался в иезуитском колледже, а затем изучал право в Луизианском университете, где и получил звание адвоката. Но ему было тогда только двадцать лет. До двадцати одного года Морфи, как несовершеннолетний, не мог заниматься юридической практикой и решил принять приглашение сыграть в первом шахматном чемпионате Соединенных Штатов. Там он всех поразил, заняв первое место, а позднее разгромил в матче знаменитого Луи Паульсена — того самого, у которого вы так блестяще выиграли в позапрошлом году в Берлине. В матче юный американец выиграл пять партий, а проиграл только одну при двух ничьих.

Всем стало ясно, что в Америке для Морфи нет равных!

Тогда он решил сыграть матч с чемпионом Англии Стаунтоном, почему-то считая, что тот — сильнейший шахматист мира, хотя и Андерсен и ваш Петров, которого мы зовем «северным Филидором», по-моему, пре-

восходили Стаунтона. Да и сам Морфи сделал на шахматной книге Стаунтона мальчишескую надпись, что тот, дескать, «автор нескольких чудовищно-скверных партий».

Английский чемпион явно боялся Морфи. Когда юный американец в июне 1858 года прибыл в Великобританию специально для матчевой встречи с ним, Стаунтон уклонился от единоборства. Тогда Поль сыграл ряд матчей с другими сильнейшими шахматистами Лондона и всех победил.

— А призовые деньги брал? — поинтересовался Чигорин.

— Он их сейчас же жертвовал на благотворительные цели, а иногда, как например в матче с Гаррвицем, дарил их побежденному, да еще с надбавкой — вместо ста фунтов стерлингов сто двадцать! Разыгрывал из себя испанского гранда! А когда выиграл матч у старого знакомого Левенталя, переехавшего в Лондон, полученный приз употребил на обмелблирование квартиры неудачливому партнеру... Хотя — почему «неудачливому»? Наоборот! Мне вот он не обмелблировал, а мог бы! Друзьями считались...

Чигорин вздохнул:

— Богатому человеку нетрудно изображать филантропа. Морфи приплыл в Англию, не пуговицами платя за билет.

— Конечно! Мамаша снабжала его деньгами, но напоминала о клятве и о том, что шахматы — только развлечение. Не пора ли, дескать, бросить глупости и заняться настоящим делом — адвокатурой?

«Точь-в-точь, как Оля», — подумал Чигорин.

— У нас во Франции, — продолжал Арну де Ривьер, — есть поговорка: «Каждый по-своему убивает блох!» А она, француженка, забыла или не поняла это мудрое изречение и мешала сыну заниматься любимым творчеством... Ну ладно! Так и не дождавшись матча с хитрым и осторожным Стаунтоном, разочарованный Поль приехал к нам, в Париж, осенью 1858 года и провел здесь целую зиму. Страшно увлекался музыкой, все вечера проводил в театре...

— Как же! — воскликнул Чигорин. — Все русские шахматисты помнят партию, сыгранную Морфи в ложе парижской оперы против герцога Брауншвейгского и графа Изуара.

— Вот-вот, в антракте «Севильского цирюльника». Не партия, а шедевр!.. В декабре в Париж приехал сам Андерсен, именно для того чтобы помериться силами с феноменальным американцем. Поль разгромил в матче и его: выиграл семь, проиграл две при двух ничьих. Подумайте — великого Андерсена! И тот благородно признал после матча, что не он, а юный Поль — сильнейший в мире игрок! Человек серьезный, профессор, не вертопрах, Андерсен так был очарован обаятельным юношей, что не находил слов для похвал. Мне он говорил, что Морфи относится к шахматам с добросовестностью артиста. «Если для нас с вами шахматная партия является лишь удовольствием, развлечением, то для Морфи это не игра, а достойнейшая задача, творческая работа. Морфи во время игры ощущал себя художником шахмат!» — подлинные слова Андерсена.

Чигорин кивнул головой:

— Я понимаю эти чувства!

— Да, шахматы были истинным призванием Поля и должны были бы стать делом его жизни, — задумчиво продолжал Арну де Ривьер, — но, к сожалению, его слова расходились с делом. Он боролся против самого себя!

В ту зиму Поль победил и других известных маэстро, в том числе вашего покорного слугу, а затем снова уехал в Лондон, где за три недели провел ряд выступлений, после чего отплыл в Америку.

Двадцатидвухлетний покоритель шахматной Европы был встречен соотечественниками с огромным энтузиазмом. Толпы поклонников восторженно приветствовали его, но когда на разных банкетах Морфи приходилось выступать с ответным словом, он выглядел мрачным, разочарованным и повторял выученный назубок урок строгой мамы, что «не надо увлекаться шахматами в ущерб другим, более серьезным занятиям», а порою сообщал, что, дескать, «шахматы — игра для философов», что они «должны быть только развлечением и отдыхом».

Такое отношение к шахматам у Морфи стало теперь сочетаться со своеобразной манией величия. Так, он заявил, что согласится играть с тем или иным европейским чемпионом, как бы силен тот ни был, лишь давая ему фору пешку и ход. Дико! Правда, тогда шахматная теория не была так детально разработана, как сейчас, но смешно даже предположить, что при всем своем ис-

кусстве Поль мог бы добиться успеха на таких условиях против того же Андерсена или против Стаунтона, Петрова, Урусова да вообще против любого опытного маэстро.

А своим землякам мой Поль, фигурально выражаясь, попросту плюнул в физиономию, добавив, что с любым американским шахматистом будет играть, если вообще согласится, лишь давая вперед коня! Коня!!! Глупость явная!

Коллеги Морфи на обоих полушариях, конечно, посчитали такие его заявления нарочитым оскорблением или неостроумной шуткой, но невежественные, хвастливые американские обыватели приняли все за чистую монету и еще более стали преклоняться перед таким «молодцом»!

Для чествования Морфи в Нью-Йорке был создан специальный комитет. На торжественном митинге юному герою были вручены два ценнейших подарка. Первый — шахматы с доской. Доска розового дерева. Ее белые поля — из перламутра, темные — из черного дерева. На всех углах доски — инициалы П. М. в золотом венке. На доске надпись: «Полу Морфи в признание его гениальности и в знак почтения от друзей и поклонников в Нью-Йорке и Бруклине». Шахматные фигуры из золота и серебра на пьедесталах из темно-красного халцедона изображали битву римлян с варварами.

Второй подарок — золотые часы, усыпанные бриллиантами, где цифры были заменены шахматными фигурками. На крышках часов инициалы П. М., герб Соединенных Штатов и надпись «Полу Морфи от поздравительного комитета Нью-Йоркского шахматного клуба, как дань его гению и славе. Нью-Йорк, май, 1859 год».

— Интересно, — пробормотал Михаил Иванович. — Эх, поглядеть бы!

— Пожалуйста! — к удивлению Чигорина, невозможно ответил Арну де Ривьер и вынул из кармана часы, в точности соответствовавшие описанию.

— Откуда у вас? — воскликнул пораженный собеседник.

— Потом расскажу... Да, забыл самое главное. К драгоценной шахматной доске была прикреплена серебряная планка с текстом, в котором ряд известных любителей шахматной игры, в том числе знаменитый поэт Лонгфелло, требовали провозглашения Морфи чемпионом

— И что же?

— Представьте себе, отказался наотрез, боясь, что тогда его сочтут профессиональным шахматистом. Какой, мол, ужас! Мамаша изругает! Попы-иезуиты подтвердят, что он нарушил клятву! А жаль: весь шахматный мир, все маэстро Нового и Старого Света единодушно признали бы Поля чемпионом мира после его грандиозных побед. Пора, давно пора ввести такое звание!

— Продолжайте, дорогой мэтр. Какова была дальнейшая судьба Морфи?

— Наконец вернулся юный герой домой, в Новый Орлеан. Решил было заняться «делом», но слава, которой он гнушался, прицепилась к нему, как репейник к собачьему хвосту! Никто из земляков не хотел поручать ему судебные дела, думая, что знаменитый маэстро, кроме шахмат, ни к чему не способен. Девушка, к которой он сватался, отказала ему как человеку без прочного будущего. Подайте ей бизнесмена! А потом началась гражданская война. Пытался Морфи получить дипломатический пост у вождей Южной конфедерации, но и тут из-за шахматной известности ему отказали.

Махнул Поля на все рукой и снова отплыл во Францию. По дороге остановился на Кубе, где сыграл ряд партий, в том числе с чемпионом острова негром Феликсом, рабом плантатора Сикре.

В 1863 году Морфи снова прибыл в Париж, но играл только со мной — своим старым другом. Он даже ни разу не посетил проходивший тогда в Париже международный турнир. Не ответил Поля и на письменный вызов на матч вашего маэстро князя Сержа Урусова...

— Я помню, читал, — перебил Чигорин. — И Петров хотел сыграть с Морфи матч. Нарочно для этого отправился в Париж. Оттуда писал Михайлову, что был у Морфи два раза, но тот решительно отказался от игры.

— Верно! — подтвердил Арну де Ривьер. — Помню их переговоры. С Полем о шахматах и говорить уже было нельзя. Раздражался! Отказывался от всяких выступлений, даже от сеансов одновременной игры вслепую, которые раньше так любил. Несмотря на то что хорошие деньги предлагали. А сам нуждался до того, что продал мне эти драгоценные часы. У испанского гранда кошелек уже отощал! Я предлагал ему денег взаймы — никак!.. Что ж, берегу часы, как святыню!

Что-то с доской драгоценной будет... Кажется, в бутылке еще немного осталось?

Они выпили снова.

— Вскоре Морфи уехал домой, — усталым тоном заговорил француз. — Уже навсегда! Промелькнул в шахматном мире, как блестящий метеор! Мне недавно писала его племянница Регина Пуатье, что Поль не только отошел от шахмат, но даже не выносит упоминания о них и о своих блестящих успехах на этом поприще. Как-то в местной печати был приведен список знаменитых сограждан. Среди них с гордостью был назван «самый знаменитый шахматный игрок в мире — Морфи». Поль пришел в ярость и настроил в редакцию письмо, что он вовсе не шахматист-профессионал, что у него, правда, никакой профессии нет, но она ему и не нужна, несмотря на звание адвоката, так как отец ему оставил наследство стоимостью 146 162 доллара 54 цента! Ничего этого не было. Свихнулся как мартовский заяц. Страдает агорафобией — боязнью большого пространства и манией преследования. Пищу берет только из рук матери, чтобы его не отравили «враги». Несчастливая гусыня! Каково ей сознавать, до чего довела сына! Возмездие!

Утром встанет Поль, тщательно оденется. В комнате полукругом стоят начищенные до блеска слугой-негром двенадцать пар ботинок — чтобы он мог единым взглядом выбрать подходящую. Потом в полдень с моноклем, тросточкой и цветком в петлице выходит на узкую улицу Нового Орлеана и гуляет, бросая восхищенные взгляды на женщин.

Испанский гранд! Увы! Как ни расценивай наше искусство, а лучше быть шахматным профессионалом, чем профессиональным бездельником. Жаль! Пропал зря шахматный гений, подлинный чемпион мира! И шахматы ведь как любил! «О, женщины, ничтожество вам имя!» Так говорил принц Гамлет про мать-королеву. То же мог бы сказать и про свою мать бедный Поль.

— Грустная история! — сказал, вздохнув, Чигорин. — Спасибо, дорогой мэтр, за интересный вечер.

Он оплатил счет гарсону и встал.

— Пойдите! — схватил его за руку Арну де Ривьер. — Вы завтра уезжаете в далекую Россию, к волкам, бегающим вечной полярной ночью по снежным улицам

— И день у нас сменяется ночью, как в Париже, и волки по улицам не бегают, — обиженно возразил Чигорин. — Разве только двупогие, да и те ездят в колясках.

— Все равно! Больше с вами, может, не увидимся. Я уже стар. Я не зря так разболтался о Морфи. Кто-кто, а я изучил до косточки и стиль и манеру его игры. Но только одного шахматиста наших дней могу сравнить с гениальным Полем. Угадайте: кого?

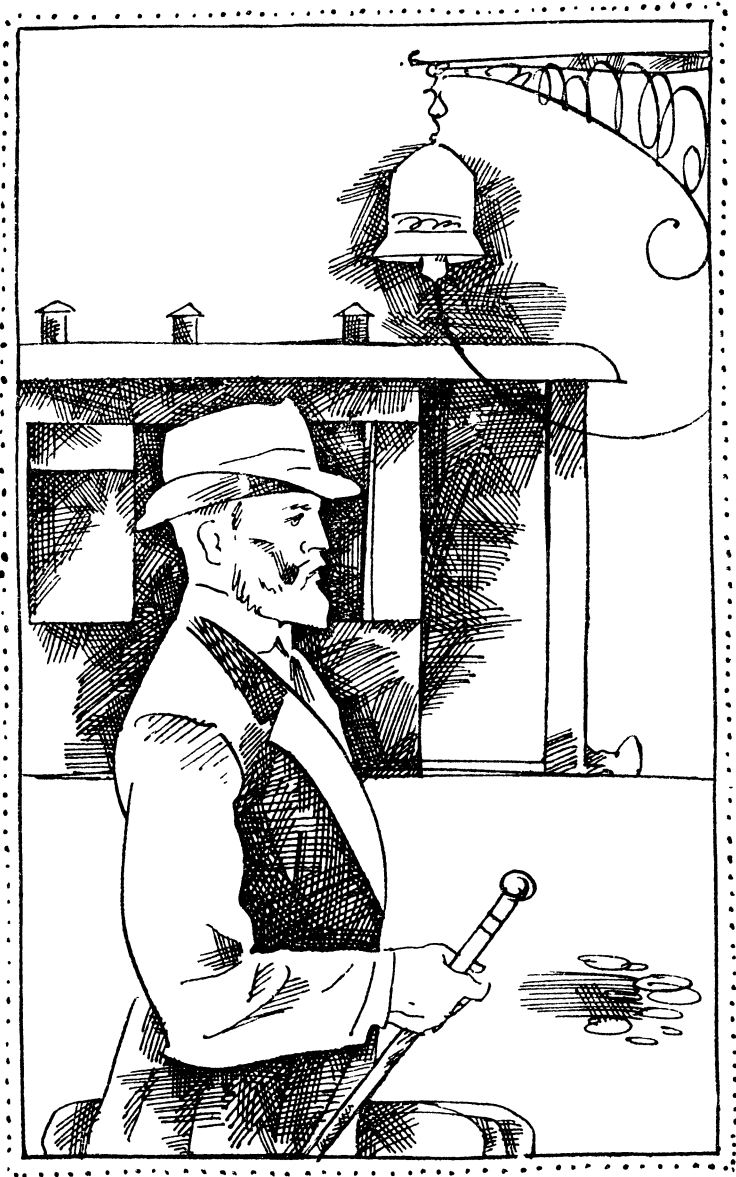
— Цукерторта? Стейница? Блекберна? — простодушно перечислял корифеев Михаил Иванович.

Арцу де Ривьер посмотрел ему в глаза и торжественно обнял.

— Не угадали. Вас! Я видел все ваши партии из турниров в Берлине, Вене, Лондоне, сам сыграл с вами десять. Вы — Морфи наших дней! У вас, Мишель, такой же искрящийся, как шампанское, талант! Блеск и глубина комбинаций! Очаровательные замыслы! И к тому же смелость, темперамент и любовь к нашему искусству. Но... есть и недостаток, какого не было у Морфи. Вы не всегда играете с одинаковой силой. А это очень важно для успеха. Недооцениваете партнеров, что ли, или устаете под конец? Возьмем наш матч: вы меня не хуже Поля разбили в пух и прах, а потом стали играть спустя рукава, и я почти выкрутился. Так нельзя! Надо тренироваться, как американские боксеры! Надо держать себя под уздцы! Надо работать, имея в виду только одну цель. Одну! Одну!! Одну!!!

— Какую?

— Вы можете, вы должны, вы будете чемпионом мира!

Кто бы мог подумать, и прежде всего сам Чигорин, с таким блеском выступивший в международных турнирах в начале восьмидесятых годов, что после Лондонского турнира он целых шесть лет не будет принимать участия в международных соревнованиях!

Правда, в ту эпоху турниры крупного масштаба устраивались довольно редко. Но мелкие турнирчики с участием одной-двух заезжих знаменитостей и местных сильных шахматистов, сеансы одновременной игры, в том числе пользовавшиеся особой популярностью сеансы «вслепую», матчи между гастролерами и местными чемпионами происходили повсюду. Шахматная жизнь в Западной и Центральной Европе и в США была ключом. Чигорин же шесть лет не выезжал из России!

А ведь он, не имевший в России ни семьи, ни собственности, вполне мог бы по примеру Стейница, Цукерторта, Левенталья поселиться в центре мировой шахматной жизни — Лондоне и пачать, наряду с гастролями в разных странах, борьбу за мировое шахматное первенство.

Но Чигорин считал, что важнее эгоистических, личных интересов создание русской шахматной организации и возрождение русского шахматного журнала. Он не хотел быть чемпионом без родины, одиноким «шахматным волком», бродящим по миру в поисках добычи, а хотел стать представителем авторитетного, крепко спаянного творческими и спортивными интересами национального шахматного союза, объединяющего

**Глава
пятая**

**НЕ ДЛЯ СЕБЯ —
ДЛЯ РОССИИ**

по всей России десятки тысяч любителей игры. Чигорин был прежде всего патриотом и общественным деятелем.

Конечно, Чигорин, как всякий творческий работник, нуждался и в сочувственном окружении, в ценителях его таланта. И не из-за суетного желания лести, хотя похвалы, если они произносились от чистого сердца толковыми людьми, были ему приятны. Чигорин хотел сплотить вокруг себя в шахматной организации людей, столь же страстно, как он, интересующихся шахматной культурой, с которыми он мог бы делиться своими творческими и спортивными планами, играть тренировочные партии, проводить сеансы одновременной игры, вести теоретические занятия, воспитывать молодые кадры русских шахматистов. Словом, Чигорин мечтал о той чуткой, страстной, квалифицированной аудитории болельщиков, с которой так хорошо знакомы советские гроссмейстеры и мастера.

И с упорством фанатика Чигорин по возвращении из-за границы приступил к созданию Петербургского шахматного клуба, рассматривая его как первый шаг к возрождению журнала, как первую ступень к созданию Всероссийского шахматного союза.

Лучшие годы своей жизни, не страшась приближающейся старости с неизбежным упадком сил и утраты с таким трудом добытой славы, отдал Михаил Иванович воплощению своей мечты!

Но на этот раз, наученный горьким опытом, он подошел к объединению русских шахматистов и к возобновлению выпуска журнала более вдумчиво и осторожно.

Вторая половина 1883 года прошла в обычных заботах шахматного профессионала: в редактировании шахматного отдела «Всемирной иллюстрации», в игре со случайными партнерами в ресторане Прадера и в завязывании знакомств с людьми, которые могли помочь осуществлению замыслов Чигорина.

Именно потому Михаил Иванович соглашался играть матчи, которые для него не представляли большого творческого интереса. По возвращении Чигорина с турнира в Лондоне петербургский шахматист барон Нольде предложил Чигорину сыграть с ним матч. Условия: ставка 150 рублей, Чигорин дает барону фору — пешку и ход. Чигорин выиграл матч со счетом +5, -4, =3.

110 Неудовлетворенный барон три года спустя повторил

свой вызов на матч на тех же условиях. На этот раз Чигорин выиграл матч со счетом $+5, -2, =2$.

Читатель может удивиться: как же Чигорин, уже пользовавшийся мировой известностью, соглашался играть с любым желающим, лишь бы у того были деньги? Не свидетельствует ли это о корыстолюбии Чигорина? Такой вывод был бы ошибочен. Нельзя забывать, что Чигорин, став первым шахматным профессионалом в России, всегда нуждался. Выигрыш у богатого барона 150 рублей с затратой на игру многих вечеров с риском потерять самому такую же сумму, так как ставка была взаимной, а игра шла на фору, был законной компенсацией. Кроме того, влиятельный барон в дальнейшем мог оказать Михаилу Ивановичу помощь в преодолении всяческих бюрократических рогаток.

К сожалению, такие матчи на фору, а также турпиры-гандикапы, где Чигорин давал противникам то пешку и ход, то копя, то ладью, причиняли огромный вред его шахматному совершенствованию. Михаил Иванович, во-первых, отвыкал играть с партнерами, равными по силе, на равных условиях белыми и черными, во-вторых, не мог совершенствоваться в дебютах и детально разрабатывать начала, наиболее подходящие для его стиля, то есть, как нынче говорят, — создавать свой «дебютный репертуар». Давая противнику, например, пешку и ход, Чигорин должен был применять не нормальные дебюты, что повело бы к быстрому поражению при отсутствии слоновой пешки, в обычной партии прочно прикрывающей короля, а с первых же ходов запутывать противника необычными, не указанными ни в одном руководстве сериями ходов. А играя белыми и давая противнику вперед коня или ладью, Чигорин должен был сразу начинать, с точки зрения игры на равных, «некорректную», чересчур рискованную атаку, дабы быстро дать мат и не позволить ввести противнику в игру свою лишнюю фигуру.

Не мудрено, что партии, иггранные на фору, не производили такого же художественного впечатления, как обычные партии, сыгранные на равных.

Из огромной коллекции десятков тысяч сыгранных за последние триста лет партий можно насчитать лишь не более сотни красивых и творчески ценных партий, иггранных на фору.

Дело в том, что когда выигрывала сторона, получав-

шая фору, это было, как правило, не результатом искусной игры, а естественным следствием перевеса сил. Когда же выигрывал шахматист, дававший фору, то слишком часто победа достигалась только благодаря плохой игре противника.

Пожалуй, самая знаменитая из партий, иггранных на фору, это партия Чигорин — Отто, иггранная русским маэстро в 1881 году против опытного петербургского второкатегорника. В ней Чигорин, иггравший без ферзевого коня, проявил неистощимую энергию и изобретательность в преодолении упорной защиты, ослепил противника целым фейерверком жертв и дал мат черному королю оставшимися на доске двумя слонами и ладьей. Эта партия вызвала всеобщее восхищение, обошла всю современную мировую печать и даже в наши дни обязательно входит в сборники лучших партий всех времен и народов. Крупнейший зарубежный авторитет прошлого века Стейниц так охарактеризовал партию Чигорин — Отто, поместив ее в свой журнал: «Жемчужина из жемчужин! Одна из очаровательнейших партий на дачу вперед!»

Конечно, игра на фору развивает тактическую изощренность и способствует изобретению хитроумных ловушек, но привычка к ней при дальнейших встречах с сильными противниками равного класса губительно влияет на правильное развитие игры в начале партии, как говорят ныне — «на постановку дебюта».

Необходимость годами играть со слабыми партнерами и крайне редкие встречи с другими русскими маэстро (Шифферсом, Алапиным, Соловцовым) привели к дебютной неподготовленности Чигорина в матчах на мировое первенство. Как только Чигорин стал постоянно участвовать с девятидесятых годов в международных соревнованиях, встречаясь с равными ему по классу партнерами, его мастерство разыгрывания дебюта резко повысилось, и он создал ряд оригинальных систем защиты, которые выдержали испытание временем и ныне находятся на вооружении советских и зарубежных шахматистов.

Но для самого Чигорина его теоретические открытия принесли значительно меньше пользы, чем могли бы, при применении их в восьмидесятых годах. Драгоценное время было упущено за игрой в гандикапах, полезной только для партнеров Михаила Ивановича. Вот в чем

состоял трагизм положения Чигорина: он принес в жертву русской шахматной мысли не только свои материальные и спортивные возможности, но и отказался от шлифовки своего дарования и разработки дебютного репертуара, необходимого для успеха на международной арене.

Кажется поэтому странным, что Чигорин, по свидетельству его современника и поклонника Л. Велихова, «особенную пользу видел в турнирах-гандикапах». «Я сам,— пишет Велихов,— играл когда-то с Чигориным на ладью и ход и затем, последовательно пройдя все категории (приз давал право на повышение квалификации), возвысился до первой».

Разгадка такой парадоксальной оценки Чигориным гандикапов очень проста, если учесть, что Чигорин всегда заботился не о себе, а об общественных интересах. Он «особенную пользу видел» не для себя, а для массового шахматиста! Ему же самому игра на фору приносила явный вред. Для слабого же, но даровитого, быстро развивающегося шахматиста гандикапы действительно были очень полезны. Они давали исключительную возможность встретиться с опытными, сильными партнерами, поучиться у них мастерству комбинаций и точности расчета и наглядно убедиться в полезности таких основных принципов шахматной стратегии, как необходимость быстрейшего развития фигур, незамедлительная рокировка, важность быстрой мобилизации всех сил и координирования действий фигур. Начинаящий любитель шахматной игры нашего времени такой возможности не имеет и встречается с мастерами лишь изредка в сеансах одновременной игры, а это далеко не то, что турнирная партия один на один.

Участие в турнирах-гандикапах обходилось дешевле, чем игра на фору у «Доминика». Порой малоквалифицированный, но талантливый шахматист даже окупал расходы, а то и получал чистую прибыль, выражаясь коммерческим языком. Каждый участник турнира-гандикапа вносил турнирный пай, и из общей суммы их выделялось несколько призов. Победители турниров получали призы и переводились в следующую, более высокую категорию, что также стимулировало участников.

Другая «польза гандикапов» с точки зрения Чигорина заключалась в том, что такие турниры были 113

своеобразной приманкой для вовлечения начинающих шахматистов в шахматное движение вообще и в новооткрытый «чигоринский» кружок в частности. Что могло быть притягательнее для начинающего или малоквалифицированного любителя, чем перспектива встретиться за шахматной доской в серьезной борьбе с прославленным маэстро Чигориным и другими известными шахматистами?

Начало нового, 1884 года прошло в дальнейших поисках нужных людей, в сколачивании инициативной группы для организации клуба и в бесконечных хлопотах.

В марте Михаил Иванович выехал на гастроли в Харьков. С тамошними любителями у него давно были налажены дружеские связи, и еще в 1878—1881 годах Чигорин провел с ними четыре партии по переписке, которые кончились его победами.

Личная встреча петербургского маэстро с харьковчанами явилась для них подлинным праздником. Михаил Иванович провел ряд сеансов одновременной игры, сыграл ряд легких и серьезных партий с сильнейшими любителями и несколько консультационных партий. Затем Чигорин принял участие в турнире, где выиграл все одиннадцать партий, победил в матче, давая фору пешку и два хода, местного чемпиона Беклемпшева, провел с «сухим» счетом четыре консультационные партии и ряд сеансов одновременной игры.

Перед харьковскими любителями выступал уже не мелкий чиновник, отпросившийся у начальства на несколько дней для шахматного «баловства», а шахматист в полном расцвете профессионального мастерства с сознанием своей общественной значимости.

На прощание Харьковское шахматное общество дало в честь Чигорина парадный обед, поднесло диплом на звание почетного члена общества, а кроме того, поднесло маэстро и ценные золотые часы с цепочкой с надписью «Харьковское общество любителей шахматной игры — М. И. Чигорину в память 27 марта 1884 г.».

На обратном пути из Харькова Чигорин заехал в Москву, где, кроме сеансов и отдельных партий с местными шахматистами, должен был встретиться в матче с чемпионом города Александром Соловцовым.

К сожалению, эта интересная борьба между сильнейшими шахматистами двух русских столиц была

прервана в самом начале. Соловцов блестяще выиграл у Чигорина первую партию матча. Чигорин в столь же эффектном стиле взял реванш во второй партии, но потом Соловцов, работавший преподавателем музыки, из-за своих профессиональных обязанностей не смог продолжать матч и сдал его. Чигорин с Соловцовым сыграли еще пять легких тренировочных партий, из которых Михаил Иванович выиграл четыре.

В марте 1884 года Чигорин организовал большой турнир по переписке для читателей журнала «Всемирная иллюстрация», тянувшийся до октября 1886 года. Играли двенадцать участников по две партии. Михаил Иванович занял первое место, сделав лишь две ничьи и обогнав следующих призеров на $4\frac{1}{2}$ очка!

«Неисправим!»

Важное событие произошло в личной жизни Михаила Ивановича после того, как он познакомился с шахматным любителем А. Н. Дубровиным и стал часто бывать у него для переговоров об организации шахматного клуба. Вместе с женой Дубровина Чигорина часто приветствовала ее сестра Анастасия Дмитриевна. Она внимательно слушала его рассказы — почти по Шекспиру — о шахматистах, «что едят друг друга» и вообще о тревожениях жизни шахматного профессионала.

И кончилось так же, как у Отелло с Дездемоной: «Она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним». Дело о разводе с Ольгой Петровной, длившееся несколько лет, было благополучно закончено, и Михаил Иванович воспользовался правом вступить в новый брак.

Перед этим он подробно и чистосердечно рассказал невесте о своей неудаче в первом жизненном союзе.

— Знаете, Анастасия Дмитриевна, — признался Чигорин невесте, — моя бывшая жена, Ольга Петровна, по-своему была права. Я человек непрактичный. Одиннадцать лет сидел в присутствии и ничего не выслужил. Все, что мог, просаживал на журнал. Увлёкся шахматами. Конечно, ей было трудно. Женщина молодая, жизнерадостная, всегда одна, а я, как бирюк, все вечера сижу за доской у «Доминика».

— Она любила вас? — спросила Анастасия.

— Думаю, что любила мужа, но не любила шахмат.

И постепенно разлюбила меня из-за нищеты, скуки. 115

Сейчас присылает мне счета из магазинов, оплачиваю их, посылаю деньги на содержание дочери... А вы верите в меня? Или будете, как она, просить, чтобы я бросил шахматы?

— Что вы, что вы! Разве я не понимаю, кто вы такой! — ласково сказала невеста. — Муж сестры прямо все уши нам прожужжал, что вы — гений, лучший шахматист мира. Такой, говорит, раз в сто лет появляется. Правда, он тревожится, что Стейниц хочет всех вас обскákat. Сговаривается вот с Цукертортом играть между собою ряд партий и, кто победит, того объявить чемпионом мира. Дубравин говорит, что вы должны держать ухо востро!

— Нет, не говорите так! И Стейниц и Цукерторт — замечательные шахматисты, даже лучшие в мире, играют давно и хорошо. Но тягаться я с ними могу! У Стейница я выиграл три партии из четырех. Цукерторт пока меня обыгрывает, я только раз его победил. Ладно, будущее покажет, кто сильнее.

— То-то и оно! Ну, ладно, поженимся, сама буду за всем присматривать, — засмеялась Анастасия Дмитриевна. — Не допущу, чтоб моего мужа обижали!

Чигорин был на седьмом небе. Наконец-то он нашел единомышленницу, разделявшую его чаяния и планы!

21 октября 1884 года неутомимый энтузиаст, не дожидаясь официального утверждения устава нового «Санкт-Петербургского общества любителей шахматной игры» (что при тогдашней волоките случилось лишь через два года!), фактически открыл шахматный клуб. Столичные шахматисты прозвали свое новое пристанище «Чигоринским кружком».

В квартире, где обосновался Михаил Иванович с молодой женой, две лучшие, большие комнаты были отведены под шахматы.

На средства доброхотных дателей, привлеченных Чигориным и сплотившимися вокруг него энтузиастами, были приобретены мягкие кресла, шахматные столики, мощные керосиновые лампы «молнии», освещавшие комнаты целиком. На каждом столике стояла стеариновая свеча рядом с комплектом фигур — дорогих, больших, строгих по форме, называвшихся «стаунтоновскими» — по имени английского чемпиона, разработавшего их образец.

116 Правда, через некоторое время «меценаты» переста-

ли оплачивать ту долю квартирной платы, которая падала на помещение, предназначенное для игры в шахматы, а Чигорину, конечно, было не под силу оплачивать всю квартиру, да еще обеспечивать ее уборку и обслуживание посетителей. «Чигоринский кружок» переехал временно (до утверждения устава) в два номера гостиницы «Англетер», а Чигорин с женой — в скромную маленькую квартирку.

Начало деятельности «Чигоринского кружка» было ознаменовано двумя турнирами-гандикапами.

В первом участвовало 25 шахматистов всех разрядов, Чигорин как первокатегорник давал всем остальным участникам фору: от пешки и хода вперед до лады.

Первое место занял упоминавшийся уже мною второкатегорник Отто, второе — второкатегорник Полнер, третье — Михаил Иванович. Во втором турнире победителем вышел Чигорин, за ним — его свояк второкатегорник Дубравин.

Любопытно, что Чигорин сразу начал борьбу с язвой того времени — с игрой «на интерес» и вместо обычных ранее денежных призов учредил вещевые: стильные шахматы, книги по теории игры.

Чигорин пробовал все средства для привлечения новых членов, которых при открытии клуба насчитывалось лишь тридцать три, но скоро их стало восемьдесят.

30 декабря 1884 года Михаил Иванович провел сеанс одновременной игры «вслепую» против восьми сильных шахматистов. Семь партий он выиграл и одну свел вничью. Сеанс имел огромный успех.

Что такое игра «вслепую»?

Если речь идет об одной партии, то в ней маэстро играет вдалеке от шахматной доски, отвернувшись от нее, против группы совещающихся между собой сильных шахматистов — «союзников», или «консультантов».

Маэстро не ведет записи ходов, чтобы не облегчать этим свою задачу, и борется против соперников, которые не только видят доску с фигурами, но даже имеют право совместно анализировать позицию, пробовать предлагаемые тем или иным консультантом продолжения, проверять намеченные комбинации. И все же обычно побеждает маэстро!

Еще труднее задача дающего сеанс одновременной игры вслепую, то есть играющего, не смотря на доски, против нескольких человек.

Маэстро сидит в отдалении от участников сеанса, а «связной» передает его ходы им и ответы участников согласно номерам досок. И здесь, конечно, маэстро не ведет записи ходов, но в случае недоразумения или спора может продиктовать все ходы, сделанные в любой партии, или позиции, создавшиеся в данный момент на той или иной доске, а то и на всех досках.

Искусство игры вслепую развивалось медленно.

Филидор, самый знаменитый шахматист восемнадцатого века, играл одновременно не более трех партий, что казалось современникам «чудом природы». Дидро восторженно писал об этом в своей «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел».

Количество участников сеансов вслепую, даваемых Морфи, колебалось от трех до шести, и только раз гениальный американец сыграл с восемью партнерами.

Во времена Чигорина общепринятой нормой для сеансов вслепую было восемь участников. Ведь игра вслепую идет гораздо медленнее, нежели в обычных, «зрячих» сеансах: много времени тратится на передачу сеансеру ходов участниками и на получение ответов от него, а также на контрольную запись ходов во всех партиях. Сеанс вслепую на восьми досках продолжается примерно четыре часа, тогда как «зрячий» сеанс такого же масштаба требует полтора, максимум два часа. А сеансы, конечно, необходимо было укладывать в один вечер.

Увеличение количества участников в сеансах вслепую производилось только в порядке рекордсменства — чтобы поразить публику выносливостью и силой памяти сеансера. В начале XX века американец Пилсбери довел количество участников до 22, а первый русский чемпион мира Алехин в 1932 году поставил мировой рекорд, сыграв одновременно против 32 сильных шахматистов! Последний рекорд в игре вслепую был поставлен в 1961 году венгерским маэстро Яношем Флешем, который дал сеанс, правда, против не столь квалифицированных противников, на 52 досках!

Такие сеансы-монстры требуют колоссальной затраты энергии не только со стороны сеансера, но и публики, и продолжают чрезвычайно долго, свыше двенадцати

часов, что делает их утомительными и для участников.

Конечно, при игре вслепую сеансер не воспроизводит в уме точный образ шахматной доски с фигурами. Фигуры лишены конкретных, бытовых черт, да это ему и не нужно. Он помнит течение партии, все сделанные ходы, и перед его умственным взором встает чрезвычайно условная «картина».

Алехин так описывал свои ощущения: «На самом деле я не воскрешаю в памяти картину доски. Все, что мне надо, — это так сказать общее представление. Но я помню последний ход партнера и что еще помогает мне — это тембр его голоса. Когда он объявляет свой ход, его голос восстанавливает в моей памяти предыдущие ходы и точное положение на всей доске».

О своеобразии и силе шахматной памяти Алехина свидетельствует такой подлинный случай. В Лондоне в 1932 году к нему подошел человек и спросил: «Помните ли вы меня?» Алехин несколько секунд казался недоумевающим, но потом его лицо прояснилось: «Ах, да! Вы неожиданно продвинули слоновую пешку в моем сеансе вслепую в Цюрихе семь лет назад. Как же, помню!»

В СССР сеансы одновременной игры вслепую запрещены ввиду их явной вредности для сеансера, и это правильно!

Автору этой книги приходилось в молодости во время пребывания в домах отдыха, уступая просьбам любителей, проводить в «нелегальном порядке» сеансы вслепую на шесть-восемь участников.

Напряжение мозга и нервной системы при этом настолько велико, что после двух-трех часов игры чувствуешь полное изнеможение, а по окончании сеанса наступает длительная реакция. Как же устает человек, играющий 12—15 часов подряд!

Самое трудное в сеансах вслепую не столько помнить все ходы и позиции на каждой доске, сколько производить в уме быстрый и точный анализ возможных продолжений и расчет комбинаций, то есть, как писал Алехин, «бороться вслепую, находить лучший ход». Это настолько тяжело даже для таких гигантов шахматной мысли, как он, что художественная ценность и цельность партий, иггранных вслепую, значительно ниже обычных, «зрячих», и даже партии Алехина, по его собственному признанию, «не свободны от типичных ошибок», хотя

он был виртуозом в этой области шахмат, как, впрочем, и в других. Поэтому сравнительно мало партий, иггранных вслепую, попало в печать.

Михаил Иванович, давая сеансы одновременной игры вслепую, уступал господствующей тогда моде на эти эффектные соревнования и учитывал, что он пробуждает интерес к шахматам у широкой публики, даже незнакомой с игрой вообще. Но и Чигорин во второй половине своей жизни отказался от проведения сеансов вслепую, заявив, что ему здоровье уже не позволяет выдерживать многочасовое напряжение. Однако в восьмидесятые годы он еще щедро, с оптимизмом здорового, уверенного в будущем человека соглашался на самые изнурительные выступления, нисколько не щадил себя. К тому же русский маэстро никогда не халтурил, не играл кое-как, и любой сеанс одновременной игры (как обычный, так и вслепую) проводил с полной отдачей сил. Даже в таких, второстепенных выступлениях он стремился не просто выиграть у сильного партнера, а создать шедевр шахматного искусства. Эта характернейшая черта Чигорина является ключом к объяснению и многих его блестящих спортивных достижений и ряда крупных неудач.

По просьбе членов шахматного клуба Чигорин 10 февраля 1885 года повторил сеанс одновременной игры вслепую, но уже не на восьми, а на десяти досках. В нем ему удалось в партии против одного из сильнейших шахматистов столицы — Арнольда провести блестящую атаку черными, закончившуюся эффектным матом белому королю тремя легкими фигурами. Эта подлинно бессмертная партия также обошла всю мировую печать, да и в наши дни постоянно встречается в учебниках и дебютных справочниках, так как система контратаки, примененная Чигориным, и сейчас является классическим образом.

И этот сеанс окончился с прекрасным счетом: Чигорин одержал восемь побед и лишь одну партию проиграл при одной ничьей.

Оба эти сеанса были широко освещены петербургской печатью, привлекли сотни зрителей и способствовали притоку новых членов в клуб.

Любопытно, что Чигорин учел эффект, производимый сеансами одновременной игры вслепую, и, чтобы материально поддержать новоустроенное общество, 7 ноября

1885 года провел еще один сеанс на восьми досках, весь сбор с которого пошел на образование призового фонда для соревнований, устраиваемых шахматным клубом. И в дальнейшем читатель не раз сможет на основании подобных фактов судить о бескорыстии Чигорина и его готовности жертвовать своим скромным профессиональным заработком во имя общественных интересов.

С успехом проходили в кружке и обычные сеансы одновременной игры Чигорина и других маэстро на такой характерной для того времени «финансовой» основе. Любитель за участие в сеансе вносил два рубля. При проигрыше он терял эти деньги, но при ничьей получал их обратно. При выигрыше сеансер не только возвращал ему два рубля, но и прибавлял к ним два своих. Это, конечно, стимулировало и любителей и маэстро играть как можно лучше, но нервировало и выматывало сеансера, который после многочасового напряженного труда мог оказаться вместо заработка без копейки.

Количество участников сеансов одновременной игры в те времена не регламентировалось. Обычные сеансы в клубе редко привлекали свыше 15—20 шахматистов. При редких выездах Чигорина в Москву или провинцию число участников сеанса резко увеличивалось.

В середине 1885 года осуществилось и второе чаяние Чигорина — вышел первый номер нового шахматного журнала.

На обложке его значилось: «ШАХМАТНЫЙ ВЕСТНИК, издаваемый С.-Петербургским обществом любителей шахматной игры. Под редакцией М. И. Чигорина».

Этот журнал выходил не только на единоличные средства Михаила Ивановича, но также на пожертвования «меценатов» и на подписные деньги.

Правда, подписчиков опять не хватало: вначале их было 180, через год уже 275, но и они не спасли журнал от медленного угасания.

И в этом журнале Михаил Иванович был и швец, и жнец, и в дуду игрец, исполняя все функции от редактора до экспедитора. Об этом свидетельствует приводимое ниже письмо, вообще ярко обрисовывающее душевный облик великого русского шахматиста, условия его жизни и работы. Адресовано оно сибирскому общественному деятелю Ивану Тимофеевичу Савенкову.

Это тоже был замечательный человек, которым могла гордиться дореволюционная Россия. Савенков учился

в Петербургском университете, одновременно увлекаясь шахматами. О силе его игры свидетельствует то, как он сыграл два матча с Шифферсом: один выиграл, второй проиграл. Получив высшее образование, Савенков переехал в Красноярск, где с 1873 по 1893 годы работал директором учительской семинарии, посвящая свой досуг этнографии и палеонтологии Сибири и шахматам. Сильный практик и теоретик, собравший коллекцию редких шахматных изданий, Савенков объединил вокруг себя красноярских шахматистов. Под его руководством красноярский кружок в 1886—1887 годах провел матч по телеграфу с Петербургом, от которого выступали такие опытейшие шахматисты, как Шифферс, Безкровный, Лизель, Полнер. Одну партию сибиряки выиграли, вторую свели вничью. Поражение известных столичных шахматистов в соревновании с любителями дальнего провинциального городка явилось сенсацией того времени и было оценено в русской и зарубежной печати как свидетельство возросшего интереса к шахматам по всей России.

Савенков всю жизнь переписывался с Чигориным, посылал ему теоретические статьи, корреспонденции, этнографические исследования о шахматной игре у различных народностей: тувинцев, тунгусов, юкагир, калмыков, туркмен, якутов, бурят, ненцев. Эти работы Савенков затем объединил в специальной монографии. Послал он как-то Михаилу Ивановичу и комплект тувинских шахмат с описанием тувинских правил игры.

В 1885 году Чигорин напечатал в «Шахматном вестнике» дебютный анализ Савенкова со своими дополнениями, охотно принимал и другие его теоретические заметки.

Позже Савенков получил известность как археолог. Он выступал на международном археологическом конгрессе в Москве в 1893 году и написал работу «Каменный век в Минусинском крае».

Любопытно, что этот замечательный человек увлекался также спортом — редкое явление среди интеллигенции того времени. Он организовал в Красноярске стрелковый тир (и сам стал лучшим стрелком города!), спортивную площадку (и сам был лучшим пловцом Красноярска!).

Не мудрено, что Чигорин чувствовал в Савенкове 122 родственную душу.

Вот что он писал ему 13 февраля 1886 года: «При всем моем желании, многоуважаемый Иван Тимофеевич, собрат по любви к интересующему нас предмету, которому я предан душой и телом,— подробно беседовать с Вами, как я желал бы,— в настоящий момент не могу,— не могу урвать свободного времени для этого! Верьте, что с чувством глубокой признательности получаю от Вас посылки, и все, что можно, помещено. Подробности надеюсь сообщить в скором времени. Об одном прошу Вас — мое молчание не считите за нежелание отвечать Вам; судите: настоящее письмо пишу между делом, конвертуя и заделывая февральскую отправку».

Год спустя другое письмо к Савенкову кончается так же: «Не сетуйте, бога ради, если не подробно пишу: пет мочи справиться о д н о м у (здесь и далее подчеркнуто Чигориным. — В. П.) с корреспонденцией и журналом, неся на себе всю чер н о в у ю работу».

Но, конечно, такая самоотверженность, преданность делу приносила должные плоды. «Шахматный вестник» и по качеству и по разнообразию материала явно превосходил «Шахматный листок». Сказывался опыт — редакторский, издательский, корректорский, литературный и чисто шахматный, накопленный Чигориным. Сам Чигорин рассматривал новый журнал как продолжение старого.

В первом номере под заголовком «Avis» к читателю прямо указывалось: «Хотя «Шахматный вестник» представляет собою явление вполне самостоятельное, тем не менее уже единство редакции его и «Шахматного листка» подскажет читателям, что между тем и другим существует тесная связь, что «Шахматный вестник» будет только продолжением «Шахматного листка».

Там же следует обращение «К любителям шахматной игры», в котором выражается надежда (увы, напрасная!), что «каждый шахматист уже в видах, распространения любимой игры в обществе употребит все зависящие от него меры к возможно большему распространению журнала. От количества подписчиков будет зависеть не только возможность постепенного развития, улучшения, но и самое существование журнала в последующие годы».

Редакционная статья первого номера называлась «Шахматный мир в 1881—1885 гг.» и, по свойственной Чигорину любви к поэзии, начиналась вводными сти-

хотворными строками из популярнейшей песни того времени «Вино» А. Сребрянского:

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни.

Вряд ли удачная цитата, если учесть всем известное тогда мрачное продолжение песни:

Что час, то короче
К могиле наш путь.

А конец песни был еще более безрадостен:

Будущность темна,
Как осени ночи,
Прошедшее гибнет
Для нас навсегда...

Эта невольнo вспоминающаяся при чтении статьи пессимистическая песня была явно не к лицу степенному теоретическому журналу.

Но сама статья была содержательна, интересна и как бы перекидывала мост между двумя чигоринскими журналами, повествуя о крупнейших соревнованиях начала восьмидесятых годов.

Далее в журнале приводились таблицы международных турниров в Берлине 1881 года, в Вене 1882 года и в Лондоне 1883 года и делался справедливый вывод:

«Деятельное участие Чигорина в этих турнирах завоевало России прочное место в шахматном мире. Всякий согласится с нами, что деятельность Чигорина имеет не личное его, а общерусское значение в области шахматной игры».

Затем следуют теоретические анализы шотландского гамбита и контргамбита Эванса, девять партий Лондонского турнира, включая выигранную Чигориным у Стейница с переводными примечаниями побежденного, и три партии Чигорина из отечественных соревнований. В конце — шахматные задачи и этюды.

В таком же стиле, напоминающем современные нам журналы, выдержаны и следующие номера «Шахматного вестника».

Глубже, разностороннее стали чигоринские комментарии к партиям, их анализ и статьи.

Сам журнал менее эклектичен и уже не забит огромными переводными околошахматными материалами. К сожалению, в нем сохранился шашечный отдел и

124 печатались большие теоретические статьи по шашкам.

Все эти шашечные материалы занимали в журнале относительно много места, но не привлекали новых подписчиков. Шашки тогда были популярны лишь среди мещанства и купечества, которые теорией игры не интересовались и журналов (тем более шахматных!) не читали.

Начиная с № 3 за 1885 год в четырех номерах «Шахматного вестника» под заголовком «Русские и заграничные шахматисты» идет серия статей, агитирующих за создание Всероссийского шахматного союза.

В страстном полемическом тоне, оперируя фактами и цифрами, взятыми из корреспонденций с мест, Чигорин доказывает, что количественный контингент русских шахматистов, интерес к шахматам в русском обществе ничуть не ниже, чем за рубежом. В этом он был прав: например, в те годы в Берлине было два шахматных клуба: в одном 64 шахматиста, в другом — 28. В Вене, Париже, Лондоне количество членов шахматных клубов не превышало двухсот человек.

Объяснив расцвет шахматной жизни в Европе и США обилием соревнований и постоянным творческим и спортивным общением зарубежных шахматистов, Чигорин приходит к горькому выводу: «Картина шахматной жизни на Западе выходит, как-никак, блестящей, поражающей. Что же у нас на Руси? Лишь «вековая тишина»?» И отвечает на вопрос так: «Мы имеем полное основание оставаться при нашем утверждении, что отсутствие среди русских шахматистов общественности скрывает истинную суть дела, истинное отношение русского человека к нашей благородной игре...

В общей работе, удесятеряющей силу отдельной личности,— писал далее Чигорин,— есть нечто удивительно привлекательное. Матчи, конкурсы, турниры и составляют в деле шахмат формы обмена между собою знаниями и наслаждениями, и в них члены шахматного общества находят то связующее, которое нелегко разорвать. Таким образом, в бойких, живых формах заграничной шахматной жизни — залог их устойчивости.

В этом решение нашего вопроса»,— делал вывод Чигорин.

В следующем номере журнала Михаил Иванович так оптимистически характеризовал поставленную перед собою задачу:

«Организация и деятельность! — вот пароль и лозунг 125

борца за будущее процветание шахмат в нашем отечестве. Недостаточно любить шахматы и работать над ними, нужно всем шахматным любителям соединиться воедино для достижения общих целей. Недостаточно соединяться в общества, нужно, чтобы общества эти жили полной жизнью, работали, сами шли и других вели вперед.

Перед нами прямо и открыто поставят вопрос, — продолжает Чигорин, — чего же мы хотим, что разумеет под вышесказанным? Если бы уж пошло дело о нашем личном мнении, о наших стремлениях, то мы поставили бы, не обинуясь, не колеблясь, предложение радикальное, самое действительное — основать Общероссийский шахматный союз с ежегодными конгрессами и турнирами поочередно в разных городах.

И что же мешает этому...»

После дальнейшей аргументации Чигорин приходит к выводу, что «мешает» только «недостаток инициативы и настойчивости».

Вскоре Чигорин убедился, что он не прав и что дело совсем не в этом, а «отсутствие в нашей шахматной жизни общественности» объясняется не пассивностью русских шахматистов, а общим политическим гнетом и произволом царского правительства.

В № 1 за 1886 год был напечатан проект Русского шахматного союза, а в № 7 — циркуляр, разосланный редакцией «известным ей провинциальным любителям шахматной игры». В нем они приглашались агитировать за создание Всероссийского шахматного союза и вовлекать в него знакомых местных любителей.

Чигорин радостно потирал руки.

— Ну, вот, кажется, дело в шляпе, — говорил он сыну Дубравину. — А Настя каркала: «Ничего не выйдет!» Я ведь чего хочу: как мы с тобой открыли шахматный клуб за два года до утверждения его устава, так мы явочным порядком создадим и русский шахматный союз, а уж потом со всеми козырями в руках, с тысячным списком членов пойдем в министерство насчет устава. Ловко?

— Твоими бы устами да мед пить! — осторожно отвечал Дубравин, не желая охлаждать радость Михаила Ивановича. — Хорошо бы!

— Подумай только! — мечтал Чигорин, — наладим 126 сеть провинциальных отделений — клубов, как за гра-

ницей, будем следить за всеми новыми молодыми дарованиями, помогать им, наладим регулярные гастроли русских и зарубежных маэстро в Питере, Москве, провинции, матчи знаменитостей с местными чемпионами, а там, глядишь, по примеру зарубежных союзов, каждый год будем проводить отечественный чемпионат и, скажем, на рождественские каникулы, а весной, на пасхальные каникулы,— закатывать международные конгрессы. Главное — объединиться, выявить силы, хороших людей, создать костяк, а он тотчас обрстет живым мясом. Господи, да нешто в России мало талантов! Дайте им только дорогу, случай показать себя, выйти из «Домиников» на публичную арену!

Радости Михаила Ивановича не было границ, особенно когда начали прибывать списки любителей, желающих вступить в Русский шахматный союз: из Красноярска, Ташкента, Верного, Казани, Рыбинска, Ревеля, Риги, Харькова и других городов и прежде всего, конечно, из Москвы, где пульс шахматной жизни не уступал Петербургу благодаря энтузиасту Павлу Павловичу Боброву, в будущем издателю-редактору московского журнала «Шахматное обозрение».

Но бюрократические силы Российской империи, страшившиеся любого общественного начинания, были начеку. Цензурный комитет обратился к петербургскому градоначальнику с запросом, имеет ли право чигоринский журнал пропагандировать объединение шахматистов в союз. Намек был понят, и уже в 10—12 номере журнала за 1886 год появилось краткое, но многозначительное сообщение, что «пока мы не можем открыто и свободно действовать в пользу осуществления нашей мысли», то есть для организации Всероссийского шахматного союза.

Не ладилось снова дело и с самим журналом. В № 1 за 1886 год вновь появилась горькая заметка о недостатке подписчиков, предвещавшая начало конца.

В этом была какая-то ирония судьбы. С одной стороны, журнал угасал из-за недостатка средств, с другой — от номера к номеру становился лучше, интереснее. В нем были не только содержательные статьи, освещавшие русскую и зарубежную шахматную жизнь, детальные дебютные анализы, прекрасно прокомментированные Чигориным партии, но и обсуждались общие теоретические проблемы, волновавшие тогда шахматный

мир. Умы шахматистов занимала идейная борьба между принципами «старой школы», классиками которой являлись Лабурдоннэ, Андерсен, Блекберн, Цукерторт, и установками «новой школы», которые формулировались ее создателем Стейницем.

Пolemика со Стейницем

Не меньший интерес вызывала и проходившая весной 1886 года в различных городах США борьба за доску между корифеями обеих школ. Это был первый матч за мировое первенство между двумя сильнейшими и авторитетнейшими мастерами того времени. Морфи уже умер в 1884 году, прожив 47 лет, из которых только два года отдал шахматам, завоевав за столь краткий срок бессмертную славу. Любопытно, что родственники Морфи сразу забыли о своем презрении к его шахматному заработку и поторопились продать с аукциона все его шахматные реликвии, вместо того чтобы пожертвовать их в национальный музей. Золотые и серебряные шахматы с драгоценной доской, стоимостью в 5000 долларов, пошли за треть цены. Серебряная коропа, поднесенная Морфи после его победы в американском чемпионате, — за 250 долларов, а серебряный сервиз — первый приз этого же турнира — за 400 долларов. Плантаторы боялись, что о Морфи вскоре забудут и призы обесценятся, и не подозревали, что его имя навсегда останется в памяти шахматистов всего мира, а цена «вещичек» подымется в десятки раз.

О Цукерторте я уже рассказывал читателю, как о блестящем победителе Лондонского гала-турнира. О Стейнице же как об одном из главных персонажей шахматной истории надо рассказать поподробнее.

Эта была яркая, колоритная фигура, такой же чистый фанатик любимого дела, как Чигорин, но только гораздо практичнее русского шахматиста и созревший в более благоприятных творческих и спортивных условиях.

Чешский еврей Вильгельм Стейниц родился 12 мая 1836 года в Праге. Чтобы получить высшее образование, он переехал в Вену, которая как столица лоскутной Австро-Венгерской империи была своеобразным сборным пунктом сильнейших шахматистов Восточной и Центральной Европы. Там Стейниц увлекся шахматами и

кого института, сколько за игрой в венских кафе. Быстро приобретя репутацию первоклассного шахматиста, Стейниц отправился на Лондонский международный турнир 1862 года, где взял шестой приз. Тогдашняя шахматная столица мира привлекла его своими спортивными возможностями, и 26-летний Стейниц остался в Лондоне как шахматный профессионал.

В следующие годы он одержал в матчах победы над такими звездами того времени, как Андерсен, Блекберн, только начавший выдвигаться Цукерторт и опытный английский маэстро Берд. Его Стейниц одолел с большим трудом, и Берд, поздравляя Стейница с победой, выразил убеждение в том, что Морфи мог бы ему, Стейницу, дать пешку и ход вперед.

Надо сказать, что хотя такая фраза звучит в наше время ехидно и оскорбительно, Берд искренне верил в то, что говорил.

В матче со Стейницем Берд потерпел семь поражений, одержал пять побед и пять партий свел вничью. Борьба была упорной. А за восемь лет до того Берд встретился в матче с Морфи и потерпел поражение «всухую», проиграв подряд пять партий, причем одна из партий была сыграна в сеансе одновременной игры, который давал Морфи!

Менее успешно Стейниц играл в международных турнирах, где его опережали или становились наравне с ним другие известные маэстро.

Изучение шахматной теории привело Стейница к убеждению, что «комбинационная игра, хотя и дает иногда красивые результаты, но не в состоянии обеспечить прочный успех». И он стал создавать теорию позиционной, маневренной борьбы, окрестив ее «новой школой» и отнеся всех маэстро, кроме самого себя, к представителям старой, комбинационной школы. Отмечу, что это было не совсем правильно, так как даже некоторые предшественники Стейница, например Паульсен и Стаунтон, прекрасно владели мастерством защиты и предпочитали не рискованную, а осторожную позиционную игру.

Стейниц горячо пропагандировал свою теорию в популярном английском спортивном журнале «Стадион», где с 1873 года в течение десяти лет вел шахматный отдел, который в 1883 году у него «отбил» Цукерторт, бывший и в шахматной литературе вечным соперником Стейница.

Обиженный Стейниц в 1883 году переселился в Америку, где наряду с подготовкой единоборства с Цукертортом и гастролями по США стал издавать собственный шахматный журнал «Интернейшл чесс мэгэзин» («Международный шахматный журнал»), ставший проводником идей стейницева «новой школы».

О ее принципиальных установках и теоретических и творческих разногласиях Стейница с Чигориным я расскажу подробно в следующей главе, а пока вернемся к матчу Цукерторт — Стейниц.

Переговоры соперников об организации поединка продолжались почти три года. Некоторые условия его небезынтересны для советского читателя.

Стейниц и Цукерторт играли матч на ставку. Каждый вносил по две тысячи долларов. Но это отнюдь не значило, что «победитель получает все»! Нет! Забегая вперед, отмечу, что Стейниц после выигрыша матча получил не четыре тысячи, а всего лишь одну тысячу долларов, а три тысячи пошли его «покровителям», рискнувшим оплатить начальную ставку (2000 долларов) своего подопечного, так как ни у Стейница, ни у Цукерторта таких денег не было.

За издержки путешествия из Англии в США и на жизнь в Америке Цукерторт получил 750 долларов — очень немного, если учесть стоимость пароходного билета и то, что матч тянулся с перерывами на переезды в другие города три месяца. Стейниц, как житель Америки, на прожитие получил лишь 500 долларов. Гонора за трехмесячную напряженную борьбу не было совсем, хотя Цукерторт затратил труда не меньше соперника.

Матч игрался до десяти выигранных партий, причем ничьи не считались. Любопытно также, что в официальных условиях матча нигде не было оговорено, что победитель провозглашается чемпионом мира.

Наконец это долго ожидаемое шахматным миром соревнование состоялось весной 1886 года. Стейницу было уже пятьдесят лет, Цукерторт был на шесть лет моложе. Оба накопили огромный турнирный и особенно матчевый опыт. Но у Стейница были большая спортивная выдержка, вера в свою творческую правоту и (важнейший фактор успеха!) безграничная уверенность в себе. Когда, например, перед началом одного турнира Стейница

130 спросили о шансах участников, он ответил: «Наиболь-

шие шансы занять первое место, конечно, у меня. Учтите, всем остальным участникам придется играть со Стейницем, а мне нет!» Это, конечно, было шуткой, но в каждой шутке есть зерно истины.

Таких спортивных качеств явно не хватало его сопернику Иоганну Цукерторту, талантливому, но отнюдь не волевому человеку.

Матч начался в Нью-Йорке 11 января 1886 года. До 20 января сыграно было пять партий, из которых Цукерторт выиграл четыре, а Стейниц только одну. Казалось, исход борьбы предрешен, но именно здесь Стейниц проявил себя подлинным бойцом. После первых поражений он напомнил своим огорченным сторонникам, что и в прошлом у него были неудачные старты. Например, турнир 1873 года он начал с двух поражений и нескольких ничьих, а потом дал «серию» из шестнадцати побед.

Действительно, после переезда в Сен-Луи Стейниц из четырех партий выиграл у Цукерторта три при одной ничьей. Далее последовал ряд партий в Нью-Орлеане — родном городе Морфи. Из одиннадцати партий Стейниц выиграл шесть, а проиграл лишь одну при четырех ничьих, добившись общей победы с убедительным счетом +10, —5, =5.

Цукерторт, по мнению тогдашней печати, играл ниже своих возможностей. Сам он объяснял это резкими переменами климата, плохо действовавшими на его самочувствие, что якобы повлекло много ошибок и «зевков». Но когда просматриваешь партии матча, то видишь истинную причину поражения Цукерторта. Стейниц победил Цукерторта не только как маэстро-практик, но и как теоретик-новатор, глава «новой» школы, сумевший «заразить» противника своими хотя и спорными, но оригинальными идеями. Стейниц, так сказать, морально обезоружил Цукерторта!

Прежнего Цукерторта — блестящего маэстро атаки, любителя гамбитов и всяких рискованных операций — в партиях матча не видно. Соревнование велось обоими партнерами в осторожном позиционном стиле, столь горячо пропагандировавшемся Стейницем. Оба играли не популярные в те времена дебюты: ферзевый гамбит и испанскую партию, ведущие к медлительной и длительной маневренной борьбе, в которой Стейниц чувствовал себя как рыба в воде, а Цукерторт, — как человек, пы-

тающийся научиться плавать, но боящийся морской пучины.

Только в последней, двадцатой партии матча Стейнниц, имевший уже четыре очка перевеса, решил повеселить скучающую публику, привыкшую к яростной борьбе под знаком «пан или пропал», и применил изобретенный им гамбит, где король уже в дебюте не рокирует, а мечется между центром и королевским флангом.

Этим «гамбитом Стейница» первый чемпион мира хотел доказать правильность своей теории о том, что король не «обсевок в поле», а может даже в дебюте постоять за себя против самых сильных фигур противника.

Чигорин в примечаниях к одной партии так охарактеризовал этот оригинальнейший гамбит: «Дебют назван именем Стейница. Он его впервые удачно применил в турнирной партии с Нейманом в 1867 году. В этом весьма живом дебюте много интереснейших вариантов, встречавшихся и в партиях других игроков. До сего времени еще не найдена для черных защита, которая могла бы считаться бесспорно опровергающей комбинацию Стейница с несколько странным выходом короля на e2».

Все же дальнейшие практические и теоретические исследования доказали, что этот гамбит некорректен, и он, кроме Стейница, никем почти не применялся, а в наше время сдан в архив.

Однако к концу матча Цукерторт уже был совершенно подавлен морально, не сумел, как в былые времена, создать атаку на вражеского короля, ушедшего из-под охраны, и после ряда ошибок проиграл на 19-м ходу партию и матч. Надо отметить, что напряженная трехмесячная борьба плюс неудачный исход матча роковым образом повлияли на дальнейшую судьбу Цукерторта. В следующих международных турнирах он занимал скромные места и через два года умер в нищете.

По окончании матча Стейнниц на заключительном банкете был провозглашен своими сторонниками чемпионом мира по шахматам. Ведь еще Морфи уговаривали (хотя и тщетно!) так поступить, да этого требовала и сама атмосфера американского спорта, где уже были чемпионы мира по боксу.

Итак, Стейнниц стал чемпионом мира. Создан был важный прецедент и в том отношении, что звание чемпиона мира по шахматам выявилось не в результате турнира, а длительного единоборства с претендентом.

Надо учесть, что Международной шахматной федерации тогда не существовало — она возникла лишь 38 лет спустя и вопросами личного мирового первенства стала заниматься лишь после второй мировой войны.

Так что Стейниц явился новатором и в этом, чисто организационном вопросе! Моральное же право считаться чемпионом мира Стейниц имел полное, учитывая, что в его активе были еще матчевые победы над такими корифеями, как Андерсен и Блекберн. К тому же, став чемпионом мира, он не оградил себя золотым валом — непомерными денежными требованиями от претендентов, а охотно принимал вызовы на борьбу за шахматную корону от достойных соперников.

Однако первого чемпиона мира уязвляло то, что только знатоки-коллеги признавали закономерность его победы над Цукертортом. Широкая же публика и пресса усиленно подчеркивали невысокое качество игры Цукерторта в матче и то, что в соревновании мало было сыграно блестящих комбинационных партий, к которым так привык шахматный мир в прошлые времена.

Стейниц решил постоять за себя и объяснить значение матча с точки зрения принципов «новой школы», но выбрал для этого странный, окольный путь. Ему следовало в спокойном, «академическом» тоне разъяснить шахматному миру принципиальную разницу между матчем с Цукертортом, где помыслы обоих противников были обращены на позиционную борьбу и защиту, и его предыдущими матчами (хотя бы против Блекберна в 1876 г.), в которых доминировали атаки и рискованные комбинации.

Но Стейницу, очевидно, смертельно надоели непрестанные упоминания его новых соотечественников о блестящей игре Морфи, и он начал бестактно сравнивать (конечно, в свою пользу!) качество собственной игры с игрой Морфи, имя которого было окружено ореолом непобедимости во всем мире, а не только в Соединенных Штатах.

В своем журнале «Интернейшл чесс мэгэзин» Стейниц поместил сначала саморекламную передовую без подписи, в которой всячески превозносилась теоретическая ценность его матча с Цукертортом, а затем дал огромную статью уже за своей подписью. Признавая, что в его партиях против Цукерторта было немало грубых ошибок, Стейниц заявил, будто в знаменитом поединке

двух сильнейших шахматистов мира середины века — Морфи и Андерсена — ошибок было куда больше, и стал их подробно перечислять.

Статья Стейница произвела плохое впечатление в шахматном мире, а в США возбудила против ее автора общее негодование. Самое печальное то, что и в опорочивании игры Морфи, и в своих аналитических оценках Стейниц был не прав.

Принципиальной ошибкой чемпиона мира явилось то, что для него Морфи (а позднее — и Чигорин) являлись олицетворением идей «старой», узкокомбинационной школы, тогда как на самом деле и Морфи и Чигорин были предвестниками нового творческого, гармоничного подхода к шахматной теории и практике.

Крупнейший авторитет в истории шахматной культуры, гениальный русский шахматист Александр Алехин специально занимался исследованием творчества американского маэстро и пришел к заключению, что «сила Морфи заключалась в глубоко продуманной позиционной игре агрессивного характера» (подчеркнуто мною. — В. П.).

Этот вывод Алехин тщательно обосновал в большой статье, посвященной творчеству Морфи и напечатанной перед первой мировой войной в московском журнале «Шахматный вестник». Стало быть, Алехин начисто отверг и бытовавшее в шахматной литературе три четверти века представление о Морфи как о хотя и непревзойденном, но одностороннем мастере атаки, и утверждение Стейница, будто Морфи пренебрегал позиционными элементами игры.

Чигорин со свойственной ему любовью к исторической истине был возмущен необоснованными нападками чемпиона мира на Морфи, тем более что игра последнего была созвучна яркому творчеству Михаила Ивановича, а теоретические установки обоих великих шахматистов совпадали.

Эта близость Чигорина и Морфи была замечена современниками. Ведущий шахматный журнал того времени «Дейче шахцайтунг» в 1889 году писал: «Чигорин стилем своей игры, своими живыми, блестящими и опасными комбинациями из всех современных шахматистов имеет наибольшее сходство с великим Морфи, и нередко, просматривая какую-нибудь партию русского маэстро, выносишь впечатление, будто он пря-

мо взял себе за образец гениального американца».

Михаил Иванович решил выступить в защиту своего предшественника. Но он никогда не допускал беспочвенной, немотивированной критики, принимая, как Стейниц, желаемое за действительное. Любимым полемическим приемом Чигорина было поместить на страницах своего журнала или газетного отдела партию с комментариями «авторитета» или его анализ и потом конкретными вариантами опровергнуть ошибочные утверждения, чтобы читатель сам, своими глазами мог на доске ощутить правильность аргументации Чигорина.

Так поступил Михаил Иванович и в данном случае. В № 5—6 «Шахматного вестника» за 1886 год в статье «Матч Стейница и его критики» Михаил Иванович тщательно проанализировал все варианты, которыми Стейниц обосновывал свое суждение о Морфи, и пришел к таким выводам:

«Статья Стейница немного прибавляет к выяснению достоинств матча. Автор ее, говоря *pro domo sua* (в защиту самого себя.— В. П.), старается косвенно бросить тень на блестящие имена прошлого, чтобы на этом темном фоне резче выделить картину своей борьбы с Цукертортом — прием неуместный и не достигающий цели. Его полемические удары устремлены прежде всего на Морфи, он хочет доказать, что если в партиях его, может, и были ошибки и недостатки, то были они и в матчах такого гениального представителя шахматного искусства, как Морфи...

Он утверждает, будто бы его противник, Цукерторт, «правильностью игры» превосходит противников Морфи...

Так говорит Стейниц, но, не касаясь пока подробно партий матча его с Цукертортом, из нижеследующих разъяснений читатели легко убедятся, что воззрения Стейница на матчевые партии Морфи по меньшей мере односторонни, что мнения его о будто бы слабых и ошибочных ходах в партиях Морфи сами, в большинстве случаев, суть грубые ошибки».

После этого последовал детальный разбор критических комментариев Стейница к партиям Морфи с указанием аналитических ошибок его.

Итог чигоринского разбора был таков:

«Вот уж поистине можем применить к Стейницу известную поговорку:

В чужом глазу сучок мы видим,
В своем не видим и бревна».

В заключительной части своей статьи Чигорин, доказав несправедливость нападок Стейница на Морфи и Андерсена, в то же время косвенно заступает за Стейница, подчеркнуто выражая уважение к первому чемпиону мира.

«Мы должны оговориться,— писал Чигорин,— эти замечания наши относятся исключительно, повторяем,— к последнему матчу. Мы ничего не имели бы против сравнения партий Стейница и Цукерторта с партиями Морфи и Андерсена, если бы шла речь о Стейнице прежних лет.

Можно ли сравнивать его же матчевые партии с Блекберном 1876 г. с партиями последнего матча?»

Статья Чигорина была полностью или в выдержках перепечатана за границей и произвела сильное впечатление на шахматный мир. Она еще больше укрепила авторитет Михаила Ивановича, так как стало ясно, что он, по крайней мере в мастерстве анализа, превосходит чемпиона мира.

История повторяется

Анастасия Дмитриевна была горда успехами мужа, но недовольна его непрактичностью.

— Эх, Миша! Обскакал тебя Стейниц,— говорила она.— Ты, конечно, его здорово раскритиковал, все говорят, а все-таки чемпион мира — он, а не ты! Надо что-то предпринимать! Читал, что в Англии о тебе пишет Берд? Мне вчера Дубравин перевел. Что ты никому из маэстро не уступишь и даже перед Стейнцем наверно не спасуешь! Как думаешь поступить?

— Поступить? — удивился Михаил Иванович. — Что тут думать?! Жизнь сама подсказывает. Ты же знаешь: выпускаю журнал, только вот подписчиков маловато, хлопочу об организации Всероссийского шахматного союза. Устав петербургского общества утвержден. На днях переедем в большую квартиру на Мойке — самое центральное место, близ Невского. Там будут большая зала для турниров, другая комната поменьше для матчей, библиотека и читальня, бильярдная и... — Чигорин замялся, — столовая... Я уже договорился с одним бу-

фетчиком насчет блюд и напитков, а жена его — судомойкой... они не прогадают.

— Они-то не прогадают, а я, а ты? И зачем столовая, бильярд? Значит, пьянствовать будут, стучать шарами. Какой же это шахматный клуб?

— Иначе не оплатишь помещения. По опыту знаю. Ну, будут членские взносы по двенадцать рублей в год, разве их хватит? Не так много соберешь с шахматистов. А бильярд будет привлекать народ: после шахмат неплохо пострелять шарами. Столовая же даст верный доход: мы с буфетчиком Филиппом Ипатычем все рассчитали. На процентах будет работать: часть ему, часть в клубную кассу.

— Ах, Миша, Миша, да ты опять пить начнешь! Сам говорил: с юности у тебя эта вредная привычка. Только недавно стал трезвенником, начал бороться с собою...

Анастасия Дмитриевна была права. Еще в тяжелой юности Чигорин стал привыкать к спиртным напиткам, а поскольку многие петербургские шахматные соревнования протекали у «Доминика» и в других ресторанах, то он и не мог стать врагом бутылки, хотя и сознавал, какой вред приносит алкоголь его шахматному совершенствованию. Много раз он пытался бросить эту привычку, но снова возвращался к ней.

В таком слабоволии скрывается объяснение многих, иначе непонятных творческих срывов великого русского шахматиста. Но вызвано оно было многими причинами. И другие деятели русской культуры прошлого века под влиянием разочарования в безотрадной жизни искали утешения в вине, а Чигорин, конечно, был не счастливее их.

Надо учесть также, что алкоголь для шахматных профессионалов того времени был своего рода средством искусственно взвинтить себя перед решающей партией или при усталости во время напряженной борьбы. Другие маэстро (подобно Ласкеру или Таррашу) искали поддержки в крепком табаке, некоторые — в черном кофе, иные принимали наркотики.

В своих последних матчах на мировое первенство Ботвинник также почувствовал острую потребность подкреплять силы во время напряженной борьбы. Он неизменно являлся на очередные партии с бутылочкой, содержащей какую-то таинственную жидкость.

Это вызвало любопытство зрителей, которое вскоре было удовлетворено. Загадочная жидкость оказалась самым обыкновенным витаминизированным напитком. Повидимому, и этот напиток в конце концов не удовлетворил Михаила Моисеевича, так как в дальнейшем в термосе он приносил уже черный кофе.

Употребление Чигориным спиртных напитков объяснялось иногда его неумением отказать просьбам друзей, желавших отпраздновать ту или иную его победу.

Слушая справедливые упреки жены, Чигорин сначала долго молчал, не зная, как ее успокоить.

Ведь она не думала, подобно Оле, о деньгах, о его чиновничьей карьере. Она мечтала о том же, что и он. Она хотела, чтобы он стал чемпионом мира.

— Постараюсь удерживаться,— ответил он наконец.— Да и ты будешь следить за этим.

— Как? Ведь ты все вечера будешь пропадать там.

— А мы с тобой тоже переедем туда — в две задние маленькие комнатки.

— Избави бог! — вспыхнула Анастасия Дмитриевна. — Мало я натерпелась с прошлым твоим клубом осенью восемьдесят четвертого года. Видеть все эти самодовольные, сытые рожи, а самой не иметь никогда ни рубля лишнего. Да еще быть прислугой — вычищать по утрам квартиру от окурков, плевков, табачной вони. Только для тебя и терпела! Как кружок твой переехал в гостиницу, а мы на свое пепелище, сразу воскресла. Никуда отсюда не поеду!

— Да как же я оставлю клуб без присмотра? За ним нужен глаз да глаз, не хуже журнала.

— Пусть Дубравин за всем смотрит.

— Он не может. И по службе занят, и нет моего авторитета. Я — международный маэстро, председатель общества.

— Какой ты председатель?! Ты — мальчик на побегушках у всяких бездельников! Я вначале думала — действительно клуб. Председатель и правление — само собой, а обслуживающие клуб люди — особо: секретарь, казначей, сторож, уборщица, заведующий библиотекой, организатор турниров. А ты только руководишь ими, да указываешь, что и как, да проверяешь потом. А получается — один ты работаешь. Стыдно сказать: и лампы заправляешь, и пол подметаешь, и шахматы расставляешь, и книги выдаешь, и соревнования организуешь.

Только вот чай в стаканах не разносишь и калоши не подаешь!

— Мы пока не можем нанимать людей, Настя, — кротко отвечал Чигорин.

— Миша, милый, опомнись! Подумай, на что тра-тишь силы! Тебе уже тридцать шесть, мне тридцать. Жизнь коротка, а ты убиваешь ее на журнал, который не идет и зря съедает наши деньги, на всероссийский союз, который, как пить дать, запретят, на клуб, где ты ни богу свечка, ни черту кочерга! Тоже журнал — ку-рам на смех! Три сотни подписчиков, и из-за них губишь свое здоровье. Сидишь ночами, пишешь, комментиру-ешь, читаешь корректуру. Мало того: как посыльный, как мальчишка, клеишь бандероли, надписываешь адре-са. И это редактор, знаменитый маэстро! Просто стыд! Да стоят ли они, эти твои подписчики, таких хлопот? Плюнь ты на них, на горсточку!

— Нет, Настя, и Волга началась с маленького ру-чейка. Кто знает, может, когда-нибудь русский шахмат-ный журнал будет иметь не три сотни подписчиков, а в сто раз больше. Тридцать тысяч!

— Может, и будет, да нас не будет!

— Но Россия останется, Настенька! Она бессмерт-на! И моя капля меду будет в истории ее культуры.

— Но я-то чем виновата, я за что страдаю? Я думала, ты, как знаменитый шахматист, будешь ездить с турнира на турнир, из страны в страну, может, даже вместе со мною. Будешь призы брать: вот ты сколько на лондон-ском турнире отхватил. Тысячу двести рублей — целый капитал! А когда нет турниров, ездили бы с тобой по России. Я бы не обременяла тебя, а всячески помогала. Пить бы не давала. Варила кофей бы крепкий или чай перед игрой... Вот тебе мое последнее слово: или ты бро-сишь свои затеи и будешь думать о нас с тобой, о маэстро Чигорине, о мировом первенстве, о шахматных зара-ботках, или оставайся один со своим журналом и клубом! Ходи на задних лапках перед каждым встреч-ным-поперечным, сидя по ночам, не щадя здоровья, и простись с мечтами о шахматной короне... и со мною!

Чигорин содрогнулся. Ему вспомнились разговоры с первой женой. Они были так похожи на сегодняшний! И этот, наверно, приведет к тому же. Подумать только: совсем разные женщины, но обе жалуются на одно и то же: что он из-за шахмат губит их жизнь. Правда, 139

Ольга хотела, чтобы он совсем бросил эти «проклятые деревяшки» и занялся коронной службой. Настя, наоборот, хочет, чтобы он целиком, полностью отдался игре, забыв обо всем и обо всех, думая только о себе, о своей славе, которую она так естественно хочет делить с мужем. И обоим женщинам, честным, преданным ему по своему, он не может уступить! Не может или не хочет? И то, и то! Есть ли выход?

И ему вспомнился древний вопрос: «Какая радость, если человек завоеует весь мир, но потеряет самого себя?» А он — не только игрок, маэстро, он организатор шахматной жизни России, он — общественный деятель, он глава хоть и маленькой, незаметной, но нужной области отечественной культуры. На него смотрят, на него надеются... Растет молодежь. Он нужен ей!

— Знаешь, Настя, французскую точку зрения? — шутливо перебил жену Михаил Иванович, стараясь смягчить остроту разговора. — Когда девушка выходит замуж, мать дает ей совет: «Если хочешь мира в семье, никогда не препятствуй мужу заниматься, чем он хочет». Мне Арну де Ривьер рассказывал. Правильная мысль!

— Значит, когда ты выпивши приходил, я должна была потакать: «Пей, мол, милый, сколько влезет»?

— Эх, Настя, пойми меня! — продолжал Михаил Иванович, взволнованно расхаживая по комнате, — ведь пьешь не от радости. Иногда горько на душе, что все стараешься для людей, а они не ценят, и не только не помогают, а палки в колеса суют. Ну и пропустишь шкалик, чтобы забыться. Вся Россия пьет с горя. Разве мне не обидно, что вот я, как-никак, прославляю родину, и мне хоть бы раз за пятнадцать лет какую помощь оказали. Да что там помощь — хотя бы простое человеческое внимание, моральную поддержку.

А иногда надо играть с сильным партнером да еще на фору и на ставку, а денег в обрез и настроение ужасное. Устанешь за журнальной работой, за хлопотами всякими, ну, просто не лежит душа к игре, хоть ты лопни! А выпьешь рюмочку или две коньяку и оживешь сразу. Взыграет дух, вернутся силы, и играешь с удовольствием.

А порою пристанет какой-нибудь тип, как с ножом к горлу, скажем, барон Нольде или граф Доррер. «Михаил Иванович, окажите мне честь — поужинайте со мною!»

Ну, соглашаешься, чтобы не оттолкнуть полезного — не мне, а делу! — человечка. За ужином следуют один бокал, второй, третий и потом неизбежная просьба: «Михаил Иванович, уважаемый, дорогой, посмотрите, какой я, дескать, вариант придумал, или как, мол, в этой позиции играть?» И пьешь, и играешь, и думаешь: «Черти бы тебя взяли за такое гостеприимство!»

— Откажись! Скажи, что тебе вредно, что доктора не велят.

— Эх, Настя, Настя! С волками жить — по волчьи выть! На меня и так многие косятся, что характер, мол, крутой, неуживчивый. Не могу же я людей отталкивать! А иногда встретишься с настоящим приятелем, шахматистом из провинции — вроде Савенкова, или Шабельского, или Хардина — и самому хочется его угостить!

— Вот только приятелей-то у тебя меньше, чем врагов!

— Пожалуй. Шахматы, знаешь, соперничество. Проигрывает мне сильный шахматист партию, вторую, третью, и у него на душе этакий неприятный осадок: проиграл, дескать, напрасно, он меня перехитрил, он мой недруг, он мне враг. Умный человек, конечно, так не думает, а когда большое самомнение и нет честности в оценке самого себя, такая злоба растет и растет. Вот Алапин: я его и в отдельных партиях бью, и в матче разнес вдребезги, и анализы его опровергаю вариантами, не наобум, так он и кипит! Кажется, просто: считаешь, что сильнее меня, вызывай на матч и докажи за доской, тем более что богат, на ставку средства найдутся. Я никогда от честного боя не отказываюсь. Так нет! Подбирает против меня шайку недругов в клубе, таких же завистников, как сам, распускает сплетни, интригует... Возьми другой пример: Шифферс. Давал мне когда-то ладью вперед, а теперь мне проигрывает на равных. Недоволен был. Попытно! Сыграли матчи: один, другой, третий. Понял, что я сильнее. И не злобствует! Как были друзьями, так и остались! А почему? Потому, что он сам — крупный мастер. Понимает и любит игру! Большие люди всегда таковы. Вот я Стейница раскритиковал в пух и прах, опроверг все его анализы. Думаешь, он будет мне мстить! Никогда! Потому что знает: я не со зла, а оба мы отстаиваем свои взгляды. Он в одном прав, я — в другом. Кто сильнее — покажет будущее...

— Пусть так, но мне-то от этого не легче! Я не за 141

будущего Чигорина выходила, а за сегодняшнего. И ты должен повернуть на правильный путь. Ты должен думать о себе, обо мне, а не неизвестно о ком.

— Эти «неизвестно кто» — русский народ, Настя. Пусть пока шахматистов немного, и не такие они все симпатичные, но, кроме них, повсюду благодаря моему журналу привлекается к шахматам трудовая интеллигентная молодежь, организуются там и сям, даже в университетах, шахматные кружки. Создал клуб, создам и Всероссийский союз, сделаю журнал доходным — тогда нам с тобой будет хорошо. Буду и по России ездить с тобой и за границу...

— Когда? Когда???

Чигорин пожал плечами:

— Скоро, Настя. Еще года два-три...

Подобные разговоры происходили все чаще и чаще.

Михаил Иванович тяжело переживал назревавший разрыв, снова и снова убеждал жену потерпеть, подумать, повременить. Но она решилась:

— Знаешь, Миша, я долго думала. И люблю я тебя, как большого ребенка, но и жить так не могу: в вечной тревоге за завтрашний день. Пойду работать. Вот предлагают место учительницы в отъезд... Буду жить в провинции и ждать, когда ты образумишься. Разводиться не будем, а только разведемся... временно или навсегда, будущее покажет... А может, сразу, теперь бросишь валять дурака?

Чигорин покачал головой.

— Я люблю тебя, Настя, мне больно будет, если бросишь меня, но... не могу оставить начатое дело! Может, еще все образуется. Если работа клуба оживится, прибавится членов, заведу помощников... авось и подписчиков больше станет... Потерпи хоть годик! Я же стараюсь, как могу...

— Я знаю, — возразила Анастасия Дмитриевна, — да старания-то твои тебе же во вред... Нет, я поеду! Редкий случай устроиться по-человечески. А ты... что ж, я и в Петербурге тебя почти что не вижу. Захочешь устроиться по-людски, приезжай ко мне, желанным гостем будешь! Впрочем, и это только мечты, в которые сама не верю. Да и ты не веришь! Не отрекайся! Я тебя насквозь вижу. Изучила! Ты меня любишь, и первую жену, может, любил, но не так, как простые, обыкновенные люди. И она, и я у тебя на втором плане всегда. А на пер-

вом плане — шахматы! Во что бы то ни стало! Любою ценою! Только они!

Знаешь, на кого ты похож? Я вчера взяла томик Пушкина и натолкнулась на твой, можно сказать, портрет. «Рыцарь бедный» — вот ты кто! Вылитый! Как он влюбился в некий религиозный идеал, так ты — в шахматы! Но у того хоть был замок, верные вассалы. Он мог позволить себе роскошь жить «строго заключен». А у тебя ни кола ни двора! Впрочем, что я вру: у тебя тоже замок — твой проклятый шахматный клуб. Только вассалов маловато, ха-ха-ха-ха!

Анастасия Дмитриевна залилась истерическим смехом, потом вытерла выступившие слезы и тихо сказала: — Прощай! Не могу больше... Или — до свиданья?

Вскоре она уехала. Михаил Иванович бродил по опустевшей квартирке, тоскуя о жене и размышляя о будущем. Беспросветным казалось оно! Чигорину на глаза попался валявшийся на окне томик Пушкина. Он вспомнил про «рыцаря бедного», печально улыбнулся и решил загадать по книге, раскрыв ее наудачу.

Удивленный, прочел вслух, будто был не наедине с собою, такое четверостишие:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

«Удачное гадание,— подумал Михаил Иванович.— Как в воду глядел! Надо только заголовок переделать: не «Поэту», а «Шахматисту». И начало: «Ты шахматист: живи один». Что ж, видно, такая моя судьба. Это ответ на Настины слова. Я должен делать то, во что верю!»

Чигорин махнул рукою на мечты о личном счастье и стал собирать пожитки для переезда во вновь открытый шахматный клуб. Сборы были нетрудны: чемодан с бельем, другой — с одеждой, связка книг и любимые «дорожные» шахматы. Остальное имущество поделили Анастасия Дмитриевна и старьевщик.

Клуб живет, «Шахматный вестник» гибнет

1 октября 1886 года Петербургское общество любителей шахматной игры официально открылось в квартире, о которой Чигорин рассказывал жене. Председате-

лем общества единогласно был избран Чигорин, товарищем председателя — его свояк Дубравин.

21 октября тридцать два члена — основателя общества весело праздновали вторую годовщину фактического существования нового чигоринского клуба. Как красочно описывалось в № 10—12 «Шахматного вестника»: «Один из членов поднял заздравный кубок за шахматную музу Каиссу, другой — за созвучное имя не менее важной «музы» — каессы, потом были произнесены тосты за здоровье Чигорипа, Шифферса, Безкровного и многих других».

Началась повседневная деятельность общества. Несуспешные старания Михаила Ивановича приносили должные плоды, и пятилетие 1886—1890 годов было периодом процветания петербургского шахматного клуба.

Проводились квалификационные турниры, турниры-гандикапы, сеансы обычные и вслепую, консультационные партии, матчи, не говоря уже об обычной «легкой» игре на ставку. Два раза в месяц устраивались конкурсы по решению задач и этюдов.

Вот как описывает обычный шахматный вечер Г. А. Гельбак, бывший в то время секретарем общества:

«Около 8 часов вечера раздавались на парадном звонки за звонками, являлись любители — чистенькие, бритые, напомаженные, хорошо отоспавшиеся после обеда — все в крахмальном белье, с галстуками, булавками и брелоками. Большинство в рединготах покроя того времени, высоко застегивавшихся, длинных, многие — с бархатными воротниками. Сейчас же за доску; почти все играли «на интерес», ставка — «франк» (25 копеек) партия, редко — полтинник; если кто играл по рублю, то собирал усиленную «галерею». А кто участвовал в турнирах, того усаживал сам Чигорин, наблюдая за порядком. Часов не было, кроме двух-трех экземпляров частного владения. Бланки для записи партий тоже не применялись. Однако турниры проводились с дисциплиной. После 12 часов ночи наполнялась столовая, где засиживались до 4 часов ночи. Формально разрешалось только до двух, но это была лишь «теория». В два часа ночи сам Чигорин аккуратно гасил лампы в библиотеке, главном зале и бильярдной, ибо окна выходили на Мойку, и полиция обязана была следить, чтобы «шахматный клуб» — как называл нас околоточный надзиратель,

время от времени заходивший в прихожую, — «обязательно» закрывался в 2 часа ночи.

Чигорина того времени Гельбак описывает так: «Это был человек несколько ниже среднего роста, обладавший фигурой с памеком на коренастость и даже, можно сказать, на купеческий склад. Открытое лицо, лоб, обращающий внимание своей высотой, а под ним пара глаз, ровпо и уверенно сверкающих. Глаза светятся умом и в то же время отражают сознание своего превосходства над окружающими, но без признаков презрительного отношения к тому, кто был меньше по таланту».

И такой человек, шахматист в расцвете сил и таланта, ютился в задней комнатке клуба, как сторож, и выполнял сам свою организационно-техническую работу, рассматривая даже ее как свой общественный долг. Нельзя не признать, что Анастасия Дмитриевна была права: Чигорин умел постоять за себя на шахматной доске, но не в жизни!

В конце 1886 года чигоринское общество начало международное соревнование, которое еще больше прославило имя его основателя: матч по телеграфу Петербург — Лондон. Как мы уже знаем, столица Англии считалась тогда шахматным центром мира, и поэтому матч вызвал большой интерес повсюду.

Игрались две партии — одна белыми, другая черными, на ставку в 40 фунтов стерлингов (400 рублей). От Лондона вели игру маэстро Берд и четыре других ведущих английских шахматиста, от Петербурга выступал «комитет»: Чигорин, Шифферс, Безкровный, Полнер и Сабуров. Фактически же вел игру один Чигорин, так как на обдумывание хода давалось пять дней и далеко не всегда можно было собрать пятерку. У Шифферса было много своих дел. Крупный дипломат и «покровитель» общества, Сабуров играл слабо и был привлечен как влиятельный человек. Безкровный и Полнер явно уступали по силе Чигорину и Шифферсу.

Даже когда случайно удавалось собрать «комитет», то и тогда ходы, предлагавшиеся Чигориным, единогласно признавались сильнейшими. Михаил Иванович с энтузиазмом вел состязание, посвящая анализу позиций в обеих партиях все свободное время. К тому же Чигорин вообще был непревзойденным мастером анализа. Знаменитый Ласкер — сам замечательный анали-

тик — отмечал, что «когда в распоряжении Чигорина было достаточно времени для анализа, например в игре по переписке, он не имел равных».

В чем разница между игрой обычной, очной, в турнирах или матчах и игрой по переписке или по телеграфу? На первый взгляд очень незначительная: просто на обдумывание ходов даются не минуты и часы, а дни или недели.

Это неправильно! Существует и глубокая, принципиальная разница.

Игру по переписке (или по телеграфу) можно охарактеризовать как шахматы в химически чистом виде.

Отпадают все спортивные элементы в виде наличия живого противника против вас, нередко даже несимпатичного или раздражающего, нет неумолимого тиканья контрольных часов у локтя, мозг разгружен и занят только и исключительно шахматным содержанием развертывающейся борьбы. Отпадают все нервирующие приводящие обстоятельства, и борется только талант!

К тому же вы можете анализировать создавшееся положение с такой глубиной и подробностями, какие немислимы в обычной партии с часами, где у вас на обдумывание хода считанные минуты и за спиной глухо рычит скованный пока зверь — цейтнот, который вот-вот освободится и прыгнет!

В игре по переписке побеждает тот, у кого наряду с теоретическими знаниями и практическим опытом сочетается широта стратегического замысла и безукоризненность тактической реализации его. Игра по переписке — это искусство игры, плюс эрудиция теоретика, плюс вдохновение новатора, минус все остальное, что создает трудности в обычной партии.

Не случайно, что в наше время наряду со Всемирной шахматной федерацией существует и обособленная Международная федерация игры в шахматы по переписке (ИКЧФ), созывающая свои ежегодные конгрессы, устраивающая индивидуальные и командные первенства мира и иные соревнования по переписке, имеющая своих гроссмейстеров и международных мастеров.

Чигорин в игре по переписке чувствовал себя как рыба в воде, как дельфин шахматного океана. В такой игре не могли сказаться ни его возраст, ни усталость, 146 ни нервозность, ни спортивная непрактичность. Для не-

го не было никаких препятствий, кроме фигур противника, а их он своими красивыми и точными замыслами неизменно приводил к капитуляции.

Хорошо была поставлена в чигоринском клубе информация о матче Петербург — Лондон. В помещении клуба были вывешены в рамке под стеклом подробные условия матча, а рядом красовались две огромные демонстрационные доски, точно отражавшие положение в обеих партиях на текущий день. На особых бланках, прикрепленных возле досок, записывались полученные и отправленные ходы с обозначением времени их отсылки и получения ответов. Вся картина игры, таким образом, была перед глазами зрителя. Чувствовалась забота о болельщиках, говоря по-современному, рачительного хозяина шахматного общества и вдохновителя соревнования — М. И. Чигорина.

По свидетельству современников, матчем горячо интересовались не только петербуржцы, приезжавшие узнать очередные ходы даже в мороз из отдаленных районов столицы, но и любители многих других крупных городов. Нередко приезжали болельщики из Москвы, Киева, Харькова, Нижнего Новгорода, чтобы лично услышать от Михаила Ивановича, как обстоят дела и каковы шансы на успех. В клуб на имя Чигорина приходили письма с запросами о течении матча, с пожеланиями успеха и всяческими советами. Внимательно следили за ходом борьбы также шахматисты Европы и Америки.

Матч продолжался с 8 ноября 1886 года по 1 октября 1887 года.

Чигорин играл великолепно. Когда обе партии были доведены им до выигрышных позиций, лондонский «комитет пяти» перестал присылать ходы и даже не отвечал на запросы Петербурга. Надо знать национальные традиции англичан, чтобы понять, до какого разочарования они дошли, если отказались по-спортивному корректно закончить международное соревнование!

Чигорину пришлось призвать на помощь арбитра матча маэстро Колиша. Тот снесся с Лондоном и сообщил Петербургу, что англичане вторую партию матча сдают, а первую считают ничейной и, таким образом, признают матч проигранным.

Михаил Иванович предложил англичанам все же доиграть первую партию матча, давая им ничью вперед, 147

но они даже при таком заманчивом предложении отказались продолжать борьбу.

Чигорин не был удовлетворен заявлением англичан. Он напечатал во французском шахматном журнале детальный анализ финального положения первой партии матча, в котором убедительно показал, что позиция является не ничейной, а выигрышной для Петербурга. Англичане ничего не смогли возразить против блестящего чигоринского анализа.

Любопытно, что и вторая партия была напечатана с подробными примечаниями Чигорина во французском шахматном журнале, а вскоре перевод их появился в немецком шахматном журнале с таким вступлением редакции: «Мы начинаем этот номер с появившегося в «La Strategie» анализа великого русского маэстро Чигорина. Этот анализ представляется нам самым достопримечательным из всего того, что в течение многих лет появлялось в области анализа, а потому он заслуживает всеобщего серьезного внимания».

Победа Чигорина в обеих партиях и глубокий анализ их произвели сильнейшее впечатление на знатоков вообще и на чемпиона мира Стейница в частности.

К сожалению, только в Петербурге нашлись люди из враждебной Чигорину клики, возглавлявшейся Алапиным, которые роптали на то, что русский «комитет пяти» существовал номинально и Михаил Иванович, ведя игру единолично, «проявил совершенно исключительное пренебрежение к чужому мнению».

Любопытно, что ни Шифферс, ни остальные члены комитета так не высказывались, а подымали голос лишь завистники великого шахматиста, стоявшие на противоположных творческих позициях.

После достигнутого триумфа трудно обвинять Чигорина в том, что он единолично, без консультантов, добился победы в обеих партиях. Гениальный мастер, в интересах русского общества отказавшийся в расцвете сил от выступлений на международной арене, имел единственную возможность напомнить о себе зарубежному шахматному миру блестящей игрой по телеграфу. Учтем также высказывание М. Ботвинника, что «Чигорин — первый шахматист в России, который стал заниматься аналитической работой. До Чигорина этим занимался К. Яниш, но его анализы относились лишь к области дебюта, но не к шахматной партии в целом».

Мог ли быть Чигорин убежден (честно и непредвзято!), что, например, Алапин проведет игру лучше его, что коллективное обсуждение позиций не поведет к задержке передачи ходов, к бесплодным дискуссиям, к трепке нервов и, может быть, к посылке более слабого хода, чем предлагал Михаил Иванович, путем приведения в действие «машины голосования»?

Мог ли Чигорин рисковать репутацией единственного в России шахматного клуба и своей лично?

Кидая ретроспективный взгляд на историю матча, исход которого увеличил славу русского «шахматного оружия», надо уверенно ответить, что Чигорин формально, может быть, был не прав, но действовал так, как человек, выше всего ставящий интересы дела и спортивную честь родины.

Надо отметить, что уже в те годы нервы Чигорина начали явно сдавать. Это отражалось и во взаимоотношениях с несимпатичными ему людьми, и на шахматных результатах. Так, в очередном турнире-гандикапе 1887 года при десяти участниках первый приз взял второкатегорник Полнер. Начинаящий шахматист пятой категории некий Михельсон был вторым, а Михаил Иванович очутился лишь на седьмом месте!

На самочувствие Чигорина тяжело повлиял уход жены Анастасии Дмитриевны и крах журнала, которому он бескорыстно отдал столько сил и энергии.

В 1887 году вышел только один, последний номер «Шахматного вестника», да и то с запозданием на три месяца. Всего за полтора года существования журнала вышло девятнадцать номеров.

Единственное, что осталось у Михаила Ивановича, — созданный им с таким трудом Петербургский шахматный клуб.

«Общество любителей шахматной игры» под руководством столь заботливого председателя росло и крепло. Число членов неуклонно возрастало из года в год, соревнования всех родов следовали одно за другим, и даже был прочитан Шифферсом курс лекций по теории игры. Чигорин делал все, что мог, чтобы воспитать новые, молодые кадры и сделать из клуба шахматный центр Российской империи. Он появлялся в клубе первым и уходил последним. Один из постоянных посетителей клуба так характеризует облик Михаила Ивановича того времени:

«Спорить с Михаилом Ивановичем было бесполезно. Он твердо и непреклонно стоял на своем, почти никогда не уступая. Его вкусы, взгляды, симпатии были очень определены и неизменны. Вся его жизнь и деятельность похожи на тяжелый снаряд, выпущенный в одном направлении... В манерах Чигорин отличался угловатой застенчивостью и в то же время какой-то буйной стремительностью. Он ходил быстро и бесшумно, словно плавал, неожиданно появляясь то здесь, то там. Только за игрой в шахматы Чигорин прочно садился на стул, как вкопанный, и мог сидеть так часами, нервно покачивая ногами в минуты затруднений и устремив пронизательный взгляд на доску. Он не курил и терпеть не мог табака, чем иногда пользовались расчетливые партнеры, разводя вокруг шахматной доски облака дыма крепких сигар.

Психологическая характеристика Чигорина нелегка,— его трудно разгадать. Чувствовался в нем весьма оригинальный самородок, с самодовлеющим характером, мало доступным влияниям извне. Одной из отличительных черт его характера было болезненное самолюбие, из-за которого ему часто приходилось страдать».

Из дальнейших пояснений мемуариста видно, что под «болезненным самолюбием» он понимал обостренное чувство собственного достоинства у Чигорина, отсутствие у него всякого раболепия перед тогдашними титулованными или богатыми шахматными «меценатами», в чем читатель еще не раз убедится.

Из нищеты, из народных низов пробился Чигорин к мировой славе; Михаил Иванович чувствовал, что общественное уважение, которым он пользуется, делает его по меньшей мере равным любому современнику — будь тот даже светлейшим князем или миллионером. Однако его друзья, привыкшие преклоняться перед титулом и богатством, не понимали Михаила Ивановича и даже осуждали такую «щепетильность».

Это чувство собственного достоинства искусно использовалось врагами Чигорина, ревниво и завистливо следившими за ростом его авторитета. И чем больше становилось членов клуба, тем сильнее в нем разгоралась борьба между приверженцами Чигорина и сторонниками богатого и тщеславного Алапина, который тоже входил в правление клуба и упорно противопоставлял себя Михаилу Ивановичу и в большом и в малом.

Алапинцы пытались использовать каждый повод для скандала. Михаила Ивановича, например, обвиняли в резкости и нетактичных выходках по отношению к слабо играющим членам клуба.

Действительно, Чигорин был отзывчив, вежлив и доступен для подлинных любителей игры, но иногда по врожденной вспыльчивости и приобретенной с годами раздражительности уставал от нелепых вопросов, которые ему от «нечего делать» задавали богатые или чиновные члены клуба. Они высокомерно рассматривали Чигорина как своего рода дежурного консультанта, хотя Михаил Иванович ни жалованья, ни иного вознаграждения за непрерывные хлопоты по клубу не получал.

И вот, показывая такому навязчивому человеку, как делать мат конем и слоном, Чигорин доводил анализ до положения, в котором оставалось сделать мат в один ход, и устало говорил: «Ну, а последний ход вы уже найдете сами». А иногда на высказанную в десятый раз просьбу слабого, но назойливого шахматиста разобраться в сложной позиции и решить, кто выиграет — белые или черные, Михаил Иванович, не зная, как отвязаться от докуки, отвечал: «Проиграют те, которыми вы будете играть!»

Подобные шутки, конечно, обижали людей, но их легко было предупредить, не раздувая обид, а келейно обратив внимание Чигорина на недопустимость подобных острот. А «обиженным» следовало учесть, что Чигорин вовсе не обязан был давать уроки начинающим шахматистам или быть ходячим справочником. Но никто не подумал об этом, и «бури в стакане воды» случались все чаще.

Казалось, что судьба Михаила Ивановича, закруглявшего уже четвертый десяток лет, предопределена: оставаться весь век мелким профессионалом в узко очерченном шахматном кругу Петербурга, вариться и дальше в собственном соку.

Но, к счастью, пришло спасение из-за рубежа — от самого страшного и опасного шахматного «врага» Чигорина — от чемпиона мира Стейница, который на деле оказался подлинным другом и ценителем гения русского шахматиста.

Великие люди выше мелочных чувств!

Хотя протекло уже шесть лет со времени последнего выступления Чигорина в международном турнире, но в памяти шахматистов всего мира было свежо обаяние его игры. Телеграфный матч Петербург — Лондон, последующие замечательные чигоринские анализы ряда партий показали, что сила русского маэстро растет.

Общественное мнение выдвигало Михаила Ивановича как наиболее полноправного и опасного соперника чемпиона мира.

Еще в 1886 году авторитетный английский маэстро Г. Берд, пересмотревший за минувшие двадцать лет свое отношение к Стейниц, писал: «Чигорин из Петербурга в настоящее время, вероятно, не уступает ни одному игроку, за исключением, может быть, Стейница».

А в корреспонденции из Парижа 1887 года читаем: «Как долго Стейниц надеется держать скипетр в своих руках? Не более нескольких лет, так как он уже пережил свои молодые годы. Рано или поздно его имя появится в списке сошедших со сцены жизни, и ввиду этой возможности в кафе «Режанс» уверяют, что тогда первенство перейдет к Чигорину в Петербурге, который, как и вся русская нация, неудержимо стремится к первенству».

Часто вспоминал о Чигорине и сам Стейниц в связи с недавней их полемикой о Морфи. Ведь Стейниц получал «Шахматный вестник» (как видно из списка подписчиков) и внимательно изучал теоретическое содержание чигоринского журнала, по-

Глава шестая

БОРЬБА ЗА МИРОВУЮ ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

сылая русскому маэстро в обмен свой «Интернейшл chess мэгэзин». К тому же Чигорин был в то время единственным из ведущих шахматистов мира, над которым Стейниц не доказал своего превосходства: в личных встречах с Михаилом Ивановичем он имел худший счет. А в характере Стейница было нечто рыцарское: он не уклонялся под теми или иными благовидными предложениями от борьбы с опасными соперниками, а сам рвался к очередному трудному поединку.

К тому же Стейниц, имевший жену и дочь и живший только на шахматный заработок, остро нуждался. Его шахматный журнал прибыли не давал, международные турниры в США не организовывались, да и в Европе проводились редко, а гастроли в различных американских городах не получались, так как своими критическими отзывами о национальном шахматном кумире и вообще резкостью своего упрямого, принципиального характера чемпион мира испортил отношения с заправилami американского шахматного движения. Поэтому они не баловали Стейница приглашениями на гастроли, хотя он и писал в своем журнале, что «отдает себя в распоряжение шахматных клубов» для проведения сеансов одновременной игры и других показательных выступлений.

Стейницу нужна была новая внушительная матчевая победа, чтобы вновь доказать шахматному миру, что он был и остается его полноправным чемпионом.

Случай скоро представился.

Еще в 1883 году Стейниц посетил Кубу, где выиграл матч у чемпиона острова Гольмайо и провел ряд выступлений. Гаванский шахматный клуб в конце прошлого столетия развивал усиленную деятельность и постепенно отбил у Лондона репутацию шахматного центра мира. Его члены — богатые плантаторы-креолы и торговцы сахаром — не жалели денег для привлечения на свой прекрасный остров американских и европейских знаменитостей. В их памяти свежо было время, когда сам знаменитый Пауль Морфи нашел пристанище на Кубе и даже играл шахматные партии с чемпионом острова негром Феликсом — рабом плантатора Сикре.

В 1888 году Стейниц уже в качестве чемпиона мира был снова приглашен в Гавану на гастроли. Он сыграл два матча с кубинскими маэстро Васкесом и Гольмайо, выиграл оба «всухую» и с удовольствием снова убедил-

ся, что полутропический климат Кубы не влияет на его здоровье и не отражается на качестве его игры. Как и партии матча с Цукертортом 1886 года в Новом Орлеане, так и кубинские гастроли показывали, что Стейниц легко акклиматизируется, и это имело огромное значение для спортсмена.

И вот, когда Гаванский шахматный клуб выразил желание провести на острове матч на мировое первенство между Стейницем и каким-либо другим знаменитым шахматистом, Стейниц решил вызвать на матч Чигорина, которого назвал «достойнейшим претендентом на мировое первенство».

Вот как позже в третьем лице чемпион мира излагал мотивы своего решения: «Стейниц выбрал в качестве противника русского маэстро Чигорина, с которым он уже дважды встречался. Первый раз на международном турнире в Вене 1882 года. Стейниц разделил тогда с Винавером первый и второй призы. Чигорин же остался без приза. Однако в личных встречах каждый из них выиграл по одной партии. Второй раз они встретились на международном турнире в Лондоне в 1883 году. Тогда в результате турнира они оказались гораздо ближе друг к другу. Стейниц взял второй приз, Чигорин — четвертый. При личных встречах Чигорин на этот раз оказался победителем в обеих партиях. Чигорин пользовался всеобщим признанием как первокласснейший маэстро. Особенное восхищение вызывал стиль его игры, характерными чертами которой являются редкая энергия и блеск комбинаций при проведении атак королевского фланга, а также точность расчетов в эндшпилях».

Надо отметить и другую, творческую, причину столь беспрецедентного в спорте шага, как вызов на матч чемпионом мира претендента. Ведь до того и после этого во всех видах спорта, не исключая шахмат, претендент вызывал чемпиона мира на матч и претендент же подготавливал практическое осуществление соревнования.

В те годы Стейниц усиленно пропагандировал принципы созданной им «новой», позиционной школы и искал случая практически проверить их во встрече с наиболее ярким представителем прежней, «старой», комбинационной школы, к которой Стейниц ошибочно причислял Чигорина.

Сам Михаил Иванович никогда не считал себя 155

принадлежащим ни к «старой», ни к «новой» школам. Его творчество было самобытно, оригинально, оно являлось новаторством, не входящим в узкие рамки того или другого течения шахматной мысли.

В одном своем высказывании по поводу победы в партии по телеграфу со Стейницем Чигорин так охарактеризовал свой творческий метод:

«Не считая себя принадлежащим к какой бы то ни было «школе», я в данных случаях руководствовался не отвлеченными теоретическими соображениями о сравнительной силе фигур и тому подобное, а единственно — теми данными, какие мне представлялись в том или ином положении партии, которое служило предметом подробного и возможно точного анализа. Каждый мой ход являлся посильным выводом из ряда вариантов, при анализе которых теоретические «принципы игры» могли иметь лишь весьма ограниченное значение».

Нельзя не напомнить читателю аналогичного высказывания другого великого русского шахматиста Александра Алехина по поводу попыток модной в двадцатых годах на Западе школы шахматных «гипермодернистов» причислить Алехина к своим лидерам. «Претенциозные определения, которыми критики, более или менее благоволяющие ко мне, пытаются охарактеризовать мое понимание шахмат, кажутся мне лишенными внутреннего содержания, — писал Алехин. — Я заявляю раз и навсегда, что охотно отказываюсь от чести быть одним из основателей «неоромантической», или «гипермодернистской» школы в пользу изобретателей сих пышных названий».

Чигорин в своих теоретических и полемических статьях не раз критиковал односторонность и догматичность «новой» школы, ведущей к обеднению творческого содержания игры.

Михаил Иванович не допускал в шахматах никакой фальсификации, никакой игры слов, понятий и вообще — искажения истины. Иначе, к сожалению, поступали Стейниц и его самые яркие последователи: Алапин в России и Тарраш в Германии. Они исходили из такого софистического силлогизма: Стейниц является представителем «новой», позиционной школы; Чигорин — не шахматист позиционного стиля игры, значит, Чигорин — приверженец «старой», комбинационной школы.

156 При таком подходе привлекающее широкие массы

шахматистов творчество Чигорина действительно являлось бельмом в глазу Стейница и его сторонников, не понимавших к тому же, что теория и практика игры органически связаны друг с другом и что практика является основой, неиссякаемым источником шахматной теории.

Если принимать их утверждения за чистую монету, то получается, что теория будто бы не имеет никакого практического значения, что можно не считаться с законами шахматной стратегии и тактики и тем не менее превосходно играть в шахматы. Вот образцы таких высказываний.

«Чигорин,— писал Стейниц,— это гений практической игры, считающий своей привилегией при каждом удобном случае бросать вызов принципам современной теории шахматной игры».

А позже Стейниц говорил Ласкеру: «Старая школа плоха, но ее король Чигорин — гениален».

Тарраш уже после смерти Михаила Ивановича писал: «Часто играл он с огромной силой. Случалось, что его ходы были плохи, но слабыми они не были никогда... У него не было и следа умения оценивать позицию (подчеркнуто мною. — В. П.), он умел только хорошо играть в шахматы, но не думать шахматно. И эта слабость была его величайшей силой. Благодаря ей никакая самокритика не уменьшала его уверенности в себе, и он обычно был убежден, что его позиция хороша и партия должна быть выиграна... Нечто демоническое было в его игре, пламенная страсть, соединенная с упрямым самоутверждением».

Только одно свойство Михаила Ивановича Тарраш, много лет пристально следивший за путем русского чемпиона, отметил правильно: «Нет никого, кому бы так мало благоприятствовало турнирное счастье, как Чигорину, но нет никого, кто так мало нуждался бы в турнирном счастье, как Чигорин».

Такая же неправильная трактовка творчества гениального русского маэстро встречается и в наше время. Сравнительно недавно, в 1952 году, в США вышла книга известного американского шахматного писателя Фреда Рейнфельда, посвященная всем чемпионам мира, под интригующим названием «Человеческая сторона в шахматах».

В связи с апологией Стейница Чигорин характери- 157

зуется там как «великий шахматист», но вместе с тем указывается, что он был «нигилистом и игроком». «Нигилизм» Чигорина, как видно из контекста, заключался в том, что он критически относился к провозглашенным Стейницем «незыблемым законам шахмат», а понятие «игрок» дано не в качестве синонима слова «шахматист», каким оно было в прошлом веке, а в обывательском его значении, как символ любви Михаила Ивановича к риску, к головоломным, не укладывающимся в стейницевские стандарты позициям. Рейнфельд так и пишет: «Для Чигорина шахматы были своего рода русской рулеткой».

Далее американский автор дает такую наивную, одностороннюю, но все же лестную интерпретацию стиля русского чемпиона, начинающуюся с крайне пессимистического философского утверждения, характерного для современной американской литературы:

«Стейниц и Чигорин сходились в одном: что шахматы могут быть, и часто бывают, иррациональны, как сама жизнь (подчеркнуто мною. — В. П.). Они тоже полны хаоса, несовершенства, ошибок, неопределенности, всевозможных случайностей, непредвиденных последствий».

Но в то время, как Стейниц старался из всех сил навести порядок в этой иррациональности, Чигорин шел в другом направлении. «Давайте отдадимся во власть иррационального!» — в сущности призывал он. Стейниц пытался изгнать из шахмат все непредвиденное, Чигорин же восхищался невозможностью предвидеть все. Стейниц искал порядок, логику, уравновешенность, основные принципы. Чигорин же искал сюрпризов, разнообразия, новизны, блеска, удара молнии среди ясного неба».

В той же книге, в главе, посвященной Алехину, Рейнфельд отмечает (на этот раз совершенно правильно!), что Алехин с детства взял себе за образец игру Чигорина («Чигорин был его героем»), сформировался, как маэстро, под влиянием своего замечательного соотечественника и столь же рьяно рвался к риску, к блестящей комбинационной игре. Но в «нигилисты» Алехин у Рейнфельда почему-то не попал!

Я думаю, что читатель все же согласится с Чигориным и Алехиным. Всех нас чарует именно бездонность шахматного океана: не только логика и расчет, а как

раз те творческие элементы, которые любил Чигорин и которые превращают шахматную игру в искусство.

Если придет когда-либо такое печальное время, что шахматную партию и все ее комбинации можно будет рассчитать до последнего хода, это будет концом шахмат, и они перестанут интересовать людей так же, как самый захватывающий, но уже прочитанный детективный роман.

Известный литературовед профессор Л. И. Тимофеев на эту тему написал забавную юмореску. Вот ее содержание. Умирает страстный любитель шахмат и попадает на «тот свет». Первым делом разыскивает всех умерших шахматных светил: Филидора, Петрова, Морфи, Стейница, Андерсена, Чигорина и других. Предлагает Андерсену сыграть в шахматы. Любителю выпадает жребий играть белыми. Он делает первый ход королевской пешкой. Андерсен методично записывает ход белых, далее пишет: «Черные сдались» и под аплодисменты столпившихся вокруг корифеев поздравляет новичка с победой. Ошеломленный легким успехом, любитель спрашивает зрителей, в чем дело. «Видите ли, — объясняет ему Стейниц, — времени тут у нас не занимать, мы коллективно проанализировали все возможные варианты и пришли к выводу, что после хода 1. e2 — e4 сопротивление бессмысленно. Зачем же дальше бороться?» «После этого, — рассказывает герой юморески, — я сыграл много партий с разными знаменитостями и, к моему полному удовлетворению, добился со всеми равного счета. Правда, партии, как и первая, продолжались недолго».

К счастью, до такого конца, как в юмореске, еще далеко! Умные машины могут рассчитать до малейших деталей даже полеты космических кораблей, но, разыгрывая шахматную партию, не поднимаются над уровнем начинающего любителя. Разгадка этого проста. Работа любой кибернетической машины основана на элементарной истине: «дважды два — четыре». В шахматной партии та же формула может звучать иначе: «дважды два — пять» или «дважды два — три».

Чигорин признавал это, Стейниц — нет.

Более убедительную характеристику Чигорина дал в 1892 году английский шахматный журнал: «Чигорин — блестящий шахматист, смелый и отважный. Одна-

ко этим качествам он редко позволяет превращаться в опрометчивость. Он обладает глубокими знаниями и, принимая многие принципы так называемой «новой» школы, пророком которой является Стейниц, не допускает, чтобы эти принципы играли относительно его гения роль оков. Чигорин — не педантичен, его концепции высоки, идеи великолепны, стиль безупречный».

Две философии шахматного боя

Чем же все-таки объяснить такие в корне противоречивые суждения крупнейших зарубежных авторитетов?

Только тем, что Чигорин, как теоретик и шахматный мыслитель, был на голову выше своих критиков, что он отвергал не теорию вообще, как они утверждали, а лишь теорию догматическую, педантскую, состоящую из абстрактных, надуманных «законов», якобы применимых к любой шахматной позиции и поэтому обескровливающих и обедняющих шахматное творчество, не двигающих его вперед.

Чигорин так отзывался о работах зарубежных коллег: «Нередко теоретическое — синоним шаблонного, ибо что такое «теоретическое» в шахматах, как не то, что можно встретить в учебниках и чего стараются придерживаться, поскольку не могут придумать чего-либо более сильного или равного, самобытного».

Михаил Иванович считал, что «в каждом дебюте, чуть ли не в каждом варианте его, можно избежать шаблонных, книжных вариантов, достигая при этом, разумеется, не худших, если не лучших, результатов».

Как видно, Чигорин был страстным врагом шаблона, энтузиастом-новатором!

В другом высказывании русский теоретик подробно развивает свой тезис о творческом овладении шахматной теорией и о необходимости экспериментальных поисков в дебютах: «В шахматных книгах и журналах то и дело приходится слышать: «теоретично», «теоретичнее было бы» и т. п. При этом под словом «теоретично» понимают обыкновенно ходы общепринятые, постоянно встречающиеся, имеющие разве то преимущество, что они более других исследованы. В действительности же почти во всех дебютах можно приискать такие ходы,

которые не уступят теоретическим, если опытный и сильный игрок сумеет сделать их исходным пунктом комбинации. Вообще шахматная игра гораздо богаче, чем можно представить ее на основании существующей теории, стремящейся сжать ее в определенные узкие формы».

Стейниц, Тарраш, Алапин и многие другие не понимали, что Чигорин является не королем «старой» школы, а главой третьего, наиболее передового, прогрессивного течения шахматной мысли, которое нашло свое блестящее развитие в теоретических работах и спортивных достижениях на международной арене Алехина и советских шахматистов. Именно поэтому самая передовая в мире советская шахматная школа по праву может называться чигоринской шахматной школой, поскольку Чигорин был ее основоположником и в теории и в практике.

Познакомимся вкратце с установками шахматных школ, поскольку их подробная характеристика не входит в тему этой книги, после чего «предоставим слово» самому Чигорину.

Напомню читателю, что хотя шахматная игра существует свыше тысячи лет, ее теперешние правила и вытекающие из них законы окончательно сформировались лишь за последние столетия.

Вначале основной темой шахматной борьбы была прямолинейная атака на короля и достижение мата любой ценой. Для старой, иначе итальянской, шахматной школы характерны были такие партии: или белые стремительно использовали дебютную ошибку противника и быстро матовали черного короля, или оба партнера, кое-как развив свои силы, начинали обоюдный стремительный штурм позиции неприятельского короля, не стесняясь ни пожертвованием ценного материала, ни образованием позиционных слабостей в собственном лагере. Игра шла «ва-банк»!

Очень часто исход партии решался не искусством игры того или иного шахматиста, а счастливой случайностью в виде некорректной, но удавшейся вследствие плохой защиты противника комбинации. На большой высоте были только техника конкретного расчета вариантов и комбинационное чутье. Блестящими представителями «старой» школы в позднейший период были, например, Андерсен или Блекберн.

В противоположность односторонней, основанной на нездоровом авантюрном риске, иногда ловушечной игре Стейницем был выдвинут иной подход к шахматной борьбе, основанный на значении пешечного расположения, на повышении техники защиты, на принципиальном признании возможности добиться победы не только матовой атакой, но и позиционным маневрированием с целью получить небольшой материальный перевес и потом постепенно реализовать его.

Стейниц не был абсолютным новатором в провозглашении преимуществ позиционной стратегии. Он использовал идеи и принципы, высказанные или продемонстрированные практически гениальными мастерами прошлого. Но заслуга Стейница была в том, что он сумел обобщить и сформулировать в печати установки «новой», позиционной школы, постепенно завоевавшие общее признание и прославившие имя Стейница больше даже, чем его спортивные достижения.

Как многие теоретики-новаторы, Стейниц иногда впадал в крайность, чтобы оттенить ярче свой тезис, и доходил даже до полного отрицания комбинационного творчества.

Он, например, утверждал, что «шахматный стратег не должен гнаться за возможностью блестящих комбинаций, а, наоборот, должен бороться с ними и предупреждать их простыми и неблестящими средствами».

Эта мысль, которую вознесли на щит в свое время, крайне путана. Речь идет, очевидно, не о «блестящих комбинациях» со стороны противника, потому что какой же чудак будет вызывать «огонь на себя» и готовить себе разгромное поражение? Значит, речь идет об отказе самому проводить блестящие комбинации, дабы ограничиваться спокойной позиционной борьбой.

Другим перегибом Стейница было то, что он пытался короля сделать активной воюющей фигурой. Так, в одной из статей того времени Стейниц писал:

«В настоящее время шахматная тактика во многом изменилась и во многом вполне противоположна старой. Атака на королевский фланг теперь составляет не правило, а исключение. Обыкновенно атака ведется сначала на центр или на ферзевый фланг... Основная идея (подчеркнуто мною. — В. П.), послужившая поводом к изменению системы, состоит в том, что за королем

162 признано значение сильной фигуры, пригодной не толь-

ко для защиты, но и для атаки, даже и в начале игры, причем, стоя у центра, он сможет сообразно требованиям партии поддержать оба фланга... Неизменная и преимущественно тактическая атака прежнего времени заменена в настоящее время стратегическими маневрами, небольшие преимущества схватываются и собираются на всяком пункте доски. Игра в настоящем ее виде основана на более положительных началах и более обращает внимание на целесообразное расположение сил, чем на непосредственную атаку».

Последователь Стейница, чемпион Германии конца прошлого века Тарраш в своем отрицании комбинационной игры пошел еще дальше. «Я всегда держусь того мнения,— писал он,— что жертва фигуры или пешки почти никогда не является непременным условием правильной и, так сказать, нормальной атаки и что жертва для получения или сохранения атаки нужна лишь в тех случаях, когда при естественном продолжении атаки допущена ошибка».

Таким образом, по мнению идеологов «новой» школы, борьба в шахматной партии должна была сводиться к осторожному маневрированию и к выжиданию ошибок противника. Конечно, если бы лидеры «новой» школы на практике строго придерживались своих теорий, они недалеко бы ушли в своем мастерстве, но в практических соревнованиях страстное сердце маэстро, его интуиции и темперамент препятствовали творческому самоограничению, и все они играли порой столь же смело и рискованно, как любой представитель осуждаемой ими «старой» школы. Вся разница была только в том, что они не добровольно искали осложнений, а использовали благоприятный случай, предоставлявшийся им противником. И у Стейница и у Тарраша можно найти немало прекрасных комбинационных партий, под которыми охотно подписались бы Андерсен, Блекберн, Цукерторт.

Чигорин внимательно следил за теоретическими высказываниями Стейница и хотя часто в печати критиковал его установки и отмечал непоследовательность в их применении на практике, но явно симпатизировал чемпиону мира как искателю-экспериментатору. Вообще в характере обоих великих шахматистов, в их творческом отношении к шахматам было что-то общее, роднящее их, и не мудрено, что, «враги» за шахматной доской, они стали друзьями в жизни и всегда

сочувственно и почтительно относились друг к другу.

Я уже цитировал фразы Стейница, где он называл Чигорина гением.

А в 1891 году Чигорин писал Стейницу так:

«Истинные поклонники шахмат должны быть благодарны вам за тот интерес, который вы постоянно возбуждаете вашими нововведениями, и за ваше отвращение к шаблонной игре. Как вам известно, я не вполне разделяю вашу теорию и ваши принципы, что, однако, не мешает мне ценить их. Но вы несправедливы ко мне, многоуважаемый мистер Стейниц, когда приписываете мне односторонний взгляд на трактовку королевского фланга. В конце концов, вероятно, мы оба правы в наших взглядах на ведение игры. В некоторых своих лучших партиях вы тоже не отказывали себе в атаке королевского фланга».

Любопытно, что Стейниц, опубликовав это письмо в издаваемом им журнале, счел нужным отмежеваться от хулителей великого русского шахматиста. По поводу последней части письма Стейниц писал: «Многие критики, постоянно причисляющие Чигорина к старой школе, в большей степени, чем я, ответственны за то, что его упрекают в односторонности».

На самом деле Чигорин был далек от творческой ограниченности обеих школ — «старой» и «новой». Именно Чигорину суждено было объединить оба эти направления шахматной мысли. Теперь всякому квалифицированному шахматисту известно, что для достижения успеха необходимо (независимо от индивидуального стиля игры) сочетать в своем творчестве комбинационное, тактическое мастерство и позиционную, маневренную стратегию. Но в те времена это не было общепризнанной истиной.

Чигорин первым выдвинул и осуществил принцип гармоничного сочетания шахматной стратегии и тактики, комбинационных и позиционных элементов игры, что ныне является основной установкой советской шахматной школы. Михаил Иванович был сторонником вдохновенного шахматного творчества, конкретного подхода к позиции без заранее надуманных рецептов.

«Умение искусно комбинировать, способность находить в каждом данном положении наиболее целесообразный ход, скорее всего ведущий к выполнению задуманного плана, выше всяких принципов, или, вернее ска-

зять, и есть единственный принцип в шахматной игре, поддающийся точному определению», — писал Чигорин.

Интересно, как эти творческие установки перекликаются со взглядами другого гениального русского шахматиста, преемника Чигорина. Сорок лет спустя в беседе с чешским мастером Опоченским чемпион мира Александр Алехин высказал такие мысли:

«Наше шахматное общество мастеров и гроссмейстеров страдает ограниченностью свободного шахматного духа. Мы мыслим шаблонно, мы думаем только о том, как решить позицию техническим путем. Мы слишком уверовали в непреложные законы игры. Все это мешает нашему самостоятельному мышлению, ограничивает наши возможности, сковывает нашу волю...

Современные шахматы в корне отличаются от игры наших дедов, — продолжал Алехин, — но в чем, собственно говоря, заключается прогресс? В прежние времена шахматисты полагались только на свою интуицию, надеясь на то, что в конце концов подвернется какая-нибудь комбинация. Теперь же играют только по строгим позиционным правилам и точному расчету. Раньше шахматисту достаточно было знать лишь несколько теоретических вариантов. Теперь этого уже мало. Так неужели прогресс заключается лишь в том, чтобы заучить их сотни? Нет уж, спасибо!

Заметьте, — резюмировал свою мысль Алехин, — если вы даже и запомните тысячи дебютных вариантов, вам это не поможет, так как в шахматы играют вот чем!» — и Алехин многозначительно постучал пальцем по лбу.

Как видно, оба великих русских шахматиста подчеркивали приоритет творческой фантазии, исходя из того, что шахматы — это прежде всего искусство, а потом уже наука и спорт. И приведенная цитата доказывает также, что Алехин в своем подходе к шахматам исходил из установок Чигорина. Насколько же грубо ошибались зарубежные современники Чигорина, относя его к «старой» школе!

Гениальный мастер комбинации, Чигорин был вместе с тем мастером позиционного маневра и силу тактического удара сочетал с задуманным стратегическим планированием, а нападение — с защитой.

«Желание воспользоваться сколь можно поспешнее ходом противника, кажущимся на первый взгляд неестественным, ошибочным, может завлечь в атаку по лож-

ной дороге,— писал Чигорин.— Только при постепенном развитии своих сил и крайне осмотрительной игре мало-помалу приобретаются известные выгоды в положении, а затем является уже возможность нанести решительный удар».

Чигорин был далек от опрометчивости, от авантюрной рискованности взаимных атак шахматистов «старой» школы. Наоборот, он подчеркивал необходимость тщательной позиционной подготовки перехода в атаку или в контратаку.

Наиболее выдающиеся молодые зарубежные мастера, свободные от предвзятых мнений, прекрасно понимали разносторонность игры Чигорина.

«Никогда не было мастера, который бы в такой степени сочетал в себе искусство атаки и защиты, как Чигорин»,— писал о нем чемпион США конца прошлого века Пилсбери.

Сам Чигорин прекрасно сознавал свое новаторство, но то, что современники под влиянием печатной агитации зарубежных теоретиков воспринимают его как сторонника старины, некоего шахматного реакционера, глубоко огорчало и раздражало его.

Когда появились статьи адептов «новой» школы, упрекавшие Чигорина в любви к осложнениям, к комбинационной игре и «пренебрежении» позиционной игрой, Чигорин разразился целой филиппикой: «Они знают обо мне больше, чем я сам... Что значит «любовь к осложнениям»? Какой нормальный человек предпочтет сложность простому пути? Все дело в том, что я часто предвижу победу в таком положении, где другие усматривают только сложность. Наконец, что значит это нелепое противопоставление комбинационного и позиционного стилей? Разве можно различить их чисто механически? В шахматах есть только два стиля — хороший, то есть ведущий к победе, и плохой, то есть ведущий к поражению. В каждой позиции скрывается возможная комбинация и каждая комбинация рождается из позиции».

Первое путешествие шахматного Синдбада

Вызов Стейница на борьбу за шахматную корону оказался для Михаила Ивановича полной неожиданностью. Приглашение на Кубу было неразрывно связано

с последующим участием в турнире в Нью-Йорке — первом крупном международном шахматном соревновании на американском континенте. Ведь кубинцы брали на себя только оплату проезда от Нью-Йорка до Кубы и обратно плюс содержание на месте. И надо было найти средства для пари за самого себя — ставку в размере 2000 рублей. Общая сумма взносов обоих противников (в данном случае — 4000 рублей) формально шла победителю в матче, а по существу — тем, кто давал деньги на пари. Победенный не получал ничего, если не считать кормовых и ничтожного гонорара по 20 рублей за очко.

Но перспектива встретиться в матче со знаменитым чемпионом мира Стейнницем, отвоевать у него шахматную корону была слишком заманчивой для Чигорина. К тому же представлялась редкая возможность посетить Соединенные Штаты и сыграть после многолетнего перерыва в крупном международном турнире. Страна, в которой ранее ни разу не бывали русские шахматисты! Страна, овеянная романтикой Фенимора Купера и Майя Рида, которыми зачитывался юный Михаил! Только попав в Америку, Чигорин осознал, что времена двухсотлетней войны белых трапперов с краснокожими туземцами сменились с виду мирными, но на деле не менее суровыми нравами бурно развивающегося капиталистического общества, где человек человеку волк!

После долгих колебаний Чигорин решился «открыть» Новый Свет для русских шахмат и даже рискнул надолго оставить петербургский шахматный клуб, вступивший уже в пятый год своего существования.

Оставалась только одна проблема: добыть денег на дорогостоящую поездку в Новый Свет и на матчевую ставку.

Пришлось обратиться к «просвещенным меценатам», которые недалеко ушли от обыкновенных непросвещенных ростовщиков. Многие петербургские и московские богачи-шахматисты получили письмо от члена Петербургского шахматного клуба Арнольда. В нем были изложены условия матча со Стейнницем, главным из которых было то, что для ставки за Чигорина требовалось 2000 рублей плюс расходы на поездку на Кубу, а затем на шахматный турнир в Нью-Йорке.

Далее разъяснялось, что подписка на ставку за Чигорина вовсе не являлась пожертвованием, а самой

обычной спекуляцией: «Условие подписки заключается в том, что если Михаил Иванович выиграет матч со Стейнцем, то подписные деньги не только возвращаются полностью, но еще и с барышом, который определится за вычетом из выигранной ставки расходов по поездке, пропорционально подписанной сумме; если же Михаил Иванович проиграет, то, само собой, деньги пропадают».

Таковы были условия тогдашнего шахматного спорта! Маэстро изображали собою гладиаторов, сражающихся для пополнения кошелька расчетливых богачей. Чигорин с полным правом мог сказать словами персонажа современной пьесы Островского: «Жестокое, сударь ты мой, у нас нравы!»

Правда, к чести меценатов надо добавить, что в случае поражения их чемпиона они не тащили его в суд, не ругали, не пугали, а просто, вздыхая, проводили пожертвованные деньги по графе «убытки», давая себе зарок никогда больше не связываться с такими делами.

Но поскольку шансы Чигорина котировались высоко и были перспективы поднажиться на нем, свет оказался не без «добрых» людей. Пятьсот долларов обеспечили три любителя из самой Гаваны. Остальная сумма была собрана в России, но, по-видимому, в обрез, так как Чигорин отплыл в начале декабря в США не на солидном лайнере из Гавра, а на каком-то захудалом суденышке из Копенгагена. Это был еще встречавшийся в те времена курьезный гибрид парусного корабля и парохода. Никаких удобств на нем не было, и Чигорин, выехавший из Петербурга переутомленным и нетренированным, не мог даже рассчитывать во время путешествия отдохнуть и заняться подготовкой к труднейшему соревнованию.

Сэкономив на чигоринском билете, «меценаты» оказали плохую услугу самим себе. Плавание вместо предполагавшихся шестнадцати дней заняло на неделю больше. Как сообщала газета «Новое время»: «Во время 23-дневного переезда из Копенгагена в Нью-Йорк 20 суток кряду продолжалась бурная погода, переходившая за это время два раза в сильную бурю, причем в первый раз на пароходе разорвало паруса, а во вторую бурю, продолжавшуюся несколько дней, выломало на пароходе

предметы, разорвало снасти, поотрывало койки и пр.». В письме, посланном из Нью-Йорка, Чигорин писал, что «в продолжение всего переезда через океан он совершенно не мог спать и, как человек, не привыкший к морю, каждый момент ждал, что пароход пойдет ко дну».

Не раз во время плавания Михаилу Ивановичу приходили на ум строфы из поэмы «Поэт и гражданин» Некрасова. Знаменитый русский поэт, который очень любил шахматы, призывал все подчинить одной цели — борьбе против крепостничества:

Но гром ударил, буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!

Для немолодого, не привыкшего к капризам океана первого человека такое длительное и тревожное путешествие было мучительным и сыграло роковую роль в матчевой борьбе Чигорина с чемпионом мира.

Поскольку пароход пришел в Нью-Йорк с большим опозданием, Чигорину не пришлось отдохнуть, и он вынужден был немедленно отплыть на Кубу. «В Гаване,— как рассказывал Чигорин в интервью, данном после возвращения на родину,— я тоже не мог как следует отдохнуть, потому что местное шахматное общество торопило начало матча, желая, чтобы его открыл испанский губернатор, собиравшийся уезжать. Местный климат и пища сразу же оказали вредное влияние на мое здоровье, и я принужден был играть наполовину больным. Мне случалось порою до того дурно чувствовать себя во время игры, что я почти забывался, и мне стоило страшных усилий сосредоточить свое внимание на игре. Некоторые партии я проиграл просто зевками. Однажды, явившись на очередной сеанс матча, я выглядел настолько нездоровым, что распорядители отложили сеанс и послали меня домой лечиться. Но отложить матч не было никакой возможности, пришлось бы тогда совсем его бросить».

Подчеркнув прекрасную организацию соревнования и заботливое отношение к нему организаторов матча, Чигорин остановился на огромном общественном интересе к матчу. «Зрителей всегда было множество, — рассказывал он,— так что наш матч положительно был злобой дня в Гаване. Даже извозчики интересовались

исходом нашей игры. Мне нельзя было никуда показаться — ни на гулянье, ни в лавку, чтобы не быть окруженным людьми, мне совсем неизвестными, закидывавшими меня градом вопросов... Меня ласкали, как могли, и, видимо, все симпатии были на моей стороне».

В заключение интервью Михаил Иванович сказал, что его «самое дорогое желание» сыграть со Стейнником новый матч в Петербурге и что тогда он будет «чувствовать себя на двадцать процентов увереннее в победе».

Действительно, знойный климат Гаваны был противопоказан Чигорину, уроженцу русского Севера, никогда не бывавшему не только в тропиках, но даже в Крыму. Но климат, как мы увидим дальше, не был единственной причиной его поражения. Стейник же уже не раз месяцами гостил на Кубе и, хотя ему уже было 53 года, переносил жару легко и играл на полную мощность, демонстрируя превосходную теоретическую подготовку и тонкий психологический подход к своему противнику.

Даже режим питания у Стейника был строго продуман. Как сообщал корреспондент американской газеты, Стейник перед каждой партией матча с Чигориным выпивал стакан разболтанных сырых яиц, утверждая, что это стимулирует ясность мысли.

Сохранилась фотография того времени. За неудобной старинной шахматной доской, даже без свободных краев, на которые можно было бы облокотиться и положить карандаш и бланк для записи партии, сидят Стейник и Чигорин. Чемпион мира — низкорослый, плотный, приземистый человек, сама поза которого свидетельствует об основательности и уверенности в себе. Крупное лицо с большой окладистой бородой и начинающими сидеть рыжеватыми бакенбардами. Часами он способен неподвижно сидеть, невозмутимый, как Будда, бесстрастно обдумывая ходы и ничем не выдавая малейшего волнения.

По другую сторону доски мы видим претендента на шахматную корону. Чигорин сидит в напряженной позе, с глазами, устремленными на доску, взвинченный, как охотник, заметивший дичь. Типичное лицо русского интеллигента девятнадцатого века с зачесанными назад волосами и небольшой бородой. В противоположность спокойно сцепленным рукам партнера его руки раздви-

пути, как будто он готов правой рукой сделать ход, но левой удерживает ее от поспешности.

Один флегматичен и невозмутим, другой страстен и нервен.

Матч игрался на большинство из двадцати партий.

Сил Чигорина хватило только на хороший старт: он выиграл первую, третью, шестую и седьмую партии, но затем проиграл три партии подряд и резко снизил наступательный порыв, а на самом финише снова потерпел три поражения.

Матч, начавшийся 20 января 1889 года, окончился 24 февраля победой Стейница со счетом $10\frac{1}{2} : 6\frac{1}{2}$, или $+10, -6, =1$. Чигорин все нечетные партии играл белыми.

При изучении партий матча поражает большое количество грубых ошибок, допущенных Чигориным, тогда как Стейниц не допускал ни просчетов, ни просмотров и играл с большой выдержкой и уверенностью в себе.

Надо признать, что победа Стейница была не случайной, а заслуженной, несмотря на то что Михаил Иванович играл явно ниже своей силы. Стейниц как в матче с Цукертортом, так и в поединке с Чигориным проявил себя не только первоклассным маэстро, но также прекрасным спортсменом и тонким психологом.

Почему победил Стейниц

Свойства идеального чемпиона мира можно схематично изобразить в виде квадрата, в котором, как известно, все стороны равны. Одна сторона квадрата — природное дарование, вторая сторона — разносторонняя теоретическая подготовка, точность расчета и мастерство анализа — то, что в сочетании с талантом и создает искусство игры. Первые две стороны квадрата и характеризуют шахматиста-художника.

Третья сторона квадрата — это безупречная спортивная форма, под чем надо разумеать превосходное здоровье, железные нервы и, как следствие этого, волю к победе, выдержку и веру в себя.

Четвертая и последняя сторона квадрата — это спортивная практичность: продуманный режим, правильный выбор места соревнования, объективная оценка обоюдных шансов на победу, умение понять сильные и слабые

стороны самого себя и противника, дабы использовать такое знание для подготовки победы.

Такие две стороны квадрата характеризуют шахматиста-с п о р т с м е н а.

Чемпион мира, стало быть, должен быть и художником и спортсменом.

Каковы были чисто спортивные козыри Стейница перед матчем с Чигориным? Во-первых, он имел огромный опыт подобных соревнований, сыграв уже 22 (!) матча с шахматистами самой разной силы и стилей. В том числе он сыграл четыре матча на Кубе: первый раз в 1883 году и три перед поединком с Чигориным. Это были своего рода генеральные репетиции, причем в том же самом месте и при том же самом климате. Он мог не опасаться ни жары, которую привык легко переносить, ни незнакомой пищи.

Чигорин же имел небольшой опыт матчевых встреч — только с Шифферсом и Алапиным, причем матчи эти игрались уже давно и в условиях, отличных от кубинского соревнования.

А ведь между турниром и матчем большая с п о р т и в н а я разница!

В турнире шахматист встречается подряд со многими соперниками, в матче — с одним и тем же. Уже одно это показывает необходимость привыкнуть к определенному стилю боя, к творческим особенностям и даже к чисто бытовым привычкам противника — изучить его. Например, когда Ботвинник во время своих матчей отходил от доски и, прохаживаясь по сцене, поправлял галстук, зрители уже знали, что замечательный советский гроссмейстер доволен своим положением на шахматной доске.

Капабланка в тяжелые моменты партии накрывал стул и почти припадал лицом к столу. Зато, когда у него было хорошее положение, он расхаживал по сцене и бросал благосклонные взгляды на публику. Таких «примет», помогающих определить настроение противника, можно привести очень много, и они, конечно, дают возможность наблюдательному партнеру ориентироваться в ходе партии.

В матче вы изучаете одного противника детально, в турнире — многих, но не так основательно.

В турнире, если вы идете во главе его и неожиданно проиграете партию, это не значит, что вы утратили лидерство наверняка. Ведь в том же туре ваши сопер-

ники тоже могут проиграть или сделать ничью, и картина турнирной гонки не изменится. В матче же потерянное очко стоит дорого: так как не только вы его утратили, но оно перешло в актив вашего противника. В турнире можно потерпеть два-три поражения подряд и потом наверстать упущенное. В матче же, если противники имеют равное или почти равное количество очков, проигрыш двух-трех партий подряд означает верный проигрыш всего матча. Этим и объясняется то, что исход почти всех матчей на мировое первенство вырисовывался еще до финиша. Крайне редко судьба мировой шахматной короны решалась в последней партии матча, тогда как в турнире победитель часто выясняется лишь в последнем туре.

Большая разница даже в таком с виду мелком вопросе, как ничья в турнире или в матче. В турнире ее можно делать без опасений — в порядке «передышки» или просто чтобы не рисковать в яростной схватке потерей лидерства. В матче же ничья выгодна тому из противников, кто имеет преимущество в очках, поскольку приближает заветную победу. А при равенстве очков ничья выгодна играющему черными, так как он ею «выигрывает цвет», то есть в следующей партии имеет преимущество выступки и дебютную инициативу.

В матче Чигорина со Стейницем и оказалось знание чемпионом мира всех этих как будто несущественных, но на самом деле имеющих большое значение в шахматной практике «мелочей», которые Чигорин недооценивал.

Стейниц был прекрасно подготовлен теоретически, поскольку он следил за достижениями теоретиков всего мира и испытал во встречах с Цукертортом и другими первоклассными маэстро все — как старинные, так и новые — дебюты. Стейниц внимательно изучил дебютный репертуар и стиль игры Чигорина и приготовил наименее знакомый противнику и наиболее неприятный для того дебютный репертуар.

Стейниц учел также основную творческую черту Чигорина — отвращение к ничьим. Он знал, что в равной позиции Чигорин начнет искать выигрыш во что бы то ни стало, рискнет необоснованно нарушить позиционное равновесие и навредит самому себе больше, чем самый опасный противник.

И действительно, из семнадцати партий матча Стей-

ниц — Чигорин только одна партия закончилась вничью, именно — последняя!

Отвращение Чигорина к осторожной борьбе, к ничьим, к отказу от творческого риска хорошо было известно и его позднейшим «товарищам по оружию». Вот что говорил немецкий маэстро Тейхман, встречавшийся постоянно с Чигориным в турнирах начала нашего века:

«Единственное, что мешает практическим успехам Чигорина, — это стремление создавать в каждой своей партии бессмертный памятник шахматного искусства, не учитывая ни своего положения в турнире, ни психологии куда более практично рассчитывающих противников. Эта черта Чигорина стоила ему большого количества очков и еще гораздо большего — полуочков!»

Полвека спустя Ботвинник иначе выразил ту же мысль: «Слабостью Чигорина являлось то, что он не всегда учитывал психологию партнеров, недостаточно интересовался психологическим элементом в шахматной борьбе. Чигорин, проводя задуманные им стратегические планы, нередко шел напролом, не чувствуя настроения партнера, не считаясь с возможной опасностью. Вот почему в решительные моменты борьбы у него и получались иногда творческие катастрофы».

Вероятнее всего, однако, что Чигорин шел «напролом» не из-за недооценки психологии, а совершенно сознательно, полагая, что силой своего таланта совершит «чудо» и преобразит даже худшую позицию в выигрышную. Михаил Иванович был чужд всяким «спортивно-тактическим» расчетам вроде изучения дебютного репертуара противника, чтобы избирать именно те дебюты, в которых тот слаб, или играть практически незнакомые тому варианты. Характеру Чигорина было несвойственно стремление к достижению победы не чисто шахматными средствами, и ему даже было бы неприятно поймать противника на заранее заготовленный вариант. Он походил на древнерусского князя Святослава, который гнушался нападать на врагов врасплох и поэтому сам предупреждал их: «Иду на вы!»

Чигорин не допускал даже мысли о том, чтобы по спортивным соображениям (например, чтобы сохранить лидерство в матче или «выиграть цвет») сознательно играть «на ничью» и вообще уклоняться от острой борьбы «до последней капли крови».

вания, по «рентгеновской» глубине комбинационного зрения, по искусству позиционного маневра, по точности расчета и мастерству анализа Чигорин явно превосходил чемпиона мира в двух стадиях партии — в миттельшпиле и эндшпиле.

В дебютной эрудиции Чигорин также превосходил Стейница, но только в области открытых начал, в которых оба противника первый ход делают королевскими пешками на два поля вперед. Особенно силен Михаил Иванович был в старинных дебютах, бывших в большой моде почти до конца девятнадцатого столетия: в королевском гамбите и в гамбите Эванса, сразу ведущих к головоломной борьбе. Именно на них он вырос и сформировался как шахматный маэстро.

Но закрытые и полуоткрытые дебюты, ведущие тогда к осторожной маневренной борьбе, были в восьмидесятых годах ахиллесовой пятой Чигорина. Он не был теоретически и практически знаком ни с ферзевым гамбитом, ни с дебютом ферзевых пешек, которые уже занимали видное место в дебютном репертуаре Стейница и Цукерторта и были практически освоены чемпионом мира в их матче.

Уступал Чигорин Стейницу также в состоянии здоровья. Нервная система Чигорина и связанные с нею спортивная выдержка и хладнокровие были явно не на высоте, что сказывалось в торопливых, непродуманных ходах, в просмотрах и грубых ошибках — «зевках».

Чемпион мира при подготовке к матчу учел все эти спортивные недостатки Чигорина, о которых ему заранее «любезно» сообщил из Петербурга Алапин, добровольно и охотно взявший на себя непривлекательную роль осведомителя. Детальное знакомство со спортивным и творческим обликом Чигорина в сочетании с плохим физическим состоянием русского маэстро, утомленного морскими тревожениями и страдавшего от непривычной жары, принесло Стейницу победу в матче.

Предопределила исход борьбы хитрая дебютная тактика чемпиона мира. Играя белыми, Стейниц всегда делал первый ход королевским конем, а второй — ферзевой пешкой. Это начало в те времена носило название дебюта Цукерторта. Теперь оно в зависимости от дальнейших ходов может перейти в дебют ферзевых пешек, ферзевый гамбит и т. п.

Стейниц с самого начала, зная чигоринский стиль 175

и темперамент, думал не об атаке, даже не о получении дебютного преимущества, а лишь о непробиваемой обороне королевского фланга. Позже у одного из последователей Стейница А. И. Нимцовича такая тактика, примененная уже не только к королевскому флангу, а вообще к любому угрожаемому пункту, получила оригинальное название — «избыточная защита» и была им разработана в целую систему. Выражаясь образным языком, Стейниц начинал войну с Чигориным со строительства неприступных «противотанковых укреплений»!

Будь Чигорин таким же спортивным психологом и умей поступаться своими принципами, он мог бы перехитрить Стейница. Если бы он довольствовался созданием столь же крепкой равной позиции с вероятной быстрой ничьей, он бы добивался упомянутого выше «выигрыша цвста», то есть, играя черными, сводил бы партию вничью с тем, чтобы белыми играть на выигрыш.

Любопытно, что почти сорок лет спустя аналогичная ситуация повторилась в другом матче на мировое первенство: между великим мастером позиционной стратегии, преемником Стейница и Ласкера — Капабланкой и прямым творческим преемником Чигорина — Алехиным. Но Алехин оказался практичнее Чигорина. Впоследствии он так писал о своей матчевой тактике:

«Играя черными, я применял тот же метод упрощения, какой при защите применял Капабланка... К середине матча я находил, что игра черными «на ничью» не представляет никаких трудностей».

Но можно ли упрекать Чигорина? Ведь в такой спортивной непрактичности опять сыграла роковую роль его шестилетняя оторванность от международного шахматного спорта, когда Чигорин почти не встречался на равных с сильными противниками, а подавляющее большинство партий играл в турнирах-гандикапах, где дебютная теория не имела никакого значения.

Те же немногие противники Чигорина, которые встречались с ним на равных, когда им приходилось играть белыми, обычно применяли такие же классические открытые дебюты, что и Чигорин: гамбит Эванса, королевский гамбит, итальянскую, шотландскую и испанскую партии, защиту двух коней.

и вошли в широкую практику значительно позже. Закрытых дебютов ни белыми, ни черными Чигорин до матча со Стейнцем почти не применял.

Поэтому, когда Стейниц белыми избирал дебют Цукерторта, Чигорину приходилось в порядке импровизации, за доской, решать сложные и новые дебютные проблемы. Но это требовало хорошей спортивной формы, которой у него не было. Чигорин, видимо стремясь к экономии сил при разыгрывании дебюта, избирал один и тот же невыгодный для черных вариант, связанный с немедленным выводом своего ферзевого слона и дальнейшим разменом его на королевского коня Стейница, что только усиливало пешечное прикрытие белого короля.

В результате из восьми матчевых партий, в которых Чигорин играл черными, он проиграл семь (!), а выиграл только одну. Невероятный, сверхнеудачный результат!

Психологически интересно, что подобный провал не был результатом незнания Чигориным правильных принципов защиты в закрытых началах, а следствием какого-то пренебрежения к ним. Еще в 1880 году, играя черными против Алапина, Михаил Иванович блестяще (даже с точки зрения наших дней) разыграл в ферзевом гамбите систему, лишь тридцать лет спустя названную иностранцами «ортодоксальной защитой», перехватили инициативу и быстро добился победы.

В лондонском же турнире 1883 года, играя уже белыми против Мэкензи, Чигорин сам начал партию закрытым началом — дебютом ферзевых пешек и тоже в превосходном стиле выиграл.

Но самое любопытное, что, печатая эти партии со своими комментариями в журналах «Шахматный листок» и «Шахматный вестник», Чигорин дебюты и там и там окрестил «неправильным началом»!

Со второй половины девяностых годов, когда Чигорин стал постоянным участником международных турниров, он в ответ на ферзевый гамбит разработал надежные и стратегически оригинальные дебютные системы и набирал в ферзевом гамбите, играя черными, нормальный процент очков.

Современник Чигорина, австрийский мастер Г. Марко, остроумный шахматный комментатор, сделал в 1907 году такое образное примечание к партии, где Михаил

Иванович на первый ход ферзевой пешки ответил ходом королевского коня:

«Теория в какой-то мере является намордником, который мы стараемся надеть на противника, чтобы защититься от его укусов. Понятно, он делает то же самое. Но намордники бывают разные: плетенные из кожи, редкие проволочные сетки, густые проволочные сетки. Нет хуже намордника, чем ферзевый гамбит! Самым ярким врагом намордников является Чигорин. Его могучая боевая натура жаждет кусаться и быть искусанным. Но ферзевый гамбит не дает для этого черным почти никакой возможности. Поэтому и в данном начале Чигорин стремится избежать шаблонных путей». Интересно, что в наши дни чигоринским ходом конем, который казался Марко странным, начинаются самые употребительные защиты.

Чигоринские «староиндийские» схемы в ответ на первый ход белой ферзевой пешки, его система контригры в ферзевом гамбите, известная ныне как «славянская защита», даже рискованная «защита Чигорина» и сейчас, как и семьдесят лет назад, постоянно встречаются в турнирной практике и вошли в золотой фонд мировой шахматной теории.

Но все это было открыто и разработано Чигориным поздно, слишком поздно для собственного применения и решающего успеха!

Невольно удивляешься, как люди, сочинявшие слезные циркуляры о необходимости материальной помощи Чигорину и, несомненно, благожелательно относившиеся к своему чемпиону, не подумали о том, чтобы создать возможность для русского претендента на мировое первенство хотя бы месяц отдохнуть на лоне природы и там заняться изучением партий Стейница и шлифовкой тех дебютных вариантов, в которых Чигорин не имел никакого спортивного опыта. Даже если бы петербургские болельщики организовали несколько тренировочных партий Чигорина с применением против него белыми закрытых начал (ведь известно было, что Стейниц часто избирает их), то даже это значительно помогло бы Чигорину.

Немалая вина, конечно, лежит и на самом Михаиле Ивановиче, проявившем полную беспечность и явно пренебрегшем физической и теоретической подготовкой к важнейшему соревнованию. Возможно, что он надеял-

ся всем этим заняться на пароходе, но, как мы знаем, там было «не до жиру, быть бы живу».

Даже в «коронном» дебюте Чигорина — гамбите Эванса, избравшемся им в матче восемь раз, он добился лишь пятидесятипроцентного результата, что лучше всего свидетельствовало о плохой форме русского маэстро, и одержал еще победу в третьей матчевой встрече, где был применен дебют «испанская партия».

Несмотря на неудачный исход матча, обаятельная личность Михаила Ивановича и красота его игры завоевали сердца гаванских поклонников шахмат. Они к тому же воочию убедились, как тяжело отразился на спортивной форме русского маэстро знойный климат Кубы, но надеялись, что он все же акклиматизируется и тогда заиграет «вовсю».

Они справедливо надеялись также, что первый поединок Чигорина со Стейницем должен для русского чемпиона стать «глубокой разведкой» и что в новом единоборстве он учтет не только обнаруженные у себя недостатки, но и специфику творчества своего грозного противника, и на этот раз добьется успеха. Именно так в наши дни поступал Ботвинник, готовясь после временной потери шахматной короны к матчам-реваншам против Смыслова и Таля.

Кубинцы предложили немедленно организовать новый матч между Чигориным и Стейницем до пяти выигранных партий, причем соглашались внести за Чигорина ставку в 500 долларов. Однако Стейниц не пожелал искушать судьбу и отказался играть с Чигориным вторично.

Вместо этого Чигорин и Стейниц в компании с местными маэстро сыграли между собой три консультационные партии, давшие союзникам по одной победе при одной ничьей.

Отдохнув в Гаване, Чигорин отправился на международный турнир в Нью-Йорк, сопровождаемый самыми дружескими пожеланиями кубинцев. Вот что рассказывал Чигорин: «Несмотря на неудачный для меня исход матча со Стейницем, я был приглашен снова приехать в Гавану для встреч с местными маэстро или с таким иностранным партнером, которого я себе подберу. Я выбрал Стейница и уже заручился его согласием дать мне реванш».

Но это согласие было чисто принципиальным, а ку-

бинцы хотели вновь принять Чигорина уже в следующем году, и он обещал им спустя некоторое время назвать желательного для себя партнера.

Авторитет восстановлен!

Международный турнир в Нью-Йорке начался спустя ровно месяц после окончания матча Стейниц — Чигорин — 25 марта 1889 года и продолжался 54 дня.

Двадцать участников играли в два круга. Среди них, кроме Чигорина, были представлены сильнейшие европейские шахматисты: австриец Вейс, англичане Блекберн и Гунсберг, ирландец Мэзон и сильнейшие американские маэстро.

Стейниц также был приглашен, но он берег свои силы и вообще не очень любил турниры, так как в них играл слабее, чем в матчах. Он предпочел быть одним из руководителей турнира, освещал его ход в американской печати, а по окончании соревнования подробно прокомментировал все партии в турнирном сборнике.

Регламент турнира был очень тяжелым: играли ежедневно с часу до пяти часов дня и после двухчасового перерыва с семи до одиннадцати часов вечера. Это был по существу десятичасовой рабочий день, так как к двухчасовому перерыву партии откладывались в сложных позициях, и они занимали мысли участников даже во время обеда.

По воскресеньям доигрывались неоконченные партии, а по четвергам во втором круге переигрывались ничьи.

Казалось, что при подобной турнирной нагрузке переутомленный Чигорин не имеет ни малейших шансов на высокое место, тем более что почти все противники были ему незнакомы. Но он успел немного отдохнуть во время переезда с Кубы в США, а матч со Стейницем оказался превосходной тренировкой.

В середине турнира Михаил Иванович дал блестящую «серию» из девяти побед подряд и вместе с Максом Вейсом оказался во главе турнирной таблицы: каждый из них набрал по 29 очков. Третьим был Гунсберг, которому посчастливилось выиграть обе партии у Чигорина, четвертым — Блекберн, пятым — Берн. Как видно, европейцы поддерживали марку Старого Света!

180 Согласно регламенту, Чигорин с Вейсом должны

были сыграть матч из четырех партий за первый (1000 долларов) и второй (750 долларов) призы. Но Чигорин был так переутомлен длительным турниром, в котором уже сыграл 42 партии, что не имел сил для дальнейшей острой борьбы; а Вейс — спокойный, опытный и осторожный маэстро — только и мечтал о том, чтобы поделить славу со знаменитым русским. Все четыре партии матча кончились вничью, и Чигорин с Вейсом поделили первый и второй призы. То, что ненавидевший ничьи Чигорин вынужден был идти на них, говорит о его состоянии красноречивей больничного листка!

По окончании турнира Чигорин провел в Манхэттенском шахматном клубе сеанс одновременной игры вслепую против восьми сильнейших нью-йоркских шахматистов. Любопытно, что в числе участников сеанса был и американский маэстро Дж. Берд, занявший в только что закончившемся международном турнире среднее одиннадцатое место. В турнире Берд обе партии проиграл Чигорину и решил взять реванш хотя бы в сеансе!

Чигорин в этом трудном выступлении добился превосходного результата, выиграв пять партий при двух ничьих и лишь одном поражении.

Как ни странно, Михаил Иванович не был удовлетворен своей победой в Нью-йоркском международном турнире, хотя все считали это блестящим успехом. Свои чувства Чигорин откровенно выразил в письме, посланном из Нью-Йорка в Петербург еще до окончания матча с Вейсом своему знакомому Хомутову. Из письма видны причины, помешавшие русскому маэстро занять «чистое» первое место, и подоплека странного, если учесть острый стиль Чигорина, четырехничейного счета в матче с Вейсом:

«Дорогой Петр Иванович. Вот и турнир окончился и не совсем удачно. Многого, скажешь, захотел: довольствуйся дележом с Вейсом первого и второго призов. Я и сам более ничего не желаю, ибо стремлюсь (и Вейс стремится) поскорее сделать последнюю (четвертую) ничью и отправиться восвояси...

В турнире я достаточно пижонил, один раз даже «сфокусничал» и проиграл с выигрышного положения. Ничья с Мэзоном (которую я не хотел оканчивать по причинам, Вам уже известным) доставила бы мне первый приз. Ничью с Гунсбергом (последняя партия) тоже я проиграл. Из-за чего? Из-за различных историй

и сплетен. Вот народец-то собрался. Чисто странствующие «музыканты» (понимаете какие) — шахматисты. Как это мне еще удалось встать наравне с Вейсом! Придется еще порассказать Вам кое-что впоследствии. Теперь нет и времени.

Первые две партии за первый и второй призы играл как следует, на выигрыш. Сделал ничьи (случайные), третью — прямо на ничью и я, и Вейс. Почему, спросите Вы? Условия этого матча донельзя глупы, скажу кратко. Победитель — выигравший две партии; первые четыре ничьи не считаются; но, далее гласит правило, если один игрок имеет одну выигранную партию, то он может требовать окончания матча, если было четыре ничьи. То они, т. е. ничьи, не считаются, то в счет идут. Теперь вот и извольте рисковать дебютом (гамбитом). Проиграл и матч, и первый приз, и славу потерял.

Какой же чудак, спрашивается, будет рисковать? Скажу еще: мы донельзя устали. Никакой охоты и ярости к игре. Денег 250 рублей (половина разницы между первым и вторым призами) на полу не подымешь. Стейниц раньше настаивал, что необходимо выиграть две партии. Мудреца не послушались. Много глупостей наделано было в этом турнире».

Обращает на себя внимание упоминание о партии с Мэзоном, которую почему-то Чигорин отказался оканчивать. Разгадку этого надо искать в следующих строках книги Рудольфа Шпильмана «О шахматах и шахматистах», в которой он рассказывал о некрасивых трюках, к которым прибегали профессиональные шахматисты, чтобы «заработать» очко.

«Известна вражда между Яновским и Мэзоном. Последний был хуже, чем курильщиком, а именно алкоголиком, и к тому же еще принципиальным противником трезвости. Яновский, человек до крайности нервный, безумно раздражался, когда против него усаживался Мэзон в подобном состоянии, и почти не способен был играть. Мэзон ловко умел этим пользоваться: всякий раз, как ему приходилось играть с Яновским, он давал волю своей «привычке» — и всегда выигрывал».

Можно предполагать, что Мэзон такой трюк применил и против Чигорина. Встреча их в первом круге закончилась неслыханно быстрым поражением русского чемпиона. Михаил Иванович сдался уже на 13-м (!)

ходу, «зевнув» за два хода до этого сразу слона и ферзя! Очевидно, Чигорин был настолько раздражен неэтичным поведением партнера, что просто не мог соображать. Ведь хотя и сам он не был врагом бутылки, но ему казалось чудовищным приходить на международное соревнование пьяным, да еще не из-за печальной случайности или слабохарактерности, а чтобы потрепать нервы противнику!

Встреча Мэзона с Чигориным во втором круге после четырехчасовой борьбы была прервана на два часа в крайне острой позиции. У Чигорина на доске оставались король, ферзь, ладья и слон при четырех пешках, у Мэзона — король, ферзь, ладья и конь при пяти пешках. Однако фигуры Чигорина были расположены активнее, его слон надежно прикрывал короля, тогда как король Мэзона находился под постоянными угрозами. Но даже если б Чигорину не удалось создать опасной контратаки, то достаточно было бы разменять слона на коня, дабы перейти в тяжелофигурный эндшпиль с максимальными шансами на ничью. А ведь в эндшпиле Чигорин был особенно силен!

Словом, все решало доигрывание, и лишняя пешка отнюдь не обеспечивала Мэзону победы.

Что случилось на самом деле, мы точно не знаем. Турнирный сборник сухо сообщает, что Чигорин не явился якобы к доигрыванию и ему было зачтено поражение.

Трудно поверить, что столь точный и аккуратный в своем спортивном поведении человек мог так манкировать турнирным долгом и без борьбы подарить драгоценные пол-очка не только противнику — Мэзону, но и своему главному сопернику — Вейсу. Более вероятно, что Чигорин явился для продолжения борьбы, но доигрывать с нарочито пьяным Мэзоном не стал, поскольку турнирный комитет, оберегая «священные права личности», не унял распоясавшегося американца и не перенес доигрывание на другой день.

Вряд ли кто из тогдашних маэстро был способен на такую спортивную принципиальность, на такую борьбу с нарушением шахматной этики!

Вся эта история, кстати сказать, снова показывает, как вредно отразились на Чигорине шестилетний отрыв от международной практики и незнакомство с нравами своих зарубежных коллег.

Попытки нервировать партнера случались и позже — в наши дни. Лет тридцать назад автор этих строк играл турнирную партию с известным ленинградским мастером. Тот попал в тяжелое положение — впору сдаваться. И тогда вдруг мой противник запел! Исполнение арии не отличалось высоким качеством, но на этом и строился весь «тонкий психологический расчет». Я пригласил судью турнира. Судья предложил певцу бросить вокал и вернуться к шахматам. Но мой партнер невозмутимо возразил, что шахматным кодексом нежелательность пения не предусмотрена, что поет он тогда, когда идут его контрольные часы, а не мои, и поэтому для жалобы нет основания. И он завел новую арию. Судья так и не сумел прекратить пение. Впрочем, партию мой партнер все-таки проиграл.

А вот чисто психологическая «ловушка», осуществленная сравнительно недавно. В одном женском турнире участница подставила своего ферзя под бой легкой фигуры противницы... и ударилась в слезы. Партнерша смутилась и, не делая хода, пошла советоваться с тренером. «Моя противница плачет из-за допущенной ошибки, — сказала она. — Ферзя, бедная, зевнула. Должна ли я его брать и победить в результате глупой случайности? Или сделать вид, что не заметила подставки и сделать другой ход?»

— Спорт есть спорт! — веско заявил тренер. — Согласно кодексу никто не имеет права делать поблажек. Играйте в полную силу! Берите!

Жалостливая шахматистка вздохнула и поплелась к доске. Неохотно взяла подставленного ферзя. И вдруг случилось неожиданное! Слезы противницы моментально высохли, она весело улыбнулась и объявила доброй душе мат в три хода.

Конечно, такие случаи в советской спортивной практике являются исключением, но среди западноевропейских и американских шахматных профессионалов они постоянно бытуют и ныне.

В одной из олимпиад ФИДЕ несколько лет назад известный аргентинский гроссмейстер Найдорф в сложной обоюдоострой позиции внезапно охнул, схватился за голову и прошептал: «Какая ужасная ошибка!» Бдительный противник радостно схватил подставленную фигуру... и сейчас же получил мат. Развеселившийся

184 Найдорф пошел хвастаться коллегам своей «ловкостью»,

а когда советские гроссмейстеры начали дружески стыдить его за неэтичный поступок, он их просто не понял!

В интервью, данном по возвращении в Россию, Михаил Иванович расшифровал причины своего недовольства коллегами по турниру.

— Большинство съехавшихся в Нью-Йорк игроков, — сказал он, — приехали туда только за долларамп, очень мало радело собственно о шахматной игре, а при этих условиях турнир не мог представлять особенного интереса.

У Стейница, — заявил в заключение Чигорин, — тоже есть свои слабости. Он довольно капризен, придиричив, но Стейниц любит шахматную игру как игру, а не только как средство наживать большие деньги. Что же касается большинства остальных международных игроков, то они смотрят на шахматную игру совсем иначе.

Позже Чигорин говорил, что «когда Стейниц отрешается от своих стратегических маневров, увлекаемый комбинациями и создающимися сложными положениями, то замыслы его всегда остроумны».

Русскому чемпиону надолго запомнилось неэтичное поведение некоторых зарубежных профессионалов. Для человека, рассматривавшего шахматы как высокое искусство, их трюки были профанацией любимого дела. «Так поступают только мазурики, а не собраты по шахматному искусству!» — возмущался Чигорин, рассказывая о своей поездке. Он понимал, что безудержная погоня за деньгами вредно отражается на творческом содержании игры. Пять лет спустя, перечисляя в обзоре мировой шахматной жизни наиболее значительные из происходивших дотоле соревнований, Михаил Иванович так писал о шахматном профессионализме:

«В число этих международных турниров могут быть внесены только Лондонский 1851 г., Парижский 1867 г., Баден-Баденский 1870 г., Венский 1873 г., Парижский 1878 г., Венский 1882 г., Лондонский 1883 г. и Нью-Йоркский 1889 г.

Не лишне заметить, что вначале на больших турнирах игроки не были стеснены временем (на обдумывание ходов. — В. П.), и ограничения в этом смысле, необходимость которых была указана опытом, введены в турнире 1870 г. Первоначальные турниры отличались от позднейших и своим внутренним характером. Участвовавшие в них, обыкновенно наибольшее число перво-

классных игроков, воодушевлены были исключительно любовью к шахматному искусству, заботами не о выигрыше во что бы то ни стало, а об изяществе и силе своей игры, стремлениями при этих условиях к первенству и приобретению славы. В последнее десятилетие меркантильные интересы наложили и на шахматный мир свою тяжелую печать. Самый характер игры изменился. Многие игроки не создают своих партий свободно и вдохновенно, не стесняясь результатом их, даже постоянно выбирают один и тот же или два дебюта, сопряженные с меньшим риском, дающие больше всего шансов, прежде всего на ничью. Небезвыгодное участие в турнирах мало-помалу становится профессией, привлекающей сильных и слабых игроков, переезжающих с турнира на турнир».

Партию Гунсбергу, о которой Михаил Иванович упоминает в письме к Хомутову, он проиграл, пытаясь в явно ничейном положении необоснованно осложнить борьбу, дабы взять реванш за проигрыш в первом круге. Поражения Чигорина во встречах с Гунсбергом имели важные последствия. Именно Гунсберга Чигорин предложил Гаванскому шахматному клубу как своего партнера для матча на Кубе в 1890 году. Сам он объяснял это тем, что хотел реабилитировать себя в общественном мнении за нью-йоркские проигрыши английскому маэстро, но, конечно, причины выбора Чигориным Гунсберга, как партнера в матче, были гораздо глубже.

Чигорин готовился к новому, решающему матчу со Стейнницем, на что имел уже принципиальное согласие чемпиона мира. Талантливый маэстро Исидор Гунсберг — по происхождению венгерский еврей, с юности натурализовавшийся в Англии, — был творческим и спортивным последователем Стейнница по своему осторожному, расчетливому стилю игры в духе принципов «новой» школы, по хладнокровию и выдержке, по спортивной практичности и даже по дебютному репертуару.

Как раз в этот период Гунсберг добился максимальных успехов в своей жизни: взял первые призы на международных турнирах в Гамбурге в 1885 году и Брэдфорде в 1888 году, а в 1887 году выиграл матч на звание чемпиона Англии у Блекберна со счетом $+5, -2, =6$.

Таким образом, Чигорин, желая потренироваться перед новым матчем за шахматную корону в маневрен-

ной борьбе и в разыгрывании закрытых дебютов, избрал себе в противники не только одного из ведущих шахматистов мира, но и своего рода дублера Стейница.

Договорившись с Гаванским шахматным клубом о выборе будущего партнера и об условиях поединка, Михаил Иванович отплыл на родину и после полугодового отсутствия 13 июня 1889 года прибыл в Петербург.

Второе путешествие шахматного Синдбада

Второе полугодие 1889 года пролетело быстро. Летнее время всегда резко уменьшало количество посетителей Петербургского шахматного клуба. Но осенью Чигорин, готовившийся к отъезду на Кубу, обнаружил, что его враги не дремлют. Алапин, неутомимо продолжавший свою деятельность, сколотил большую группу членов шахматного клуба и деятельно готовился к захвату браzd правления в свои руки.

Формальный повод представлялся ему очень удачным: перевыборы правления клуба, которые к тому же были приурочены (совершенно незаконно) к декабрю, когда Чигорин вторично отправился на Кубу для матча с Гунсбергом. Нелепо было обсуждать деятельность организации и выбирать новое руководство, когда ее председатель отсутствует, но алапинцев это не смущало. Перевыборы состоялись, и Чигорин узнал, уже находясь за рубежом, что председателем он переизбран, но большинством всего в три голоса, что, конечно, было для него оскорбительно.

1 января 1890 года в Гаване начался матч Чигорин — Гунсберг.

Условия соревнования были таковы: играть до десяти выигранных партий. Первые десять ничьих в итоговом счете матча не считаются.

Чигорина кубинцы встретили очень радушно. Никто из них не сомневался в победе русского маэстро. Даже сам Гунсберг, по его собственному признанию, был уверен, что проиграет матч. Впрочем, для него любой исход борьбы был выгоден. Шахматист-профессионал, журналист, редактирующий шахматные отделы в двух популярнейших английских газетах «Дейли телеграф» и «Дейли ньюс», Гунсберг сознавал, что матч с Чигориным принесет ему громадное «паблисити» (рекламу) и явится источником дальнейших заработков.

Чигорин начал матч двумя победами подряд, причем во второй партии матча провел комбинацию, которую Стейниц оценивал как «комбинацию редкой красоты и глубины», а Гунсберг заявил, что «вся эта комбинация могла быть создана только великим маэстро». Другие комментаторы единодушно охарактеризовали всю партию как «проведенную с высшим мастерством», как «жемчужину матча».

После этой партии был свободный день, и здесь Михаил Иванович проявил полное пренебрежение... к самому себе! Вместо того чтобы денек отдохнуть, Чигорин согласился дать сеанс одновременной игры против двадцати пяти сильнейших кубинских любителей. Сеанс он провел блестяще, проиграв лишь одну партию при одной ничьей, но эта щедрая трата сил тотчас отомстила за себя. Очередную партию, играя белыми, Чигорин проиграл Гунсбергу. Потом последовала тринадцатиходовая ничья — небывалый дотоле случай в практике Чигорина, ярко свидетельствующий о его плохом самочувствии. А его поражение в следующей партии позволило Гунсбергу сравнять счет. Потом последовал выигрыш Чигорина, ничья и его три поражения подряд — в восьмой, девятой и десятой партиях.

Под влиянием жары Чигорин допускал грубые ошибки даже в начисто выигрышных позициях. Подлинный «смех сквозь слезы» возбудила у зрителей, например, девятая партия матча. Чигорин, игравший белыми, жертвой слона лишил черных рокировки. Затем последовали новые жертвы, и король черных Гунсберга под ударами тяжелых фигур Чигорина помчался к центру доски, как олень, травимый львами. К 21-му ходу у Гунсберга были лишние два слона и конь, но Чигорин мог дать мат в несколько ходов. Эта возможность была и на 22-м ходу, а затем в течение десяти ходов была возможность вечного шаха. Уклоняясь от ничьей, Чигорин ухитрился партию проиграть!

Матч после полуторамесячной борьбы закончился вничью: каждый маэстро выиграл по девять партий при пяти ничьих.

По возвращении в Петербург Чигорин дал интервью корреспонденту «Нового времени», который нашел, что маэстро «вернулся к ним загоревшим и порядочно похудевшим, сбавившим несколько фунтов весу». Чигорин ничейный результат матча объяснил «невыносимой

жарой, все время преследовавшей меня в Гаване. Вы здесь и понятия не имеете о подобной жаре. Я буквально изнемогал от жары — даже ночью. Гунсберг переносил ее сравнительно легче. Играли мы ежедневно в два приема от двух до половины шестого и от восьми до половины одиннадцатого вечера, и все время играли в раскаленной, удушливой атмосфере. Извольте-ка думать и соображать, когда с вас пот так и льет; только этим я и могу объяснить проигрыш мною некоторых партий. Несколько раз я в выигрыше был уверен, видел совершенно ясно, какой мне остается для этого сделать ход, и все-таки не делал его, пропускал случай и проиграл таким образом совсем даром несколько партий. Под влиянием этой жары мне такие случалось делать ошибки, которые не сделал бы сравнительно слабый игрок, такой, которому я охотно вперед дам ладью. Раз как-то мне один ход оставался до мата, и видел, какой это ход, а через минуту забыл и сделал такой ход, что вместо верного выигрыша проиграл. Играй я в Париже, Берлине, Лондоне, Петербурге, где хотите, только не в этом пекле, я непременно выиграл бы матч, а в Гаване мы его сыграли вничью».

А вот другая, аналогичная жалоба: «Партия продолжалась очень напряженно, пока наконец я не достиг ясного ничейного положения. И тогда внезапно силы мне изменили. Причины шахматного порядка здесь не имели места. В моем распоряжении было много времени, и положение было очень простое, но я, не обдумывая, сделал проигрывающий ход. По-видимому, это действие акклиматизации к раскаленному и очень яркому солнцу Кубы. По моим наблюдениям, оно вызывает состояние усталости и чувство головокружения — своеобразное опьянение солнцем».

Но эти слова — не Чигорина! Так писал 31 год спустя чемпион мира Ласкер, игравший в Гаване матч на мировое первенство с гениальным кубинцем Капа-бланкой.

Кубинский невропатолог, к которому обратился Ласкер, посоветовал ему «соблюдать строжайший покой» и дал такое любопытное разъяснение: «Здесь для вас слишком много света, жары и шума. Это заставляет человеческое тело излучать и потреблять гораздо больше энергии, чем в более холодных и темных зонах». «Следовательно, доктор, — спросил Ласкер, — это заставляет

меня инстинктивно искать покоя? Должно быть, поэтому-то мои способности отказываются работать, несмотря на все мои усилия». «Конечно,— ответил доктор.— Вы нуждаетесь в покое, ваш мозг не в силах выполнять требования, которые вы ему предъявляете». «И он дал мне,— пишет Ласкер,— подробные разъяснения. Мои переживания подтвердили все, что он сказал. Он объяснил мое чувство головокружения, мою неспособность по прошествии нескольких часов игры оценить позицию или даже точно видеть положение».

Но Чигорин не обращался к докторам за советами, невнимательно, вернее — с полной беспечностью относился к собственному здоровью и отнюдь не заботился о должной спортивной форме.

Не извлек Чигорин должного урока и из своих тропических (точнее — трагических!) переживаний на Кубе. Тому же корреспонденту, спросившему: «Предполагаете ли вы вернуться в Гавану на новый матч?», Михаил Иванович ответил: «Может быть, и придется вернуться, меня приглашали, но мне бы этого не хотелось. Моя мечта сыграть матч в Петербурге в нашем шахматном клубе, сразиться со Стейнницем и получить реванш... Мало того, в наш клуб поступило несколько предложений денежных взносов на случай, если б этот матч состоялся: поступили предложения из Динабурга, Новгорода, Пскова, от Виленского шахматного собрания, от одного из полков в Выборге — всех предложений я не припомню, но не в этом, собственно, суть, то есть не в деньгах, которые, наверное, найдутся, вся суть в инициаторе, в человеке, который взялся бы устроить подписание среди русских шахматных игроков, взял бы на себя переписку, переговоры, все хлопоты, сплотил бы всех нас для этого дела — вот какого человека нам нужно! Деньги найдутся, в сочувствии не будет отказу, нашелся бы только организатор».

А практичный Гунсберг на сто процентов использовал свой почетный ничейный результат в матче с Чигориным. Ему удалось уговорить Стейнница сыграть с ним матч в нормальных климатических условиях — в Нью-Йорке зимой 1890/91 года на очень скромных финансовых условиях. Стейниц не чурался никакой новой «пробы сил», а Гунсберга вообще не считал опасным противником, о чем свидетельствовала небольшая став-

Не верил в успех Гунсберга и шахматный мир, вследствие чего часть ставки Гунсберг вынужден был внести сам. Но он правильно рассчитал, что эту затрату при проигрыше матча с лихвой покроет при обеспеченной широковещательной рекламе гонораром за корреспонденции о ходе борьбы против чемпиона мира, комментированием партий матча, сеансами одновременной игры и другими показательными выступлениями в США.

Матч Стейниц — Гунсберг игрался на большинство из двадцати партий. Гунсберг придерживался матчевой тактики и дебютного репертуара самого Стейница, но, вопреки примеру чемпиона мира, избегал рискованных экспериментов и незнакомых дебютных систем. Ученик оказался достойным партнером своего учителя. Как писал позже Тарраш, «Гунсберг — первый из противников Стейница, который выступил против него с его же оружием в руках».

Стейниц же явно недооценивал Гунсберга и пускался на самые сомнительные дебютные эксперименты, иногда даже сознательно делая плохие ходы, чтобы избежать бесцветных упрощений. Привыкший к смелой творческой манере Чигорина, Стейниц жаловался потом, что Гунсберг стремился только к ничьим и ему приходилось рисковать, чтобы оживить борьбу.

Любопытен разговор, происходивший между партнерами в начале двенадцатой партии матча. Когда Гунсберг, игравший белыми, предложил гамбит Эванса, который он обычно не применял, предпочитая закрытые начала, Стейниц сверкнул глазами и воскликнул: «А, так вы ожидаете применения моей защиты? Что ж, получите ее!»

Гунсберг ответил, что он вовсе не рассчитывает, что Стейниц применит свой излюбленный защитительный вариант, так как Чигорин его начисто опроверг в своем телеграфном матче со Стейницем.

— Вот как?! — вскричал негодующий Стейниц. — Так я избираю именно свою защиту!!

И действительно, партия Гунсберг — Стейниц до 16-го хода белых совпадала с партией по телеграфу Чигорин — Стейниц, и к этому моменту положение Стейница в обеих встречах было безнадежным. Стейниц против Гунсберга черными сделал иной 16-й ход, надеясь усилить защиту, но также не смог спасти партию и продержался еще только восемь ходов. Это был

чистейший очковый подарок Гунсбергу, да и к тому же от двух маэстро — Стейница и Чигорина!

Не мудрено, что при такой спортивной тактике, свидетельствующей о том, что Стейниц не принимал матча всерьез и, будучи уверен в победе, играл кое-как, без обычного энтузиазма и глубины замыслов, он выиграл матч с очень небольшим перевесом: $+6, -4, =9$.

К тому же все помыслы и аналитическая энергия чемпиона мира были поглощены еще не законченным, а лишь прерванным на время поединка с Гунсбергом телеграфным матчем с Чигориным.

Большого резонанса в шахматном мире эта борьба не вызвала. Комментаторы отмечали почетный для Гунсберга результат и продемонстрированную им большую силу игры.

Чигорин приходит в газету

Кубинские матчи Чигорина с сильнейшими современниками не только сделали его имя широко известным любому шахматисту мира, но и превратили Михаила Ивановича в глазах передовой русской общественности в национального шахматного кумира.

Чутко реагировал на успехи русского шахматного короля петербургский газетный король А. С. Суворин, игравший ту же роль в русской прессе, как лорд Ротермир в Англии и Херст в США. Сам Суворин был талантливым журналистом, беллетристом, драматургом, выбившимся из нищеты, как и Чигорин, но ценою низкопоклонства перед правительством и циничного приспособленчества достигшим влияния и богатства. Суворин издавал и редактировал наиболее распространенную в то время газету «Новое время», был владельцем крупного книжно-журнального издательства и петербургского «Нового театра».

«Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути,— миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути»,— писал про Суворина В. И. Ленин.

Стремясь привлечь к своей газете выдвигающиеся таланты, которые он мог бы эксплуатировать, Суворин не пренебрегал никакими средствами. Например, он старался прочно привязать к «Новому времени» Чехова,

распознав его огромное дарование еще в то время, когда тот только начинал входить в славу.

Вот что писал Чехов своему брату 24 марта 1888 года: «Суворин пресерьезнейшим образом предложил мне жениться на его дочери, которая теперь ходит пешком под столом...

— Погодите пять-шесть лет, голубчик, и женитесь. Какого вам черта нужно? А я лучшего не желаю.

Я шуточно попросил в приданое «Исторический вестник» с Шубинским, а он пресерьезно посулил половину дохода с «Нового времени». Его супруга, наверно, уже сообщила тебе об этом...» Чехов, конечно, не принял «предложения».

Суворин не упустил возможности завербовать в число сотрудников «Нового времени» Чигорина. Сыновья Суворина были шахматистами — членами чигоринского клуба. Как только Чигорин вернулся в Петербург после матча с Гунсбергом, Суворин через сыновей предложил ему вести в газете постоянный шахматный отдел. Дебют Чигорина в «Новом времени» состоялся 30 апреля 1890 года, «миттельшпиль» продолжался восемнадцать лет, до «безнадежного эндшпиля» — смерти.

Чигорину было установлено ежемесячное жалованье: сначала 50 рублей, потом 75, а с 1896 года — 150 рублей. Эти оклады явились своеобразным барометром, отразившим растущий авторитет Чигорина в общественном мнении страны и все увеличивающуюся популярность его шахматных отделов.

Для Чигорина предложение Суворина было очень заманчивым. Он получал постоянную творческую трибуну для пропаганды своих теоретических взглядов в газете, которая благодаря покровительству властей распространялась не только в Петербурге и Москве, но попадала и в самые «медвежьи углы» русской провинции. Это обеспечивало Чигорину многолетний контакт с десятками тысяч любителей игры и способствовало их объединению. Твердое же (под конец — довольно большое) жалованье, значительно превышавшее жалованье мелкого чиновника, спасало Чигорина от нищеты.

Шахматные отделы Чигорина были очень большими — величиною приблизительно в два полных столбца центральной газеты наших дней, набранных мелким шрифтом. В отделах этих печатались задачи, этюды, концовки, партии самого Чигорина и других русских и

зарубежных маэстро, теоретические заметки, сведения по истории игры, хроника соревнований в России и за рубежом, ответы читателям.

В подробнейших комментариях к партиям, в теоретических статейках и заметках чувствовался новаторский подход Чигорина к актуальным проблемам дебюта, середины игры, эндшпиля, а глубокий, разносторонний анализ, колоссальная эрудиция великого русского шахматиста делали чигоринские шахматные отделы ценнейшим учебным материалом и для любителей игры и для профессионального маэстро. Достаточно самого беглого взгляда на эти огромные шахматные отделы, чтобы убедиться, что он был исключительным, самоотверженным тружеником.

Характерной чертой Михаила Ивановича как шахматного литератора был чисто научный подход к шахматной теории. Чигорин не выносил поверхностных комментариев и рассуждений по принципу «взгляд и нечто», анализов, основанных на «игре автора в одни ворота», когда принимается желаемое за действительное. В своих непрерывных дискуссиях Чигорин обрушивался на таких горе-аналитиков со всем пылом своего страстного темперамента.

Об отношении Михаила Ивановича к своей творческой, литературной и аналитической работе, о его требовательности не только к другим, но прежде всего к самому себе дают яркое представление найденные в конце 1966 года 57 писем Чигорина. Из них была опубликована лишь небольшая часть, да и то не полностью, и в дальнейшем я буду цитировать наиболее красочные из них.

Они адресованы тогдашнему молодому московскому шахматному энтузиасту Дмитрию Николаевичу Павлову, в котором Чигорин обрел наконец родственную душу, разделявшую его творческие установки, чаяния и надежды — своего рода первого шахматного апостола.

Эта переписка очень любопытна! Некоторые письма производят трогательное впечатление, а читая иные, сам переживаешь душевную боль их автора. Особенно грустно читать те строки, где Чигорин выдает себя за умудренного опытом, практичного шахматного дельца, а на самом деле остается все тем же детски-наивным, доверчивым человеком, которого, выражаясь словами

известной трагедии А. К. Толстого, «во всех делах и с толку сбить и обмануть нетрудно».

Фанатизм страстного общественного деятеля сочетается в письмах с полной житейской неприспособленностью художника и шахматного поэта.

По внешней форме письма — обычные листки почтовой бумаги или небольшие редакционные бланки газеты «Новое время». Они до предела исписаны рукой Чигорина. Бисерный четкий почерк профессионального писца, выработанный во времена, когда пишущих машинок еще не существовало, изящный, но старомодный, с характерным для середины прошлого века начертанием букв. Зачастую письма состоят из многих листков, а порою даже пишутся с «продолжениями» — в случаях, если их автору пришлось оторваться для срочного дела.

В этих письмах, большинство которых еще не видело света, отражены и тогдашний шахматный быт, и взаимоотношения Чигорина с современниками, и травля его многочисленными недругами, и горький опыт, накопленный им при организации шахматных клубов и журналов, и ярость теоретической полемики Михаила Ивановича с отечественными и зарубежными оппонентами, неустанно и бездарно «опровергавшими» исследования гениального русского шахматиста.

К сожалению, в этой переписке не хватает многих интересных писем, относящихся ко времени выступлений Чигорина в крупнейших международных соревнованиях, о которых будет рассказано далее. А такие письма могли бы пролить свет на многие таинственные спортивные срывы русского чемпиона.

Начатая в 1892 году, эта интереснейшая творческая переписка спустя пять лет внезапно оборвалась ввиду переезда Павлова из Москвы на работу в глухую провинцию — на Нижне-Туринский завод Пермской губернии, после чего Павлов на долгие годы выбыл из шахматной жизни.

Привожу наиболее характерные высказывания Михаила Ивановича о самом важном участке шахматной культуры — дебютных анализах.

«О, господи! — восклицает в одном письме Чигорин. — Какие у нас шахматные критики, скороспелые на выводы и заключения. Отыщут какой-либо ход, против которого они сами не могут ничего поделать, 195

и то так все в печать лезут: «вполне отражает», «упустил из виду»... «ни тот ни другой не обратили внимания»... Очень полезно для решения вопроса, когда и малоопытные любители будут обращать внимание на то, что им придет в голову, давая даже не лучшие варианты, но когда они мнят, что «ларчик просто открывается», то становится несколько забавно. Я работаю вот уже сколько лет над разбором партий, дебютов, и сколько труда приходится прикладывать, чтобы добиться истины (не всегда и добьешься ее); несмотря на это, я стал еще осторожнее».

Несколько дней спустя Чигорин в очередном письме развивает ту же тему: «Удивительное дело! Найдут ход, против которого нет спасения — по их только словам — сами не могут справиться, и сейчас же «вывод»! Я начинаю ополчаться против нынешних шахматных редакторов и разных аналитиков. Поверите ли, читать тошно! Большинство шахматистов не замечают, сколько «специального» вранья плодят наши, не только наши, но и всего света, журналы и шахматные отделы... Для меня эти примечания все равно, что фальшивый вечно тон для музыкального уха. Начал уже поход против господ редакторов. Если не пройдет охота, дойму их. Прочитайте мои отделы, обратите внимание, как я всегда осторожно выражаюсь, не из боязни, нет, а вполне сознавая, что в каждом сложном положении «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Я начинаю поход, как сказал, против разных аналитиков, редакторов. На живую еще врагов. Господь с ними! Гладишь их по головке и приятелем их зовешься, а как только хлопать их начнешь — врагом станешь».

В другом письме Михаил Иванович подчеркивает трудности шахматного анализа: «Сидишь, работаешь, кажись, все предусмотрел, и вдруг какой-либо простой ход разрушает все тонкие и действительно преинтересные комбинации. Я потерял всякую веру в анализы и смотрю на них с другой точки зрения. Мой личный опыт заставляет меня относиться с недоверием и к своим собственным анализам. Я ничего и никогда не буду доказывать!»

Наряду с такими чисто творческими сомнениями у Чигорина порою вырывается и настоящий стон фанатика-исследователя: «О, как трудно дать хороший анализ!

Сколько времени идет только на проверку его!»

Часто в этих письмах Михаил Иванович жалуется на недобросовестность своих оппонентов и на грубые искажения ими его утверждений.

«С нашими «полемистами» вести полемику по существу нельзя. Если вздумаешь им возражать, то придется указывать, что там-то искажена моя мысль, там-то переиначена моя фраза и пр.».

Особенно много писем Чигорина, порою чуть ли не на десятке страниц, с подробнейшими вариантами и примерами, посвящено анализам Алапина, причем написаны они в раздраженном тоне, показывающем, как нервно реагировал Михаил Иванович на искажение истины.

И нельзя не согласиться с Чигориным в таком тезисе:

«Беда, когда пишут анализы с предвзятой целью что-либо до к а з а т ь, в особенности для защиты «своих» ходов».

Постоянно встречаются в письмах Чигорина призывы к самокритичности и тщательности аналитических оценок:

«О, как я боюсь этих страшных слов: «лучшая» защита, «лучший» ход, «сильнейший», «правильный» ход. И сам грешу иногда. Дело в том, что «лучшим», «сильнейшим» ходом он оказывается сегодня, а завтра он уже о с л а б е л ».

Как видно, Михаил Иванович был прирожденным диалектиком!

Очень полезен такой совет даже для аналитиков наших дней:

«Остерегайтесь ставить вопросительные и восклицательные знаки (так комментаторы шахматных партий оценивают слабые или сильные ходы.—В. П.). Если хотите обратить внимание читателя на какой-либо ход, лучше подчеркнуть его (жирный шрифт или курсив в печати). Осторожность, право, не мешает. Не десятки, а сотни примеров, тысячи даже, можно привести, в которых знак ! должен превратиться в ?, и наоборот. У Тарраша в одной партии наставлено 17 (!) восклицательных знаков к своим ходам, и получал проигрышное положение».

Такую же точность и любовь к делу Чигорин проявлял даже к чисто технической стороне своей работы и в выполнении обязательств по отношению к читателям.

Он прилагал все усилия, чтобы его нововременский шахматный отдел, обычно появлявшийся по понедельникам и четвергам, не сходил с графика.

Такая заботливость диктовалась исключительно интересами дела и читателя, так как Михаил Иванович гонорара вообще не получал, а только твердый оклад (в этот период лишь 50 рублей), и ему лично от появления лишнего отдела было ни тепло ни холодно.

Сотрудничество Чигорина в «Новом времени» Суворин очень ценил, поскольку оно способствовало распространению и популярности газеты.

Несколько шахматные отделы «Нового времени» были полезны и представляли собою не преходящую, а постоянную теоретическую ценность, видно из того, что они не только появлялись в самой газете, но и печатались отдельными оттисками, а потом по подписке рассылались любителям шахмат. В первые годы работы Чигорина в «Новом времени» вышло сорок пять таких отдельных выпусков, но с 1893 года их рассылка была прекращена. «Хлопот и неприятностей много, — объяснял Михаил Иванович, — вознаграждение просто мизерное, едва свожу концы с концами, несмотря на то, что не несу типографских расходов».

Двойная победа

Наряду с напряженной журналистской деятельностью Чигорин ни на минуту не забывал главной цели: завоевания личного мирового первенства. Прелюдией к новому длительному единоборству со Стейницем явился телеграфный матч из двух партий между двумя великими шахматистами.

Матч начался 23 октября 1890 года и закончился 16 апреля 1891 года с перерывом на время матча Стейниц—Гунсберг с 9 декабря 1890 года по 22 января 1891 года.

Любопытно, что перед матчем по телеграфу со Стейницем Чигорин для тренировки и практической проверки своих анализов провел в августе — сентябре 1890 года матч по переписке с первокатегорником А. А. Марковым. Это был знаменитый русский математик, с глубоким уважением относившийся к Чигорину, один из передовых русских людей той эпохи. Например, в 1912 году, уже будучи академиком, Марков направил

такое забавное демонстративное заявление «святейшему правительствующему синоду», в котором писал: «Чсть имею покорнейше просить святейший синод об отлучении меня от церкви. Надеюсь, что достаточным основанием для отлучения может служить ссылка на мою книгу «Исчисление вероятностей», где ясно выражено мое отношение к сказаниям, лежащим в основании еврейской и христианской религий».

По тем временам это был очень смелый поступок, и растерявшийся синод после тщетных попыток уговорить блудного сына вернуться в лоно церкви вынужден был удовлетворить его просьбу.

Вероятно, такую же смелость и самостоятельность критической мысли Марков проявлял и в шахматном анализе, и это позволило ему закончить матч по переписке из четырех партий против Чигорина с почетным счетом $+1, -2, =1$.

Можно пожалеть, что Чигорин и прежде и в дальнейшем не использовал А. А. Маркова как тренера перед своими кубинскими матчами со Стейнницем.

По требованию Стейница телеграфный матч с Чигориным игрался на ставку в тысячу долларов, но эта сумма легко была собрана подпиской среди членов Петербургского шахматного клуба. Они знали, что это — верное помещение средств с гарантированной прибылью, так как в игре по переписке Чигорин, как мы знаем, был особенно силен. В ней в полной мере проявлялся его конкретный, глубокий, абсолютно точный анализ и не могли сказываться спортивные недостатки Михаила Ивановича, да и играл он в родном, привычном климате.

Матч имел большое теоретическое значение, что оба противника прекрасно понимали. Я имею в виду не только конкретные, избранные ими дебютные варианты, которые были опровергнуты Чигориным в этом матче и навсегда сошли со сцены. Белыми Чигорин играл гамбит Эванса, черными — защиту двух коней. В обеих партиях игра началась с дебютных позиций, которые были рекомендованы Стейнницем в его «Современном шахматном руководстве» как выгодные: для черных в первой партии и для белых — во второй. Но сущность теоретического спора была не столь узка, как кажется на первый взгляд. Вопрос шел не только об этих вариантах и дебютах. Он заключался в том, чей принцип оценки

позиции является правильным. Стейниц считал, что наличие лишней пешки у него в обеих партиях при хорошей защищенности короля является залогом победы, и готовился практически доказать провозглашенную им основную установку «новой» школы — примат защиты над атакой.

Стейниц, детально комментировавший течение матча в своем журнале «Интернейшл чесс мэгэзин», дал такое характерное примечание к своему 13-му ходу в первой партии матча, опубликованное, конечно, задолго до победы Чигорина:

«Мой противник ведет атаку так же, как и в большинстве иггранных со мною матчевых партий, т. е. как представитель старой школы. Он уверен в пользе надвигания пешек или даже пожертвования одной или нескольких с целью поставить противника в затруднительное положение на королевском фланге или запереть его фигуры. Я же утверждаю, что король — сильная фигура, в большинстве случаев может сама себя защищать, и что Чигорину, при его методе ведения атаки, придется ввести в дело тяжелые фигуры, стесняя ими легкие. Я полагаю также, что мои легкие фигуры будут успешно развиты, а далеко продвинутые пешки Чигорина, не имеющие возможности отступить, станут объектами моей будущей контратаки. Теперь у меня есть лишняя пешка; я ее, вероятно, потеряю, но зато мое положение улучшится».

Ответ Чигорина (14-й ход белых) оказался совершенно непредвиденным Стейницем, и когда чемпион мира по окончании матча опубликовал партию полностью, он к 17-му ходу дал такое примечание: «Изумительно! Этот ход, так же, как 12-й и 14-й ходы белых, носит на себе печать гения».

На самом деле игра Чигорина отнюдь не исходила из установок «старой» школы или «новой». В каждой партии он руководствовался более передовыми принципами (для того времени — сверхновейшими!), которые в наши дни являются аксиомой для любого квалифицированного шахматиста: прочное владение инициативой и гармоничное расположение фигур при надежной координации их наступательных действий с лихвой компенсируют отсутствие пешки.

Телеграфный матч Чигорин—Стейниц вызвал огромный интерес в шахматном мире. Ходы обоих противни-

ков передавались телеграфными агентствами в газеты, оживленно комментировались в русской и зарубежной печати, не говоря уже о шахматных журналах всего мира. Всюду публиковались интервью с местными маэстро, их прогнозы и анализы. Весь шахматный мир с затаенным дыханием следил за интереснейшим соревнованием двух великих шахматистов.

И не только шахматный мир «следил», но и... американская полиция, оказавшаяся еще более духовно убогой, чем русская, и насмешившая жителей Нью-Йорка своим невежеством. Стейниц, пользовавшийся при передаче по телеграфу шахматных ходов шифром, в один прекрасный день был арестован по обвинению в том, что он является «русским шпионом»! Вытащив из кармана несколько американских газет и свой шахматный журнал, Стейниц, конечно, легко доказал оскандалившимся предшественникам «охотникам за ведьмами» наших дней абсурдность ареста.

После почти полугодовой борьбы телеграфный матч окончился блестящей победой Чигорина в обеих партиях. Стейниц, который вообще отличался большим благородством и принципиальностью, заявил в издававшемся им шахматном журнале, что «игра Чигорина была во всех отношениях изумительна» и что «никогда ни одно шахматное соревнование не вызывало к себе такого широкого и буквально всеобщего интереса».

Но чемпион мира явно не мог свести концы с концами и объяснить своим поклонникам: как же так — он, чемпион мира и глава «новой» шахматной школы, — проиграл королю «старой» шахматной школы. И Стейниц, не желая признавать принципиальное превосходство новаторской игры Чигорина, дал такое курьезное объяснение.

Он писал про первую партию, забыв о процитированном мною примечании и многих других, подобных ему: «Это было медлительное сражение за позицию, и русский маэстро продвигался вперед по наиболее одобренным принципам современного боевого шахматного искусства».

Как видно, чемпион мира признавал себя побежденным дважды: и как практик и как теоретик, поняв наконец ошибочность своих прежних утверждений о принадлежности Чигорина к «старой» школе.

Результат телеграфного поединка имел важные последствия. Еще задолго до его окончания всему шахматному миру стала ясна необходимость новой матчевой встречи чемпиона мира с гениальным русским претендентом, тем более что Чигорин уже давно имел принципиальное согласие Стейнница на матч-реванш.

Русские любители считали необходимым провести матч в обычном, прохладном климате.

На этот раз без всякого труда были собраны в Петербурге средства, достаточные для оплаты денежной ставки за Чигорина в две тысячи долларов, расходов Стейнница по проезду его в Петербург и содержания участников матча.

Спустя лишь три дня после окончания телеграфного матча, 1 мая 1891 года, Петербургское шахматное общество направило Стейнницу телеграмму с предложением играть матч в Петербурге в любое удобное для него время.

Но Чигорин уже настолько высоко котиrowался в мировом общественном мнении, что у его земляков появились мощные конкуренты. На следующий день из Нью-Йорка была получена встречная телеграмма: «Гаванский шахматный клуб желает устроить ваш матч со Стейнницем в декабре до десяти выигранных партий на две тысячи долларов. Принимаете ли вы предложение?»

Наступил критический момент в шахматной карьере великого русского шахматиста. Чигорину было над чем призадуматься. Где лучше играть матч?

Невыгоды кубинского климата были очевидны.

Играть в Гаване значило наверняка играть ниже своих возможностей. Но на Кубе был горяч не только климат, на Кубе была горяча и любовь кубинских любителей шахматной игры к Чигорину, и не только как к гениальному маэстро, но и как к обаятельному человеку. Так к Чигорину относились не только на Кубе. Сухой, сдержанный в оценках Ласкер вспоминал о Чигорине:

«Это был живой, любезный человек, открытый, искренний. Он импонировал по внешности. Глаза его всегда оживленно блестели, одевался он очень тщатель-

но, его манеры внушали всем уважение. Во всяком обществе он сразу же привлекал к себе всеобщее внимание — прежде всего своей сердечностью.

Если попытаться охарактеризовать его как мыслителя, то прежде всего необходимо отметить, что он был больше художником, чем философом. Однако его суждения, основанные на чувстве или инстинкте, часто бывали более метки, чем мнения многих, придерживавшихся строго логических построений. Стейниц как последовательный мыслитель был выше его, однако в понимании правильности, силы и красоты в шахматном искусстве Чигорин далеко превосходил Стейница».

Интересна и характеристика личности Чигорина, данная Ласкером.

«Михаил Иванович всегда был прекрасным товарищем. Он никогда не был в плохих отношениях ни с одним из современных ему маэстро. Он никогда не был замешан ни в какой интриге, никогда не искал случая скомпрометировать кого-либо из них. Не было случая, чтобы он пытался помешать участию в турнире кого-нибудь из своих соперников. И тени подобных побуждений у него никогда не было; он всегда стремился поднять шахматы до уровня искусства».

Однако во время пребывания на Кубе Чигорин завоевал симпатии не только тамошних шахматистов своим ярким творческим стилем игры, но и местного населения, увидевшего в представителе далекой страны простого, демократичного и просвещенного человека с широким кругозором, без каких-либо расовых предрассудков или высокомерия.

В Петербурге же Чигорину, выражаясь словами Шекспира, было бы «холодно от северных друзей». Нападки завистливых шахматных профессионалов отрицательно отразились бы и на творческом настроении и на спортивной форме Чигорина, если бы матч со Стейницем состоялся в Петербурге. Кстати сказать, события последующих лет доказали, насколько Михаил Иванович был прав в своих опасениях. Вероятно, проще всего было бы провести матч на мировое первенство в Москве. Там имелся авторитетный шахматный кружок при «Собрании врачей», были самоотверженные энтузиасты шахмат, были богачи, интересовавшиеся шахматами, которые за несколько сот рублей согласились бы прослыть меценатами.

И даже если бы московские толстосумы не пришли на помощь в организации матча со Стейнником, его финансовую сторону легко было бы обеспечить подпиской среди русской интеллигенции и вообще среди рядовых любителей шахматной игры, как это было сделано в Петербурге.

Но Чигорин, по-видимому, упустил из виду такую возможность, а может быть, своим предложением провести матч в Москве боялся вызвать новые нападки на себя алапинцев.

Несомненно, Чигорину было трудно отказываться от проведения матча в родной стране, но все же он после долгих колебаний написал Стейнику, что предоставляет ему решение: играть ли в Петербурге или Гаване. Стейник, конечно, выбрал Гавану, климат которой он переносил хорошо. К тому же он прекрасно помнил, что Чигорин на Кубе не может играть в полную силу.

Но лучше ли было Чигорину в Петербурге?

Только недавно Михаилу Ивановичу удалось энергичным ударом прекратить склоку между «чигоринцами» и «алапинцами». В начале 1891 года было созвано общее собрание членов шахматного клуба, протекавшее необыкновенно бурно. Чигорин заявил о своем намерении оставить пост председателя правления клуба. Поддерживавшие Михаила Ивановича шахматисты просили его остаться. Алапин со своими сторонниками, наоборот, настаивали на отставке.

После жарких дебатов со взаимными обвинениями правление постановило: «Объявить Общество закрытым, устав отменить и имущество продать».

«Санкт-Петербургское общество любителей шахматной игры» распалось на два отдельных клуба. Друзья Чигорина, купив инвентарь прежнего общества, в том же помещении открыли новое «Санкт-Петербургское шахматное общество», в котором Чигорин стал уже «вице-президентом», а «президентом» был избран важный чиновник, тайный советник П. А. Сабуров.

Любопытно, что казначеем правления нового общества был избран сын Суворина — Михаил.

Очевидно, хитрый владелец «Нового времени» решил, дабы не потерять столь ценного сотрудника, как знаменитый маэстро, держать Чигорина все время в поле зрения и приставил к нему своего человека.

Новое чигоринское «Санкт-Петербургское шахматное общество» под эгидой могучих и денежных покровителей просуществовало дольше всех предыдущих — семь с половиной лет.

Любители же склок и интриг вошли в состав шахматного кружка при «Собрании экономистов».

Столичная и провинциальная пресса единодушно критиковала алапинцев, причинивших явный вред русскому шахматному движению. Действительно, их нельзя не осудить самым суровым образом хотя бы потому, что начавшийся повсеместно — в Петербурге, Москве и в провинции — заметный рост интереса к шахматам был прежде всего, если не исключительно, обязан международным выступлениям Чигорина, его гастролям по России, издававшимся им журналам и шахматным отделам во «Всемирной иллюстрации» и в «Новом времени».

Симптоматично, что недруги Чигорина не сумели без него создать прочную шахматную организацию, и после нескольких лет тусклого существования алапинский кружок развалился, а сам Алапин уже в 1893 году поселился за границей, где и провел почти всю остальную жизнь, лишь изредка наезжая в Петербург.

Третье путешествие шахматного Синдбада

В середине и конце 1891 года Чигорин сравнительно редко выступал в новорожденном шахматном клубе. Он был поглощен напряженной литературно-теоретической работой в газете «Новое время». Втайне, и не без оснований, Михаил Иванович надеялся, что его шахматный отдел, уже сейчас распространяемый по подписке, со временем превратится в настоящий шахматный журнал, издаваемый на мощной полиграфической базе суворинского печатного концерна. Тогда материальные заботы с Чигорина были бы сняты, и он мог бы заниматься чисто творческой и к тому же оплачиваемой работой.

Ему было приятно сознавать, что брошенное им семя в виде прежних журналов «Шахматный листок» и «Шахматный вестник» не пропало даром. Появились другие энтузиасты, пытавшиеся осуществить ту же задачу. В начале 1890 года в Петербурге вышло пять номеров журнала «Шахматы», издававшегося преждевременно скончавшимся молодым любителем Н. Митропольским, который основал и шахматный отдел «Нового времени»,

в 1891 году, после его смерти, переданный Чигорину.

В январе 1891 года, также в Петербурге, стал выходить ежемесячный «Шахматный журнал», издававшийся А. Макаровым и редактируемый П. Отто. Последний не был силен ни как теоретик, ни как журналист, и качество журнала было низким. Журнал представлял собой тощую малоформатную брошюрку, далеко не удовлетворявшую требованиям Чигорина к подобного рода изданиям, почему Михаил Иванович и окрестил иронически его «макарописью». Только в 1894—1898 годах, когда журнал стал редактироваться Шифферсом, его содержание явно улучшилось. Небольшой объем и, следовательно, низкая себестоимость издания позволили «Шахматному журналу» продержаться с перерывами до марта 1903 года.

Зато очень хорошим и по тем временам просто роскошным был издававшийся Д. Саргиным и П. Бобровым московский шахматный журнал. Начал он выходить в 1891 году под странным и вводящим многих шахматистов в заблуждение названием «Шашечница». Так называлась тогда складная 64-клеточная доска, одинаково пригодная и под шахматы и под шашки. Львиную долю места в журнале занимали шахматные материалы.

С 1892 года журнал был переименован в «Шахматное обозрение» и издавался и редактировался только П. Бобровым. В нем печатались оригинальные и переводные теоретические статьи, партии с подробными комментариями, хорошо была поставлена хроника русской и зарубежной жизни и информация о зарубежных и отечественных соревнованиях. Журнал просуществовал до 1894 года, потом выходил с 1900 по 1904 год и с 1909 по май 1910 года.

Главным сотрудником журнала и бесплатным поставщиком ценнейшего материала, зачастую составлявшего творческое ядро номера, опять-таки оказался Чигорин, хотя он жил в Петербурге и с московским журналом постоянного контакта не имел. Ценил деятельность бескорыстного поклонника шахмат Боброва и зная по собственному опыту, как тяжело поставить такое издание, Михаил Иванович разрешил безвозмездно и в любом объеме перепечатывать из «Нового времени» свои теоретические заметки и комментарии к партиям.

Возвращаясь к спортивным выступлениям Чигорина. Во второй половине 1891 года он дважды участвовал в больших турнирах-гандикапах новорожденного шахматного общества, проводившихся в два круга.

Оба соревнования закончились его победой. В первом гандикапе Чигорин набрал 23 очка (из 28), во втором — 27 очков (из 30), причем Чигорин играл уже «вне категорий» и даже шахматистам первой категории теперь давал пешку и ход вперед!

Столь высокие результаты свидетельствуют о том, что Чигорин был в расцвете сил, но нельзя не пожалеть, что он не сыграл в тренировочном турнире или матче с высококвалифицированными партнерами на равных. Это помешало Михаилу Ивановичу практически испытать наиболее подходящую для его стиля защиту против ферзевого гамбита.

Я уже упоминал, что этот дебют Чигорин не любил и, применяя его черными в матче 1889 года против Стейница, постоянно получал худшую позицию. Ясно было, что чемпион мира и на этот раз будет белыми избирать ферзевый гамбит. Правда, как показали финишные партии матча-реванша, русский маэстро подготовил новые (по сравнению с первым матчем) системы развития в этом дебюте, но практически не освоил их и вел эти партии без обычной уверенности. Сыграй он в Петербурге десяток-другой партий ферзевым гамбитом как черными, так и белыми, он накопил бы и необходимый опыт в разыгрывании этого дебюта и ряд интересных идей, которые пригодились бы в борьбе против чемпиона мира.

Интересно, что Михаил Иванович на этот раз был настолько уверен в победе над Стейницем, что не пожелал делиться с «мщенатами» плодами предстоящей победы в борьбе за шахматную корону. Ставка в матче была с каждой стороны по две тысячи долларов, то есть четыре тысячи рублей. Двести долларов внесли четыре кубинских любителя, твердо веривших в победу русского чемпиона, сто рублей — один москвич, две тысячи — петербургские сторонники претендента, а полторы тысячи рублей внес сам Чигорин, рассчитывая победой в матче не только вернуть эти деньги, но с придачей 750 долларов. Однако его надежды не оправдались и в этом отношении!

В конце 1891 года Михаил Иванович в третий раз 207

отправился на Кубу, но теперь уже более надежным путем: сперва в Париж, потом в Гавр, оттуда на пароходе в Нью-Йорк, где провел несколько выступлений в местных шахматных клубах, а оттуда в Гавану, куда прибыл в середине декабря — на две недели раньше Стейница.

Чигорину представилась возможность и отдохнуть после длительного путешествия перед тяжелым соревнованием, и заняться анализом ферзевого гамбита, и подобрать наиболее полезный режим питания, и хотя бы частично акклиматизироваться.

Ничего этого Чигорин не сделал и отнесся к себе с безжалостностью злейшего врага. Он согласился в течение этих двух недель проводить утомительные гастролы: играть консультационные и показательные партии против местных маэстро и давать сеансы.

Когда же наконец приехал Стейниц, Михаил Иванович согласился сыграть против него консультационную партию. Каждый из них имел при себе в качестве союзника сильного местного шахматиста. Эта партия длилась четыре дня!

Такое щедрое расточительство сил перед труднейшим состязанием в знойном климате не могло привести ни к чему хорошему!

Возможно, конечно, что все это было вызвано печальной необходимостью в дополнительном заработке для покрытия чигоринского пая в ставке, так как внесенные Михаилом Ивановичем полторы тысячи рублей вряд ли были его собственными накоплениями, а скорее всего были заняты под вексель и соответствующие проценты. Чигорин никогда не располагал такими большими средствами.

Впрочем, Чигорин любил творческое общение с кубинскими ценителями шахматного искусства, в жилах которых смешалась кровь самых разных национальностей.

«Как шахматы способствуют сближению народов, — думал Михаил Иванович, бродя как-то вечером по узким улочкам старой Гаваны, мощенным булыжником, с домишками из фанеры, жести и банановых листьев. — Вот сейчас мне улыбаются, кланяются, приветствуют меня. А ведь здесь живет беднота — не то, что в благоустроенных красивых кварталах, где моя гостиница и шахматный клуб. Тут ничего не знают о далекой снежной Рос-

спи, может быть, раньше даже не слышали о ней. Я — один из очень немногих русских, посетивших этот чудный остров. Но они знают меня, видели мой портрет в газетах, слышали, что я русский шахматист — не миссионер, не дипломат, не военный, не торговец бапанами, не владелец сахарных плантаций. Они знают, что я только доставляю радость любителям шахмат. А их тут много — даже среди бедняков, среди цветных. Они чувствуют, что для меня все одинаковы: американцы, англичане, испанцы, негры, метисы, индейцы. Поэтому они рады мне, дарят сувениры, угощают фруктами. Я им ближе, чем многие здешние уроженцы».

Чигорин свернул на красивую набережную в сторону старинной испанской крепости, чьи ржавые пушки, как сотни лет назад, гордо и угрожающе держали под прицелом палимый солнцем город. Впрочем, недалеко от линии океанского прибоя ряды стройных пальм давали тень, и жара чувствовалась меньше.

Михаил Иванович залюбовался вечно лазурным небом и многоцветным морем, в которое медленно опускался раскаленный шар солнца, и вдруг столкнулся с креолом, бережно ведущим за руку миловидного малыша. Креол, улыбаясь, поклонился Чигорину и, показав на него сыну, начал что-то говорить тому по-испански.

— Если не ошибаюсь, вы играли вчера против меня в сеансе? — спросил по-французски Чигорин, обладавший замечательной памятью на лица. — Третья доска слева от входа. Вы начали опасную атаку двумя ладьями и слоном, но мне посчастливилось ее отразить. Верно?

— О, сеньор Чигорин! — воскликнул польщенный креол. — Неужели вы помните все партии и все лица ваших противников?

— Конечно, — подтвердил Чигорин. — Я часто даю сеансы, не смотря на доски, против десяти партнеров, а то и больше. Это требует памяти и развивает ее. Только вредны эти сеансы. Думаю бросить.

— Значит, память для шахматиста очень важна? — настойчиво спросил кубинец.

— Несомненно.

— Тогда поздравьте меня, маэстро. Вчера мне удалось завербовать в наш шахматный клуб нового способного члена.

— Да? Кого же?

— А вот этого малыша! Ему четвертый годик. — Креол с гордостью показал на сына. — Представьте себе, никто и никогда не показывал ему, как расставлять фигуры и ходить ими. Рано! Вчера пришел ко мне знакомый шахматист, сидим в кабинете, обсуждаем за кофе и сигарами ваш будущий реванш против сеньора Стейница. Этот карапуз тут же вертится под ногами. Говорю ему: «Сиди смирно, не мешай, мы сейчас с доном Мартинец сыграем партийку-другую. А хочешь шалить — вон из кабинета!» — «Да нет, папа, я буду тих, как мышка!» Ладно. Играю я с приятелем, задумался как-то и по рассеянности сделал два хода подряд, не дожидаясь ответа. Одержал победу. И вдруг этот малыш засмеялся и говорит: «А ты, папа, сплутовал! Дважды пошел слоном! Так нельзя! Ай-ай!» Партнер спрашивает: «Да разве ты умеешь играть?» Я отвечаю: «Нет, он и фигуры расставить не может. Куда там играть. Мал!» — «Нет, папа, — протестует сынок, — ты много раз при мне играл, и я все запомнил: и расстановку и ходы. Да я сейчас покажу всю партию до самой твоей проделки». Мы оба онемели. Смотрю и глазам не верю! Расставил сынок шахматы, ничего не перепутал, даже места королей и ферзей, и начал, по выражению ваших журналов, «демонстрировать партию». Ход за ходом! И на двадцать третьем ходу, представьте себе, показал, как я нечаянно сделал два хода подряд. И мы оба вспомнили и согласились!

— Невероятно! — искренне изумился Чигорин. — И никто не помогал?

— Никто! — подтвердил счастливый отец.

Михаил Иванович низко наклонился и протянул малышу руку.

— Запомни, что предсказывает Чигорин, — медленно подбирая испанские слова, сказал он. — Ты станешь чемпионом мира. Как тебя зовут?

— Хосе-Рауль Капабланка-и-Граупера, — тщательно выговорил малыш заученное сочетание звуков. — Чемпионом мира стану, — самоуверенно подтвердил он. — Как вы, маэстро Чигорин. Все хвалят вашу игру. Папа говорит: вы — настоящий рыцарь! Отважный кабальеро! Шахматный Сид!

Михаил Иванович распрощался с кубинцами, и улыбаясь, медленно запагал к гостинице.

Такова была встреча Чигорина с одним из будущих чемпионов мира.

Наконец 1 января 1892 года матч-реванш Стейниц — Чигорин начался.

Условия соревнования двух корифеев были таковы. Победителем признавался тот, кто первый наберет 10 очков. Первые пять ничьих в счет очков не входят. При счете 9:9 начинается новый, решающий матч, но уже до трех выигранных партий. Игра происходила с половины третьего до половины седьмого с контролем времени: два часа на тридцать ходов и после перерыва на обед еще два часа вечером: 15 ходов в час.

Для матча был предоставлен зрительный зал огромного, только что построенного клуба Гаваны, так как помещение шахматного клуба не вмещало тысяч зрителей, стремившихся посмотреть на борьбу двух шахматных корифеев. Люди специально приезжали из США, из Англии и других стран.

На невысокой эстраде, отделенной барьером от зрительного зала, стоял столик для участников матча. Там же находились два секунданта. У барьера стояла большая демонстрационная доска. Пока — все так, как на проводившихся в наши дни матчах на мировое первенство в Москве. Но на этом сходство кончалось. В самом зрительном зале обстановка была другая — крайне невыгодная для участников матча. Всюду были размещены шахматные столики с комплектами игр, за которыми сидели, стояли, толпились любители игры и во время матча вели ожесточенный разбор каждого хода.

Если даже в Москве, где в зрительном зале люди чинно сидят, лишь глядя на демонстрационные доски и на карманные шахматы, каждая интересная перипетия партий матчей на мировое первенство вызывает шум, нередко требующий вмешательства судьи, призывающего к спокойствию, то можно себе представить, что вытворяли экспансивные креолы, тут же, в зале, анализируя позиции. Гаванский корреспондент «Нового времени» подтверждал, что за шахматными столиками «все время идет очень оживленный разбор каждого сделанного Стейницем или Чигориным хода, но, — утешает он читателей, — говор публики не доходит до игроков, удаленных от нее на довольно большое расстояние, и потому не мешает им сосредоточиться».

Очевидно корреспондент не был знатоком игры, так 211

как не только шум, но даже шепот мешает шахматистам, когда их внимание сконцентрировано на партии и все чувства крайне обострены.

Матч длился ровно два месяца — с 1 января по 28 февраля 1892 года. Вначале играли по четыре партии в неделю, но потом у Чигорина разболелись зубы, и было решено проводить лишь по три тура.

Прежде чем перейти к описанию хода борьбы, остановимся на неприятном инциденте, показавшему кубинцам, каково было положение Чигорина в его собственной стране.

Как-то в начале матча Стейниц в присутствии местных шахматистов, смеясь, рассказал Чигорину, что он получил много предостережений, в том числе и из Петербурга, не играть черными против Чигорина излюбленный Стейницем вариант гамбита Эванса. С таким же предостережением прибыл из русской столицы на Кубу объемистый пакет от Алапина, содержащий подробный анализ защиты Сандерса в гамбите Эванса, которую Алапин считал более надежной, чем та, которую Стейниц применял против Чигорина в прошлых соревнованиях.

Стейниц, по его словам, «рассмотрел два варианта из огромного алапинского анализа, они ему не понравились, и он за недостатком времени не счел нужным рассматривать весь анализ». Надо, однако, отметить, что Стейниц все же внял предостережениям недругов Чигорина и ни разу не применил в матче-реванше не оправдавшую себя ранее собственную систему защиты в гамбите Эванса, но зато дважды испробовал проанализированную Алапиным систему Сандерса. Одну из таких партий Стейниц проиграл, другую свел вничью.

Конечно, посылка Алапиным Стейницу детального анализа актуального варианта могла при случае оказаться ценной помощью чемпиона мира, и это произвело и в Гаване и во всем мире отвратительное впечатление.

Чигорин писал из Гаваны еще до начала матча издателю «Шахматного журнала» в Петербурге Макарову:

«Здесь в Гаване поступок Алапина заклеили, считают изменою своему отечеству (если таковое он признает). В данном случае можно, до некоторой степени, применить его поступок к войне, когда за выдачу неприятелю планов кампании изменников казнят. В шах-

матной войне, конечно, применимо нечто другое. Но будьте уверены, что трудом, да еще «обширным», как заявляет Шифферс, Стейниц едва ли воспользуется, несмотря на хвастливое уверение Алапина, что он разрешил категорически спорный вопрос. Еще не родился человек, который мог бы с положительностью неопровержимо доказать, в чью пользу гамбит Эванса».

Из этого письма, в котором сквозит гнев патриота и презрение знатока к плохому гражданину и плохому теоретику, видно, насколько Чигорин был уязвлен предательством Алапина. Несомненно, это повлияло и на настроение Чигорина в Гаване.

Сам «виновник торжества» оправдывался с удивительным бесстыдством. Алапин заявил, что он уже семь лет состоит в постоянной переписке со Стейницем как постоянный подписчик журнала чемпиона мира, косвенно признав таким образом, что он и раньше информировал Стейница о свойствах русского маэстро. По поводу посылки анализа в Гавану Алапин издевательски указал, что тотчас после отъезда Чигорина на Кубу он прочел лекцию о рекомендуемой им системе защиты в созданном им «античигоринском» шахматном клубе и что, дескать, сторонники Михаила Ивановича могли прийти на лекцию, записать варианты и переслать их Чигорину.

Конечно, такие смехотворные оправдания никого не удовлетворили, так как самый факт помощи Алапина иностранному чемпиону мира против гениального соотечественника, борющегося за шахматную корону, явился позорным поступком, продиктованным завистью, и именно так он был расценен русской и зарубежной печатью.

Инцидент получил, например, забавное отражение даже на страницах московского юмористического журнала «Будильник». На рисунке был изображен Чигорин, взбирающийся вверх по приставленной к стене лестнице, символизировавшей путь к мировому первенству, и боров, подкапывающий землю под нижней ступенькой лестницы. Надпись гласила — «Доморощенный подвох».

Юмористическая печать того времени вообще интересовалась шахматными соревнованиями. В петербургском журнале «Стрекоза» в тот же период появился шарж с подписью «Борьба шахматных великанов. Чигорин и Стейниц». На шахматном поле с расставленными впер-

между фигурами Чигорин в рыцарской броне с копьем в руках наступал на Стейница, оборонявшегося щитом и также направлявшего свое копьё в грудь русского маэстро.

Как же протекал матч?

Начал борьбу Чигорин красивой победой, предприняв очень далеко рассчитанную жертву коня, которая затем чуть ли не полвека служила предметом оживленных споров аналитиков. На 19-м ходу была осуществлена жертва, а на 31-м ходу Стейниц сдался.

К сожалению, у Чигорина потом начали болеть зубы и одна из партий была даже им перенесена на другой день. Из следующих пяти партий он две проиграл и сделал три ничьих — небывалый дотоле случай в его практике. Ничьих он не любил, как черт ладана!

В следующих четырех партиях, когда полегчало с зубами, он добился трех побед при одной ничьей, завершив первую половину матча со счетом 6 : 4.

Однако во второй половине матча погода, которая вначале была сравнительно прохладной, сменилась жарой, и это сразу отразилось на качестве игры Михаила Ивановича. Он стал часто допускать ошибки, а то и прямые просмотры, а на финише матча их количество еще увеличилось. Стейниц же играл очень выдержанно, осторожно и полностью отказался от всяких спорных дебютных экспериментов, характерных для его предыдущих матчей. Он превосходно использовал ухудшение спортивной формы партнера, и во втором десятке партий матча выравнивал счет: $+8, -8, =4$. Любопытно как показатель снижения выдержки Чигорина, что в этой серии не было уже ни одной ничьей!

Исход напряженной двухмесячной борьбы решили три последние партии. Двадцать первая партия матча, которую Чигорин, не то желая творчески польстить чемпиону мира, не то в виде неуместной спортивной бравады, начал гамбитом Стейница (началом ненадежным и некорректным и главное — детально знакомым противнику!), закончилась вничью.

Двадцать вторую партию Чигорин играл ниже всякой критики. На девятом ходу в хорошо известной позиции ферзевого гамбита он «зевнул» пешку, через несколько ходов потерял фигуру и после длительного сопротивления сдался. Счет матча стал $+9, -8, =5$ в пользу Стейница. Показательно для характеристики

тонкого спортивно-психологического подхода чемпиона мира к противнику, что в начале матча он ни разу не избирал ферзевого гамбита, но на финише применял его в восемнадцатой, двадцатой и двадцать второй партиях, причем во всех трех встречах одержал победы! Чигорин разыгрывал ферзевый гамбит гораздо лучше, чем в матче 1889 года, но потом — в поздней стадии дебюта и в миттельшпиле — допускал просмотры и вообще играл необычайно вяло и пассивно.

Наблюдать за двадцать третьей партией матча пришла огромная толпа гаванских любителей. Темпераментные кубинцы заключали пари об исходе этой встречи. Все понимали, насколько важно Чигорину выиграть партию. Тогда начался бы новый короткий, решительный матч до трех выигранных партий.

Чигорин блестяще вел атаку и уже к 27-му ходу добился выигрышной позиции. Но в дальнейшем он очень волновался и дважды упустил форсированный выигрыш, хотя и при этом сохранил решающий материальный перевес — лишнюю фигуру. Но позиция была очень острая, и чемпион мира продолжал сопротивление в расчете на счастливую случайность. Но произошло нечто еще более невероятное, о чем красочно рассказал в корреспонденции из Гаваны кубинский маэстро Васкес:

«Едва ли мы сможем когда-нибудь забыть этот роковой момент! Больше тысячи зрителей присутствовало на двадцать третьей партии. Все оживленно обсуждали блестящую кампанию Чигорина и ожидали, что Стейниц вот-вот сдаст партию. И вдруг началось необычайное волнение! Публика повскакала с мест, увидев, что русский маэстро, нервный, с изменившимся лицом, в ужасе схватился за голову. Без всякой необходимости он отвел слона, защищавшего его короля от мата.

— Какая жалость! — повторяли сотни голосов. — Какой досадный конец великолепного матча на мировое первенство!»

Окончательный итог матча стал $+10, -8, =5$ в пользу Стейница.

Чигорин упустил последний, неповторимый шанс стать чемпионом мира. Чемпиону мира было уже 56 лет, и матч с Чигориным явился последним соревнованием, в котором Стейниц играл в полную силу. Да и сам Чигорин тоже был немолод, а ведь уже вырастала новая пле-

яда молодых даровитых претендентов на мировое первенство, с которыми он встретился три года спустя.

Стейниц характеризовал матч как свою «пиррову победу». После нее он отклонил предложение Чигорина приехать в Петербург, где они могли бы встретиться в нормальных климатических условиях, но на радостях предложил провести матч-реванш по телеграфу теми же дебютами, что в первом телеграфном матче 1891 года. Чигорин согласился. К несчастью, у Стейница в конце 1892 года внезапно умерли жена и восемнадцатилетняя дочь. Чемпион мира, конечно, был настолько потрясен, что долго не мог думать о соревнованиях и взял назад вызов, брошенный Чигорину. Эта потеря тяжело отразилась на классе игры Стейница и даже на его литературной деятельности. Перестал выходить его шахматный журнал, и Стейниц не стал продолжать столь интересно начатое «Современное шахматное руководство». Вскоре закрылся и шахматный отдел, который чемпион мира вел в распространенной нью-йоркской газете.

Стейниц уже никогда не подымался до прежней спортивной и творческой высоты, что ясно проявилось в его очередном матче на мировое первенство в 1894 году против Ласкера.

Моцарт, побежденный Сальери

Окончив свое последнее соревнование со Стейницем, Михаил Иванович тепло распрощался с кубинскими друзьями и отправился домой — как всегда, через США. Торопиться особенно было некуда, и он осуществил свое давнишнее намерение — принял приглашение поехать на гастроли в Новый Орлеан, родной город гениального Морфи. Он хотел подробно разузнать о последних годах жизни и печальной судьбе американского шахматиста, но родственники Морфи — эти воинствующие мещане — замкнулись, как улитки в раковине, и не пожелали беседовать с «шахматным профессионалом» — даже знаменитым. Ни рукописей Морфи, ни писем, ни шахматных книг, оставшихся после него, Михаилу Ивановичу раздобыть не удалось.

216 Чигорин сыграл несколько показательных партий с

местными шахматистами, увидевшими в лице русского маэстро как бы воскресшего земляка, и провел три сеанса одновременной игры.

В апреле 1892 года Чигорин вернулся в Петербург.

Встреченный корреспондентом «Нового времени», Михаил Иванович дал такое правдивое объяснение своей неудаче в борьбе за шахматную корону:

«По совести вам скажу, что только благодаря климату я проиграл матч со Стейницем. Под конец я играл наполовину больным. После матча все мои костюмы висят на мне, как на вешалке. Матч был проигран последней партией, когда у меня была лишняя фигура и мое положение было выигрышным. Только до крайности утомленный, я мог в такой позиции допустить сделать себе мат в два хода».

О тяжелой для него потере полутора тысяч рублей как части матчевой ставки, покрытой из личных средств, Чигорин даже не упомянул! Он был горд и искал только творческого сочувствия, но не просил материальной помощи.

Любопытно, что мировая шахматная печать и после поражения Чигорина отнеслась к нему очень благосклонно, объяснив (ошибочно) проигрыш в матче принципиальным превосходством «новой» школы, возглавляемой Стейницем.

Сам Чигорин в 1903 году — уже после смерти Стейница — в беседе со своим другом Шабельским гораздо глубже и объективнее оценил значение своих матчей с чемпионом мира, остановившись лишь на чисто творческой стороне соревнований.

«Стейниц, несомненно, был гениальный шахматист и, что я больше всего уважаю в нем, высоко оценивавший шахматы именно как искусство. Но вместе с тем он, когда садился за доску или писал о шахматах, отвлекался в сторону их научной трактовки. Двойственность эту он сам признавал, объяснив ее тем, что всякое искусство должно иметь научный фундамент. Что ж, пожалуй, он прав и тут, но ведь если шахматист, выступающий в состязаниях, постоянно будет отвлекаться мыслью о фундаменте, то когда же он даст самое здание? Борьба с ним за шахматной доской заставляла меня переживать и минуты высокого наслаждения и периоды упадка духа. Стейниц, несомненно, один из величайших шахматистов, до сих пор появлявшихся; но в нем мне лично несимпа-

тичен преувеличенный догматизм. Я хотел в борьбе против него показать, что можно противопоставить его утрированной солидной позиционности элементы, более свойственные искусству: свою личную трактовку положения, интуицию, — фантазию наконец. Это мне не удалось, по крайней мере, не вполне удалось. Наши три матча дали Стейницу 20 очков против моих 16. Но разве все дело в очках? Я считаю, что мы со Стейницем представляем собой просто два разных направления в нашем искусстве. И если бы это не звучало как преувеличение, я сказал бы, что он напоминает Сальери, тогда как мне хотелось бы быть Моцартом».

Трудно найти более удачное сравнение! Именно Моцарт, образ которого и нам и Чигорину близок по гениальной «маленькой трагедии» Пушкина, наиболее подходящ (не по внешним обстоятельствам, а по духовной сущности человека, беззаветно преданного искусству) для характеристики Михаила Ивановича!

Для Чигорина шахматное искусство было всем, как музыка для Моцарта, и если Чигорин при его огромном даровании не стал чемпионом мира, то это объясняется не шахматными причинами, а чисто спортивными недостатками, тяжелыми условиями жизни и детской непрактичностью великого русского шахматиста.

Нервный, переутомленный, издерганный, всегда нуждавшийся в деньгах одиночка, недооценивающий значение психологического подхода к противникам и «специальной подготовки» к соревнованиям, чуждый спортивных расчетов, не заботящийся о своем расшатанном здоровье, а щедро расточающий силы в любой матчевой, турнирной, гастрольной, гандикапной партии в поисках красивых комбинаций и изящных маневров, доверчивый и бесхитростный — таков был Чигорин.

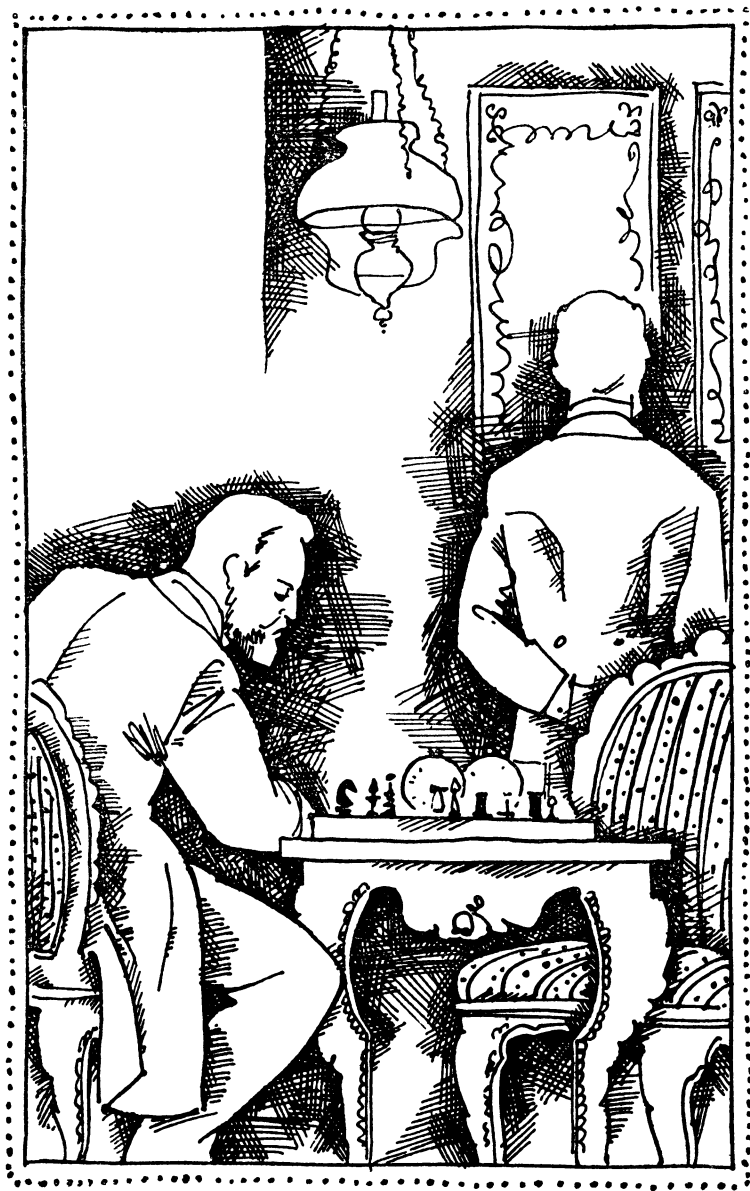
Чигорину в матчах со Стейницем определенно не хватало профессиональной хватки, психологических навыков и специальной тренированности, которыми обладал его мощный соперник, всю жизнь кочевавший из страны в страну, игравший в турнирах и матчах с противниками всех стилей и темпераментов. Поэтому, будучи блестящим шахматным творцом и мыслителем, Чигорин почти всегда был в худшей, чем его противник, спортивной форме.

Всего оба великих соперника сыграли между собою 218 пятьдесят девять партий (не считая иггранных по кон-

сультации с другими маэстро). Стейниц выиграл двадцать семь партий, Чигорин двадцать четыре при восьми ничьих. Результат почетный для обеих сторон!

Странно не то, что Чигорин не стал чемпионом мира, поражает другое: каким образом при таких тяжелых условиях жизни, как у Чигорина, в обстановке зависти и интриг, при плохом здоровье и постоянной нужде Чигорин без всякой помощи и поддержки все же смог выбиться в число лучших шахматистов мира, завоевать ряд призов в международных турнирах, в течение четверти века быть фактическим чемпионом России и любимцем всего шахматного мира. Вот это удивительно и доказывает все величие русского шахматного Моцарта!

Матч с шахматным кронпринцем

По возвращении в Петербург жизнь Михаила Ивановича вошла в обычную трудовую колею. Он много работал в шахматном отделе «Нового времени», где детально прокомментировал партии матча со Стейнцем, сотрудничал в московском журнале «Шахматное обозрение», руководил шахматным клубом и выступил там в сеансе одновременной игры вслепую. Тогда же русский маэстро получил вызов на матч от чемпиона Германии Зигберта Тарраша, готовившегося к борьбе за мировое первенство и не сумевшего пройти мимо Чигорина как своего основного конкурента.

В предыдущие годы Тарраш добился крупных успехов, взяв подряд три первых приза на международных турнирах в Бреславле в 1889 году, в Манчестере — в 1890 году и в Дрездене в 1892 году, причем рекламировал себя как рьяный последователь Стейница.

Тарраш так лестно, хотя крайне субъективно, охарактеризовал значение чемпиона мира:

«Морфи и Цукерторт были очень крупными талантами, но гениальными их назвать нельзя. Стейниц же — создатель нового, гений. Научился он лишь тому, чему может научиться любой игрок второй категории, — все остальное в себе создал он сам. Вся современная система игры — дело его рук. И если он в практической игре и уступает Морфи и Цукерторту 1883 года, то тем более он их значительно превосходит как шахматный мыслитель».

Польщенный старик не остался в

Глава
седьмая

НА ВЕРШИНЕ
СЛАВЫ

долгу и заявил, что «Тарраш, может быть, величайший шахматный гений, который когда-либо существовал». Очевидно, Стейниц рассматривал Тарраша как своего рода наследника шахматного престола. Тот и держал себя, как шахматный кронпринц, — надменно и гордо. В 1892 году тридцатилетний Тарраш был в расцвете сил. Он только что отклонил вызов на матч, полученный им от Эммануила Ласкера, разгромившего в матчах и турнирах всех английских маэстро, в том числе без единого поражения знаменитого Блекберна и «всухую» (+5, —0, =0!) опытного Берда.

«Поскольку в шахматном мире есть сейчас несколько шахматистов, превосходящих своими успехами английские победы Ласкера, — осадил Тарраш зарвавшегося, по его мнению, молодого человека, — я думаю, что, приняв вызов Ласкера, поступил бы по отношению к ним неправильно... Если Ласкеру хотелось испытать свой класс игры, он не должен был уклоняться от участия в Дрезденском турнире, где получил бы возможность помериться силами со многими шахматистами, а также со мною. Ласкер этого не сделал и теперь должен пенять на себя».

Однако Ласкер не стал «пенять» на себя и даже на Тарраша, а продолжал свой славный путь, отправившись за океан. В Америке он победил ряд кубинских и американских мастеров и взял первый приз на сильном турнире в Нью-Йорке, выиграв все тринадцать партий, после чего послал вызов самому Стейницу на борьбу за шахматную корону.

Стейниц, несмотря на преклонный возраст, никогда не уклонявшийся от борьбы и не имевший ясного представления о подлинной, могучей силе нового претендента, поднял брошенную перчатку, но назначил ставку в пять тысяч долларов — самую большую за всю его карьеру чемпиона мира.

Однако Ласкер был великим практиком не только в шахматах и хорошим психологом не только в стенах университета. Он в своих публичных заявлениях постарался задеть самолюбие Стейница, чтобы чемпион мира сам стремился к матчу с ним.

Ласкер в таком чисто американском, саморекламном стиле ответил интервьюеру газеты «Чикаго геральд», который спросил его: «Надеетесь ли вы победить Стейница?» — «Несомненно! — воскликнул Ласкер. — Не-

222 ужели иначе бы я рискнул пятью тысячами долларов

и своей шахматной репутацией? Я сознаю, что мне предстоит труднейшая борьба, и, чтобы победить Стейница, мне придется напрячь все свои силы, дабы играть лучше и глубже, чем до сих пор, обдумывать свои комбинации. Я прекрасного мнения об искусстве Стейница. Знаю, что мне трудно будет отвоевать у него звание чемпиона мира, которое он с такой честью защищал более четверти века (Ласкер исчислял срок первенства Стейница не с 1886 года, когда тот был провозглашен чемпионом мира, а с момента его победы в 1866 году над Андерсеном, считавшимся лучшим шахматистом мира. — В. П.). Тем не менее я достаточно уверен в себе, чтобы взяться за это. Думаю, что предстоящий матч будет самым значительным из всех состоявшихся до сих пор. Я сделаю все возможное, и будущее покажет, довольно ли этого, чтобы выйти победителем.

Я хочу подчеркнуть, — продолжал Ласкер, — что я еще никогда не выказывал своей игры в полном блеске, потому что мне ни разу не пришлось употреблять особых усилий, чтобы побеждать тех маэстро, с которыми мне пока что довелось встретиться. Я вполне согласен, что Стейниц сильнее их всех, но тем не менее уверен, что разобью его в матче. У меня, может быть, окажется в запасе такой сюрприз, который удивит и Стейница и весь шахматный мир, и все удивленно раскроют глаза. Вопрос моего самолюбия стать чемпионом мира, и если состоится матч со Стейницем, оно будет полностью удовлетворено».

Стейниц очень рассердился, прочитав это и другие интервью, данные в столь же самоуверенном тоне. Он согласился и на уменьшение ставки, так как Ласкер не сумел обеспечить первоначальной суммы, и на то, чтобы матч проходил в различных городах США, а не на Кубе, чего избегал не без оснований осторожный Ласкер, побывавший в Гаване и боявшийся тропического климата.

Старый чемпион был горд, великодушен, уверен в себе и попался в ловушку хитрого претендента. Матч протекал с 15 марта по 26 мая 1894 года в Нью-Йорке, Филадельфии и в Монреале (Канада) и закончился убедительной победой Ласкера со счетом +10, —5, =4.

Вернемся к Таррашу. Забегая вперед, отмечу, что в дальнейшем ему пришлось шестнадцать лет добиваться организации матча на мировое первенство против Ласкера, и в 1908 году уже тот поставил его на место, выиграв

матч у Тарраша с подавляющим преимуществом (+8, —3, =5). Зазнайство в спорте к добру не ведет!

Тон ответа Тарраша на вызов Ласкера ясно показывает, какого преувеличенного мнения он был о себе. И то, что чемпион Германии поспешил сам вызвать на матч Чигорина, показывает, каким огромным авторитетом за рубежом пользовалось имя русского маэстро.

Упомяну еще один случай, подтверждающий колоссальное самомнение Тарраша даже в значительно более поздний период, когда на мировой шахматной арене появилось много новых имен. В конце девятисотых годов немецкого чемпиона вызвал на матч молодой талантливый австрийский маэстро Георг Марко. Тарраш не просто «отбрил» его, как ранее Ласкера, а поставил оскорбительное, граничащее с издевательством условие: в матче будет сыграно всего восемь партий, и Тарраш дает Марко четыре очка вперед. Проще говоря, для победы в матче Марко достаточно было бы сделать лишь одну ничью. Впрочем, у Тарраша не было никаких шансов выиграть матч «всухую» — все восемь партий, так что его ответ на вызов был чистейшим блефом.

Марко, конечно, издевательских условий зазнавшегося немецкого чемпиона не принял, так как «выигрыш» им матча при форе в четыре очка сделал бы его посмешищем в глазах шахматного мира, на что и рассчитывал Тарраш.

Самовлюбленность Тарраша, его наглое пренебрежение к коллегам по шахматной доске, его вечное саморекламное претили скромному и объективному Михаилу Ивановичу, равно как и сам стиль игры немецкого шахматного «кронпринца». Мы знаем, что другого своего оппонента — Стейница, стоявшего на тех же теоретических позициях, что и Тарраш, русский маэстро очень уважал как человека, цenia в нем родственный критический ум, бескорыстную любовь к шахматам, спортивную принципиальность. Стейниц, как и Чигорин, был неустанным «искателем истины» — сомневающимся, экспериментирующим, проверяющим самого себя.

Тарраш же никогда ни в чем не сомневался и все свои теоретические высказывания считал «последним словом шахматной науки», а себя — непогрешимым шахматным папой римским. Апломба, самоуверенности (точнее — самонадеянности), чванства «почтенного доктора», как его иронически называл Чигорин, он не вы-

посил. Но еще больше Чигорину не по нутру были догматическая устремленность Тарраша к мертвой, сухой маневренной игре, лишенной блеска, и принципиальное отрицание творческого риска.

Шпильман так образно охарактеризовал стиль игры Тарраша: «Едва прямой атакующий стиль уступил место позиционному, как появился Тарраш с проповедью «новых принципов» борьбы. Если проследить эти принципы по партиям самого Тарраша, то станет ясно, что в них нет духа атаки. Медленно, страшно медленно, как бы подкрадываясь, движутся шахматные войска в бой. Их девиз: уклоняться, где только возможно, от открытой борьбы и лишь осаждают противника, блокировать и ждать, пока истощатся его жизненные средства, пока выйдут «вода и воздух», и тогда его медленно задавить. Этот таррашевский метод игры долгое время пользовался чрезвычайным успехом. Противники или теряли терпение и истекали кровью в несвоевременных вылазках, или оставались пассивными и подвергались абсолютному зажиму».

Тарраш был плодовитым шахматным литератором, автором популярных книг «300 шахматных партий» (самого Тарраша с начала его шахматного пути и до 1894 года) и «Современная шахматная партия» (216 партий ведущих шахматистов начала XX века, из них свыше 50 партий самого Тарраша!). Кроме беззастенчивых самовосхвалений, эти сборники содержали много абстрактных, догматических рассуждений, подобных тем, которые Чигорин сурово критиковал.

«Так называемая «новая школа» шахматной игры с ее стремлениями вырабатывать общие принципы игры на основании отвлеченных рассуждений о сравнительной силе фигур и пр. вызвала и новые приемы комментирования партий, — писал, например, Чигорин в шахматном отделе «Нового времени» 3 июня 1891 года. — В прежнее время комментаторы (например, Андерсен, Нейман, Цукерторт и др.) при обсуждении того или иного положения партии приводили варианты, доказывающие преимущество данного хода перед другими, и вообще стремились разъяснить игру практически. В наше время являются комментаторы, для которых на первом плане стоит не анализ данного положения, а отвлеченные рассуждения о сравнительном достоинстве ходов, часто совсем независимо от положения партии. Такое направ-

ление усвоено новым редактором «Дейче шахцайтунг» Таррашем, который посвящает иногда одному какому-либо ходу целый столбец своих рассуждений. О характере их можно судить по следующему примеру...»

И дальше Чигорин убедительно, на конкретных вариантах, доказывает надуманную абстрактность и ошибочность анализов Тарраша.

Глубоко претила Чигорину деляческая практичность Тарраша. Критикуя короткую гроссмейстерскую ничью после десяти (!) ходов в партии между Вальбродтом и Таррашем, Чигорин пишет: «Отсутствие изобретательности у многих нынешних игроков отчасти можно объяснить их желанием прежде всего играть на ничью... Другая короткая партия, признанная ничьей на двенадцатом ходу, была между Таррашем и Мэзоном».

Скромного, непретенциозного русского шахматиста должна была раздражать и наигранная авторитетность манер Тарраша, которая бросалась в глаза даже при самом коротком знакомстве. Вот как описывал Тарраша драматург Г. Ге: «Сидит «доктор» Тарраш из Нюрнберга. Это «доктор» неизменно сопровождает Таррашу и на картоне (обозначавшем место за шахматным столиком.— В. П.), и на карточках, и в разговоре. Доктор Тарраш средних лет, рыжеватый, с оскалом желтых крепких зубов, подстриженной бородкой, в пенсне; он имеет несомненную претензию на фатовство. В белом кепи с желтым околышком, в желтых туфельках, из-за которых выглядывают веселенькие носки, он ходит, подрагивая на ногах, с видом самоуверенным и довольным. Доктор Тарраш считается ученым игроком, и его голос на собраниях шахматистов всегда принимается, как авторитетный».

Отмечу кстати, что ходовая приставка «доктор» за границей вовсе не обозначала, как у нас, лицо, защитившее диссертацию на получение ученой степени «доктор» по данной отрасли науки, а значило лишь то, что человек имеет высшее образование, то есть окончил институт или университет. Тарраш в этом смысле не был деятелем науки, а был обычным немецким вольнопрактикующим врачом.

В расцвете славы Чигорина он к нему относился и лично и в печатных отзывах с большим почтением. Но под конец жизни великого русского шахматиста, когда

Таррашем зависть всплыла наружу в виде явной враждебности. Тарраш стал всячески принижать значение русского чемпиона в редактируемом им немецком шахматном журнале и в своих книгах. Достаточно сказать, что в своей «Современной шахматной партии» Тарраш не дал ни одной победной партии Чигорина, хотя даже в девятисотых годах у Чигорина было много блестящих партий (например, на гамбитном турнире в Вене 1903 года или на турнире в Кембридж-Спрингсе 1904 г.), но зато поместил пять партий, проигранных Чигориным, в том числе с Берном, которую смертельно больной Чигорин проиграл после серии грубых промахов белыми уже на четырнадцатом ходу. Привел Тарраш свою «блестящую победу» над Чигориным за несколько месяцев до смерти великого русского шахматиста. Это было настоящее ляганье мертвого льва — книга Тарраша вышла четыре года спустя после смерти Чигорина.

Как бы то ни было, в 1892 году Тарраш великодушно соизволил признать Чигорина равным себе, понимая, насколько матч с русским чемпионом поднял бы в случае успеха его авторитет. Но после вызова Тарраша прошло почти полтора года до осуществления матча. Шли длительные переговоры: где быть соревнованию?

Предложил свои услуги неизменно симпатизирующий Чигорину Гаванский шахматный клуб. Немцы хотели, чтобы матч происходил на родине их чемпиона. Чигорин же, учтя печальный опыт игры на Кубе, настаивал, чтобы матч проходил в Петербурге, брался обеспечить финансовую сторону матча. Тарраш наконец уступил, и решено было матч между чемпионом России и чемпионом Германии провести осенью 1893 года.

В ожидании матча Чигорин развил большую энергию, стремясь активизировать отечественную шахматную жизнь. В сентябре 1892 года он выехал на гастроли в Ригу, где в течение недели провел ряд сеансов, в том числе — вслепую, и сыграл с сухим счетом матч из трех партий с чемпионом Прибалтики Ашариным.

Рижская общественность восторженно приветствовала Чигорина. «Чигорин в Риге! — писала газета «Ригаер Тагеблатт». — Это то же самое, как если сказали бы: «В Риге находится король»! Ведь Чигорин является не только шахматным королем России, которая так гордится своим соотечественником, но и международным ко-

рифеем!.. Для всех наших шахматистов посещение знаменитого русского маэстро было настоящим праздником».

Вернувшись в Петербург, Чигорин много времени посвятил реорганизации Санкт-Петербургского шахматного общества, «директором-распорядителем» коего он стал. В октябре оно переехало в новое большое помещение при сельскохозяйственном клубе.

Одно из писем Павлову содержит такую любопытную характеристику деятельности «директора-распорядителя»: «На мне лежит все: и обязанности секретаря, и казначея, и даже библиотекаря, и все работы для общего собрания с докладами, отчетами и прочее, и прочее, и устройство, наконец, двух турниров, обеда по случаю новоселья, которое еще не было отпраздновано».

Кроме того, Михаил Иванович неизменно принимал участие в соревнованиях клуба, осенью 1892 года сыграл в турнире-гандикапе и потом выиграл матч у сильного первокатегорника А. Белина, давая тому фору пешку и ход, со счетом $+5, -2, =0$.

Как печально отражалось длительное отсутствие Чигорина на процветании шахматного клуба, видно из его письма Павлову: «...до чего довела наше общество в мое отсутствие кучка, к сожалению, наиболее сильных игроков, превратившихся в маркеров бильярдной и шахматной игры... Я оставил общество, едучи в Гавану в октябре, при 130 членах, вернувшись, нашел только 68. Мой шахматный авторитет спас дело. Будь я слабее или равной силы с этой кучкой, ничего бы не поделал».

Как раз в этот период Павлов пытался создать в Москве шахматное общество наподобие чигоринского шахматного клуба и обратился к Михаилу Ивановичу за советом.

Чигорин ответил ему письмом, в котором дал ряд советов, основанных на собственном горьком организаторском опыте. Но он не ограничился одними советами. Получив приглашение Павлова приехать на рождественские каникулы в конце 1892 года на гастроли в Москву, Михаил Иванович немедленно ответил согласием, причем в ответном письме не ставил никаких денежных условий, а заботился лишь о том, чтобы не пострадали петербургские шахматные дела: партия по переписке с парижскими шахматистами, задуманный им новый

журнал, о котором речь впереди, текущие клубные соревнования.

Приехав в Москву, Чигорин воочию убедился в своей огромной популярности. Журнал «Семья» писал: «Приглашение Чигорина шахматным кружком принесло прекрасные результаты: число членов кружка значительно увеличилось, сразу поднявшись до небывалых размеров». А «Будильник» поместил дружеский шарик с такой красноречивой подписью: «Торжественный въезд М. И. Чигорина в Москву и ликование верных поклонников шахматного короля».

В Москве Михаил Иванович сыграл несколько консультационных партий против сильнейших местных шахматистов, провел пять сеансов одновременной игры и выиграл всухую матч из четырех партий у фактического чемпиона города А. В. Соловцова.

Последний успех показал, насколько сильнее стал играть Чигорин. До этого соревнования Соловцов — даровитый шахматный самородок, с конца девяностых годов отошедший почему-то от шахмат, — во встречах с опытными международными маэстро Шифферсом и Алапиным добился равного счета. Удачно раньше играл Соловцов и против Чигорина: с 1880 года до этого короткого матча между ними состоялось тридцать два поединка, из которых Михаил Иванович выиграл пятнадцать, проиграл четырнадцать при трех ничьих — результат, какого мало кто достигал против Чигорина даже из зарубежных корифеев.

Вернувшись в Петербург в начале 1893 года, Михаил Иванович организовал оригинальный «консультационный» турнир, в котором, кроме него, играли еще две пары «союзников»-первокатегорников, причем в два круга. Чигорин занял первое место. Из четырех консультационных партий против «союзников» он выиграл три при одной ничьей. Затем Чигорин завоевал первый приз в традиционном ежегодном гандикапе клуба, набрав из 24 партий 19½ очков.

Осенью 1893 года состоялся матч Чигорин — Тарраш, вызвавший в шахматном мире огромный интерес. Это было первое международное шахматное соревнование в России.

Чигорин весь матч играл очень нервно и неровно, допуская грубые ошибки в выигрышных или ничейных позициях. Его нервозность объяснялась отчасти тем, что

на его плечи легли все организационные хлопоты по матчу, а отчасти — нездоровой обстановкой, создавшейся тогда в Петербурге.

Русская столица до революции буквально страдала от немецкого засилья. Многие торговые, промышленные предприятия, многие органы печати были в руках немцев, придворные и высшие административные должности часто замещались выходцами из Германии или из прибалтийских губерний, где немецкие бароны жестоко эксплуатировали коренное население: литовцев, латышей, эстонцев и составляли правящую верхушку.

Любопытно, что когда в 1897 году происходила первая всероссийская перепись населения, царица Александра Федоровна (бывшая принцесса Алиса Гессенская) в анкете на вопрос: «Какой язык является родным?» ответила «немецкий», а на вопрос: «Главное занятие?» ответила «Хозяйка земли русской!» Чего уж ясней!

Германия, где на престол в 1888 году вступил кайзер Вильгельм II, переживала шовинистический угар. Эти настроения отчетливо давали себя знать и в среде «петербургских немцев», для которых даже матч чемпиона России с чемпионом Германии был поводом для демонстрации антирусских настроений и прогерманских симпатий.

Присутствовавший на матче А. Ромашкевич вспоминал: «Вечером я направился в шахматное общество, несколько запоздав к началу игры. Когда вошел в помещение клуба, то из-за массы публики еле-еле пробрался в зал, который был битком набит. В другой комнате с застекленными дверями стоял шахматный стол, за которым сидели Чигорин и Тарраш. Здесь же сидели и секунданты знаменитых маэстро, а также лица, передававшие в общий зал сделанные ходы, кои отмечались на демонстрационных досках и тут же разбирались и критиковались зрителями, расположившимися целыми группами за шахматными досками. В этой комнате царило страшное оживление, слышались горячие споры, даже крики с выражением то одобрения, то порицания... Михаил Иванович страшно волновался. Да, действительно, и Чигорин был далеко не тот Чигорин, которого я видел девять лет назад в полном расцвете сил. Прошедшие годы явно наложили свой тяжелый отпечаток на весь облик Михаила Ивановича. В волосах появилось

кое-где серебро, на лице начали выступать морщинки, сам Михаил Иванович не то пополнел, не то обрюзг и стал как-то плотнее и массивнее. Нервы у Михаила Ивановича были взвинчены до крайних пределов, а когда ему приходилось разговаривать кой с кем, после того как он, сделав очередной ход, выходил в зал для публики, в голосе его слышались нотки раздражения.

Собравшаяся на матч публика, как я мог заметить, резко делилась по своему составу на две половины. Первая половина, состоявшая почти исключительно из русских, имела какой-то как бы смущенный вид вследствие опасного положения партии Чигорина; другая же половина, состоявшая главным образом из немцев, попыхивавших сигарами и папиросами, имела вид самодовольный и уверенный в победе Тарраша. Кой-где слышались уже иронические замечания по адресу Чигорина, но лишённые некоторой доли злорадства и ехидства, так как с глубоким сожалением приходится сказать, что у Чигорина в то время было немало личных завистников и недоброжелателей. По моему личному впечатлению, при создавшейся напряженной атмосфере Чигорину приходилось проводить матч в исключительно неблагоприятной обстановке, что — особенно если принять во внимание крайнюю нервность Чигорина — не могло не влиять и на самый исход матча».

Нечаянно или нарочно Тарраш тоже внес посильную лепту в нервирование русского чемпиона, используя один из классических трюков зарубежных мелкотравчатых профессионалов типа Мэзона. Пользуясь тем, что игра шла в маленькой комнате, Тарраш во время партии безостановочно курил копеечные немецкие сигары, обволакивая противника облаками стойкого вонючего дыма. Чигорин же сам не курил и поэтому не выносил табачного дыма, а здесь в течение долгих часов вынужден был дышать им, подвергаясь своеобразной химической атаке. А ведь Тарраш, как опытный врач, должен был прекрасно понимать самочувствие партнера.

— Черт знает, какую вонюю дышишь! — жаловался Чигорин после первой партии матча, проигранной им грубой ошибкой. — Кури он еще настоящие сигары, какие я видел на Кубе, полбеда, а так... — и Михаил Иванович безнадежно махнул рукой.

Присутствовавший при разговоре табачный фабри- 231

кант решил помочь Чигорину. На следующий день перед началом игры он торжественно преподнес Таррашу ящик дорогих гаванских сигар. Тот пришел в восторг.

— Какие замечательные сигары! — воскликнул он. — Какой аромат! Как держится пепел! Я возьму их на родину и буду курить только по праздникам!

И Тарраш отставил ящик в сторону. Только когда табачный фабрикант вежливо объяснил цель подарка и вдобавок обещал обеспечить Тарраша гаванскими сигарами на все время матча, немецкий маэстро вынужден был «признать себя побежденным» любезностью хозяев, и газовые атаки стали более сносными. Вскоре партнеров, по требованию Чигорина, перевели в большее и лучше вентилируемое помещение.

Не стеснялись с Чигориным и русские квасные «уропатриоты», о чьих шовинистических выходках так свидетельствовал «Шахматный журнал»:

«Помимо немалочисленных личных завистников М. И. Чигорина, несочувствие которых к нему не раз проявлялось и в течение матча, стоило только Чигорину проиграть одну партию, а тем более две подряд, как уже и за стенами клуба, в самом обществе, люди, ничего не понимающие в шахматах, громко и с апломбом высказывали свои порицания ему, говорили, что Чигорин, очевидно, играет слабо, что он проиграет матч и что это будет с его стороны виной относительно русского общества и т. д. Такие толки доходили, как мы это положительно знаем, и до Чигорина и, конечно, волновали его, и без того до крайности нервно напряженного состязанием. Мы знаем, что уже после первой проигранной партии какой-то господин прислал Чигорину укоризненное анонимное письмо».

Надо признать подлинной удачей, что в такой обстановке Чигорину удалось свести матч вничью со счетом $+9, -9, =4$.

Тарраш играл весь матч очень осторожно и расчетливо. Интересна его дебютная тактика: белыми он почти все партии (кроме одной, игранный дебютом ферзевых пешек) начинал испанской партией, черными на неизменный первый ход Чигорина королевской пешкой отвечал французской защитой, явно избегая королевского гамбита, на который рискнул пойти лишь один раз во второй половине матча, имея перевес в два очка.

Чигорин, играя черными, из десяти испанских партий

проиграл пять, выиграл четыре при одной ничьей — результат неплохой, соответствующий дебютной статистике и нашим дням. Играя белыми, Чигорин в ответ на французскую защиту избирал собственную оригинальную систему, уже на втором ходу ставя ферзя перед королем. Эта система ныне называется «дебютом Чигорина», но почти не встречается на практике, так как белые сразу отказываются от преимущества выступки и дают противнику возможность легко уравнивать шансы. Но в матче с Таррашем эта еще никому не известная система давала возможность избежать заранее подготовленных, «книжных» вариантов, до которых пемецкий маэстро был великий охотник. Завязывалась сложная позиционно-маневренная борьба, и постепенно Чигорин создавал фигурную атаку на королевском фланге. Из десяти французских защит, иггранных его новой системой, Чигорин выиграл пять, проиграл три при двух ничьих.

Полгода спустя после матча Чигорин в статье о французской защите объяснил происхождение этой оригинальнейшей теоретической новинки. Дав оценку обычных, классических продолжений, Михаил Иванович писал: «Но есть такие вторые ходы во французской партии, которые способны изменить самый характер, присущий ей в ее обычном течении. Таков, например, ход 2. Фе2, которым мне пришлось воспользоваться в матчевых партиях с д-ром Таррашем. Я должен сказать, что происхождение этого хода нужно приписать в значительной мере случайности. Я почти шутя указал на него в частном разговоре в кружке шахматистов. Но позже, рассматривая этот ход, я заметил, что он далеко не заслуживает шуточного отношения к себе. Мне бросилось в глаза некоторое отдаленное сходство создавшегося положения с тем, которое было в одной из моих партий со Стейницем... На этом и возник у меня первоначальный план развития игры, впоследствии разнообразившийся... Думаю, что случайность играла и вообще не раз значительную роль в развитии дебютов. Ход 2.Фе2 в первых четырех матчевых партиях с д-ром Таррашем совершенно лишал французскую партию ее обычного характера; придавал он известную своеобразность и в остальных».

Дебют ферзевых пешек принес поражение Чигорину, игравшему черными, а примененный им белыми гамбит коня дал лишь ничью.

Как же протекал матч?

После поражения в первой партии, игранный белыми, Чигорин одержал победы в следующих двух, после чего последовали три его проигрыша подряд. Потом Чигорин вновь одержал две победы, девятую партию выиграл Тарраш, и лишь в десятой партии была зафиксирована первая ничья. Одиннадцатой партией, выигранной Таррашем, завершилась первая половина матча со счетом $+6, -4, =1$ в пользу немецкого чемпиона.

После семнадцатой партии у Тарраша был перевес уже в три очка! Он писал позже в одной из своих книг: «Все считали, и я больше всех, что матч уже решен в мою пользу». Однако на финише Чигорин полностью мобилизовал себя и совершил чудесный рывок: из последних пяти партий он выиграл четыре и лишь одну проиграл, уравнив счет и сведя матч вничью.

Любопытно, что по окончании матча московский шахматный кружок пригласил обоих чемпионов сыграть новый матч из пяти партий. Чигорин согласился, но Тарраш не пожелал рисковать своим почетным результатом.

Русская и немецкая шахматная пресса была разочарована тем, что их отечественные чемпионы не добились победы, но отдавали должное и «несчастливым случаям» в партиях Чигорина, и выдержке Тарраша, и искусству игры обоих маэстро, и высокому творческому качеству большинства партий матча.

Все партии матча в том же году вышли в Германии отдельным сборником, в предисловии к которому говорилось: «Со времени великого матча Стейниц — Цукерторт 1886 года ни один шахматный матч не вызывал такого интереса со стороны шахматного мира, как матч между признанным сильнейшим немецким игроком доктором Таррашем и русским чемпионом М. Чигориным. Оба маэстро имеют не только большую известность как практики и теоретики и добились больших успехов в шахматах, но, кроме того, они еще не играли друг с другом ни одной партии. Нет поэтому ничего удивительного в том, что все с необычайным напряжением ожидали исхода матча и были уверены, что в нем будут показаны исключительные достижения».

Хотя немецкий журнал тенденциозно замалчивал огромное значение матчей Чигорина со Стейницем, даже не упомянув о них, он был прав в том, что в своем едино-

борстве и Чигорин и Тарраш в целом продемонстрировали высокий класс игры и партии матча очень содержательны и остры.

В третий и последний раз!

Взросший авторитет Чигорина как знаменитого шахматиста, достойно представляющего Россию в борьбе против сильнейших зарубежных корифеев, позволил ему сделать еще одну попытку (третью и последнюю!) возродить собственный шахматный журнал. Впрочем, на сей раз он был «собственным» лишь в идейном отношении, а все издательские и типографские расходы нес Суворин. В номере газеты от 21 декабря 1893 года появилось такое сообщение: «Новому времени» разрешено издание нового журнала «Шахматы» без предварительной цензуры. Ответственным редактором издания является редактор «Нового времени», главным же сотрудником — как и в шахматном отделе газеты — М. И. Чигорин. Журнал будет выходить два раза в месяц, каждое 1 и 15 число, выпусками в один печатный лист (16 страниц). Подписная цена 5 рублей в год».

Конечно, редактирование «Шахмат» официальным редактором «Нового времени» было номинальным. В обеих должностях подвизался М. П. Федоров — в прошлом автор водевилей. Он был хром, пузат и приземист, почему в литературных кругах и получил меткое прозвище: «Комод без одной ножки»! Его участие в «Шахматах» тоже носило водевильный характер. Оно заключалось лишь в подписи под материалами Чигорина и ежемесячном всовывании за это в ящик «комода» соответствующей mzды.

Чигорин восторженно писал Павлову о предстоящем выпуске «Шахмат»: «Журнал — по новой программе с участием обязательно литературных сил и лучших литераторов-шахматистов. Программа широка и заманчива. Существование журнала более обеспечивается, чем ныне существующие, вернее — прозябающие — во всем свете».

Но уже после выхода первого номера Чигорин стал понимать, что вся тяжесть легла только на его плечи. «Дела масса с новым журналом, — писал он 10 января 1894 года тому же адресату. — Я плохо пишу, знаю, — в приступе самоуничтожения добавляет Михаил Ивано-

вич,— но дичи не напишу». И продолжает тешиться радужными надеждами: «Средства у нас есть. Сотрудники, если не сейчас, то по достижении 200 подписчиков (будут через один-два месяца непременно) станут получать гонорар за все. Подробностей пока не сообщая. Номер 1 выйдет суховатым. Не было времени пригласить сотрудников-литераторов-шахматистов. Один есть и составил краткое общее обозрение за 1893 год». А в письме от 14 февраля 1894 года видно, какие бешеные темпы развивал Чигорин-журналист и как старался выдерживать (единолично!) труднейший двухнедельный график выпуска журнала: «Сейчас покончил со всеми работами по номеру 3 «Шахматы». Принялся уже за номер 4, нужно подготовить материал за пять дней».

15 января 1894 года вышел первый номер «Шахмат». На титульном листе его была опубликована декларация, написанная Чигориным: «Следуя хорошему обычаю, считаем не лишним сказать несколько слов о направлении нашего журнала, о задачах, которые он намерен преследовать. Мы желаем, чтобы журнал наш был отражением наиболее ярких, наиболее поучительных явлений шахматной жизни. Само собою разумеется, в нем найдут место не одни шедевры шахматного искусства,— да их и не так много, чтобы наполнить ими периодическое издание, но в нем не будет места ничему, что не представит в каком-либо отношении интереса для шахматиста».

Обещание это Чигорин сдержал. В вышедших двенадцати номерах он печатал статьи по истории шахмат, обзоры столичной и провинциальной шахматной жизни России, все партии матча Чигорин—Тарраш, все партии матча Ласкер—Стейниц и 38 партий классических матчей великих шахматистов начала века — Лабурдоннэ и Макдоннела. Кроме того, в журнале, конечно, были иностранная хроника, теоретические заметки, задачи, этюды, «почтовый ящик» и др.

Первый номер «Шахмат» начинался большой статьей «Краткий очерк шахматной жизни», подписанной псевдонимом «Тутти» («Другой»), который показывал, что статью писал не Чигорин. Вероятнее всего, она принадлежала перу одного из сыновей Суворина, а может быть, и ему самому. Впервые профессиональный известный журналист свидетельствовал о росте авторитета шахматной игры среди русского общества.

В дальнейшем почти все содержание журнала (кроме переводных материалов), включая передовые статьи, исторические обзоры, хронику петербургской и провинциальной жизни, теоретические анализы, комментарии к партиям, рецензии, библиографию, «корреспонденции со всеми для всех», принадлежало перу Чигорина.

Только задачи и этюды составлял не он сам. Но он их подбирал для печати, проявляя исключительный вкус и руководствуясь твердыми художественными принципами. Ведь и в этой области у Михаила Ивановича был огромный опыт, накопленный в «Шахматном листке» и в «Шахматном вестнике», а также в руководимых им газетных шахматных отделах. Только в «Новом времени» Чигориным было помещено около двух тысяч задач и этюдов!

Чигорин требовал от задач красивого и оригинального замысла, сочетающегося с экономичностью формы и трудностью решения. От этюдов он требовал близости к практической игре и сложной, остроумной борьбы.

Во всех материалах журнала «Шахматы» ярко проявлялось творческое лицо Чигорина, его вкусы, его отношение к людям и даже свойственная его натуре лиричность.

В статье «Мир шахматной игры», напечатанной в № 5 «Шахмат», можно найти и такие горькие строки, отражавшие душевное состояние Михаила Ивановича, бескорыстно отдавшего шахматам уже двадцать лет. Они написаны по поводу статьи французского профессора Бине, который по наивности или незнанию шахматного мира воображал, что маэстро очень хорошо зарабатывают игрой:

«Нет, шахматист менее, чем кто-либо, думает найти средства к жизни в своем искусстве, — и в то время как человек науки, музыкант, живописец и пр. прямо может рассчитывать на почетное, независимое и обеспеченное положение в обществе, шахматист, как бы ни был он одарен, даже знаменит уже, может рассчитывать в самом лучшем случае на деятельность в шахматной литературе или журналистике, могущих представить выгоды крайне незначительные. Эта черта бескорыстия, связанная с искусством шахматной игры, придает представителям ее, по крайней мере — в глазах людей, ближе и глубже понимающих шахматный мир, — живой интерес».

Не был чужд чигоринский журнал и политической 237

жизни. Как раз в то время заключался франко-русский военный союз против милитаристской Германии. «На материке Европы, занятой грозными вооружениями, — писал Чигорин в «Шахматах», — интерес к шахматной игре неизбежно парализуется политическими тревогами».

Своеобразным откликом на франко-русский союз явился организованный Чигоринным в конце 1893 года матч по телеграфу из двух партий между «Петербургским шахматным обществом» и парижским кафе Регентства — центром шахматной жизни Франции. Соревнование окончилось со счетом 1:1.

Энергия Михаила Ивановича была ключом! Будучи уже пожилым человеком с неважным здоровьем, Чигорин щедро расходовал свои силы. Несмотря на огромную занятость выпуском журнала и шахматного отдела «Нового времени», руководством шахматным клубом, участием в соревнованиях, выездами в провинцию для помощи местным шахматным кружкам, матчем по телеграфу, Чигорин предлагает новые и новые мероприятия по оживлению шахматной жизни страны. Так, весной 1894 года у него «явилась идея устроить всероссийский турнир по телеграфу между существующими шахматными кружками» с последующим изданием партий с примечаниями победителей и самого Чигорина особой книгой.

И вся организация такого грандиозного соревнования должна была пасть добавочной ношей на плечи Михаила Ивановича. Может быть, и хорошо, что этот замысел из-за пассивности предполагавшихся коллективных участников не осуществился. Силы человека не беспредельны.

Внезапно грянул гром из медленно собиравшихся над журналом туч. После полугодового аккуратного выхода раз в две недели издание «Шахмат» было внезапно и без объяснения причин прекращено Суворинным. Для Михаила Ивановича, с таким энтузиазмом и радостью взявшегося за любимое дело, это было страшным ударом, полным и окончательным крушением всех иллюзий. Он так об этом писал Павлову:

«Относительно «Шахмат» вы угадали: мне более, чем кому-либо, жаль прекращенного журнала. Какие обстоятельства погубили его — долго рассказывать. Скажу коротко: не был в состоянии работать так, как работал целые шесть месяцев, запустил свои дела, дела общест-

ва и «дело» с Парижем (матч по телеграфу.— В. П.). Нужны были сотрудники, намечены были, да не имел денег им платить, иначе ничего не вышло бы. Обещали мне все: и деньги для сотрудников, и исполнять мои затеи, — да денег не давали. Выдались такие две недели, что ни я, ни мой сотрудник по переводной и прочей литературной части журнала не могли работать, ну и запустили, ну и пошло, пошло. Вообще вышло все как-то к одному. Были разговоры с Сувориным-сыном (он вершитель всех дел со мной) в конце сентября, да так ни к чему и не привели. «Обещаниями» сыт не будешь. Заплатил сотруднику, надеясь на обещания, больше, чем сам получил для него. Много было причин, повлиявших на прекращение журнала».

Увы! Основной причиной была скарденность старика Суворина и его нежелание нести малейшие (пусть даже временные) материальные потери. Это и привело к закрытию чигоринских «Шахмат». В те же годы в Петербурге выходил небольшой ежемесячный «Шахматный журнал», издававшийся неким Макаровым. Он с тревогой встретил появление «Шахмат» и в очередном номере своего журнала выдвинул обвинение, что Михаил Иванович «хочет погубить» прочно существующее издание.

К несчастью для Чигорина, макаровский журнал печатался в той же суворинской типографии, что и ново-рожденные «Шахматы». К февралю 1894 года Макаров задолжал суворинскому издательству за типографские работы более тысячи рублей и всячески затягивал уплату, поговаривая при этом, что появление нового, конкурирующего шахматного журнала приведет его к банкротству.

Испугавшись возможной потери тысячи рублей, миллионер Суворин предпочел ликвидировать «Шахматы», но дать возможность Макарову воспрянуть и погасить долг.

Чтобы как-то смягчить удар, нанесенный Чигорину, «позолотить пилюлю», Суворин неразошедшиеся комплекты журнала, в каждом из которых было 192 страницы, велел облечь в красивый переплет, на котором было золотое тиснение: «Шахматы. Издание А. С. Суворина, 1894 г.» — и подарил их Михаилу Ивановичу.

Но фамилии Чигорина не было ни на переплете, ни на титульных листах.

Отныне Михаил Иванович навсегда отказался от мысли выпускать собственный шахматный журнал. Устал! Довольно!

Таинственный случай в Гастингсе

Ничейный исход матча с Таррашем отнюдь не заставил Чигорина отказаться от надежды завоевать звание чемпиона мира. Ему стали лишь яснее недочеты собственной спортивной формы и теоретической подготовки. И он принялся за их устранение. Помог ему в этом и президент шахматного общества Сабуров, который ассигновал из своих личных средств приз победителю интересного тренировочного матча. С одной стороны играл Чигорин, с другой — консультанты: три петербургских первокатегорника — Зыбин, Лизель и Отто. Матч шел до пяти выигранных партий. Это трудное соревнование происходило в начале 1894 года и закончилось победой Михаила Ивановича со счетом $+5, -4, =1$.

Из других повседневных «служебно-общественных» чигоринских мероприятий этого времени, кроме сеансов одновременной игры (обычных и вслепую), надо отметить выступления Чигорина в зимнем турнире-гандикапе 1894/95 года, в котором он занял третье место, набрав 25 очков из 32, и в весеннем турнире-гандикапе 1895 года, где он взял первый приз, имея 34,5 очка (из 40).

С большим интересом Чигорин следил за матчем на мировое первенство между Стейнницем и Ласкером. В конце 1894 года Чигорин от имени Петербургского шахматного общества направил Ласкеру приглашение приехать в Петербург, на что Ласкер ответил согласием, обусловив его, однако, тем, что он не будет играть матч с Чигориным. А повторное приглашение Петербургского шахматного клуба, посланное ему в начале 1895 года, Ласкер просто отклонил, — новоиспеченный чемпион мира явно не хотел рисковать своими еще совсем зелеными лаврами.

Чигорин никак не комментировал отказ Ласкера встретиться с ним, но за рубежом к уклонению нового чемпиона мира от матча на мировое первенство отнеслись с неодобрением. Тарраш всюду заявлял, что он себя считает сильнейшим шахматистом мира, а успехи Ласкера объяснял случайностью. Стейнниц, в свою очередь,

объяснял свой проигрыш Ласкеру плохим состоянием здоровья и требовал реванша.

В 1895 году в активе у нового чемпиона мира еще не было ни одной победы в крупном международном турнире, и Ласкер ни разу не встречался ни с Чигориным, ни с Таррашем.

Желание выяснить, кто же на самом деле является сильнейшим в мире, побудило Гастингский шахматный клуб в Англии провести осенью 1895 года международный турнир с участием четырех корифеев и других сильнейших шахматистов того времени. И действительно, состав турнира был таков, что его можно назвать сильнейшим шахматным соревнованием XIX века.

Сам Ласкер много лет спустя вспоминал об этом:

«В 1895 году можно было считать установленным превосходство над всеми остальными шахматистами четырех лиц: Стейница, Тарраша, Чигорина и меня. Проектировалась борьба между нами. Случай для такой представился в Гастингсе».

Кроме этих четырех великих шахматистов, в турнире участвовали такие старые и молодые «имена», как Блекберн и Гунсберг, Берн и Берд, Вальбродт, Тейхман и Шлехтер, Мизес и Барделебен, Мэзон и Яновский, совсем мало известный в Европе 22-летний американский дебютант международного турнира Гарри-Нельсон Пилсбери и другие.

От России был приглашен еще Шифферс, в 1894 году неплохо сыгравший в международном турнире в Лейпциге, победителем которого снова вышел честолобивый Тарраш.

Участие в турнире двух сильнейших шахматистов России — Чигорина и Шифферса навело их обоих на правильную мысль: сыграть перед началом гастингского турнира между собой тренировочный матч. Он закончился победой Чигорина со счетом $+7, -3, =3$.

Очень полезными для полного, всестороннего формирования таланта Чигорина и выработки спортивного «иммунитета» оказались его матчи со Стейницем, Гунсбергом, Таррашем. Известно, что алмаз шлифуется и гранится только алмазами. Именно эти встречи с сильнейшими зарубежными чемпионами и помогли русскому самородку превратиться в сверкающий, драгоценный бриллиант!

Вероятно, Чигорин сумел летом и отдохнуть перед 241

грандиозным соревнованием лучших шахматистов мира, начавшимся 5 августа 1895 года и длившимся целый месяц. Во всяком случае, и формальный результат, и качество партий Чигорина, а главное — его блестящий старт показывают, что перед началом турнира Михаил Иванович, что не всегда случалось, был в прекрасной спортивной форме.

В первом туре Чигорин встретился с восходящей молодой звездой — гениальным молодым американцем Пилсбери. Чигорин блестяще провел атаку и, образовав в тяжелофигурном эндшпиле три проходные пешки, одну из них повел в ферзи. Здесь случился забавный эпизод, свидетельствующий о почтительном отношении к Чигорину молодого чемпиона мира Ласкера. Чигорин, ферзь которого еще был на доске, продвинув пешку на восьмую горизонталь, поставил пока что вместо ферзя перевернутую ладью, а сам пошел в соседнюю комнату, чтобы найти второго ферзя на другом шахматном столике. По пути он встретил Ласкера, который быстро шел ему навстречу. Ласкер учел, что на доске у Чигорина имеются еще две проходные пешки, и протянул Чигорину трех белых ферзей со словами: «Надеюсь, господин Чигорин, что этого вам хватит?» Через несколько ходов Пилсбери, не дожидаясь, пока пешки пройдут в ферзи, сдался.

Во втором туре Чигорин в трудной маневренной борьбе победил и самого Ласкера, применив в ответ на ферзевый гамбит оригинальный дебют, в наше время вошедший в теоретическую литературу как «защита Чигорина». В третьем туре Чигорин выиграл у Мэзона, после чего последовал досадный срыв в виде быстрого проигрыша Шифферсу из-за дебютной ошибки в излюбленной Чигориним защите двух коней.

Но это не ослабило наступательного порыва русского чемпиона. В пятом туре Чигорин, красиво пожертвовав качество, выиграл у Тарраша, затем тонкими маневрами добился победы над Тейхманом, причем эта партия получила такую любопытную оценку комментировавшего ее позже Тарраша: «Вся партия — превосходный образец игры в духе новой школы!»

В очередных турах Чигорин победил трех ведущих английских маэстро — Берна, Блекберна и Гунсберга; затем последовала ничья с Бердом и выигрыш у

После первой половины турнира Чигорин был лидером, набрав против сильнейших участников 9,5 очка (из 11). Казалось, что он вне конкуренции.

Вторую половину турнира Чигорин начал неудачно. Сделав ничью с Вальбродтом, русский чемпион быстро переиграл по дебюту Стейница и мог уже на 15-м ходу форсировать выигрыш, затем упустил ничью и в результате ряда неточных ходов проиграл. Однако Чигорин быстро восстановил свое ведущее положение в турнире, набрав в следующих шести турах 5 очков (четыре выигрыша при двух ничьих).

Перед двадцатым, предпоследним туром Чигорин опередил всех конкурентов, и первый приз был у него как будто в кармане. Но здесь произошло нечто таинственное, подлинная «механика» чего не раскрыта до наших дней.

Очередную партию двадцатого тура против Яновского Чигорин играл настолько слабо, что вынужден был сдаться уже после шестнадцати ходов, хотя избрал белыми прекрасно ему знакомую «венскую партию». В самом факте проигрыша, хотя и печальном, нет ничего странного, но стиль проигрыша лидера турнира вызвал всеобщее недоумение. «Это самая жалкая из всех известных нам партий Чигорина. Он играл ее, как шахматист, которому можно давать ладью вперед,— писал журнал «Дейче шахцайтунг». — Мы никогда не поверили бы, что такие провалы могут быть в творчестве гениального русского маэстро, выдающиеся партии которого именно из Гастингского турнира вызывают справедливое восхищение шахматного мира».

И действительно, Чигорин делал такие нелепые и робкие ходы, которые могли встретиться лишь в партии начинающего и притом бездарного любителя, а не прославленного чемпиона. Надо сказать прямо: партия производит впечатление, будто Чигорин играл ее в полном затмении умственных способностей. Он сам, напечатав эту партию в «Новом времени» (к сожалению, без объяснений и комментариев), поставил к ее шестнадцати ходам восемь (!) вопросительных знаков, и это не очень щедро. В партии не было грубой ошибки, просчета, зевка, вся партия была одной сплошной нелепостью!

В чем же дело?

По свидетельству современника М. И. Чигорина — К. Розенкранца: «Говорили, что накануне этой партии 243

поклонники заранее чествовали Чигорина обильным ужином с вином».

Эта версия не убедительна, так как известно, что в начале и в зените своей шахматной карьеры Михаил Иванович во время соревнований никогда не пил. Да разве мог бы Чигорин так неразумно рисковать своей формой до исхода напряженной борьбы, победа в которой позволила бы современникам считать его сильнейшим шахматистом мира, что дало бы ему и формальное и моральное право на немедленный матч за мировое первенство с Ласкером. К тому же Чигорин (как и многие спортсмены, всегда с некоторым суеверием боящийся предсказывать свой, казалось бы, обеспеченный будущий успех), никогда не стал бы праздновать еще не зафиксированную победу.

Возникает также вопрос: какие поклонники могли «чествовать Чигорина обильным ужином с вином»? Совершенно не в английском духе спаивать спортсмена, да и чествование Чигорина было бы неучтивостью со стороны «хозяев поля» по отношению к другим лидерам турнира: Ласкеру, Пилсбери, Таррашу. Личных друзей и знакомых из русских в Гастингсе у Михаила Ивановича не было, кроме Шифферса, который тоже имел шансы на высокое призовое место, но догнать Чигорина не мог и тоже не стал бы кутить.

Как бы то ни было, потерянное очко дорого обошлось Михаилу Ивановичу. В том же туре его обогнал Пилсбери. И хотя Чигорин в следующем, последнем туре в прекрасном стиле победил Шлехтера, но выиграл и Пилсбери, завоевав первое место. Чигорин должен был довольствоваться вторым призом, Ласкер занял третье место, Тарраш — четвертое, Стейниц — пятое.

Мировая шахматная пресса, ахая и удивляясь по поводу загадочного проигрыша Чигорина Яновскому, вместе с тем единодушно отмечала его великолепную игру на протяжении почти всего турнира. Отдав должное замечательному успеху дебютанта турнира, «ученика Стейница», Пилсбери, крупнейший зарубежный авторитет Тарраш, например, писал: «Сильнее всех, по моему мнению, играл знаменитый русский маэстро Чигорин. С начала турнира и до конца у него были наибольшие шансы на первый приз — и в предпоследнем туре, непосредственно перед достижением цели, он потерпел

244 крушение. В этот день он был настолько не расположен

к игре, что в шестнадцать ходов проиграл Яновскому и лишился первого приза, который был бы достойной наградой за его могучую игру».

Действительно, Гастингский турнир — сильнейшее соревнование XIX столетия, собравшее всех без исключения корифеев и их будущую талантливую смену — молодых маэстро, — был зенитом творчества Чигорина. Ни раньше, ни позже он никогда не демонстрировал такого блестящего синтеза теории и практики, глубокой стратегии и красивой тактики при превосходной спортивной форме.

Как ни странно, и для молодого Пилсбери сенсационный дебют на международной арене тоже оказался высшей точкой его шахматной карьеры. Такого успеха он уже больше никогда не достигал.

Это был маэстро инициативного позиционного стиля, последователь Стейница, с которым уже не раз играл в США. Пилсбери внес огромный вклад в разработку ферзевого гамбита, вследствие чего этот дебют в начале XX века стал самым модным.

Чигорин после Гастингского турнира так охарактеризовал творчество молодого американца: «Остроумные комбинации Пилсбери, даже основанные на не вполне правильных, не ведущих к цели жертвах, указывают на большой шахматный талант. Вообще игра Пилсбери симпатична: он в каждой партии ищет живые и интересные комбинации, а это всем нам не может не нравиться». Правда, тон чигоринского высказывания напоминает строгого профессора, поощряющего даровитого аспиранта, но ведь именно таково было положение, занимаемое тогда Чигориным и Пилсбери в шахматном мире.

К сожалению, Пилсбери, подобно многим шахматным профессионалам, в неустанной погоне за долларами не щадил самого себя. Непрерывные выступления в турнирах он сочетал с постоянным проведением сеансов одновременной игры вслепую. Как я уже отмечал, это само по себе вредно, а Пилсбери к тому же довел количество участников сеанса до рекордной цифры — двадцати двух! До алексинских рекордов игры вслепую спустя тридцать лет результаты Пилсбери никем не были превзойдены.

Мало того, чтобы поразить публику, Пилсбери в течение таких сеансов вслепую еще одновременно демон-

стрировал карточные фокусы, играл в вист и решал известную задачу об обходе конем всех 64 клеток шахматной доски, становясь на каждое поле только один раз. Причем он предлагал зрителям самим назначить любое поле, на котором должен начаться или кончиться обход.

Не мудрено, что мозг Пилсбери не выдержал. Он был разбит параличом и умер в больнице всего тридцати четырех лет. Впрочем, была и другая причина преждевременной смерти молодого американца.

Петербургское Ватерлоо

Во время Гастингского турнира и по окончании его Чигорин получил массу приветственных писем и телеграмм из России. Ему стало ясно, что завоевание им второго приза, несмотря на досадный срыв в предпоследнем туре, расценено русской общественностью как огромное достижение. Особенно всех поразило то, что в личных встречах Михаил Иванович одержал победы над чемпионом мира Ласкером, претендентом на это звание Таррашем и победителем Гастингского турнира Пилсбери.

Чигорину вскоре должно было исполниться сорок пять лет — возраст, когда силы человека неумолимо начинают сдавать. Для шахматного спортсмена же это был крайний срок для того, чтобы «на излете» стараться извлечь все возможное из своего полностью расцветшего дарования, накопленного опыта и оставшейся еще боевой энергии.

Михаил Иванович это сознавал, и период 1889—1895 годов характерен именно тем, что русский чемпион целиком переключил себя на борьбу за шахматную корону мира.

Стать чемпионом мира — это было для Чигорина не вопросом личного честолюбия, а чем-то вроде выполнения обязательного долга перед своим народом. Ведь именно так расценивался спортивный путь Чигорина прогрессивной русской общественностью, ощущавшей законную патриотическую гордость тем, что впервые простой русский человек превзошел всех иностранных шахматных знаменитостей и вот-вот может стать чемпионом мира. А после крупнейшего успеха в Англии эти надежды укрепились и возросли, поскольку его соперники в борьбе за мировое первенство — Ласкер, Стейниц,

246 Тарраш — заняли места ниже его, а притязания молодого

го Пилсбери на шахматную корону расценивались бы, несмотря на его успех, мировым общественным мнением как преждевременные.

Чигорину представлялась возможность в последний раз в жизни вступить в решающую борьбу с носителем высшего шахматного титула, причем с неплохими шансами на успех, так как молодой Ласкер еще не приобрел будущей грозной репутации и, возможно, не сумел бы выдержать натиск окрыленного успехом Чигорина, играющего под лозунгом «Теперь или никогда!».

Чигорин должен был действовать, как если бы он попал в жизненный цейтнот! Не терять ни минуты, чтобы не опоздать! Помнить, что время — даже не деньги, время — слава!

Еще до отъезда в Англию у Михаила Ивановича была договоренность с петербургскими меценатами о финансировании крупного международного турнира в Петербурге. Но они вряд ли предвидели, что Чигорин в Гастингсе превзойдет самого Ласкера, не говоря уж об остальных корифеях.

Чигорину следовало после Гастингского турнира тотчас, на месте, официально вызвать Ласкера на матч за мировое первенство, заявить тому, что средства обеспечены, телеграфируя об этом и петербургским друзьям. Ласкер, поскольку он занял в Гастингсе место ниже Чигорина и проиграл тому в личной встрече, не мог бы отказаться от матча. За Чигорина горой встало бы все мировое общественное мнение, так как он «котируется» пока что выше Ласкера. Про Ласкера Тарраш, например, ядовито писал, что своим третьим призом в Гастингском турнире «чемпион мира доказал, что он тоже хороший шахматист».

Однако Михаил Иванович по своей непрактичности не использовал создавшейся возможности. Он не учел изменения обстановки в свою пользу и, неадантично выполняя петербургскую договоренность, на прощальном банкете публично пригласил Ласкера, Стейница, Тарраша и Пилсбери приехать в конце года в Петербург для участия в пятерном матче-турнире.

Идея была бы хороша, если бы в Гастингсе Чигорин сыграл не вполне удачно или неудачно, но теперь она была явно нелепа. Чего мог ожидать Чигорин лично от петербургского матча-турнира? Того, что он завоюет в этом труднейшем соревновании шахматистов экстра-

класса первый приз? Допустим. А дальше что? Только то, что он сможет в дальнейшем бороться с Ласкером за мировое первенство. Но он уже имел это право благодаря своему рекорду в Гастингсе!

Наивно думать, что Михаил Иванович сознательно предпочел матчу на мировое первенство петербургский матч-турнир пяти только потому, что хотел играть с «талантливыми противниками». Борьбой с двумя из них (Стейницем и Таррашем) Чигорин был сыт по горло в предыдущие годы, и только поединок с молодым, мало известным ему на практике Ласкером мог бы увлечь Михаила Ивановича чисто творчески.

Можно, конечно, предположить, что Чигорин хотел не только подчеркнуть свое превосходство над Ласкером, Стейницем, Таррашем, снова став выше их в турнирной таблице, но и превзойти Пилсбери, опередившего его, и твердо надеялся на блестящий триумф на родине. Однако, зная скромность, самокритичность и объективность Михаила Ивановича, трудно принять такую «шапкозакладательную» версию, свидетельствующую об опасной недооценке могучих конкурентов.

Как ни расценивать мотивы Чигорина, но при любом из них матч-турнир в Петербурге (вместо матча с Ласкером) был явно непродуманной затеей!

И вот 13 декабря 1895 года в русской столице началось новое состязание трех зарубежных шахматных знаменитостей с русским корифеем. Трех, а не четырех, как предполагалось, так как Тарраш отказался от борьбы. Хотя он тоже по-прежнему стремился к мировому первенству, но боялся и Чигорина и Ласкера. Правда, выступая в печати после Гастингского турнира, Тарраш хвастливо обещал «встретиться кое с кем при Филиппах», сравнивая себя таким образом с духом убитого Юлия Цезаря, Чигорина, который в Гастингсе у Тарраша выиграл, — с Брутом, а Петербург с местечком Филиппы. Но, видимо, у «духа» не хватило духу, и Тарраш уклонился от новой борьбы с грозными соперниками.

Ласкер же, Пилсбери и Стейниц приехали в Петербург. Естественно, возник вопрос о замещении отказавшегося Тарраша новым участником. Правильным решением вопроса было бы приглашение в матч-турнир второго представителя России — Эммануила Степановича Шифферса, на что тот имел полное и моральное и формальное право, так как занял в Гастингском турнире

шестое место — тотчас за пятью победителями, приглашенными в петербургский матч-турнир. Именно такой спортивный принцип замещения внезапно отказавшихся основных участников проводится в наши дни, позволяя избежать всякого рода жалоб на произвольность приглашения.

К тому же Шифферс был вторым по силе шахматистом России и опытным международным маэстро.

Но как Чигорин ни настаивал на включение в число участников своего старого друга и учителя, решал не он, а знатные покровители шахматного общества и богатые «меценаты», финансировавшие соревнование. Их не устраивала нерусская фамилия маститого русского маэстро. С другой стороны, они опасались, что Шифферс окажется на класс ниже знаменитых корифеев и станет играть роль аутсайдера. Это показывало, насколько оргкомитет слабо разбирался в чисто шахматных вопросах. Шифферс был бы для любого из участников достойным противником, что он вскоре и доказал. Через месяц после матч-турнира в Ростове-на-Дону на средства местного углепромышленника был устроен показательный матч Стейниц — Шифферс. Хотя экс-чемпион мира и добился победы, но с очень небольшим перевесом: $+6, -4, =1$.

После отстранения Шифферса от участия в матч-турнире задача Чигорина стала психологически еще труднее. Вся тяжесть ответственности перед сильными мира сего легла на его плечи.

— Ну-с, почтеннейший мой Михаил Иванович, — перед началом турнира ласково приветствовал его знатный покровитель шахматного клуба тайный советник Петр Александрович Сабуров. — Теперь все дело за вами. Деньги на призы обеспечены, помещение тоже. Покажите этим двум евреям, Стейницу и Ласкеру, где раки зимуют! Вы — русский человек и сами понимаете, как все разочаруются, если не вы будете первым. Ведь для того и турнир в Питере устраиваем... Вчера я имел честь посетить одну оч-чень знатную особу, и она соизволила милостиво отозваться о вас. Я заверил августейшего покровителя от вашего имени, что слава русских шахмат не пострадает и вы не ударите лицом в грязь перед этими еврейскими чемпионами. Ведь по законам Российской империи этих... не знаю как сказать... «господ», что ли, в столицу русскую пускать не следовало

бы... Я им выхлопотал разрешение на два месяца на право жительство... только для вас!

Чигорин пожал плечами:

— Конечно, я, как представитель России, приложу все силы, чтобы быть первым... Но причем тут еврейское происхождение? Эти два чемпиона мира — замечательные шахматисты, и у обоих не меньше шансов, чем у меня, говоря объективно. Стейниц — мой старый друг... Что ж, что еврей? Буду стараться вовсю, а не выйдет, не поносить же их за это? Наших гостей! Просто некрасиво было бы...

Сабуров шутливо погрозил Чигорину пальцем:

— Не говорите так! Вы что, не читаете собственную газету? Ведь что «Новое время» пишет? Про евреев? Не давать им ходу! Нигде! Ни в чем! Верно?

Михаил Иванович побледнел:

— Я не имею отношения к политике газеты. Веду только шахматный отдел. Для меня не существует ни евреев, ни татар, ни цыган, ни малороссов, ни великороссов, а только шахматисты. Кто хорошо играет, хвалю, кто плохо — ругаю. Не на лицо смотрю, а на партии!

— Да-да, в том-то и дело, что не на лицо. Вот мне и сам Суворин жаловался, что его сотрудники недовольны вашей беспристрастностью в так называемом национальном вопросе. Нельзя так, голубчик! И в шахматах должна быть политика. Потому и Шифферса мы сочли неподходящим. Одним словом: ждем от вас большого успеха. Больше даже, чем в Гастингсе был. Ну, на худой конец, если не первым, так вторым. Но тогда уж лучше пускай победит Пилсбери. Все-таки — новая звезда. И не одному вам нос утрет.

— Сделаю, что могу, — печально сказал Михаил Иванович, — но войдите и в мое положение, Петр Александрович. Ведь все хлопоты по турниру падают на меня. Помощников нет. После утомительнейшего гастингского боя совсем даже не отдыхал. Да и какой отдых осенью в Питере? Грязь, слякоть, туман! Денег не хватает. Да и годы сказываются, иногда просто сил нет, чтобы, как Ласкер, месяцами готовиться к каждому соревнованию. Я не жалуюсь, многоуважаемый Петр Александрович, но поймите и нас, шахматных маэстро. Играть — большой, тяжелый труд! А начинать соревнование с сознанием, что должен взять именно первый приз — это же ужасно! Как будто над тобою стоит человек с поднятой

дубинкой! Непременно обгони, дескать, трех сильнейших игроков мира, не то — бац!! Господи, сколько всяких гадостей наслышишься при неудаче, а старые заслуги забываются сразу, как губкой стерты с доски! А ведь играешь, борешься не с первым встречным игроком, а с мировыми знаменитостями!

Сабуров покачал головой:

— Все это верно, почтеннейший мой, но забыли вы одну евангельскую истину: «Кому много дано, с того много и спросится!» И русскую поговорку «Большому кораблю большое и плавание». А вы у нас броненосец под адмиральским флагом. Уж постарайтесь, в лепешку разбейтесь, но будьте первым! А то все инородцы голову подымут. Да и вы, чего доброго, наживете неприятности.

Тайный советник встал, сухо распрощался с Чигорным и, сопровождаемый почтительными поклонами членов клуба, величественно удалился.

Чигорин хмуро задумался.

«Угрожает еще! Точь-в-точь, как римский патриций гладиатору перед боем. Хорошо им, чиновным да денежным! А тут сидешь играть, да думаешь о том, что тебя из квартиры хотят выселить за неплатеж, да жена еще пришлет счет, который надо срочно оплатить, а кругом интриги, сплетни. Что ж, «барин велел», значит, надо стараться! Буду рвать, рисковать, играть ва-банк с первого тура! Для первого приза надо не меньше двенадцати очков. Стало быть, не смею потерять больше шести очков. Да, трудновато, да еще эти чертовы хлопоты! И никакой помощи!

Михаил Иванович вспомнил, какие тяготы легли на его плечи во время матча с Таррашем, а при новом соревновании организационные хлопоты, падавшие на долю «директора-распорядителя» Санкт-Петербургского шахматного общества Чигорина, утроились! Все — от приискания номеров в гостинице, размещения гостей, обслуживания их до расстановки стульев, столов и шахмат во время соревнования и прикрепления картонных табличек с фамилиями чемпионов к шахматным столикам — делал сам Чигорин. А тут у него усложнились личные дела, ухудшилось материальное положение, а та отвратительная атмосфера, которая господствовала во время матча с Таррашем, давала себя знать еще сильнее.

К тому же в шахматах редко оправдывается пословица: «Дома стены помогают». Наоборот, от шахматиста, играющего в родном городе, его родственники, друзья, знакомые, «болельщики» всегда ожидают необыкновенных, сверхблестящих успехов. Это психологическое «подгоняние» нервирует шахматиста, и он зачастую играет не лучше, а гораздо хуже обычного.

13 декабря 1895 года Чигорин, Ласкер, Стейниц и Пилсбери сели за шахматные столики.

Турнир протекал на стыке двух годов и закончился 28 января 1896 года. Участники играли друг с другом по шесть партий, то есть каждому пришлось играть по восемнадцать. Туры проходили с двух до шести часов дня с контролем времени по тридцать ходов каждому и после перерыва — с половины девятого до половины одиннадцатого вечера с контролем по пятнадцать ходов в час. Доигрывание незаконченных партий происходило на следующий день.

Любопытно, что во время перерыва согласно регламенту «категорически запрещалось анализировать и обсуждать отложенное положение».

Условие, заведомо невыполнимое, в регламентах других турниров не укоренившееся и только показывавшее, что авторы его несведущи в шахматном творчестве. В самом деле: кто может помешать участнику уединиться в номере гостиницы и анализировать позицию или даже сговориться с коллегой о взаимной помощи? И даже если приставить к участнику соглядатая, ходящего по пятам, что, конечно, невозможно, то и тогда толку не будет. Любой маэстро может прекрасно анализировать без доски, в уме. Всякий опытный шахматист знает, что даже во время обеда прерванная партия все время стоит перед умственным взором и мозг неутомимо работает над анализом всевозможных вариантов.

Другая интересная особенность петербургского матча-турнира: Суворин, очевидно принимавший участие в финансировании соревнования, объявил в «Новом времени», что газета «приобрела исключительное право на печатание в периодических изданиях в России партий предстоящего турнира». Поэтому зрителям запрещалось записывать ходы.

Из этой затеи тоже ничего не вышло, так как закон не охранял подобной монополии «Нового времени», а чтобы передать партии в печать с места игры, не обя-

зательно было их записывать, а легко было запомнить. Ведь в каждом туре игралось только две партии! Так что они сразу стали появляться не только в «Новом времени», но и в других газетах.

Как же протекала борьба?

Блестяще стартовал Пилсбери, решившийся повторить свой гастингский успех, подчеркнуть, что тот не был случайным, и сделать заявку на мировое первенство выигрышем короткого турнирного «матча» у самого чемпиона мира. В первой половине турнира Пилсбери из девяти партий выиграл пять (в том числе две у Ласкера при одной ничьей с ним) и проиграл только одну партию (Стейницу, при двух ничьих с ним).

Казалось, что после такого изумительного рывка победа Пилсбери в матче-турнире предрешена. Но затем случилось нечто непредвиденное и ужасное. У него началось заболевание, которое десять лет спустя свело его в могилу.

В трагической судьбе молодого американца печальную роль сыграли «гостеприимство» петербургских меценатов и их дикие понятия об общественной морали вообще и о спортивном режиме, в частности.

Закатив перед началом матча-турнира его участникам пышный ужин в фешенебельном ресторане, они затем предложили Пилсбери отправиться в один из публичных домов, которые в то время легально существовали в Петербурге. Захмелевший американский маэстро согласился и во время случайной связи заразился сифилисом, который тогда медицина считала неизлечимым.

Обнаружив симптомы страшной болезни как раз по окончании первой половины соревнования, Пилсбери, конечно, пришел в отчаяние и думал лишь о том, чтобы кое-как сыграть оставшиеся партии и всерьез заняться лечением. В девяти партиях на финише он потерпел шесть поражений и лишь три свел вничью.

Ровно и уверенно с начала и до конца провел матч-турнир Ласкер, положивший этим успехом начало многим новым замечательным победам. Он взял первый приз, набрав $11\frac{1}{2}$ очков из восемнадцати возможных, и на два очка обогнал следующего за ним Стейница. Третьим был Пилсбери — 8 очков, последним — Чигорин, набравший лишь 7 очков.

Михаил Иванович стартовал исключительно неудач-

но. Выигрыш его в первом туре у старого друга-врага Стейница оказался единственной победой Чигорина в первой половине турнира. Из следующих восьми партий он лишь в одной добился ничьей, а остальные проиграл! Обычная «катастрофа», когда шахматист играет не творчески, а искусственно взвинчивает себя и без должных предпосылок доводит сразу накал борьбы до предела.

Не только подстрекательство болельщиков, знакомых и стремление угодить общественным ожиданиям виною подобных провалов, а есть еще и чисто психологическая причина. Если маэстро ставит перед собою задачу перед началом соревнования обязательно взять в нем первый приз (только первый, без всякого компромисса вроде второго или третьего!) и начинает игру под знаком «пан или пропал», он перед этим высчитывает количество очков, нужное для единоличной победы.

Предположим (как и было с Чигориным), что в турнире надо сыграть восемнадцать партий против противников высшего класса. Статистика показывает, что для первого приза надо набрать не менее 12 очков, или, что то же самое, можно потерять не более шести очков.

Начинается турнир, и вдруг (о, боже!) он в первых трех турах набирает лишь одно очко. Сама по себе потеря двух очков — это неудача, но не полный провал. История состязаний показывает, что были турниры, будущий победитель которых начинал с двух поражений. Но человек, думающий лишь о первом месте, рассуждает так: «Если при начале я мог потерять лишь шесть очков из восемнадцати, то теперь я, после потери двух очков из трех, должен из кожи лезть, так как необходимо набрать одиннадцать очков в пятнадцати оставшихся встречах». Задача еще более трудная! И он начинает играть еще более нервно и авантюрно, и каждый новый проигрыш только подхлестывает его к такой нездоровой спортивной тактике.

И только когда маэстро после ряда «незапланированных» проигрышей осознает, что у него больше нет ни малейших шансов не только на первое место, но и на следующие призовые места, иллюзии рассеиваются, он успокаивается и начинает играть так, как должен был бы играть с самого начала: думая не о первом месте, не об очках, а только о том, чтобы извлечь из каждой партии то, что представляется возможным и

по объективным показателям и по внутреннему творческому убеждению, а не принимать желаемое за действительное, не искушать судьбу зря! Он с горечью понимает, что если бы он этой золотой установки придерживался с первых же туров, он бы занял, может быть, и не самое высшее место, но и не сорвался бы в низ турнирной таблицы.

Так получилось и у Михаила Ивановича. Утратив в первой половине матча-турнира все надежды на успех, он на финише стал играть в свою обычную силу и набрал 5½ очков из девяти возможных — ровно столько, сколько чемпион мира Ласкер в первой половине. Но было уже поздно!

Любопытны итоги встреч участников матча-турнира между собой, образовавшие своеобразный спортивный «хоровод». Ласкер выиграл два матча, но проиграл матч Пилсбери. Последний выиграл матч у Чигорина, но проиграл Стейницу. Экс-чемпион мира проиграл матчи Ласкеру и Чигорину, что явилось единственным, — правда, малепьким — утешением для Михаила Ивановича.

А утешение нужно было, так как горя было много! После первых же проигрышей Чигорина вокруг его имени в петербургской «желтой» прессе развернулась свистопляска, в которой газетным рептилиям деятельно помогали ненавистники великого русского шахматиста.

А в юмористическом журнале «Стрекоза», совсем недавно прославлявшем Чигорина, была опубликована наглая карикатура. На шахматном поле в окружении белых и черных фигур едут сани, запряженные шахматными конями. В санях — изображенные в обычном, не шаржированном виде — Стейниц, держащий вожжи, а по бокам приветственно размахивающие шляпами Ласкер и Пилсбери. На обочине же саней стоит худой уродливый петух, на гребешке которого надпись «Чигорин».

Не упустили возможности посыпать солью свежие раны великого русского шахматиста и так называемые отечественные «меценаты».

Самое крупное оскорбление из них нанес Чигорину московский миллионер Бостанжогло, который, вместо того чтобы финансировать матч Чигорин — Ласкер и помочь Михаилу Ивановичу восстановить прежнее реноме, или вместо того чтобы организовать новый матч-

турнир корифеев, но на этот раз в гостеприимной Москве, предпочел бухнуть десяток тысяч для организации в конце того же, 1896 года матча-реванша между Стейнником и Ласкером. Это была чистейшая демонстрация истинно русского болельщика Бостанжогло! Ведь шестидесятилетний Стейниц не имел никаких шансов на возвращение шахматной короны. Экс-чемпион мира в петербургском матче-турнире сыграл с Ласкером маленький матч мало чем лучше Чигорина (+1, —3, =2), да и Чигорину проиграл со счетом +2,—3, =1.

Самое печальное в итогах петербургского матча-турнира, долженствовавшего подчеркнуть права Чигорина на личное мировое первенство, было то, что он их начисто уничтожил. Блестящий успех молодого чемпиона мира сочетался с выигрышем Ласкером матча у Чигорина с разгромным счетом 5:1 (четыре победы при двух ничьих). Это было полное крушение надежд русского маэстро.

Решило судьбу матча-турнира вообще и Чигорина, в частности, одно качество, которое Чигорин ничем не мог бы возместить: молодость чемпиона мира, полного сил и энергии. Михаил Иванович понял, что он опоздал и уже не имел достаточно жизненных сил, чтобы щедро расходовать их в изматывающей борьбе за шахматную корону. Он сознавал, что еще может играть (и хорошо!), не раз добиваясь новых крупных успехов. Он знал, что по-прежнему останется великим шахматистом в глазах шахматного мира, но вопрос о борьбе за мировое первенство уже отпал навсегда!

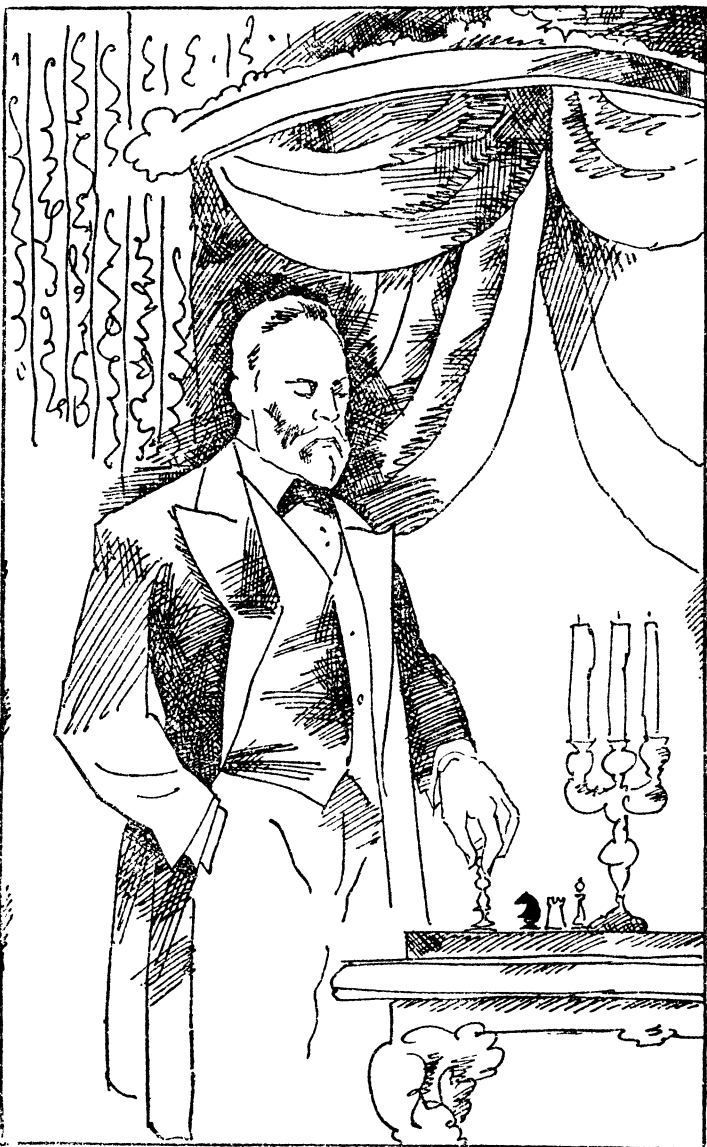
И Чигорин пал духом. С тех пор он уже не прежний «шахматный Наполеон» или Суворов, и даже не Наполеон на острове Эльба. Это — Наполеон после Ватерлоо!

Подобно Фаусту, он теперь охотно продал бы душу Мефистофелю. В ушах Чигорина звенела фиоритура из оперы Гуно, которую он слушал совсем недавно: «Я хочу сокровища, которое заключает в себе все богатства мира: я хочу молодости!» Ведь за кипящим энергией Ласкером вставала целая шеренга столь же молодых и хорошо подготовленных к шахматным боям международных маэстро, среди которых выдвигались новые и новые претенденты на мировое первенство.

Горько было на душе и по другой причине. Ни тогдашние горластые болельщики, упрекавшие Михаила

Ивановича в неожиданном провале, ни богатые и знатные горе-покровители типа Сабурова и Бостанжогло, ни газетные рептилии петербургской желтой прессы, ни даже люди, искренно и горячо жалевшие о неуспехе Чигорина, не понимали главного. Ведь он только потому не выстоял в изматывающей борьбе с могучими молодыми соперниками, что лучшие годы жизни шахматного спортсмена посвятил развитию отечественного шахматного движения, во имя этого добровольно отказавшись от лавров побед на международных соревнованиях.

И вот в самый трагический момент его жизненного пути русское общество вместо моральной поддержки и материальной помощи проявило полное бездушие и вопиющую неблагодарность!

Тарраш неспроста отказался от участия в матче-турнире чемпионов. Он правильно решил, что там его успех более чем сомнителен, а лучше бить наверняка. Привыкший к победам в международных турнирах Германского шахматного союза, Тарраш надеялся, что именно в таком соревновании даже при участии всех четырех могучих соперников он сможет доказать свое превосходство над ними и прежде всего над ненавистным ему чемпионом мира Ласкером.

И вот в июле 1896 года в родном городе Тарраша — Нюрнберге начался крупный международный турнир при девятнадцати участниках, в котором играли почти все ведущие мастера, выступавшие и в Гастингсе.

Ожидания Тарраша оправдались далеко не полностью. Турнир оказался триумфом молодого поколения вообще и Ласкера, в частности.

Чемпион мира взял первый приз, проиграв, правда, три партии (Пилсбери, Яновскому и Харузеку — трем восходящим звездам), но выиграв у Тарраша, Стейница, Чигорина и других представителей старшего и среднего поколения.

Второй приз завоевал талантливый молодой венгерский мастер Ге-за Мароци, третий и четвертый призы поделили Пилсбери и Тарраш, проигравший вопреки своим ожиданиям и Ласкеру и Пилсбери. Пятый приз взял Яновский, шестой — Стейниц. Седьмой и восьмой призы поделили молодые талантливые немецкие мастера Вальбродт и Шлехтер.

Михаил Иванович неожиданно

**Глава
восьмая**

**БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ
И БЕЗ НАДЕЖД**

остался вообще без приза и играл поразительно неровно. Начал он турнир неплохо и в первых девяти партиях набрал 7 очков, проиграв, к сожалению, Ласкеру, имея против чемпиона мира не только лучшую позицию, но и лишнюю пешку. Но в следующих девяти турах Чигорин набрал только 2½ очка. Всего в итоге турнира Михаил Иванович набрал 9½ очков и поделил девятое и десятое места со своим соотечественником Шифферсом, также начавшим постоянно выступать в международных турнирах. Но беда была не в спортивном неуспехе, а в том, что Чигорин исключительно неудачно сыграл с восемью призерами, набрав против них всего полтора очка (ничья с Мароци и выигрыш у Яновского). Проигрыши и старым соперникам (включая Ласкера, Стейница и Тарраша) и представителям молодого поколения (Пилсбери, Шлехтеру и Вальбродту) подтверждали то, что трагедия в Петербурге не была случайной.

На обратном пути из Нюрнберга на родину Чигорин заехал в Прагу. Чешские любители исключительно радушно приняли Михаила Ивановича, — не только как знаменитого шахматиста, но и благодаря симпатии к представителю братского народа.

Это очень подбодрило русского маэстро. Он понял, что, несмотря на последние неудачи, его имя не померкло в глазах ценителей его дарования и что даже шахматная деятельность, которой столь мало придавали значения правящие круги царской России, помогает укреплять дружественные международные культурные связи.

Михаил Иванович решил взять себя в руки и в очередном наступлении направить все силы для восстановления прежнего реноме.

Вернувшись на родину, Михаил Иванович конец лета отдыхал на даче, поняв наконец справедливость поговорки «в здоровом теле здоровый дух», а затем выехал в Будапешт. Там в октябре в честь тысячелетия Венгрии был организован международный турнир. Хотя число участников было невелико, но среди них было много выдающихся маэстро. Из прежних соперников отсутствовали только Ласкер и Стейниц, готовившиеся к матчу-реваншу между собою.

Чигорин провел все соревнование с блеском. Он обо-
гнал Пилсбери, занявшего третье место, победил Тарра-

ша, оказавшегося лишь на восьмом месте, и закончил турнир, набрав 8½ очков в двенадцати сыгранных партиях.

Столько же очков набрал даровитый 23-летний чех Рудольф Харузек. Это был блестящий мастер атаки, считавший себя учеником Чигорина. И по стилю игры, и по дебютному репертуару, и по общему отношению к игре как искусству, он действительно очень походил на Михаила Ивановича. Ласкер, которого неукротимый Харузек в их первой и последней встрече на турнире в Нюрнберге буквально разгромил, считал своего победителя самым опасным будущим соперником в борьбе за мировое первенство. Чигорин писал о Харузекке, что тот «самый одаренный из молодых маэстро». Сохранился и другой отзыв Чигорина о Харузекке в письме Павлову 27 декабря 1896 года: «Направление в игре, которому следуют современные игроки, есть направление, так сказать, ремесленника (Стейница к ним не присоединяю), а не творца-художника. Вы понимаете, что я хочу сказать. Народится второй Морфи и поколотит их всех. Не Харузек ли будет им? Весьма возможно».

К сожалению, спортивный путь Харузекки окончился даже еще раньше, чем путь Пилсбери. Молодой чешский маэстро с большим успехом выступил еще в двух международных турнирах, но уже в 1900 году, всего двадцати семи лет, скончался от туберкулеза.

Между Чигориным и Харузеккой был разыгран короткий матч из четырех партий, чтобы определить первого и второго призеров Будапештского турнира. Чигорин выиграл первую, вторую и четвертую партии, проиграв только одну, и получил первый приз. Тотчас после турнира Михаил Иванович писал своему confidentу: «Я лично доволен не только тем, что одержал победу в Будапеште, а и тем, что мне удалось почти все партии провести последовательно: когда защищаясь, когда атакуя. Я взял их с бою, «подарков» мне никто не сделал. Это-то меня и радует».

Стейниц, находившийся в то время еще в Москве, где должен был вскоре начаться его новый поединок с Ласкером, прислал Михаилу Ивановичу теплое поздравительное письмо.

«10 ноября 1896 г., Москва.

Мой дорогой друг и глубокоуважаемый коллега! Примите мои сердечнейшие поздравления по поводу

Вашей почетной победы в Будапеште. Ценители нашего благородного искусства будут искренне рады тому, что победил представитель России, которая в последнее время сделала большой вклад в развитие шахмат, что является результатом Вашего гения и авторитета.

Разрешите заверить Вас, что из всех известных мне шахматных маэстро я желаю в дальнейшем наибольших успехов Вам.

С дружеским приветом Ваш В. Стейниц».

Стейниц явно хотел подбодрить бывшего соратника, так как и сам хорошо понимал душевное состояние Чигорина и чувствовал себя неловко по отношению к нему. Вместо того чтобы самому бороться с Ласкером за мировое первенство, Михаил Иванович должен был следить по газете (его даже не пригласили погостить в Москве!) за совершенно ничемным и бесперспективным матчем-реваншем, организованным по прихоти московского миллионера-самодура.

Ничемным и бесперспективным соревнование было не только потому, что Ласкер и в предыдущем матче на мировое первенство и в последующих турнирных встречах убедительно доказал свое превосходство над Стейнцем, но и потому, что шестидесятилетний экс-чемпион мира должен был вести еще и безнадежную борьбу против собственного возраста и плохого здоровья.

Но, будучи верным другом и давнишним поклонником Стейница, Чигорин даже при таком унижительном отношении к себе со стороны организаторов матча-реванша все же способствовал его осуществлению, организовал в своем клубе подписку на проведение матча-турнира (средств Бостанжогло не хватило) и в своих шахматных отделах не критиковал, а рекламировал и освещал это соревнование.

Печальный конец Стейница

Ослабевший, уставший, больной Стейниц не имел ни малейших шансов победить молодого, честолюбивого, полного сил Ласкера, только что взявшего первые призы в двух сильнейших соревнованиях.

Действительно, матч-реванш тянулся в Москве два с половиной месяца с длительными перерывами из-за плохого самочувствия Стейница и закончился новой, еще

более убедительной, но никого не удивившей победой Ласкера со счетом $+10, -2, =5$.

Для Стейница матч-реванш явился началом тяжелого нервного расстройства. Уже во время игры он страдал от приступов гипертонии, жаловался на приливы крови к голове, и лакей то и дело менял приложенную к голове Стейница салфетку, смоченную ледяной водой. Иногда старик просто обтирал голову снегом. И в таком болезненном состоянии Стейница допустили к игре!

После проигрыша матча Стейниц почему-то задержался в Москве, пригласил к себе стенографистку и начал по-немецки диктовать ей новую книгу. Его по-прежнему мучили приливы крови к голове. Чтобы освежиться, он время от времени просовывал голову в форточку. Прибегая к такому сугубо оригинальному способу лечения, Стейниц еще бормотал что-то, не то по привычке очень одиноких людей разговаривая сам с собою, не то просто чертыхаясь.

Романтически настроенной стенографистке такое поведение показалось подозрительным. Она решила, что он высовывает голову в форточку и бормочет потому, что подобно Жанне д'Арк слышит «голоса» и запросто беседует с призраками. Она сообщила управляющему гостиницей, что его постоялец как будто сошел с ума. Тот, как и следовало, вызвал американского консула. Последний не соизволил обеспокоиться лично, а прислал врача, который, не долго думая, отправил Стейница в сумасшедший дом, причем даже не сообщил тамошним коллегам, кем является пациент.

Московские психиатры «чутко» отнеслись к Стейнцу, тем более что «пункт помешательства» был им в диктовку и, может быть, даже заслуживал специальной диссертации. В самом деле, до того больные манией величия обычно выдавали себя за Христа, Магомета, Будду, на худой конец — за китайского императора или Ричарда Львиное Сердце, а этот старик объявляет всем, что он экс-чемпион мира по шахматам. Редчайший случай в истории психиатрии! До чего додумался!

И чем больше Стейниц настаивал на том, что он — шахматный чемпион, тем энергичнее и чаще его окатывали холодными душами, пичкали лекарствами и, конечно, не давали, как он ни просил, чтобы развлечься, доски и шахмат. Зло надо вырывать с корнем!

Но однажды молодой врач — любитель шахмат — 263

вспомнил, что он видал в газете портрет экс-чемпиона мира, дьявольски похожий на пациента, и усомнился в правильности профессорского диагноза. Он решил проверить: умеет ли пациент вообще играть в шахматы. Принес в палату комплект и предложил Стейницу сыграть. Тот, расставив себе белые фигуры, невозмутимо снял с доски свою ферзевую ладью, и врач, считавший себя сильным шахматистом, почти убедился, что перед ним подлинный сумасшедший, поскольку предлагает такую большую фору.

Начали играть. Стейниц, вероятно, ни одну партию даже в матчах на мировое первенство не играл с такой старательностью, энергией и блеском — уж очень велик был приз: свобода, выход из сумасшедшего дома! Врач проиграл одну партию, вторую, третью и понял, что перед ним — не самозванец, а сам великий шахматист.

После месячного пребывания в психиатрической больнице Стейниц был выписан на волю и поторопился покинуть чересчур гостеприимную Москву, но все же согласился (нужда заставила!) перед отъездом сыграть в московском шахматном кружке две консультационные партии.

Из Москвы Стейниц направился в Вену, где, на его счастье, американским консулом был известный шахматист, участник Нью-Йоркского международного турнира 1889 года Джедд, который принял знаменитого соотечественника как родного.

Отдохнув от тяжелых переживаний и проведя в Вене сеанс одновременной игры, Стейниц отплыл в Америку, но год спустя снова вернулся в Европу, чтобы ринуться в ожесточенные турнирные бои. Неугомонному старику надо было содержать молодую жену и двух маленьких детей, ведь литературных заработков давно не было.

Такое перенапряжение не прошло даром, и в 1900 году Стейниц попал в сумасшедший дом в Нью-Йорке, где через несколько месяцев скончался, до смерти не расставаясь с шахматами. Он воображал, будто из него исходит электрический ток, который передвигает без помощи рук фигуры на доске.

Ласкер же по окончании матча-реванша со Стейницем в январе 1897 года отправился из Москвы в Петербург, куда его пригласило созданное недавно «Общество поощрения шахматной игры», конкурировавшее с чигоринским клубом. Вдохновителем создания «Общества

поощрения» был снова появившийся в русской столице Алапин, а знатным покровителем — крупный чиновник министерства путей сообщения князь Бебутов, приютивший алапинцев в Железнодорожном клубе. Впрочем, новое общество «поощряло» шахматы менее двух лет, да и Алапин вскоре снова отбыл за границу.

Мастер на все руки!

В 1935—1937 годах мне приходилось часто встречаться с Ласкером и наблюдать этого удивительного человека. Он был невысоким, коренастым брюнетом с сильной проседью, резко очерченным волевым лицом и пронзительными черными глазами. Уже по одному облику Ласкера, хотя он был уже на склоне лет, чувствовалось, что это не только великий шахматист, но и идеальный спортсмен: собранный, хладнокровный, физически подтянутый, никогда не теряющий головы, уверенный в победе над любым противником.

Каков же тогда Ласкер был в молодости? — спрашивал я себя.

Как человек, Ласкер был абсолютным антиподом и Стейница и Чигорина. Практичный, целеустремленный, расчетливый и экономичный в расходовании сил, хорошо знающий цену деньгам и времени, Ласкер являлся подлинным олицетворением деловитости и буржуазного здравого смысла. Недаром он и свою первую книгу по шахматам озаглавил именно так: «Здравый смысл в шахматах!»

«Ни капли романтики!», «Ни тени сентиментальности!», «Никаких предрассудков!», «В шахматной войне все средства хороши, чтобы наверняка поразить противника!» Именно с такими лозунгами Ласкер вступил на международную шахматную арену.

Родившись в семье кантора, Ласкер в юности познакомился с шахматами, и уже двадцати лет получил звание маэстро. Через два года, будучи студентом Берлинского университета, Ласкер получил предложение от немецких промышленников за хорошую плату поехать на Всемирную выставку в Лондон. Он должен был в германском павильоне служить живой шахматной приманкой и играть с любым посетителем, который этого захочет. Не колеблясь ни минуты, Ласкер бросил учебу и отправился в Англию, где после выставки остался

совсем на положении шахматного профессионала. Победив в матчах всех английских маэстро, он отправился в США, где после новых успехов организовал победоносный матч со Стейнцем.

Накопив гастролями в Америке и Европе и победами в турнирах изрядную толику долларов, фунтов, рублей и марок, Ласкер вернулся к учебе. Кончив университет, он снова берет первые призы на международных турнирах в Лондоне в 1899 году и в Париже в 1900 году и с «активным торговым балансом» возвращается к науке, в 1902 году защитив диссертацию на звание доктора математики и философии.

По-видимому, для Ласкера ученая степень была лишь символом респектабельности и весомости в буржуазном обществе, где шахматные маэстро котировались невысоко. Но звание доктора математики и философии в сочетании с титулом чемпиона мира по шахматам производило внушительное впечатление и приятно влияло на размеры шахматного гонорара.

Надо отметить, что Ласкер так и не стал профессиональным ученым и в этом качестве вряд ли даже достаточно заработал денег для покупки масла на тот хлеб, который зарабатывал как сильнейший шахматист мира. Правда, он в дальнейшем годами не принимал участия в международных турнирах, но никогда не оставлял шахмат: гастролировал по США и Европе, писал шахматные книги, издавал свой шахматный журнал, долго и тщательно готовился к каждому новому выступлению, будь то турнир или матч на мировое первенство.

В математике, по отзывам специалистов, Ласкер ничем не проявил себя. Как философ, в своих работах не возвышался над средним уровнем бесчисленных идеалистических сочинений, о чем свидетельствуют и их названия: «Борьба», «Понимание мира», «Философия незавершенного», причем в первых двух он проводит аналогии между законами жизни и законами шахмат.

Приезжавший в 1966 году в Москву бельгийский гроссмейстер Альберик О'Келли, приглашенный в качестве арбитра на матч Петросян—Спаский, в своей статье «Слагаемые успеха» так неожиданно вспомнил о Ласкере:

«Когда титул чемпиона мира уже добыт и нет возможности идти еще выше, честолюбие обращается на другие области. Это проявилось, например, в поведении

Ласкера, который, после того как добился славы в шахматах, пытался завоевать себе имя в области философии. Я имел возможность держать в руках книгу о философских проблемах, написанную Ласкером. В ней было более четырехсот страниц. После того как я пролистал ее, просмотрев заголовки немногочисленных глав, я пришел к выводу, что очень мало людей прочитало ее от начала до конца».

Не был чужд Ласкер и литературе, написав совместно с братом пьесу, которая даже увидела ненадолго свет в одном из берлинских театров.

Занимался доктор математики и философии Ласкер и тем, что дико звучит для уха советского человека, когда речь идет о деятеле науки: торговыми спекуляциями и вообще коммерцией.

Интересно, как неудачный исход одной коммерческой операции Ласкера вынудил его согласиться на матч с Капабланкой, от которого чемпион мира, предчувствуя, видимо, потерю своего титула, вначале долго уклонялся.

Мне об этом со смехом рассказывал покойный московский мастер А. И. Рабинович, хорошо знавший Ласкера лично.

После первой мировой войны Ласкер в результате инфляции германской марки потерял почти все сбережения. Однако он знал, с какой стороны хлеб намазан маслом, и задумал одним ударом поправить свои финансовые дела. На оставшиеся деньги он приобрел в США несколько тонн масла и повез его в голодающую Германию, дабы с выгодой продать на черном рынке. К несчастью, пароход наскочил на невыловленную после войны мину, которыми еще изобиловал былой театр военных действий — Северное море, и, конечно, страховое общество не стало платить за это.

Потеряв полностью свой капитал, Ласкер вынужден был принять выгодные условия Гаванского шахматного клуба, предложившего чемпиону мира в качестве гонорара за матч с их соотечественником кругленькую сумму в одиннадцать тысяч долларов. В 1921 году матч на Кубе состоялся, и шахматная корона перешла к Капабланке, победившему Ласкера без единого поражения со счетом +4, —0, =10.

Одно время Ласкер увлекся японской игрой «го» и даже играл в нее по переписке с другими знатоками, а позже прославился еще и как карточный игрок.

С 1926 по 1933 годы он зарабатывал себе на жизнь главным образом игрой в бридж и даже открыл в Берлине школу карточной игры. Ласкер был участником команды Германии на Всемирной олимпиаде по бриджу и выпустил «научный» труд «Энциклопедия игр», став признанным авторитетом и в этой области.

В шахматных соревнованиях в этот период Ласкер не выступал, но написал объемистый «Учебник шахматной игры», перевод которого неоднократно издавался и в СССР.

В интересных воспоминаниях Н. Розенель-Луначарской «Память сердца» находим такое упоминание о Ласкере, относящееся к 1930 году, когда она с Луначарским посетила Берлин:

«Мы пересекли площадь возле Геденскирхе и направились в знаменитое «Романишес кафе» — место встреч берлинской художественной богемы. Это Монмартр и Монпарнас Берлина, вместившиеся в один, правда, огромный зал...

Не успели мы войти, как сквозь сизый табачный дым нас увидели и узнали завсегдатаи кафе. Несколько человек поднялись из-за своих столиков и подошли к нам. Среди них был прославленный экс-чемпион д-р Э. Ласкер. Оказалось, что он здесь ежевечерне играл в покер. В тот период он слыл крупнейшим арбитром по покеру, и покеристы всего мира считали его решение окончательным. Жилось ему в материальном отношении трудно, и этот «арбитраж» служил для него подспорьем».

Но, конечно, несмотря на такую широту интересов, Ласкер всегда был прежде всего шахматистом. Не случайно, когда он в 1941 году умирал в Нью-Йорке, куда направился из Москвы, где он прожил несколько лет, спасаясь от гитлеровского «рейха», последние слова Ласкера были: «Шахматный король»!

Чигорин, характеризуя в 1903 году игру Ласкера, первым из шахматных знатоков высказал общепринятое теперь мнение, подтвержденное и самим чемпионом мира, что «Ласкер рассматривает шахматы, главным образом, как борьбу. И вооружение его разнообразно. Ласкер еще долго будет страшен для самых одаренных противников. Вот Тарраш, который не любит Ласкера, удосужился как-то подсчитать, сколько тот выиграл партий, которые ему «подарили» противники. На одном Нюрнбергском турнире, по подсчету Тарраша, Ласкер

был обязан «счастьем» не более не менее, как пятью очками! Правда, из этих пяти выигранных партий он действительно не меньше, чем в трех, стоял на проигрыш. В частности, у меня против Ласкера была выигранная партия, которую я испортил, удалив ферзя из игры. Но кто, кроме Ласкера, мог бы задумать опасную атаку на королевский фланг теми малыми средствами, какие оставались в его распоряжении?! Нет, все это вздор! Ни счастьем, ни внушением нельзя объяснить силу Ласкера. У него и темперамент бойца и огромный талант. Стейниц из шахмат хочет сделать науку, я — искусство, Ласкер — борьбу, или, если хотите, — спорт.

Это замечательное самокритичное высказывание Михаила Ивановича требует пояснений. По свидетельству современника, наблюдавшего упомянутую партию Ласкер—Чигорин, Ласкер по окончании партии сказал ему, что «час назад потерял надежду сделать хотя бы ничью». Кому, как не Чигорину, было бы говорить о случайности победы чемпиона мира, но Михаил Иванович всегда оставался верен себе и истине!

Упоминание о «внушении» объясняется тем, что завистливый Тарраш в одной статье заявил, что из-за подобных «случайных» побед Ласкера «поневоле хочется верить в колдовство, гипноз и тому подобное... Действительно, кажется, что Ласкер оказывает необъяснимое влияние на многих своих противников. Слишком трудно понять тот факт, что испытанные маэстро, вопреки своему обыкновению, внезапно начинают ему проигрывать безусловно выигрышные партии».

В высказывании Тарраша страннее всего, что этот «доктор», профессиональный врач столь по-обывательски рассуждает о гипнозе, что ставит его на одну доску с колдовством, а «трудно понимаемые» для абстрактного, шаблонного мышления Тарраша победы Ласкера тонкому аналитическому уму Чигорина, как видно, были «легко понятны».

Сам Ласкер позже изложил свои основные установки. «В шахматах,— писал чемпион мира,— есть элементы науки и искусства, но те и другие подчинены основному — борьбе!»

«Мне,— говорил как-то Ласкер Тартакову, — удавалось спасать восемь или девять партий из десяти, которые авторитеты объявляли проигрышными, но я сам не считал их безнадежными даже в самый критический

момент. Шахматы — это борьба между людьми, а не между фигурами, и ошибка — такая же составная часть партии, как и ее ходы».

Ласкер был замечательным спортивным психологом, учитывавшим не только чисто шахматные особенности стиля и недостатки игры противников, но и их индивидуальность в целом. Он первым ввел в обиход обычную в наши дни тщательную подготовку к встрече с каждым конкретным противником, изучение не только его партий, но и всего шахматно-спортивного комплекса.

Игра Ласкера была самобытна и всегда неожиданна для партнера. Провозгласив себя последователем Стейница, с годами он все более подпадал под влияние творческой манеры Чигорина. Как и Михаил Иванович, Ласкер центр тяжести борьбы в шахматной партии переносил не на дебют, а на миттельшпиль и тоже был непревзойденным мастером эндшпиля. Разница между ними была в том, что Чигорин был мастером атаки и с самого начала стремился захватить инициативу и создать острые осложнения. Ласкер же был мастером контратаки. Он часто добровольно шел на худшую с виду позицию, искусно провоцируя противника на преждевременный штурм, и потом, при малейшей его ошибке, с необыкновенной силой, как оттянутая назад и спущенная стальная пружина, ударял по зарвавшемуся врагу.

Этим и объясняется казавшееся многим странным и непонятным высказывание Чигорина: «Спросите кого-нибудь: к какой шахматной школе относился Ласкер — к «новой» или к «старой». Он ответит: к «новой» и ошибется!» Чигорин чувствовал в Ласкере собрата-новатора, стоящего, как и он сам, впереди обеих школ.

«Обучение шахматной игре, — учил Ласкер, — должно быть воспитанием способности самостоятельно мыслить. И кто хочет воспитать в себе способность самостоятельно мыслить в шахматах, тот должен избегать всего, что в них мертво, надуманных теорий, которые опираются на очень немногие примеры и на огромное количество измышлений; привычки играть с более слабым противником; привычки избегать опасности; привычки без критики перенимать и, не продумывая, повторять варианты и правила, примененные другими; самодовольного тщеславия; нежелания сознаваться в своих ошибках».

Под этими строками, вдохновленными идеями и всей спортивной практикой Чигорина, он бы охотно подпи-

сался, но принял ли бы их целиком Стейниц, — хотя бы тезис об «избегании опасности», — большой вопрос.

Ласкер воспринял и развил все положительное, что было в учении Стейница, отбросив его парадоксы и «заскоки», и объединил это с теоретическими и творческими установками Чигорина. Уже в середине тридцатых годов, на склоне лет, находясь в Советском Союзе, Ласкер дал такую характеристику стиля великого русского корифея:

«Игра, основанная не на универсальной, общепринятой для всех логике, а на индивидуальных оценках и суждениях, — вот характернейшая особенность творчества Чигорина.

Полагаться на собственные мнения и поступать соответственно этому, значит — дерзать, и творчество Чигорина в области дебюта может служить образцом для шахматных мастеров, и они пытаются соединить боевую логику Стейница с дерзаниями Чигорина. В Советском Союзе сохранились традиции Чигорина», — подытожил свою мысль Ласкер.

Своеобразной общественной заслугой Ласкера — правда, далеко не сразу оцененной шахматным миром, — было то, что он своим авторитетом поломал нелепую систему ставок, о которой я уже рассказывал и которая низводила шахматных маэстро до уровня боевых петухов или скаковых лошадей. Новый чемпион мира впервые в истории шахматного спорта стал требовать твердый гонорар за свои выступления, — и не в качестве победителя, а независимо от исхода соревнования.

Однако суммы гонораров, требуемые новым чемпионом мира, казались «с непривычки» настолько большими, что часто расценивались общественностью и печатью либо как рвачество, либо как желание уклониться от матчевой встречи с опасным противником под предлогом необеспечения им финансовой базы — отгородиться от него «золотым валом».

Ласкер в ответ на нападки твердо защищал в печати свою точку зрения таким образом:

«Я был готов играть матч с любым претендентом, лишь бы только шахматный мир пожелал видеть этот матч и готов был подтвердить это желание не только словами, но и жертвами со своей стороны. Я отнюдь, конечно, не желал быть объектом эксплуатации. Мне угрожала участь шахматистов, которые либо умирали

с голоду, как Кизерицкий, Цукерторт, Мэкензи, либо, подобно Пилсбери и Стейницу, попадали на общественное призрение и, опустившиеся, в душевном расстройстве, кончали свою жизнь в больнице. Я готов был отдать мое искусство и мысль шахматному миру и тем оживить его, содействуя прогрессу игры, но я требовал, чтобы он взял ответственность за это и нес ее до конца. Конечно, мне возразят, что шахматы не могут быть профессией. Но миллионам шахматистов, разыгрывающих опубликованные партии маэстро, участь на них и получая духовное наслаждение, не следовало бы держаться такой точки зрения. Опираясь на подобные аргументы, музыкальный мир мог бы лишиться куска хлеба профессиональных талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. Только те, кто всецело посвящают себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области. Нельзя требовать от творчески одаренных шахматистов, чтобы они имели побочную профессию, ибо в таком случае они только разбросали бы свои силы и время и не развили бы своих способностей до мастерства ни в той, ни в другой областях».

Жизнь и последующее развитие шахматного спорта доказали абсолютную правильность высказываний Ласкера по этому вопросу. Но, к сожалению, первая же его попытка поломать систему ставок в пользу твердого гонорара ударила именно по Чигорину.

Когда чемпиона мира во время упомянутого его приезда в Петербург в январе 1897 года спросили, согласен ли он сыграть матч с Чигориным, Ласкер ответил, что не раньше осени и при гонораре в четыре тысячи рублей. Ясно, что ни сам Михаил Иванович, ни Петербургское шахматное общество не могли обеспечить такой, по тогдашним понятиям, огромной суммы. Московскому же промышленнику Бостанжогло, финансировавшему матч-реванш Стейниц—Ласкер, надоело разыгрывать из себя мецената, а сам он был глубоко чужд интересам русского шахматного движения, которому матч Ласкера с Чигориным, независимо от его исхода, принес бы большую пользу.

Ввиду невозможности обеспечить такой гонорар и расходы по приезду и пребыванию чемпиона мира в Петербурге Ласкеру предложили сыграть с Чигориным матч по телеграфу из двух партий. Чемпион мира потребовал полторы тысячи рублей гонорара. На этом как буд-

то поладили, но спустя некоторое время выяснилось, что и таких денег собрать не удастся.

Веры в успех Чигорина в новой борьбе за шахматную корону уже ни у кого не было. Плохое впечатление произвело и то, что во время этих переговоров была организована показательная партия Чигорин — Ласкер, кончившаяся поражением Михаила Ивановича. Он со свойственным ему иногда упрямством применил тот же неудачный вариант гамбита Эванса, которым уже проиграл партию Ласкеру в петербургском матче-турнире, и снова быстро попал в худшее положение.

После нее счет личных встреч Чигорина с Ласкером стал уже $+6, -1, =2$ в пользу чемпиона мира, и всем стало ясно, что у стареющего разочарованного русского витезя практически нет шансов на победу над Ласкером.

Да и сам Чигорин больше не предпринимал попыток устроить матч на мировое первенство. Он не смог бы даже апеллировать к мировому общественному мнению по поводу чрезмерных финансовых требований чемпиона мира. Ласкер прочно укрепил свой авторитет победами в турнирах вообще и в отдельных партиях над всеми своими соперниками в частности.

«Не велика птица: встанет и ночью!»

Михаил Иванович понимал, что ему физически уже не под силу вступать в долгую, изматывающую борьбу с молодым чемпионом мира, находящимся в расцвете сил и славы, — даже если бы были созданы идеальные условия соревнования. А их быть не могло! Чигорин все равно не смог бы играть на полную мощность ввиду его загруженности повседневной работой по подготовке обширных шахматных отделов «Нового времени» и «повсенощной» работой в шахматном клубе, «директором-распорядителем» коего он числился. Увы! Это пышное название прикрывало должность человека, который в силу сложившихся обстоятельств обязан забавлять шахматами «сильных мира сего», быть бесплатным советчиком всех желающих членов клуба в любое время дня и ночи.

Что это не преувеличение и Михаил Иванович не имел даже возможности отдохнуть после напряженной

журналистской и шахматной работы, доказывают такие строки из его тогдашнего письма Савенкову:

«Расскажу Вам, как мне приходится жить здесь, в Питере, в одном доме с Шахматным обществом (во дворе, вход в другие ворота).

Вот хоть бы вчера. Корректировал отдел для «Нового времени». В половине одиннадцатого вечера шлют за мною из Общества. Сначала один, потом другой. Нужный человек (П. А. Сабуров), нужно и идти. Прихожу. Засел за разбор его партий. Потом засел в столовой.

До половины четвертого ночи скоротал время. Отправился домой, ибо спать страшно хотелось, оставив публику в Обществе. Только что успел заснуть, является посланец за мною, что, мол, приехал мой приятель с знакомым, хочет меня видеть. Не пошел. Приезжай приятель раньше, за полчаса, ну и побеседовали бы до раннего утра, до 7—8 часов, как я узнал сегодня. Засидки бывают часто и позднее...»

Из этого «человеческого документа» видно, с какой бесцеремонностью обращались с Чигориным! Не только тайный советник Сабуров, который, конечно, был «нужным человеком» не для самого Михаила Ивановича, а для созданного им шахматного клуба, но и другие осмеливались будить глубокой ночью уставшего пожилого маэстро только потому, что кто-то «хочет его видеть»! Удивляет также доброта и незлобивость Чигорина, видимо привыкшего к подобной беззастенчивости.

Сабурову — слабому любителю — конечно, лестно было видеть свое имя рядом с именем великого шахматиста. В мае 1897 года была организована такая странная консультационная партия. Белыми играли «по консультации» Чигорин и Сабуров, черными — совещавшиеся между собою Алапин и Шифферс. Конечно, фактически играл один Чигорин против двух сильнейших после него русских международных маэстро и все же одержал победу. Можно себе представить, с каким удовольствием Сабуров демонстрировал партию своим высокопоставленным знакомым: «И мы пахали!»

В турнире-гандикапе 1896 года Чигорин занял первое место, набрав 38 очков в 42 (!) партиях, а весной 1897 года сыграл свой последний, шестой матч со старым соперником и своим ровесником Шифферсом и вновь победил его — на этот раз с разгромным счетом:

В России Михаил Иванович, как видно, по-прежнему не имел соперников, но за рубежом ему все труднее было поддерживать прежнюю марку. Ушла молодость, исчезли мечты о мировом первенстве, убывала прежняя львиная сила, но зато появились неверие в будущее, страх перед завтрашним днем и глубокое разочарование в соотечественниках, не поддержавших вовремя русского корифея. И ухудшилось здоровье из-за необходимости прибегать к спиртным напиткам в порядке ночных «дежурств».

С 1896 года Чигорин подряд играет во всех международных турнирах и охотно выезжает на гастроли, явно стараясь забыться и отдохнуть от петербургской «атмосферы», и от обид завистников, и от «друзей» типа Сабурова. Хотелось Михаилу Ивановичу, конечно, и еще раз блеснуть после неудач в Петербурге и Нюрнберге, и познакомиться с выдвигающейся на мировой арене молодежью, и подработать на призах. Нужда по-прежнему не выпускала Михаила Ивановича из своих цепких объятий. Он не только содержал жену и дочь, живших отдельно, но часто входил в долги, покрывая неотложные расходы шахматного клуба. Ведь частные домовладельцы не церемонились с должниками. Просрочил месяц — повестка в суд, и вскоре судебный исполнитель выкидывает вещи вон. А для шахматного клуба выселение — смерти подобно!

Да и расходы по проезду на турнир и обратно в те времена не оплачивались его организаторами. Однажды Чигорина спросили: примет ли он участие в намечавшемся международном турнире.

Чигорин ответил:

— Приму обязательно... Только деньги... деньги! — И он схватился за голову. — Знаете, к чему приходится прибегать? У меня остались неразошедшиеся экземпляры журнала за 1894 год. Так вот, я их и рассылаю: «От М. И. Чигорина такому-то на добрую память», а они присылают кто три, кто пять рублей. Вот и источники на поездку.

— Неужели шахматное общество и богатые любители не окажут поддержки? — в недоумении спросил собеседник.

— На словах сколько угодно, а на деле шиш! — ответил Михаил Иванович.

Но и участие в международных турнирах не гарантировало Чигорину высокого или хотя бы приличного заработка. Играл он теперь нервно и неровно, то достигая высоких призовых мест, то оставаясь вообще без приза.

Общая картина выступлений Чигорина со второй половины девяностых годов такова: он по-прежнему играет энергично, смело, красиво, но уже без прежнего подъема, без прежней веры в себя, что сказывается, в частности, в том, что в турнирах он регулярно проигрывает последнюю, решающую партию и откатывается назад!

К тому же на международной арене уже выдвинулась целая плеяда даровитых молодых шахматистов, которые овладели не только всеми теоретическими достижениями прошлого, но и профессиональной практичностью, и обладали физическим здоровьем, свежестью мышления и, главное, — оптимизмом молодости.

И даже постепенно улучшавшиеся условия оплаты шахматных выступлений, как ни странно, имели невыгодную для Чигорина сторону. На турнирах, помимо призов, стали выдавать менее удачно сыгравшим участникам гонорар за каждое очко, независимо от того, символизирует ли оно выигранную партию или две ничьи.

В прежних турнирах, как мы знаем, ничьи обычно переигрывались с тем, чтобы один из двух добился победы, и это отнюдь не стимулировало партнеров играть осторожно и добиваться мирного исхода, так как предвещало потерянный труд и новую, но уже ожесточенную многочасовую борьбу.

Теперь же появился смысл делать короткие, бесцветные ничьи, получая, правда, в два раза меньше, чем при победе, но зато без всякого риска по принципу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе!» И рассудительные последователи Тарраша, особенно те, кто не имел реальных шансов на приз, стали против лидеров турнира и вообще против испытанных, ведущих маэстро сразу играть на ничью, чтобы не потерять крошечный заработок. А из таких «ничейных» заработков постепенно складывалась приличная сумма, позволяющая окупить участие в турнире.

Михаил Иванович же избегал ничьих, стремясь, независимо от того, хорошо или плохо он идет в турнире,

к красивой борьбе. Некоторые из хитрых молодых рутинеров учитывали его турнирную психологию и при встречах с Чигориным начинали массовый обмен фигур, чтобы создать бесцветную равную позицию, и потом терпеливо ждали момента, когда «русский медведь сам полезет на рога тину».

Когда Чигорина спросили о его непонятных проигрышах даже явно слабейшим шахматистам, он объяснил:

— Ну, что поделаешь? Получается, например, интересное положение, где можно создать что-то незаурядное, а противник уклоняется, все силеньки употребляет, чтобы упростить и обезличить положение. Ну, рассердишься, разволнуешься, заостришь игру, а он тебя хладнокровно и накроет. Один Стейниц не боялся ничего. С ним играть было одно удовольствие.

В сентябре 1897 года Чигорин принял участие в международном турнире в Берлине. Состав его был довольно сильным, хотя в нем не участвовали ни Ласкер, ни Стейниц, ни Тарраш, ни Пилсбери. Зато было много талантливых молодых маэстро и опытных середняков-профессионалов.

Первый приз в превосходном, боевом стиле завоевал Харузек, победив в личной встрече Чигорина и этим взяв реванш за прошлогоднее поражение. Второй приз получил другой даровитый представитель молодежи — 26-летний Карл Вальбродт, который, к сожалению, пять лет спустя, подобно Харузеку, скончался от туберкулеза. Третьим победителем неожиданно оказался маститый Блекберн, доказавший, по выражению французского юмориста Додэ, что «у старого льва есть еще клюв и когти».

Чигорин же занял лишь десятое место. Начал он турнир неплохо, но на финише проиграл четыре партии подряд.

На обратном пути из Берлина на родину Михаил Иванович совершил гастрольную поездку по Прибалтийскому краю, посетив Либаву, Ригу, Юрьев и Ревель (ныне: Лиепая, Рига, Тарту и Таллин). Гастроли, в течение которых он давал сеансы одновременной игры и встречался в показательных партиях с местными чемпионами, прошли с исключительным успехом.

Любопытно, что в сеансе в Ревеле на двадцати пяти досках Чигорин проиграл только одну партию и то, как

он рассказывал смеясь в Петербурге друзьям, — нарочно, единственной участнице сеанса — женщине.

Чигорин был очень доволен тем, что благодаря его выступлениям, всюду привлекавшим общественное внимание, оживилось шахматное движение в Прибалтике, и он подал мысль местным деятелям об организации Прибалтийского шахматного союза. Возвращаясь к своей старинной мечте, он писал: «Этим союзом будет положено начало организации таковых же союзов и в других местностях России, а затем, можно надеяться, устроится и Всероссийский шахматный союз».

Вернувшись в Петербург, Михаил Иванович рассказывал: «Вот сколько лет собирались наладить там шахматную жизнь, а я в каждом городе организовал кружок в один день».

Это не было пустой похвальбой: кружки оказались живучими, и в 1898 году из них действительно организовался Прибалтийский шахматный союз, просуществовавший до первой мировой войны. Союз периодически проводил турниры для шахматистов Прибалтики: нынешних Литвы, Латвии, Эстонии. Первый турнир состоялся в Риге в 1899 году. Собрание участников послало приветственную телеграмму основателю союза.

Имя Чигорина притягивало любителей игры, как магнит. Учтя это, петербургский издатель учебной литературы на немецком и французском языках Манштейн решил поднажиться и на шахматах. В 1897 году он выпустил популярный шахматный учебник Дюффрени с таким подзаголовком: «Перевод с шестого немецкого издания с изменениями и дополнениями Чигорина». К учебнику механически был пристегнут сборник партий последних международных турниров.

Все издание, однако, оказалось явной халтурой. Только «дополнения» Чигорина, занимающие 64 страницы малого формата, были добросовестными анализами отдельных теоретических позиций, критикующими варианты автора учебника — Дюффрени. Но и они были бессистемны и представляли собой незавершенную работу. Примечания же из турнирных сборников были поверхностны и разноречивы. Перевод был плохой и даже без указания фамилии переводчика.

Можно поражаться, что Чигорин за свою тридцатилетнюю деятельность маэстро, теоретика и шахматного литератора так и не собрался написать учебник шахмат-

ной игры, который был необходим любителям того времени и несомненно выдержал бы ряд изданий и принес бы ему немалый доход. Это тем более странно, что Михаил Иванович, имевший немалый опыт в сношении с типографиями, умевший корректировать и верстать, мог бы заняться изданием учебника сам, не оставляя всю прибыль коммерческим посредникам между читателем и автором. К тому же половина работы у Чигорина была сделана: у него были «Курс дебютов» и «Курс шахматных окончаний», напечатанные в «Шахматном листке», а также масса отдельных анализов и теоретических заметок по разным дебютам. Мало того, в 1899 году он прочел петербургским любителям целый курс лекций по изучению шахматной игры. Надо было только весь этот огромный материал взять за основу, систематизировать, дополнить новейшими данными. Прославленное имя автора было бы залогом коммерческого успеха чигоринского учебника.

Впрочем, и другой великий русский шахматист, такой же знаток теории и автор многих дебютных новинок, лучший в мире аналитик — Александр Алехин тоже так и «не собрался» написать шахматное руководство.

Вернемся к чигоринскому шахматному клубу. После неудачи Михаила Ивановича в матче-турнире четырех корифеев вдохновляемое им Санкт-Петербургское шахматное общество начало чахнуть. Финансовых отчетов не делалось ввиду явно пассивного баланса, общих собраний членов, очевидно по той же причине, не проводилось.

Наступило лето — сезон международных соревнований. Чигорин выехал в Вену для участия в грандиозном турнире, длившемся два месяца. И не мудрено: девятнадцать участников играли в два круга, каждый по 36 партий!

Июнь и июль прошли в напряженной борьбе. С самого начала турнир превратился в гонку между двумя лидерами — Пилсбери и Таррашем. Они быстро опередили остальных участников, всю огромную дистанцию шли голова в голову и пришли одновременно к призовому столбу, набрав по 27½ очков из 36 возможных. Между ними был устроен матч из четырех партий, победителем которого вышел Тарраш. Он и получил первый приз, а второй достался Пилсбери.

На третьем месте оказался талантливый маэстро 279

острокомбинационного стиля игры тридцатилетний Давид Яновский. Сенсацией прозвучал успех старого Стейница, взявшего четвертый приз и проявившего исключительную «живучесть» в том самом городе, где он студентом начал свой славный шахматный путь. Пятый приз достался молодому немецкому маэстро Карлу Шлехтеру.

Следующие два приза — шестой и седьмой — поделили Чигорин и Берн. Несмотря на неожиданные проигрыши Берну и Вальбродту в явно выигрышных положениях и Таррашу — в ничейной позиции, Михаил Иванович к 28-му туру шел лишь позади обоих лидеров и наравне с Яновским. Но в этом туре Чигорин дал, по собственному горькому определению, «своего рода бесмертную партию». Действительно, такую шахматную трагикомедию трудно забыть! Имея в партии против Блекберна лишние ферзя и ладью (!), русский маэстро играл настолько небрежно, что просмотрел хотя и красивую, но несложную ловушку и неожиданно получил мат. Характерно для психологии противников Чигорина, что Блекберн, несмотря на колоссальный материальный перевес партнера и собственную безнадежную позицию, все же не сдавался, а тянул сопротивление, зная, что именно от Чигорина можно ожидать грубого «зевка». Венское «чудо» в виде диаграммы финального положения этой партии обошло всю мировую шахматную печать.

Миновал лишь один день после Венского турнира, и мы видим Чигорина, так же, как Берна и Стейница, снова играющим в международном турнире в Кельне.

Предыдущее утомительнейшее соревнование не снизило боевого настроения маститых маэстро, и они вели новый турнир с юношеской энергией. Крупнейшего успеха в своей жизни добился пятидесятилетний Берн, завоевавший первый приз. Следующие три поделили Чигорин, Харузек и молодой немецкий маэстро Вильгельм Кон. Стейниц взял пятый приз, что в его преклонном возрасте надо расценивать как крупный успех.

Вообще можно только удивляться, что он и тоже далеко не молодые Берн и Чигорин выдержали восемьдесят (!) дней непрерывной игры, проводя каждый пятьдесят одну партию.

В конце августа 1898 года Михаил Иванович вернулся в Петербург и с огорчением узнал, что его любимое
280 детище — шахматный клуб — не выдержало трехмесяч-

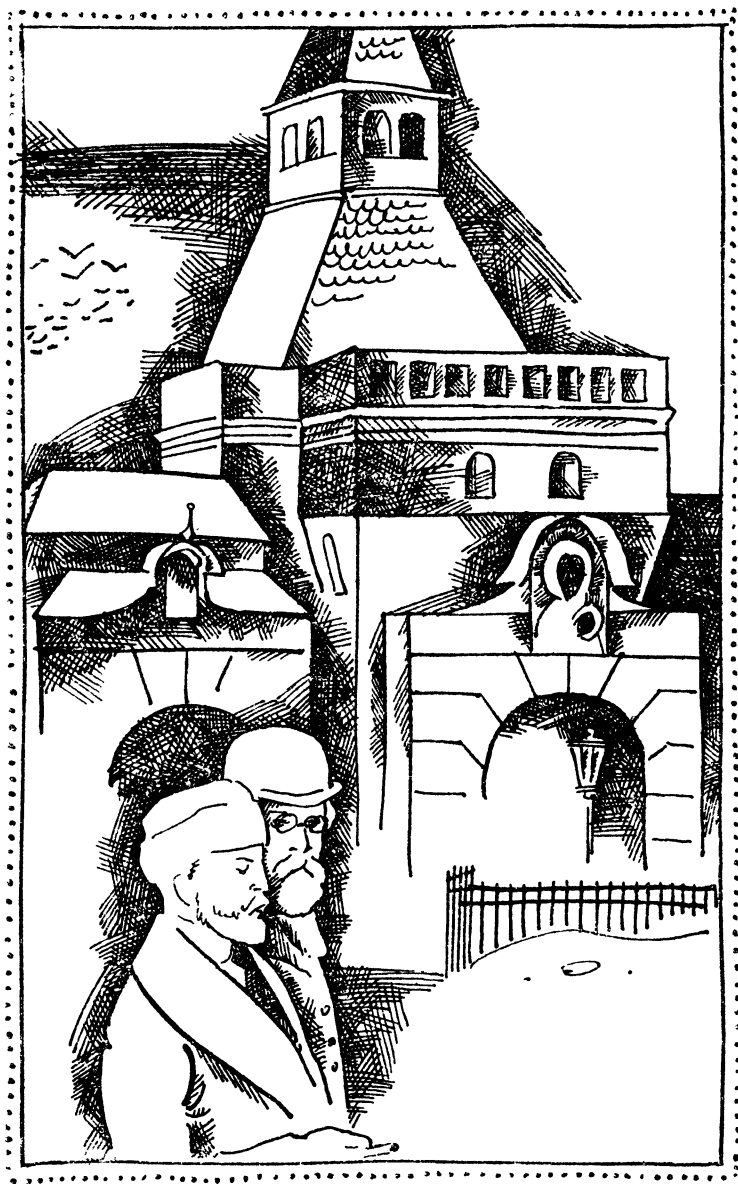
ного отсутствия своей заботливой няньки — «директора-распорядителя» и тихо скончалось, оставив после себя кучу долгов, которые пришлось расхлебывать «душеприказчику» Чигорину.

Это заняло немало времени, но зато позволило Чигорину освободиться от опостылевшей распорядительской рутины.

После временного отдыха в родной Гатчине Чигорин целиком переключился на работу в шахматном отделе «Нового времени». Наряду с ней Михаил Иванович с ноября 1898 года по октябрь 1899 года провел оригинальный турнир по переписке для читателей газеты. Соревнование было анонимным: участники не знали, кто с кем играет, и вся переписка шла под турнирными номерами через посредника — Чигорина. Лишь по окончании последних партий «маски» снимались и участники узнавали, кто какое место занял. Чигорин сам, конечно, не играл.

Турнир имел большой успех и был проведен снова в 1900—1901 годах.

Одновременно Чигорин организовывал и обычные турниры читателей газеты по переписке. В течение 1899—1900 годов было проведено четыре турнира, причем для повышения интереса к ним Михаил Иванович не только руководил игрой, но и сам принимал в ней участие, играя со слабыми любителями столь же добросовестно и старательно, как когда-то играл с чемпионом мира.

Нечаянная радость!

Кончается девятнадцатый век. Чигорину под пятьдесят. Он уныл и мрачен. Ни одна из поставленных им перед собой жизненных целей не осуществлена. Шахматная корона — в цепких руках молодого Ласкера. Три попытки основать собственный шахматный журнал тоже не увенчались успехом. Всероссийский шахматный союз не создан, и даже Петербургское шахматное общество прекратило существование. Кажется, все пропало! Жизнь прошла зря!

После закрытия шахматного общества Михаил Иванович одно время жил в маленькой квартирке на Невском проспекте, где по вечерам принимал знакомых сильных шахматистов, делился с ними впечатлениями о своих заграничных поездках, показывал им теоретические новинки, играл легкие и тренировочные партии.

Когда же группа петербургских шахматистов, надеясь возродить клуб, наняла на одной из центральных улиц столицы большую квартиру, Чигорин переехал в одну из ее комнат. Не выдержало ретивое! Трудно было привыкать жить без обычного шахматного окружения, без постоянного контакта с единомышленниками. Хотелось по-прежнему день и ночь «вариться в шахматном котле»!

Правда, теперь Чигорин появлялся в импровизированном шахматном клубе уже не в качестве «директора-распорядителя», а как рядовой посетитель, свободный от хозяйственных забот и административных дрызг.

По крайней мере, ему так каза-

Глава девятая

ШАХМАТНЫЙ КОРОЛЬ ВСЕЯ РУСИ

лось. Но вскоре выяснилось, что переезд сюда был явной ошибкой. Поскольку Чигорин оказался единственным постоянным обитателем квартиры, к нему сейчас же стали обращаться с требованиями уплаты за нее. Самих «квартиронанимателей» либо не было на месте в это время, либо они были, но без гроша в кармане или без желания доказать свою кредитоспособность. И Михаилу Ивановичу пришлось самому платить уже не за одну комнату, а за всю квартиру по 125 рублей в месяц — сумма огромная для его бюджета. Он долго и мужественно выдерживал неожиданные удары по карману, но в конце концов его, как неисправного плательщика, стал посещать судебный исполнитель.

Чигорин получил еще один жестокий урок. С тех пор он больше не участвовал в создании периодически возникавших петербургских шахматных клубов, хотя посещал их и даже принимал участие в проводившихся там турнирах и показательных выступлениях.

Михаил Иванович переехал в крошечную дешевую квартирку на улице 9-я рота — вдалеке от бурливого Невского проспекта, подальше от друзей и врагов, от почитателей и хулителей. Она явилась его постоянным прибежищем до конца жизни. Из нее он выезжал на международные турниры и в гастрольные поездки по России. Ему и в голову не приходило, что к этому дому на 9-й Красноармейской улице (как она теперь называется) шестьдесят лет спустя будет прикреплена в торжественной обстановке памятная мраморная доска. На ней под барельефом Чигорина вырезано: «Здесь с 1901 по 1907 гг. жил МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЧИГОРИН — основоположник русской шахматной школы».

В конце марта 1899 года Михаил Иванович приехал в Москву по приглашению шахматного кружка, официально состоявшегося при «Собрании врачей». Возможность бесплатно пользоваться этим большим и богато меблированным клубом, находящимся к тому же в самом центре города, позволила руководителям кружка развить большую активность и даже приглашать иностранных знаменитостей. Именно там был проведен матч-реванш Стейниц — Ласкер.

Чигорин всегда с удовольствием посещал древнюю русскую столицу, где его имя было окружено подлинным ореолом, и поистине отдыхал там душой.

для московских любителей сущим праздником, привлечшим широкое общественное внимание. Михаил Иванович провел в московском шахматном кружке две консультационные партии, три сеанса одновременной игры и сыграл несколько отдельных партий с сильнейшими москвичами.

Для нас особенно интересен сеанс одновременной игры, проведенной 22 марта. В нем Чигорин встретился с тридцатью одним противником. Москвичи выставили отборный состав. Чигорин выиграл девятнадцать партий, три свел вничью и девять проиграл. Среди девяти победителей был М. Т. Елизаров, муж сестры В. И. Ленина. Это был сильный и опытный шахматист, незадолго до того выигравший в сеансе и у гастролеровавшего Ласкера.

Известно, как внимательно следил за шахматной жизнью Владимир Ильич Ленин. 28 февраля 1899 года он писал Елизарову из села Шушенского: «Получил Ваше письмо от 8. II. Ваша партия в шахматы (против Ласкера. — В. П.) пришла очень кстати. У нас как раз гостили минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию. Судя по ней, Вы стали играть гораздо лучше. Вероятно, довольно долго обдумывали каждый ход и (может быть?) пользовались консультацией соседей? А то ведь теперь страшно, пожалуй, и сражаться было бы с человеком, который победил Ласкера!»

А по поводу выигрыша Елизарова в сеансе у Чигорина Владимир Ильич писал 4 апреля 1899 года М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой:

«Прочел в «Русских Ведомостях», что Марк и Чигорина обыграл! Вот он как! Ну, сразимся же мы с ним когда-нибудь!»

Как видно, авторитет шахматной игры в русском обществе уже настолько поднялся благодаря усилиям Чигорина, что сведения о ней занимают видное место на столбцах центральных газет и проникают даже в самые глухие уголки Сибири. Показательно также, что шахматы, судя по письму Ленина, были излюбленным развлечением ссыльных революционеров.

25 марта московские шахматисты в ресторане «Эрмитаж» дали обед в честь знаменитого русского маэстро. На обеде Чигорин подал москвичам идею о проведении

в Москве Первого всероссийского турнира, горячо подхваченную местными энтузиастами во главе с неутомимым общественным деятелем, редактором-издателем журнала «Шахматное обозрение» П. П. Бобровым.

Характерно для Михаила Ивановича, что, загоревшись какой-либо новой идеей, он никогда не откладывал дела в долгий ящик, не считался с личными удобствами, считая, что общественные интересы — выше всего.

В конце апреля Михаил Иванович снова приехал в Москву — специально для оказания организационной помощи москвичам. Заодно он провел сеанс одновременной игры на 26 досках, весь сбор с которого поступил в фонд организации Всероссийского турнира.

В письме Боброву, присланном еще перед поездкой, Чигорин советовал, кроме чемпионата России, организовать еще и второй турнир для талантливых, но еще недостаточно опытных молодых шахматистов. Упомянув о призах, Чигорин писал, что «пятьсот рублей для первого приза многовато. Достаточно и четырехсот». А ведь всякому было ясно, что первый приз обеспечен Чигорину, и сто рублей лишних являются для него немалой суммой.

Благодаря авторитету, хлопотам и ценным советам Чигорина, знавшего лично и всех сильных шахматистов страны, и «меценатов», которых надо было просить раскошелиться, и провинциальные кружки, могущие принять участие в подписке на турнирный фонд, дело быстро двинулось вперед, и проведение турнира было твердо намечено на осень.

В июне—июле 1899 года Михаил Иванович принял участие в большом международном турнире в Лондоне. Пятнадцать маэстро играли в два круга.

Турнир закончился триумфом Ласкера. Чемпион мира взял первый приз с отрывом на $4\frac{1}{2}$ очка от следовавшей за ним тройки молодых: Мароци, Пилсбери и Яновского. Далее шли Шлехтер, Блекберн, и только на седьмом месте оказался Чигорин.

Такой результат для Чигорина нельзя признать успехом, тем более что он проиграл в обоих кругах Ласкеру, а также Яновскому, быстро выдвигавшемуся в число сильнейших шахматистов мира.

Уроженец г. Волковыска, Давид Маркелович Яновский формально был соотечественником Чигорина, хотя почти всю жизнь провел во Франции и несколько лет

в США. Но как русский подданный он имел право играть во всероссийских турнирах и наряду с Шифферсом был наиболее опасным соперником Чигорина, почему проигрыши ему были особенно неприятны.

Совсем плохо выступал и другой великий шахматист — Стейниц. Он занял лишь десятое место, проиграв Чигорину одну партию, а другую сведя вничью. Это было последним выступлением экс-чемпиона мира на международной шахматной арене.

Но все же турнир в Лондоне сыграл для Михаила Ивановича и положительную роль, дав ему хорошую тренировку перед борьбой за шахматную корону России.

В сентябре 1899 года в Москве состоялся долгожданный Первый всероссийский турнир.

В чемпионате страны играли двенадцать шахматистов: четверо от Петербурга, пятеро — от Москвы и трое — из провинции. В параллельно протекавшем турнире любителей играла главным образом московская молодежь.

Внешне турниры были организованы скромно и даже неприглядно. Зал, где происходила борьба, вмещал не более ста зрителей. Барьера, отделяющего их от участников, не было, и каждый посетитель был волен подходить к интересующей его доске, что особенно неудобно было Михаилу Ивановичу и Шифферсу, столики которых всегда были окружены плотным кольцом наблюдателей, нередко мешавших думать.

Первое место в чемпионате страны легко занял Чигорин, в одиннадцати встречах одержавший десять побед без единой ничьей. Одну партию он случайно проиграл молодому петербургскому шахматисту Лебедеву, которому это явно вскружило голову, поскольку с тех пор он стал считать, что играет сильнее Чигорина.

Отстав от Чигорина на $2\frac{1}{2}$ очка, второй приз завоевал Шифферс. Третий приз достался молодому таланту Степану Михайловичу Левитскому, позже ставшему одним из сильнейших русских мастеров. Именно с Левитским скрестил оружие в матче в 1913 году молодой Алехин, добившийся победы не без труда. К сожалению, Левитский всю жизнь работал в самых глухих, «медвежьих» углах страны, и его яркий талант не раскрылся полностью.

При всех недостатках организации и «короткомет-

ражности» соревнования Первый всероссийский турнир явился важным, принципиально новым начинанием, и именно так его расценила и шахматная общественность и сам Чигорин.

Последний год XIX века Чигорин ознаменовал напряженной творческой деятельностью, как бы подводя итоги полувеку своей жизни. Кроме ведения шахматных отделов газеты, ему пришлось в течение трех лет заменять больного Шифферса в редактировании большого шахматного отдела ежемесячных «Литературно-художественных приложений» к популярному журналу «Нива».

В январе 1900 года Чигорин принял участие в турнире сильнейших шахматистов Петербурга. Это был большой сдвиг! В одной только русской столице и именно благодаря самоотверженному выращиванию Чигорин новых отечественных кадров появился целый ряд выдающихся шахматистов, с которыми Чигорин должен был играть на равных, а не на фору. Турниры-гандикапы отходили в вечность!

В этом первом чемпионате Петербурга Чигорин, набрав $14\frac{1}{2}$ очка в 18 партиях, поделил первые два места с А. М. Левиным. Ложкой дегтя в бочке меда явилось то, что Михаилу Ивановичу снова дважды не повезло во встречах с Лебедевым.

Уже первую партию, выигранную у Чигорина, Лебедев дал в газету «Россия» с саморекламными примечаниями. «Можно предположить, — восхищался Лебедев своей игрой, — что не молодой неизвестный игрок сидит против Чигорина, а кто-нибудь из светил, как Тарраш, Берн и Пилсбери».

А после следующих выигрышей Лебедев повел в той же газете форменную кампанию против чемпиона России, оспаривая заслуги, авторитет и даже силу игры Михаила Ивановича.

Чигорин, конечно, тяжело переживал оскорбительные выпады Лебедева, но быстро поставил хвосту на место. Выиграв у Лебедева партии во Втором и Третьем всероссийских турнирах, Чигорин доказал случайность своих первых проигрышей.

В 1900 году Михаил Иванович также восемь раз встречался с различными ведущими петербургскими шахматистами в консультационных партиях, из которых выиграл семь, а проиграл только одну.

В мае Чигорин выехал в Париж для участия в международном турнире. Победителем снова оказался Ласкер, на два очка опередивший второго призера — Пилсбери. Чигорин закончил турнир со средним успехом, завоевав шестой приз и обогнав одиннадцать маэстро. С Ласкером он сыграл вничью. Михаилу Ивановичу был также присужден специальный приз «за красоту игры» в партии с Мортимером, которую он начал весьма своеобразно — осуждавшимся и теорией и им самим рискованным гамбитом Стейница. Престарелый экс-чемпион мира, который в это время был уже смертельно болен, вероятно, искренно порадовался этой партии, в которой четко была осуществлена его заветная идея: король атакующей стороны (Чигорина) беспечно расхаживает по шахматной доске, не пугаясь атаки вражеских фигур.

Вернувшись в Петербург, Михаил Иванович узнал радостную новость: москвичи, ободренные успехом своего начинания, решили провести Второй всероссийский турнир, и Чигорин немедленно отправил в фонд турнира десять рублей, положив начало сбору пожертвований по всей стране.

Второе полугодие было посвящено работе по редактированию больших шахматных отделов и проведению пятого турнира по переписке читателей «Нового времени», в котором переутомленный Михаил Иванович занял лишь третье место. Первым был латышский шахматист Бетинь.

На стыке двух столетий — с 26 декабря 1900 года по 14 января 1901 года — в Москве состоялся Второй всероссийский турнир. Он был гораздо внушительней первого — и по количеству участников и по силе их. Шире была представлена и провинция. Три представителя Петербурга и семь москвичей встретились с шахматистами Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Костромы, Ливавы, Гатчины и Кашина.

В турнире выступал и Яновский, приехавший из Парижа и гастролировавший перед этим в Киеве, Одессе, Москве и Петербурге, где он, в частности, проиграл показательную партию Чигорину, но выиграл у Шиффера.

Второй чемпионат страны оказался очень интересным и содержательным соревнованием.

Чигорин с исключительным блеском вновь завоевал первый приз и звание чемпиона России: из семнадцати

сыгранных им партий он сделал только одну ничью (с Яновским), победив остальных участников и обогнав второго призера Шифферса на $2\frac{1}{2}$ очка. Третьим был Яновский, отставший от Шифферса лишь на пол-очка.

По окончании Второго всероссийского турнира его организаторы устроили обед в честь участников соревнования. Отчет об обеде, напечатанный вскоре в альманахе «Шахматные вечера», производил впечатление, будто и автор его — завзятый пьяница и все участники турнира не столько интересовались шахматами, сколько были поклонниками зеленого змия.

Прошло две недели, и мы снова видим Чигорина участником международного турнира в знаменитом Монте-Карло. Это соревнование, которое, впрочем, не было особенно выдающимся по составу участников, положило начало серии ежегодных турниров, устраиваемых администрацией игорного дома, которая за несколько тысяч франков получала дополнительно рекламу в газетах всего земного шара и развлекала любителей шахматной игры перед изъятием содержимого их кошельков беспощадным шариком рулетки.

На турнире в Монте-Карло Яновский, завоевавший первый приз, продемонстрировал, в какой прекрасной спортивной форме он находился и какого опасного конкурента в лице этого талантливого маэстро имел Чигорин. Второй приз взял Шлехтер, а Чигорин поделил третий и четвертый призы с немецким мастером Шеве.

Михаил Иванович, несмотря на преклонный возраст и усталость от недавно закончившегося чемпионата России, и в этом турнире играл с предельным старанием. Он поставил своеобразный мировой рекорд шахматного трудолюбия, выиграв у старого знакомого Мэзона лишь на 144-м ходу после семнадцатичасовой напряженной борьбы.

На родине Чигорин снова погрузился в повседневную шахматно-литературную работу, лишь осенью выехав на неделю для гастролей в полюбившуюся ему Москву. Попыток возродить Петербургский шахматный клуб он больше не предпринимал и с тем большим удовлетворением узнал, что хороший пример, показанный им в прошлом, «заразителен» не меньше другого. По инициативе энергичного любителя П. Винклера в помещении одного учебного заведения возникло новое

менно переехало в наемную квартиру, а под конец прочно осело в небольшом деревянном домике, просуществовав всего около трех лет.

А группа «сторонников Чигорина», как приходится именовать людей, твердо помнивших и ценивших заслуги великого русского маэстро, по примеру москвичей договорилась со столичным «Собранием врачей» и, получив доступ на правах «гостей» в этот богатый клуб, организовала и там шахматный кружок.

Забегая вперед, отмечу, что с 1903 года замечательным общественным деятелем, ученым-геологом Борисом Захаровичем Коленко, бывшим в то время директором 10-й петербургской гимназии, был создан большой шахматный кружок, вначале пользовавшийся помещением гимназии. На его базе было оформлено «Санкт-Петербургское шахматное собрание». Вскоре оно переехало в помещение «Собрания педагогов», а затем получило прекрасное обиталище в «Финансовом клубе» — в самом центре столицы на Невском проспекте.

«Шахматное собрание» просуществовало до революции, проведя ряд всероссийских турниров и даже два международных с участием лучших шахматистов мира. Чигорин с самого возникновения собрания был избран его почетным членом, но, к сожалению, не дожил до полного расцвета наиболее сильной шахматной организации дореволюционной России. Международный турнир, организованный собранием в 1909 году, был посвящен памяти Михаила Ивановича.

В 1902 году Чигорин принял участие во втором турнире сильнейших шахматистов Петербурга, результаты которого по странной случайности совпали с предыдущим: первые два места вновь поделили Чигорин и Александр Митрофанович Левин — талантливый шахматист, для которого этот турнир оказался прологом к завоеванию звания маэстро в очередном турнире Германского шахматного союза, после чего он вскоре отошел от игры.

В том же году Михаил Иванович дважды выступил в международных турнирах, и оба раза без большого успеха. В обоих соревнованиях молодежь уверенно оттесняла стариков.

На очередном турнире в Монте-Карло в феврале первое место завоевал Мароци. За ним шли Пилсбери, Яновский, Тейхман, Вольф, Тарраш, Шлехтер и лишь

потом Чигорин, получивший, правда, снова приз «за красоту игры», продемонстрированную им в партии против Тарраша.

На международном турнире в Ганновере, состоявшемся в июле, первым был Яновский, за ним следовали Пилсбери, Аткинс, Мизес, Вольф и Нэпир. Чигорин завоевал только седьмой приз. Теперь уже в его игре ничьи не были столь редкими гостями, как прежде. Так, в Ганновере из семнадцати сыгранных партий он выиграл шесть, проиграл пять и шесть свел вничью.

Играя с молодыми, полными энергии лидерами турнира, Михаил Иванович теперь уже должен был напрягать все силы и то не всегда добивался успеха. Садясь после такой партии на следующий день снова за шахматный столик, он чувствовал себя переутомленным и не ощущал былого задора и подъема. «Если не можешь быть первым или вторым, то не все ли равно, за какой приз зацепишься», — печально рассуждал Чигорин. И если раньше он негодовал, когда осторожный партнер сразу начинал массовые размены, то теперь уже не мог любой ценой осложнять борьбу.

В декабре 1902 года Михаил Иванович снова посетил Московский шахматный кружок и наряду с другими выступлениями выиграл красивую партию у гастролировавшего в Москве Пилсбери.

Сиятельный маньяк

Несколько раньше Чигорин побывал в Киеве, где провел несколько сеансов одновременной игры и две консультационные партии. Заодно он посоветовал местным энтузиастам провести в Киеве очередной, Третий всероссийский турнир, что и было осуществлено в следующем году. В Киеве у Чигорина произошел инцидент, имевший печальные последствия. Там в роскошном дворце проживал не у дел некий светлейший князь Дадьян Мингрельский — один из последних кавказских феодалов, продавший русскому царю за огромную сумму свои наследственные права. Но пышный титул «светлейшего князя» Дадьян Мингрельский сохранил и считал себя историческим человеком. И он был таковым, но в ином смысле, — в таком, как писал Гоголь: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек.

Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории...

Светлейший князь был шахматистом, причем утверждал, будто никогда никому не проигрывал ни одной партии! При каждом удобном случае князь приглашал к себе приезжих известных шахматистов и щедро платил им — но не за выигрыш, а за проигрыш! На многих международных турнирах в Монте-Карло князь от своего имени назначал призы «за красоту игры». Короче говоря, это был подлинный «шахматный графоман», самовлюбленный, назойливый и опасный для тех, кто перед ним не раболепствовал.

На золотую удочку Дадьяна Мингрельского попался Шифферс, побывавший в его дворце и потом напечатавший в своем «Самоучителе» наряду с партиями лучших шахматистов мира и две партии князя: одну с анонимом, другую — с неким Попкиным. Читатель от этих убогих, плохо сочиненных партий не получил ничего, но кое-что получил Шифферс, а сам Дадьян Мингрельский прыгал, как кузнечик, от радости, что пробрался черным ходом в храм шахматной славы.

Мало того, в 1903 году на средства самого князя в Киеве вышел на французском языке (русский, очевидно, по его мнению не годился для столь знатной особы) сборник «Шахматные окончания светлейшего князя Дадьяна Мингрельского». Это была роскошно оформленная книга, содержащая сто концовок, изображенных на цветных диаграммах. Во всех концовках, конечно, неизменно и эффектно «побеждал» глубокоуважаемый самоиздатель.

Предисловие к сборнику и примечания к концовкам были написаны Шифферсом за соответствующий рекламный гонорар. Там же были помещены шахматные задачи Алапина и немецкого проблемиста Байера, посвященные князю.

Концовки, игранные почти все против неизвестных шахматному миру партнеров, заканчивались несложными, известными любому квалифицированному шахматисту «типичными» комбинациями, которые могли импонируют только таким несведущим игрокам, как сам князь. Многие из них были сочинены князем, а не играны на самом деле. Именно потому Дадьян и выпустил сборник «окончаний», а не партий (как обычно полагается), поскольку когда рассматриваешь партию, уже по

дебюту и по миттельшпилю легко судить и о мастерстве шахматиста, и о том, насколько органично вытекает из предшествующей игры финальная комбинация. Подделывать партию, как мы увидим дальше, чрезвычайно трудно, концовку же — гораздо легче.

В Киеве Чигорину рассказали про светлейшего князя очередную «историю». Когда Киевский кружок, руководивший в местной газете шахматным отделом, напечатал в нем партию, проигранную Дадьяном, его светлость изволили учинить скандал в редакции и вызывать на дуэль составителей шахматного отдела, — конечно, не осуществившуюся.

А вскоре к Чигорину пожаловал «посол» от светлейшего князя — один из кормящихся возле того подхалимов и подсел к нему в ресторане.

— Эх, многоуважаемый наш Михаил Иванович, — начал он издалека, сокрушенно покачивая головой. — Зря вы обижаете князя. Ведь он ваш поклонник, даже последователь, можно сказать, в красоте игры. Могучий человек, денежный, добро помнит, ну и зло, конечно. За что вы его?

— Что «за что»? — удивленно спросил Чигорин.

— Его светлость очень, очень обижены.

— Да чем? Говорите не так таинственно.

— Вы, наш дорогой маэстро, в своих популярных шахматных отделах не раз критиковали комбинации в партиях князя.

— Ну что ж! Значит, партии неважные, да и комбинации тоже.

— Не всем же играть, как знаменитый чемпион России! И вовсе не такие уж «неважные», а есть даже совсем хорошие. Да вот недавно во французском шахматном журнале появилась партия Сикар — Дадьян Мингрельский. С примечаниями известного шахматного журналиста Гоффера. И этот авторитет, не жалея восклицательных знаков, восхищается игрой князя и считает партию очень красивой.

— Гоффер — слабый аналитик, — возразил Чигорин. — Для вас с князем он, может быть, авторитет, а по мне — круглый невежда, не видящий элементарных возможностей. Да позвольте! Я помню эту партию и даже напечатал ее в «Новом времени».

— В том-то и дело! Но не с гофферовскими, а со своими примечаниями. И в них доказываете, что Дадь-

ян Мингрельский вел атаку неточно, что был красивый выигрыш с жертвой ферзя, но князь его не заметил, что его противник мог спастись, если бы не играл, как заяц на гитаре.

— Так ведь это правда. Разве Дадьян нашел ошибки в моем анализе?

— Увы, не нашел. Все правда-истина. В этом и беда! Эх, Михаил Иванович! А Бобров еще подлил масла в огонь. Напечатал эту же партию в своем «Шахматном обозрении» одновременно и с вашими и с гофферовскими примечаниями. Где Гоффер ставит восклицательный знак, тут же ваш вопросительный. Где он восхищается, вы льете холодную воду и вариантами доказываете его ошибку. И ни одного комплимента. Вот и вышло, что все читают и смеются и над Гоффером (ну, да черт с ним) и, главное, над князем. Его светлость как получил номер журнала, так ночей не спал.

— Что ж, он и меня, что ли, на дуэль вызвать хочет?

— Ну, что вы, дорогой Михаил Иванович. Ему неприятно, конечно, но он преклоняется перед вашим авторитетом. У него совсем другие намерения. Великодушнейший вельможа! Он приглашает вас к себе сыграть в шахматы. У него уже много иностранных знаменитостей перебывало. Над всеми он одерживал победы, а над вами — нет.

— Что ж, если он хочет несколько легких партий сыграть, это можно. Как-нибудь выберу свободное время, зайду.

— Да нет, многоуважаемый маэстро, князь просит вас пожаловать завтра. Хочет сыграть одну настоящую, серьезную партию, с часами, с записью, с вашим автографом и, если соизволите, с вашими последующими письменными комментариями... Да вы не думайте, Михаил Иванович, что бесплатно. Князь на это денег не жалеет. Сколько скажете, столько и будет.

— Я за серьезную гастрольную партию меньше пятидесяти не возьму.

— Пятьдесят рублей?! Что вы, Михаил Иванович! Это же курам на смех! Мало вы себя цените! Князь соизволил высказаться в таком смысле, что за удовольствие встретиться с вами на шахматной арене и пятисот рублей не жалко.

— Нет, пятьсот много. Я сказал: пятьдесят. Точка!

— Ну, князь, конечно, предполагает, что на его щед-

рость и вы ответите такой же любезностью. Не будете его сердить, нажимать в игре, поймете... Ведь это настоящий Меценат древности! Я думаю, он и на тысячу рублей согласится, если...

— «Если»? — тихим напряженным голосом произнес Чигорин, начавший наконец понимать.

— Если князю удастся одержать над вами победу... и в красивом духе...

Чигорин вскочил. С ресторанныго столика полетели бутылка, стаканы.

— Убирайтесь к дьяволу! — не своим голосом закричал Михаил Иванович. Его руки тряслись. — Передайте вашему меценату, что к Чигорину с такими предложениями не посылают! Вон!!!

Светлейший князь и эту обиду запомнил, но на дуэль Чигорина не вызвал, а отомстил ему чисто по-лакейски. Когда Чигорин в феврале 1903 года приехал в Монте-Карло, куда он был приглашен на очередной международный турнир, его ждала неожиданность. Дадьян Мингрельский, являвшийся почетным председателем турнира, дававший деньги на скромные призы и просаживавший огромные суммы в рулетку, ультимативно потребовал от администрации игорного дома исключить Чигорина из турнира.

— Ноги моей здесь больше не будет, если он станет играть! — кричал князь с пеной у рта.

— Но мы же официально приглашали маэстро Чигорина, — возражали организаторы турнира. — Он приехал, понес расходы, потерял время. Знаменитый шахматист, чемпион России. Как-то неудобно, он может в суд подать, если не будет полного возмещения расходов. Скандал. Это может отпугнуть многих наших клиентов, даже и нешахматистов.

— Я вас понимаю, — процедил князь, вынимая чековую книжку. — Готов заплатить. Вот чек: полторы тысячи франков. Мало — добавлю! Лишь бы глаза мои не видели Чигорина! Гоните его! Он или я!

Заправили рулетки, конечно, побоялись потерять богатого и тароватого «русского вельможу», хотя и удивлялись столь странному отношению его к соотечественнику. Они предпочли оскорбить русского чемпиона, ведь его репутация знаменитого шахматиста в их глазах стояла мало! Михаил Иванович вынужден был уехать обратно.

Князь Мингрельский, выкинувший очередную «историю», торжествовал.

Чтобы скрыть подлинные мотивы своего поведения, он направил в излюбленный им журнал «Стратежи» письмо (вероятно, с приложением крупного банковского билета), в котором объяснял свой поступок тем, что Чигорин, «будучи в Киеве, не счел нужным явиться в его дворец».

Мингрельский, верный своему прототипу Ноздреву, рассчитывал на неосведомленность французов, которые могли принимать его за настоящего, владетельного князя, а Киев — за его вотчину.

Чигорин, вернувшись в Петербург, рассказывал, что некоторые монашеские шахматисты, узнав о поступке князя, подходили к Михаилу Ивановичу и с ужасом спрашивали: «Как?! Вы были в Киеве и не явились ко двору принца? Милостив он еще к вам! Мог ведь и арестовать и в Сибирь сослать! В России, мы читали, это обычно!»

Даже заносчивый Тарраш, являвшийся председателем Ассоциации шахматных маэстро — своего рода профессионального союза шахматистов, — не раскрыл рта, а лишь послал в берлинскую газету такую сдержанную и даже лестную для виновника скандала корреспонденцию: «Не участвует также Чигорин, хотя и прибывший сюда по приглашению турнирного комитета. В последний момент ему сообщили, что президент турнира князь Дадьян Мингрельский подал протест против его участия. Причина та, что Чигорин в своих шахматных отделах высказывался часто очень резко о князе, большом любителе шахмат и весьма сильном игроке».

Только вернувшись после турнира в Германию и будучи вне досягаемости злобного и мстительного Дадьяна, Тарраш выразил свое возмущение поступком князя, приплет еще к этому свои личные обиды и заявил, что больше не будет принимать участие в турнирах в Монте-Карло.

Скандал, учиненный взбалмошным князем, привел к ликвидации традиционных международных турниров на этом курорте.

Год спустя состоялся последний турнир в Монте-Карло, привлечший всего шестерых участников, на котором Дадьян в последний раз потешился почетной ролью председателя.

В мировой шахматной прессе поступок Дадьяна вызвал единодушное суровое осуждение. Так же реагировала и передовая русская общественность. Когда Чигорин вернулся в Петербург, в честь его был устроен по подписке обед, а академик Марков прислал Чигорину теплое письмо, в котором резко осудил князя.

Снова — в центре внимания

Про шахматиста, как и про артиста, часто можно сказать: «Он снова в своем репертуаре».

В мае 1903 года в Вене был организован международный турнир, по условию которого все партии должны были начинаться королевским гамбитом. Это старинное начало, неизменно ведущее с первых же ходов к крайне острой борьбе, с начала века вышло из моды, так как молодые маэстро стейницевско-таррашевской школы предпочитали осторожную позиционно-маневренную борьбу с ничьей в кармане. Чигорин же был не только знатоком всего классического наследия, но и очень любил гамбиты всех родов, столь подходившие к его комбинационному стилю и стремлению к красоте игры.

И хотя в турнире, кроме него, приняли участие еще восемь сильнейших молодых маэстро и старик Гунсберг, оказавшийся на последнем месте, Михаил Иванович сразу же захватил лидерство и удерживал его до конца.

Играли в два круга, так что он должен был проявлять не только искусство атаки, но и демонстрировать в гамбитах особенно точное мастерство защиты.

Особенно сильное впечатление стратегическим новаторством и юношеской свежестью мышления произвела на всех партия Чигорина с Мароци. В ней было то, что не встречалось ранее в этом старинном, детально изученном начале. Во-первых, Михаил Иванович в гамбите слона применил оригинальную, разработанную им самим дебютную систему, во-вторых, он и середину партии провел в совершенно ином духе, чем прежние классики. Раньше в гамбитах белые всегда делали ставку на острую комбинационную борьбу и пуще глаза берегли своего ферзя от размена. Чигорин же всю партию провел в чисто позиционном плане. Он быстро разменял ферзей и потом тонкими маневрами зажал противника в такие тиски, что любой ход вел того к поражению.

Все это явилось новым словом в трехсотлетней истории королевского гамбита.

По окончании партии восхищенный собственным поражением Мароци обнял Чигорина: «Вы сегодня удивительно хорошо играли! На мои ходы вы всегда находили лучший ответ».

А десятилетия спустя этот знаменитый венгерский шахматист так писал о русском корифее: «Никогда не было маэстро, который был бы более близок к великому Морфи, чем Чигорин». Мароци изучал творчество гениального американца и выпустил сборник его партий со своими комментариями.

Хотя на финише Венского турнира русский чемпион от усталости сдал, набрав всего два очка из пяти, и проиграл одну партию в выигрышном положении, а другую в ничейном, все же он легко завоевал первый приз. Михаил Иванович набрал 13 очков в восемнадцати сыгранных партиях, оторвавшись на полтора очка от второго призера — молодого чемпиона США Франка Маршалла и опередив таких тогдашних звезд, как Пилсбери, Мароци, Тейхман, Шлехтер.

Чигорин мог гордиться! Помимо завоевания первого приза, ему было приятно и другое, чисто творческое значение его победы. В то время гамбиты окончательно вышли из моды, так как теоретики типа Тарраша считали их ненадежными, невыгодными для белых дебютами. Чигорин же теоретически и практически доказал, что если к этим древним началам подойти стратегически по-новому, трактовать их не столь односторонне, как в прежние века, то новатору и в них обеспечен успех.

Любопытно, что в наше время такой же точки зрения придерживаются и некоторые советские гроссмейстеры. Применяя против самых опасных партнеров «отживший» королевский гамбит, Бронштейн, Керес, Спасский одержали много блестящих побед.

Получив приз 1900 крон (приблизительно 740 рублей), Михаил Иванович с торжеством вернулся в Петербург, где его вновь чествовали ужином, по отзыву шахматного журнала, «прошедшим очень весело».

Триумф Чигорина в гамбитном турнире неожиданно привел к организации небольшого матча между ним и чемпионом мира Ласкером. Правда, это соревнование было не спортивным, а аналитическим.

Как это получилось?

Жил был некий Исаак Райс — ровесник Чигорина. Родился он в Германии, но в молодости переехал в США, где изучал юриспруденцию в Колумбийском университете, а потом стал там профессором. Это был человек широкого диапазона, для которого, подобно Ласкеру, ученая степень являлась только одной из ступенек к успеху в жизни. В 1885 году профессор Райс основал газету, стал президентом «Форум паблшинг компани», поскольку в Америке газеты — тоже торговые предприятия, а потом занялся всевозможными коммерческими операциями, поняв, очевидно, что «из науки шубу не сошьешь»! Райсу повезло, он разбогател и на склоне жизни страстно увлекся шахматами, особенно теорией гамбитов. В одном из вариантов «гамбита Кизерицкого» он предложил на 14-м ходу очень спорную жертву фигуры и окрестил свое изобретение «гамбитом Райса».

Серьезного теоретического значения этот «гамбит» не имел, тем более что его очень легко было избежать. Но Райс обладал невероятной целеустремленностью, шахматным тщеславием и, главное... туго набитым кошельком. Он щедро организовывал турниры с призами из своего кармана в самых разных странах, финансировал теоретические исследования в журналах и т. п.

Например, только в одном 1903 году Райс пожертвовал двести долларов для проведения в Нью-Йоркском шахматном клубе турнира, где все партии игрались его гамбитом, и двести пятьдесят долларов Американско-Канадскому клубу любителей игры по переписке, чтобы и там организовать турнир для изучения «гамбита Райса». В следующие годы он способствовал организации подобных аналитических турниров и в России.

Но самой блестящей его идеей было привлечь к разработке своего гамбита Чигорина как крупнейшего специалиста в области гамбитов, победителя гамбитного турнира, и хорошо знакомого ему Ласкера, с которым он познакомился, когда чемпион мира гастролировал в США. Интересно, что еще 16 ноября 1900 года в Лондоне состоялась консультационная партия, игранная гамбитом Райса. Белыми играли «союзники» Ласкер и Райс, черными — Мароци и Гоффер. Выиграли белые, и это еще больше окрылило почтенного профессора-бизнесмена.

300 В «Новом времени» в июне 1903 года, вскоре после

окончания гамбитного турнира в Вене, появилось следующее сообщение Чигорина:

«Вчера я получил от г. Эм. Ласкера письмо, которое привожу в извлечении.

«Известный вам профессор И. Райс очень желал бы, чтобы мы совместно исследовали практически одно положение, получающееся в гамбите Райса после 14-го хода белых. Мы сыграем шесть партий, играя их через день. Местом для нашего состязания, которое должно состояться между 16 июля и 1 августа нового стиля, предлагается Остенде или другой европейский купальный курорт. На наши расходы г. Райс ассигнует по 300 долларов (около 600 рублей) каждому.

Нью-Йорк. 4 июня 1903 г. Эм. Ласкер».

Это лестное для меня предложение, разумеется, мною принято», — сообщил чемпион России.

Правда, Чигорин довольно скептически относился к новорожденному дебюту и к замыслу Райса окрестить дебют своим именем: «И жития-то «гамбиту» всего-то без году неделя, — еще до письма Ласкера писал он. — Если вариант гамбита Кизерицкого именуют «гамбитом Райса», то следует и в этом гамбите какой-нибудь вариант с «новооткрытым» жертвованием именовать тоже особо».

Но Михаил Иванович принял предложение Райса, за что его нельзя упрекать, так как, во-первых, это все-таки был поединок с чемпионом мира, во-вторых, это была возможность подышать свежим морским воздухом и несколько дней отдохнуть перед намечавшимся трудным чемпионатом России, в-третьих, Райс платил щедро, а Чигорин нуждался, в-четвертых (и это самое главное!), Чигорин брал гонорар не за фальсифицированную партию с Дадьяном Мингрельским или Райсом, а за напряженный аналитический труд.

Любопытно, как четверть века спустя Алехин отозвался о жертве коня, предложенной Райсом. «Она не имеет теоретического значения, — писал преемник Чигорина, — так как черные на восьмом ходу могут путем рокировки перейти в небезвыгодный для них вариант настоящего гамбита Кизерицкого или без большой опасности для себя взять коня, как это уже доказано многочисленными исследованиями (и прежде всего матчем Ласкер — Чигорин! — В. П.). Несмотря на это, — продолжал Алехин, — предложение Райса все же представ-

ляет интерес, так как ведет к исключительно сложным положениям и тем дает повод к поучительным аналитическим изысканиям, для которых особенно пригодны партии по переписке».

Итак, «гамбиту Райса», как оригинальному дебюту, была грош цена, но американскому миллионеру, возжаждавшему славы шахматного теоретика, он обошелся в тысячи долларов, которые были им брошены для исследования и рекламы его «изобретения». Душа фанатика — загадка!

Впрочем, нельзя Райса ставить на одну доску с фальсификатором и самодуром Дадьяном Мингрельским. Райс не присваивал себе чужих анализов, а просто хотел доказать правильность своей стратегической идеи — жертвы коня исследованиями крупнейших авторитетов. По обычной практике американских миллионеров, Райс просто «покупал чужие мозги». Райс, образно выражаясь, хотел, не крадучись, обманным путем, по методу Дадьяна Мингрельского, пробраться яко тать в ночи в шахматный Пантеон, а хотел въехать туда торжественно, при всем честном народе, под звуки бубен и литавр, в золотой карете, в упряжке которой были бы Чигорин и Ласкер, под купеческим лозунгом: «Знай наших!»

Аналитический матч Ласкер—Чигорин проходил с 3 по 14 августа 1903 года на английском курорте Брайтоне и закончился победой чемпиона России со счетом $+2, -1, =3$.

Как видно из письма Ласкера, исследование «гамбита Райса» к моменту встречи корифеев уже далеко шагнуло вперед. Были найдены и многократно проверены лучшие ходы за белых и за черных после жертвы фигуры на восьмом ходу, — вплоть до четырнадцатого хода черных, так что Чигорину и Ласкеру приходилось начинать игру с очень поздней дебютной позиции.

Все партии, по желанию Райса, Ласкер играл белыми, а Чигорин — черными. Одно это условие свидетельствовало о том, как Райс слабо разбирался в шахматах. Он не понимал даже собственных интересов! Ведь чтобы «гамбит Райса» оправдал себя и вошел полноправным членом в семью гамбитов, надо было доказать, что белые взамен пожертвованного коня получают неотразимую атаку. Райс по-быбывательски рассудил, что, стало

302 быть, белыми все партии должен играть чемпион мира

как сильнейший. На самом же деле белыми следовало играть именно Чигорину, непревзойденному мастеру атаки.

Спустя несколько недель после победы над Ласкером Чигорин отправился в Киев на Третий всероссийский турнир, но по дороге на два дня остановился в Москве. Михаил Иванович был встревожен тем, что на этот раз в первенстве империи от его любимого города — древней русской столицы участвовал только один представитель, да и то только что переехавший в Москву из Петербурга. Это был некий Владимир Юревич, широко известный в столице как типичный представитель петербургской богемы, сильный шахматный профессионал, наряду с ежевечерним «дежурством» у «Доминика» редактировавший шахматные отделы в газете «Новости» и в журнале «Живописное обозрение».

Однако, несмотря на уговоры Чигорина, от Москвы почему-то больше никто в турнире не стал участвовать. Только неутомимый Бобров поехал в Киев в качестве члена организационного комитета и корреспондента собственного журнала «Шахматное обозрение».

Троекратный чемпион России

Третий всероссийский турнир, проходивший в Киеве в сентябре 1903 года, собрал сильный и разнообразный состав, свидетельствующий, насколько далеко за четыре года шагнуло шахматное движение в стране. Кроме представителей Петербурга, Москвы и «хозяев поля», в турнире участвовали шахматисты еще семи городов.

Среди девятнадцати участников чемпионата было только два старика — Чигорин и Шифферс, которым предстояло встретиться с целой плеядой молодых талантливых шахматистов, возглавлявшейся только что получившим звание маэстро от Германского шахматного союза Осипом Бернштейном. Он выступал в турнире как представитель Житомира, но на самом деле приехал из Берлина, где учился на юридическом факультете местного университета. Бернштейна расценивали как главного конкурента Чигорина.

Опасными противниками были Юревич, Левитский, Дуз-Хотимирский, Абрам Рабинович и два представителя шахматного центра — Лодзи: опытный шахматист Георгий Сальве и начинающая знаменитость, в буду-

щем — крупнейший международный гроссмейстер и чемпион России (после смерти Чигорина) двадцатилетний Акиба Рубинштейн, который познакомился с шахматами лишь за четыре года до этого, да и то чисто случайно.

Бедному приказчику в местечке Стависки как-то попался учебник шахматной игры на древнееврейском языке. Юный Акиба изучил основы игры, потом поехал в Лодзь и там вызвал на матч местного чемпиона Сальве. Они сыграли семнадцать партий. Каждый выиграл по шесть партий при пяти ничьих. Восхищенный Сальве рекомендовал Рубинштейна организаторам Третьего все-российского турнира, и это соревнование лучших шахматистов России явилось лишь вторым серьезным испытанием для Рубинштейна.

Будущие крупные мастера, а пока что зеленая молодежь: Левитский, Рубинштейн, Дуз-Хотимирский, Рабинович, Зноско-Боровский относились к Михаилу Ивановичу с глубоким уважением, как к наставнику и учителю.

Типичные же представители богемы, мелкие шахматные профессионалы Лебедев и Юревич вели себя по отношению к Чигорину неуважительно и порой даже вызывающе.

Да и не только к нему, но и к другим участникам и даже... к шахматному искусству вообще! Сильный и интересный чемпионат России был омрачен таким печальным «подвигом» двух друзей. Назначен был приз за самую красивую партию турнира. Лебедев и Юревич в ночной тиши сочинили фальшивку со многими «эффектными» комбинациями и жертвами, а потом торжественно разыграли ее на турнире. Руководители турнира, несмотря на протесты остальных участников, все же выдали Юревичу приз за красоту игры, — дабы не выносить сора из избы, и тот по-братски поделил его с Лебедевым.

Позже Михаил Иванович по просьбе читателей «Нового времени», прослышавших о некрасивой истории, напечатал эту «партию» со своими комментариями, разоблачавшими фиктивность «красивых» замыслов партнеров. Особенно убийственно прозвучало вводное примечание: «Это начало будущей «блестящей партии» предупредительно показывали мне за несколько дней до того, как она была сыграна».

Михаил Иванович, конечно, тяжело переживал подобные истории. Он был настолько нервно и мрачно настроен, что уже не мог противиться привычке к алкоголю, который теперь играл роль своеобразного допинга. Чигорин обходил столики еще игравших участников, особенно внимательно разглядывая позиции других лидеров турнира, а потом со своим другом и единомышленником Шифферсом отправлялся на прогулку, во время которой оба маститых маэстро обменивались впечатлениями и воспоминаниями.

В грустном, подавленном настроении был и Шифферс. Михаил Иванович все свободное время проводил с ним, всячески стараясь подбодрить и утешить заканчивающего свой жизненный путь маэстро, но удавалось это ему плохо, так как и сам Чигорин испытывал глупое разочарование.

Как-то два русских шахматных ветерана сидели на скамейке бульвара, любуясь широкой лентой Днепра, расстилавшейся внизу.

— Знаете, Эммануил Степанович, — сказал Чигорин, — за последнее время мне все чаще и чаще приходит в голову, не ошиблись ли мы, избрав шахматы своим призванием? Сколько мы сил отдали развитию шахмат в России и что же... ни одна собака спасибо не скажет. Даже от молодежи порой встречаешь неуважительное отношение.

— Молодежь-то что, — ответил Шифферс, — с годами поумнеет. Сбивают с толку ее такие люди, как Лебедев да Юревич. Да и что с нее требовать, если даже сами заправила общественного мнения, деятели печати не понимают значения шахмат. Уж кому-кому, а им бы следовало... Вот, к примеру, Адольф Федорович Маркс, издатель «Нивы» — да вы его знаете! Когда ни приду в редакцию с очередным шахматным отделом для «Литературных приложений», выйдет ко мне с толстенной пачкой писем в одной руке и с тоненькой в другой и начнет тыкать: «Смотрите, как мало писем по вашему шахматному отделу! А вот сотни писем с решениями головоломок и кроссвордов! Не сравнить! Значит, публике не шахматы ваши нравятся, а загадки да «смесь»!

— Знаю! — махнул рукой Михаил Иванович. — Он и меня так дразнил, когда я вас заменял по отделу. Этим торгашам, кроме рубля, кроме подписчика лишнего, ничего не дорого. Помните, как тот же Адольф Чехо-

ва кругом пальца обвел? За семьдесят пять тысяч, да и то в рассрочку, купил все сочинения такого замечательного писателя, а потом сотни тысяч нажил на них.

— А я, Михаил Иванович, присутствовал при том, как Чехов отбрлил его, — оживился Шифферс. — Приехал недавно Антон Павлович в Петербург. В злой чухотке, еле ноги волочит. Зашел к нам в редакцию. Выходит к нему сам Адольф. Неловко ему, что так надул больного писателя, и говорит: «Разрешите вам подарить пять тысяч на лечежке». Тот посмотрел на него долго-долго. Человек деликатнейший, не выругался, а тихо ответил: «Я подарков не принимаю». Наверно, хотел сказать: «подачек». Ну, Адольф и так понял, покраснел весь... Расщедрился на пять тысяч! Это самому Чехову, а что же ожидать такой козявке, как я. Болею вот, через силу хожу, а свалюсь, копейки не пришьлет. А ведь сколько лет я на него верой и правдой работал.

— И создали лучший в мире журнальный шахматный отдел! — тепло сказал Чигорин. — И я это говорю, и все. Гордиться этим должны, а не унывать!

— Все так, Михаил Иванович, да ведь утешение плохое, что другим не лучше нас. И на Западе не лучше. Стейниц в сумасшедшем доме для неимущих умер. А чемпионом мира был! Вы вот удивляетесь, верно, что я к этому зазнавшемуся хаму Дадьяну, который вас так обидел, играть хожу и хвалю его в печати... Презираете, может, меня...

— Что вы, Эммануил Степанович, — поспешно перебил Чигорин. — Я все понимаю. Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет. Она вас заставляет кривить душой.

— Я стар, болен, крышка скоро. Нет сил играть и работать. А от Дадьяна получишь несколько десятков рублей, — неделю-две проживешь в достатке и на докторов хватит. А что Дадьян будет хвастаться, что, дескать, победил меня — плевать! Все равно никто не поверит, кроме таких же знатных оболтусов... Да и настоящих шахматистов наперечет осталось. Мы с вами — последние могикане.

Чигорин покачал головой.

— В этом я с вами не согласен! Есть среди молодежи и талантливые. Дуз-Хотимирский, Левитский, Рубинштейн из участников, Евтифеев у нас в Питере,

306 Гончаров в Москве. Но беда в том, Эммануил Степано-

вич, что при нашем «расейском» режиме неоткуда ждать большого пополнения. Кто играет? Интеллигенция, дворяне да чиновники. А простой народ? Господи! При четырнадцатичасовом рабочем дне как может рабочий думать о шахматах? Лишь бы кое-как поесть да соснуть до нового гудка! А крестьяне? Почти все безграмотны, задавлены недоимками, налогами. Я недавно наткнулся на рассказ Чехова «Мужики». Ну, скажу я вам!..

Шифферс кивнул:

— Читал. Потрясающая картина деревенского упадка! Прямо в глазах стоит.

— Вот-вот! И еще прочел как-то повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича». Из рабочей жизни. И там — и там сплошной мрак! Нет, пока народ в этакой нищете и бесправии, никакая культура, никакие шахматы в голову не пойдут... Я не революционер, далек от всего такого, но уверен, что допрыгаются наши господа до кровавой революции! А когда наступит новая жизнь, тогда и культура расцветет, и для шахмат место под солнцем найдется.

Чигорин вскочил и нервно заходил около скамейки. Шифферс печально улыбнулся.

— Мечтатель вы, Михаил Иванович, каким были, таким и остались! Фантазер! Как я увидел вас впервые тридцать лет назад у «Доминика», — робкого, застенчивого, с пылающими глазами и тонкими, нервными руками, — так и подумал сразу: «Наверно, поэт какой-нибудь». Что ж, не на много ошибся! Вы и впрямь стали поэтом, только шахматным. И сейчас заговорили, как поэт, о счастливом будущем России — убогой и нищей. И как все поэты, умрете с голоду в какой-нибудь петербургской мансарде... Что ж, пора идти на игру. А потом потащусь к светлейшему князю играть по консультации. Он с Лебедевым, я с Юревичем. Мы прикинули держаться ходов двадцать пять, а потом сдать, чтобы не тянуть с гонораром. Да и выпьем с Дадьяном «на радостях» в честь его «победы»... Не презирайте меня, Михаил Иванович! — неожиданно и жалобно закончил Шифферс.

— Презирать?! Что вы! Помилуйте! Наоборот: мне просто больно видеть замечательного маэстро, моего учителя в такой крайности. Смею ли я? Да я и сам не знаю, что будет со мною завтра... Эх! Неужели не на-

ступит время, когда лучшие шахматисты России на склоне лет будут иметь обеспеченную старость, кусок хлеба, теплый угол, пенсию, наконец! Да что говорить! Будем утешаться, Эммануил Степанович, одним. Поверьте мне, и меня и вас помянут потомки добрым словом, и шахматы будут в почете... лишь бы дали народу жить по-человечески!

И они вернулись в помещение богатого Велосипедного клуба, где проходил турнир.

Этот чемпионат России протекал для Чигорина не так гладко, как предыдущие. Михаил Иванович начал турнир неудачно, проиграв в первом же туре Юревичу, которого он явно недооценивал. В дальнейшем Чигорин в начисто выигрышном положении, имея лишнего ферзя, из-за грубых ошибок проиграл Бернштейну, чем резко увеличил шансы этого германо-русского маэстро на первое место.

Но потом, почувствовав опасность потерять звание чемпиона страны, Михаил Иванович взял себя в руки и, выиграв на финише девять партий подряд, завоевал первый приз и в третий раз звание чемпиона Российской империи.

Вторым был Бернштейн, оставший от победителя на очко, третьим — Юревич. Далее следовали два представителя Лодзи: Сальве, взявший четвертый приз, и Рубинштейн, завоевавший пятый приз. Для обоих турнирных дебютантов это было огромным успехом, особенно для совсем еще неопытного Рубинштейна. Шестым был девятнадцатилетний петербуржец Зноско-Боровский.

Неудачно провел свое, как выяснилось впоследствии, предсмертное выступление Шифферс, поделивший одиннадцатое — двенадцатое места с молодым талантом из Вильны А. Рабиновичем.

На обратном пути из Киева Михаил Иванович провел недельные гастроли в Москве, где его с энтузиазмом приветствовали любители игры.

Теплые, дружеские отношения к этому времени установились у Чигорина с Бобровым, и он не только позволяет этому энтузиасту перепечатывать свои уже опубликованные в газете материалы, но и дает тому оригинальные работы. В объявлении о подписке на новый, 1904 год Бобров в своем журнале дает такой крупный анонс:

«Как и в предыдущем году, «Шахматное обозрение» в 1904 г. будет издаваться при ближайшем участии М. И. Чигорина».

В октябре Чигорин гостил в Ревеле (ныне Таллин), куда его пригласил... «Чигорин»! Так называлось только что организованное там шахматное общество.

В конце года у членов чигоринского кружка, базировавшегося при петербургском «Собрании врачей», возникла мысль провести матч по телеграфу из двух партий с парижским шахматным кружком имени Филидора. Чигорин взял на себя все организационные хлопоты и начал переписку об условиях матча с французами, но после длительных проволочек дело почему-то расстроилось.

Четвертое путешествие шахматного Синдбада

Двенадцать лет прошло с тех пор, как Михаил Иванович, проездом на Кубу, посетил Соединенные Штаты, и пятнадцать лет — с тех пор, как в этой стране состоялся первый международный турнир, принесший ему мировую славу.

Весной 1904 года Чигорин вновь получил приглашение принять участие в международном турнире в США, в котором восемь европейских мастеров во главе с чемпионом мира должны были встретиться с восемью американскими.

По дороге Чигорин заехал в Лодзь, где провел сеанс одновременной игры и сыграл две тренировочные партии с Сальве с равным счетом.

И вот русский шахматный Синдбад в четвертый и последний раз пересекает Атлантический океан, на этот раз на комфортабельном пароходе и в обществе других европейских шахматных знаменитостей: Ласкера, Шлехтера, Тейхмана, Мизеса, Яновского, Марко, Лоуренса и молодого чемпиона США Маршалла, возвращавшегося на родину, чтобы скрестить оружие со своими спутниками и с земляками.

Турнир был организован на модном американском курорте Кембридж-Спрингс неутомимым председателем Манхэттенского шахматного клуба профессором Райсом, в значительной части финансировавшим соревнование.

Этот добродушный фанатик по-прежнему упорно

стремился к славе шахматного теоретика. В регламент турнира им был включен такой забавный пункт: «По субботам участники турнира занимаются анализом «гамбита Райса», на что для их поощрения Райсом была ассигнована странная сумма — 320 долларов. Примером таких «теоретических занятий» может служить консултанционная партия, игранная гамбитом Райса. Белыми играли Чигорин, Фокс, Шлехтер и Яновский, черными — Маршалл, Пилсбери, Марко и Ходжес. Белые красиво выиграли.

После того как участники прибыли в Нью-Йорк, щедрый Райс устроил в их честь роскошный банкет. Они были приняты в Белом доме тогдашним президентом США Теодором Рузвельтом, страстным охотником и спортсменом, а затем — мэром Нью-Йорка. А на самом курорте шахматистов торжественно встретила делегация граждан, и они под звуки марша совершили круговой объезд курорта в каретах (автомобили тогда еще не получили массового распространения). В первой карете ехали Райс и чемпион мира. Городок был украшен и иллюминирован. Школьники приветственно размахивали флажками стран участников турнира, оркестр исполнял национальные гимны.

После двадцатипятидневной борьбы (играли четыре партии в неделю при двух днях доигрывания) 19 мая 1904 года турнир закончился блестящей победой чемпиона США. Маршалл провел весь турнир без единого поражения и на два очка оторвался от поделивших второй и третий призы Ласкера и Яновского.

Интересно, что яркий комбинационный талант американского маэстро сформировался под несомненным влиянием Чигорина и стиль их игры был родствен. Когда в гамбитном турнире в Вене Маршалл завоевал второй приз, тотчас за Чигориным, его успех вызвал завистливую критику последователей осторожного Тарраша, и Михаил Иванович выступил в печати с таким заявлением: «Рискованная игра Маршалла мне более любя, чем «правильная» игра многих современных маэстро».

Четвертый приз в Кембридж-Спрингсе получил австриец Марко, пятый — опытный американский маэстро Шовальтер, а шестой приз поделили Чигорин и Шлехтер.

Неудачно сыграл прежний чемпион США Пилсбери.

Это было его последнее выступление. Умер он через два года.

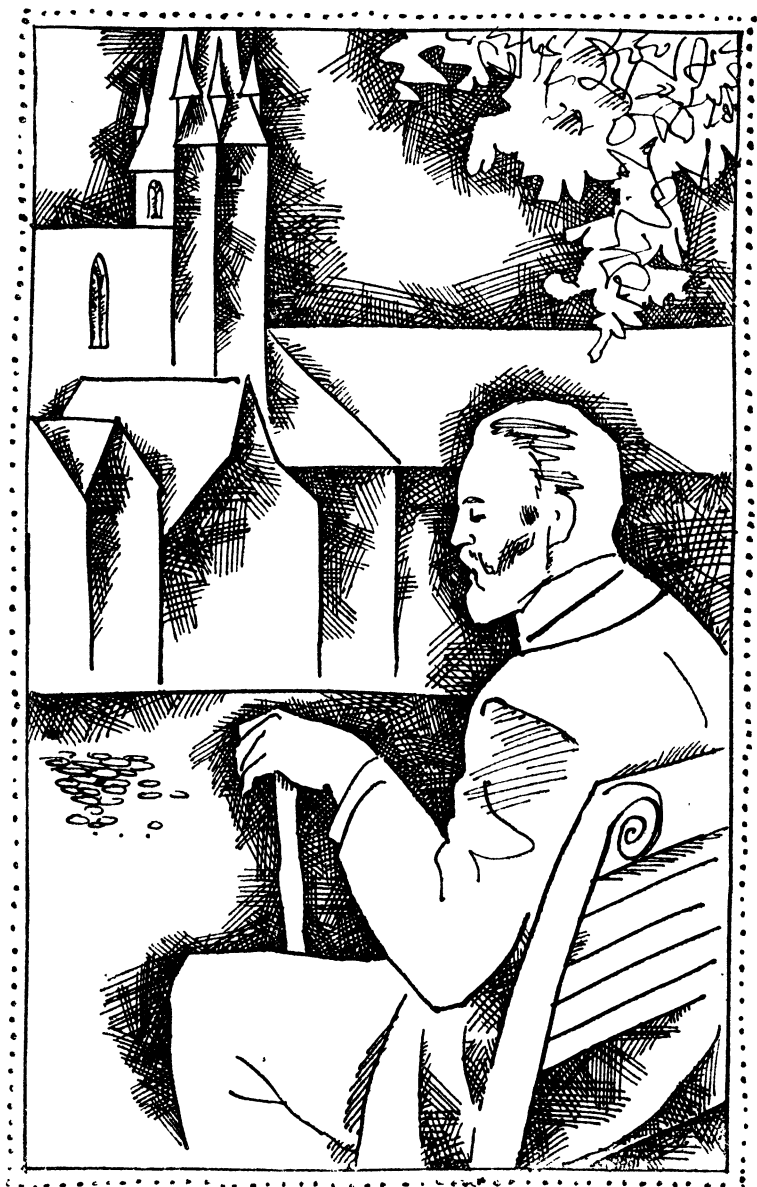
Сравнительный успех Чигорина омрачался тем, что против первых пяти призеров он набрал только пол-очка, сделав эту ничью с победителем турнира. Лишь против Тейхмана Чигорин блеснул оригинальной стратегией, обеспечившей контратаку, проведенную чемпионом России в стиле его молодости. Но даже в партиях с второстепенными участниками Михаил Иванович играл неровно и (что раньше с ним случалось очень редко) попадал в сильнейший цейтнот. Он допустил грубую ошибку в начисто выигрышном положении с Ходжесом, просрочил время на обдумывание ходов и получил ноль вместо очка в партии с Марко, просрочил время в партии с Фоксом.

Вернувшись в Петербург, Михаил Иванович работал над сборником партий Третьего всероссийского турнира. Он осуществлял общую редакцию книги и сам прокомментировал наряду с другими участниками турнира ряд партий. Сборник вышел в свет осенью 1904 года в хорошем оформлении и явился первым в России изданием подобного типа.

Тогда же Чигорин посетил Москву, где, кроме сеансов одновременной игры, провел семь показательных партий с сильнейшими московскими игроками, одержав пять побед при одном проигрыше и одной ничьей.

В конце 1904 года Михаил Иванович принял участие в очередном турнире сильнейших шахматистов Петербурга, в котором уже не мог играть его старейший соперник — Э. С. Шифферс, скончавшийся 11 декабря. Шахматный отдел в «Литературных приложениях» к журналу «Нива» перешел в ведение Чигорина, который посвятил умершему другу в первом же отделе теплый некролог.

В чемпионате столицы Чигорин завоевал первый приз, набрав 9½ очков (из 11 возможных), а несколько месяцев спустя повторил этот успех в турнире, где все партии начинались «гамбитом Райса». Организован турнир был потому, что щедрый «американский дядюшка» пожертвовал деньги на призы. Чигорин набрал 12 очков (из 14). Тренировка в матче с Ласкером пригодилась.

Здоровье Михаила Ивановича давно было подорвано мрачным детством, тяжелой борьбой за существование и непрерывным спортивным напряжением в соревнованиях и на гастролях.

К 1905 году у Чигорина были твердо установлены три тяжелые болезни: цирроз печени, подагра и диабет. И если с первыми двумя еще можно было бороться, то против сахарной болезни в те времена медицина была бессильна. И при таком состоянии здоровья Чигорин вынужден был продолжать изматывающую жизнь шахматного профессионала, кочующего из страны в страну, а промежутки между соревнованиями заполняющего шахматной журналистикой и сеансами одновременной игры.

А как играть, как писать, когда неизлечимые болезни вцепились в тело, а еще ясный, но предельно уставший мозг требует отдыха?

Не мудрено, что под конец жизни Михаил Иванович усомнился даже в ценности того, что доселе составляло для него всю радость жизни,— в шахматах!

— К чему вообще шахматы? — с горечью говорил он друзьям.— Если это удовольствие, то оно должно проходить, как развлечение после трудового дня. Нельзя же заполнять всю свою жизнь интересом к игре, изгнав все прочее?! Посмотрите на иностранцев: тот — доктор, тот — профессор, тот — издатель и так далее. Работают и поигрывают. А я...

Но Чигорин был не прав. Шахматная теория с начала девятисотых годов невероятно усложнилась благо-

**Глава
десятая**

**УКАТАЛИ СИВКУ
КРУТЫЕ ГОРНИ**

даря обилию международных соревнований, резко увеличившемуся количеству шахматных журналов и отделов газет и всякого рода справочников, руководств и монографий.

Чтобы надеяться на успех в турнирах и матчах, маэстро должен был (волей-неволей!) повседневно следить за новейшими исследованиями в дебюте и эндшпиле, просматривать для изучения стиля игры и силы партии своих будущих партнеров, находить ошибки в их собственных теоретических изысканиях для того, чтобы ставить им в очередной встрече коварную психологическую ловушку, избирая именно тот дебютный вариант, по которому противник двигался бы с такой же беспечностью, как лошадь по минированному полю, и с таким же финалом.

Все это требовало огромного труда и времени и никем не оплачивалось, если не считать того, что такая подготовка приносила ценные плоды в виде призов на соревнованиях. Совмещать иной труд с шахматным становилось все труднее и труднее.

Не прав был Чигорин и в том, что будто все иностранные маэстро сочетали шахматный спорт с другой, основной профессией. Таких было очень немного и с каждым десятилетием становилось все меньше. Конечно, всех «чистокровных» шахматных профессионалов, в том числе и Чигорина, в конце концов ожидали падение сил и нужда, и они прекрасно понимали это, но таинственное очарование шахмат, романтика турнирной борьбы, сладость побед над соперниками из разных стран перевешивали все минусы, и они оставались глухи к голосу мещанского благоразумия и до смерти были верны шахматам!

Типичным примером может служить судьба известного маэстро, пятикратного чемпиона Англии Фреда Ейтса. Это был очень талантливый шахматист комбинационного стиля, выигравший как-то красивую партию у «самого» Алехина. Мне приходилось наблюдать Ейтса на Московском международном турнире 1925 года. Небрежно и бедно одетый, молчаливый и самоуглубленный, с вечной жевательной резинкой во рту, Ейтс был классическим образцом зарубежного профессионала, бросившего в начале двадцатых годов надежную профессию учителя, дабы целиком отдаться шахматам.

десяти соревнованиях, причем в большинстве их — с небольшим успехом. Да и как могло быть иначе! Такая нагрузка (вернее — перегрузка) была обязательной, чтобы не умереть с голоду. А когда разразился мировой экономический кризис тридцатых годов и турниры стали крайне редки, обнищавший чемпион Англии покончил с собой.

Резким падением творческой энергии Михаила Ивановича ознаменовался международный турнир в Остенде, проходивший в июне — июле 1905 года.

Этот модный курорт перехватил инициативу у оскандалившейся администрации Монте-Карло и стал ежегодно проводить шахматные турниры, справедливо рассчитывая, что информация о них в газетах будет привлекать наряду с морскими купаниями, вкусной едой и старинными винами многих любителей шахматной игры, жаждущих интересного отдыха.

В Остенде играли четырнадцать маэстро, причем, кроме Чигорина, выступали и двое его французских «соотечественников»: Яновский от Парижа и Алапин — от Марселя, где он жил уже свыше десяти лет и даже вел в местной французской газете шахматный отдел.

Михаил Иванович весь турнир провел неузнаваемо плохо и даже, когда временами обнаруживал прежнюю силу, под конец партии грубо ошибался и упускал выигрыш или ничью. Например, в партии против Берна он не заметил возможности дать мат в два хода, упустил верную победу над Шлехтером, ничью с Таррашем и т. п.

В итоге Чигорин набрал только 6½ очков из двадцати шести возможных и занял предпоследнее место.

Первый приз завоевал Геза Мароци.

Знакомый Чигорина, известный артист и драматург того времени Григорий Ге уже после смерти Чигорина поместил в журнале «Нива» свои воспоминания о нем под названием «Русский шахматный король».

В них он картинно описывает встречу с Чигориным на турнире в Остенде.

Самое трагичное в этих воспоминаниях, что перед нами Чигорин выступает в них уже совершенно больным человеком, однако никто — ни общество, ни «друзья», ни коллеги — не думает о том, чтобы как-то помочь прославленному чемпиону России, организовать его лечение и отдых, обратиться с призывом к правитель-

ству, к Петербургскому шахматному собранию, к меценатам-филантропам — встречались, хоть и редко, но и такие! Ведь тот же Ге, бывший в то время премьером Александринского театра, автором двадцати пьес, человеком, известным всему сановному Петербургу, мог бы и лично обратиться к своим высокопоставленным знакомым, к министру просвещения, к Суворину, который хорошо знал и Ге и Чигорина, наконец, мог сам выступить в печати, но не после, а до смерти знаменитого русского шахматиста.

Нет! Никто пальцем о палец не ударил, чтобы помочь больному старику, составлявшему гордость шахматного мира.

И Чигорин продолжал колесить с турнира на турнир!

Враги не успокаиваются

Месяц спустя, в августе 1905 года, Чигорин выступил в другом международном турнире — в Бармене, где было шестнадцать участников. Там он сыграл несколько лучше, чем в Остенде, и даже «зацепился» за приз, поделив седьмой и восьмой призы с тремя молодыми компаньонами, тоже набравшими по 7 очков из пятнадцати возможных: с Вольфом, Ионом и Леонардом. Первые два приза поделили Мароци и Яновский.

Конечно, подобный результат не свидетельствовал о восстановлении спортивной формы и еще больше расстроил Михаила Ивановича.

Впрочем, мрачное настроение русского чемпиона усиливали не только неизлечимые болезни, но и глубокое сожаление об одностороннем повороте шахматного искусства в сторону узкого спортивного рационализма.

Творческие антагонисты Чигорина во главе с Таррашем использовали неудачи старого и больного русского шахматиста, чтобы охаивать яркий, гармоничный, боевой, «чигоринский» стиль игры, объясняя их торжеством принципов стейнлицевско-таррашевской «новой» школы.

И самое трагичное было то, что большинство молодых маэстро следовали путями Тарраша. На глазах Чигорина они из художников шахматного искусства превращались в шахматных ремесленников!

Многочисленные Сальери уже не завидовали шахматному Моцарту! Сошел с международной арены девятисотых годов классический тип шахматного бойца, меч-

тающего быть всегда первым, желающего сокрушить соперников красотой замыслов, блеском комбинаций, изяществом маневров. Наступило время спортивного крохоборства, когда маэстро старались добиться победы без всякого риска, задушить противника осторожным маневрированием, на всякий случай «имея ничью в кармане».

Такое заболевание шахматной бледной немочью, такая измена творческим идеалам шахматиста были невыносимы для Чигорина.

И другое угнетало старого льва. В Москве, в русской провинции, среди широкой массы петербургских любителей шахматной игры, даже за рубежом имя Чигорина было окружено ореолом славы, и всюду он был желанным гостем. Для любителя игры, выигравшего красивую партию, проводшего блестящую атаку, осуществившего оригинальную комбинацию с каскадом жертв, не было высшей похвалы, чем слова: «Он играл, как Чигорин!» Это был эталон творческого максимума, подобно тому, как для талантливых певцов того времени ультракомплиментом было сравнение их с Шаляпиным или Собиновым. Но в шахматном болоте петербургских «доминиканцев», мелких шахматных ремесленников по-прежнему подымали змеиные головки зависть, злоба, недоброжелательство, омрачавшие даже последние годы жизни Михаила Ивановича.

Наиболее ярко неуважительное отношение к нему проявилось на Четвертом всероссийском турнире, проходившем в Петербурге в декабре 1905 года, и это привело к небывалому дотолу в жизни Чигорина случаю — выходу из турнира! А ведь это был не рядовой турнир, а чемпионат страны!

Дело было так. Контроль времени был установлен из расчета 36 ходов на два часа. Чигорин играл в четвертом туре с Избинским. Противники попали в жестокий цейтнот и прекратили запись партии. На 38-м ходу Избинский допустил грубый промах и получил мат. В этот момент член турнирного комитета сообщил, что уже на 35-м ходу Чигорин просрочил время. Просрочка была установлена на глаз, так как контрольных флажков в то время на часах не существовало. Чигорин подал протест, в процессе рассмотрения которого было установлено, что часы «спешили». Партия фактически длилась 3 часа 54 минуты, в то время как в совокупности

часы противников показывали 3 часа 59 с половиной минут. Чигорин указывал и на то, что член турнирного комитета должен был остановить партию на 35-м ходу, не дожидаясь ее окончания (совершенно правильное указание.— В. П.) Комитет все же признал партию проигранной Чигориным из-за просрочки времени и оставил без последствий коллективную просьбу участников пересмотреть свое решение. Это узко формальное и неверное по существу решение комитета было для Чигорина оскорбительным, и он заявил о своем выходе из турнира.

Да и вообще к словам трехкратного чемпиона России с его огромным международным опытом и спортивным авторитетом турнирный комитет должен был отнестись с сугубым вниманием и приложить все силы, чтобы удержать Михаила Ивановича от выхода из соревнования.

Любопытно, что в наши дни случилась аналогичная история на юношеском чемпионате Лондона. Шахматист дал мат в то время, как контрольный флажок на часах уже упал. Специальная комиссия из авторитетнейших гроссмейстеров решила все же засчитать победу шахматисту, просрочившему время, так как «мат старше»!

Первый приз и звание чемпиона России в Четвертом всероссийском турнире завоевал талантливый лодзинский маэстро Г. Сальве.

Спустя несколько месяцев, в апреле 1906 года, в Лодзи состоялся матч между Чигориным и Сальве, который закончился с почетным для обоих противников результатом. Чигорин выиграл матч со счетом $+7, -5, =3$ и вновь, в четвертый раз, стал чемпионом России, но и Сальве доказал, что его успех на Четвертом всероссийском турнире был далеко не случаен.

Сальве понимал значение своего «неуспеха» и так выразил свое отношение к победителю: «Нет маэстро, поражение в партии с которым было бы менее досадно, чем поражение при встрече с Чигориным».

Тотчас по окончании матча Чигорин — Сальве в Лодзи же, в мае, состоялся интересный матч-турнир. Четыре участника играли в три круга. Первое место занял быстро выдвигавшийся в то время Акиба Рубинштейн, которому суждено было спустя два года стать преемником Чигорина и завоевать звание чемпиона России на Пятом всероссийском турнире, происходившем уже

без Чигорина, незадолго до его смерти. В дальнейшем Рубинштейн завоевал ряд первых призов, был полноправным претендентом на личное мировое первенство и, до появления на мировой шахматной арене Александра Алехина, — сильнейшим шахматистом России.

Рубинштейн, блестящий знаток дебютной теории, так формулировал значение Чигорина только в одной этой области: «Разрушая нездоровое, он в то же время внес в теорию дебютов так много нового, как никто другой».

В Лодзинском матче-турнире Рубинштейн набрал 6½ очков. На очко от победителя отстал Чигорин, третьим был Флямберг, четвертым — Сальве.

В июне 1906 года Михаил Иванович принял участие во втором международном турнире в Остенде, который был проведен по нелепой многоступенчатой системе, и не вышел даже в четвертьфинал.

Последний успех

Тотчас по окончании этого неудачного во всех отношениях соревнования Чигорин добился успеха на международном турнире в Нюрнберге, проходившем в июле 1906 года. Пятидесятишестилетний русский чемпион получил пятый приз.

Это был последний взлет Чигорина, показывающий, с каким упорством он боролся против своих прогрессирующих болезней. Это была подлинная борьба между немощным телом и непреклонным, ищущим, рвущимся ввысь, не сдающимся духом.

Состав турнира был силен. В числе семнадцати участников были такие тогдашние шахматные киты, как Тарраш, поделивший девятое — одиннадцатое места с 7½ очками, и Яновский, очутившийся неожиданно на последнем месте с 4 очками!

Первый приз завоевал Маршалл — 12½ очков, второй — Дурас — 11 очков, третий и четвертый призы поделили Форгач и Шлехтер, набравшие по 10½ очков.

У Чигорина было 10 очков: восемь побед, четыре ничьи, четыре поражения. Интересно, что соревнование он начал неудачно, набрав в первых десяти турах 4 очка, но на финише выиграл все шесть партий. Особенно тонко и энергично Михаил Иванович провел черными позиционную атаку против Дураса в разработанной им

системе защиты в испанской партии, которая сейчас считается лучшей и носит имя Чигорина.

Несколько десятилетий спустя Ольджих Дурас, уже знаменитый международный гроссмейстер и замечательный этюдист, так вспоминал эту волнующую партию: «Именно в этом году на мою долю выпала честь встретиться с одним из величайших мастеров, каких только знает история шахматного искусства, — короче говоря, я играл с Чигориным.

Мне трудно объяснить широкой аудитории шахматистов нынешнего поколения, что значило и до сих пор значит имя Чигорина для чехословацких шахматистов. У нас — в Чехии и Моравии — его славные битвы со Стейницем и блестящие победы на турнирах девятилетних годов вызывали едва ли меньший энтузиазм, чем в России. До сих пор в Праге есть шахматисты, которые с восторгом вспоминают гастроли великого маэстро в Праге, куда он приезжал с Шифферсом в 1896 году после международного турнира в Нюрнберге по приглашению Чешского шахматного союза.

На чигоринских традициях, господствовавших в чешском шахматном искусстве, вырос и я, — и легко себе представить, с каким волнением садился я за свою партию шестого тура международного турнира в Нюрнберге 1906 г., в которой моим противником был великий Чигорин.

Знаменитый русский маэстро — в то время элегантный пожилой человек в своем всегдашнем черном скюртуке — произвел на меня, тогда двадцатичетырехлетнего юношу, чарующее впечатление.

У меня были белые, и я начал испанскую — единственный дебют, который я в известной мере знал. Мой великий противник играл всю эту партию превосходно, создал сильную контратаку и так меня разгромил, что в конце концов я остался с четырьмя лишними пешками. Без горечи я перенес поражение, которое нанес мне великий маэстро, как без всякой радости реваншировался год спустя на международном турнире в Карлсбаде, где мне удалось выиграть у него, в то время уже смертельно больного.

Память о великом Чигорине жива в моих воспоминаниях и теперь, как живет и будет жить его слава в истории шахматного искусства до тех пор, пока люди будут играть в шахматы».

Характерное высказывание, показывающее, какой любовью и авторитетом пользовался Чигорин в братских славянских странах!

Вернувшись в Россию, больной Михаил Иванович по-прежнему продолжал напряженную литературную работу в шахматных отделах «Нового времени» и «Литературных приложений» к журналу «Нива», причем особенное внимание обращал на переписку с читателями.

Вот характерный пример. Получив однажды дебютное исследование от одного провинциального любителя, Чигорин вернул его через месяц молодому автору с подробными замечаниями и разбором возможных вариантов. «Почему вы потратили столько труда на рассмотрение моего явно слабого анализа?» — спросил его позже автор, оказавшись в Петербурге. «Видите ли, — ответил Чигорин, — я заметил, что письмо пришло из Поневежа. Я никогда не слышал о таком городе и даже не смогу найти его на карте. И я искренне порадовался: даже в таких медвежьих углах находятся шахматисты, интересующиеся теорией и самостоятельно работающие над ней. Мой долг всячески помогать им».

Это говорил смертельно больной, переутомленный человек.

В октябре — ноябре 1906 года в Петербурге был организован «по случаю возвращения Алапина на родину», и, очевидно, на его деньги, матч-турнир четырех ведущих петербургских шахматистов. Играли в четыре круга.

Первый приз (наконец-то!) взял сам «виновник торжества». Впервые за тридцать лет Алапин опередил Чигорина, хотя по существу это была «консультационная партия», в которой против четырехкратного чемпиона России играли «союзники»: Алапин и тяжелые болезни Михаила Ивановича.

Чигорин занял второе место. На третьем и четвертом были два талантливых молодых шахматиста: Евтифеев и Зноско-Боровский. По словам очевидца, Михаил Иванович весь турнир «очень нервничал, что было особенно заметно при анализе оконченных партий». Еще бы! Ведь именно при таких совместных анализах Алапин изощрялся в остроумии по адресу противника.

Чигорин передает эстафету

Весной 1907 года Михаил Иванович нанес прощальный визит Москве, которая всегда принимала его с должным почтением и радушием. Там был организован матч-турнир, в котором Чигорин и четверо сильнейших шахматистов Москвы играли в два круга.

Турнир прошел в ожесточенной борьбе, но все же маститый маэстро вышел на первое место, набрав 6 очков (из 8). Далее следовали: Гончаров — $5\frac{1}{2}$ очков, Дуз-Хотимирский — $4\frac{1}{2}$, Непароков — $3\frac{1}{2}$, Острогский — $\frac{1}{2}$ очка.

Выступления и беседы Чигорина с молодыми шахматистами происходили в Московском обществе любителей шахматной игры, в самом центре Москвы. Помещение было роскошное, но по существу в нем обосновался и процветал незаконный игорный клуб, замаскированный шахматной вывеской!

В один из свободных от игры дней Чигорин и Дуз-Хотимирский разговорились о том, кого можно считать «сменой» чемпиону мира Ласкеру.

— Не знаю,— задумчиво сказал Михаил Иванович,— из нынешних маэстро не вижу никого. Вот Маршалл, сильный игрок, чемпион Америки, сунулся играть матч на мировое первенство и проиграл Ласкеру «всухую»: восемь поражений, семь ничьих и ни единой победы. Прямо стыд! Ну, да Маршалл — не матчевый игрок, он и Таррашу в прошлом году проиграл с треском. Теперь сам Тарраш собирается вызвать Ласкера на матч, а когда-то гнушался с ним играть. Не думаю, что у почтенного доктора шахматных наук есть какие-то шансы. Слишком самоуверен и далеко уступает чемпиону мира и в технике эндшпиля и в оригинальности замыслов. Дебюты, правда, изучил до косточки, но Ласкер не боится попасть впросак. Даже сам охотно пойдет на худшее положение, лишь бы не играть по заученным образцам... А из молодежи... может быть, наш Рубинштейн. Талантлив, даже очень, но односторонен: его стихия — позиционное маневрирование, комбинационной борьбы не любит, ну, а Ласкера голыми руками не возьмешь! И у Рубинштейна есть психологическая слабость: как проигрывает партию, становится совсем не в себе и следующую играет из рук вон плохо. Врачи называют это шоком, ну, а Ласкер любит шокировать,—

и Михаил Иванович засмеялся своему незамысловатому каламбуру.

— Согласен с вами, Михаил Иванович,— ответил Дуз,— но вы говорили лишь об известных маэстро. А если поискать среди начинающих?

Чигорин покачал головой.

— Таких тоже не знаю. Впрочем,— оживился он,— на днях я получил письмо из Нью-Йорка от тамошнего знакомого. Он пишет, что в Манхэттенском клубе появился какой-то молодой кубинец. Молниеносно в блиц-партиях обыгрывает самых сильных тамошних маэстро, да и в турнирах им пощады не дает. Фамилия — Капабланка. И представьте себе, мне сразу вспомнилось что-то знакомое. Думал-думал и вспомнил: Куба, матч со Стейнницем, брожу по набережной, встречаю мальчика лет четырех с необыкновенными способностями к шахматам. Зовут Капабланка и еще целая гроздь имен. Я, в шутку, предсказал отцу, что малыш станет чемпионом мира. И вот выплыл! Ему теперь лет восемнадцать. Может, и впрямь спишет Ласкера с трона.

— И у нас могут вырасти,— возразил Дуз-Хотимирский.— Вы знаете, Михаил Иванович, как я вас чту и уважаю. Вы — мой образец, мой учитель. Многому научился от вас. А на днях мне самому предложили давать уроки шахматной теории. Мальчишке лет четырнадцати из богатой семьи. Отец — помещик, аристократ, предводитель дворянства, мать из московского купеческого рода Прохоровых. Это им принадлежит известная Трехгорная мануфактура.

Решил я: обычная блажь избалованного барчонка. Но почему же мне не заработать? Пошел, познакомился, поиграл с ним. Ну, Михаил Иванович, если я в некотором роде ваш сын шахматный, то это ваш внук. Память — феноменальная! Комбинацию чувствует вроде вас... Да, позвольте, я вам покажу, я записал несколько его партий. И он очень здорово играет по переписке — уже годы. Анализ — его конек, как и ваш.

Они сели за столик и расставили шахматы. Чигорин взглянул на запись.

— Не понимаю,— удивился оп.— Да это ваша вчерашняя партия!

— Ах, черт! — воскликнул Дуз.— Я второпях сунул в карман не то. Значит, дома оставил. Жаль. Ну, в следующий раз... Э, да вот и он сам. Саша! Саша!

К ним робко подошел худенький блондинчик в гимназической форме.

— Вот, знакомьтесь. Ты, конечно, знаешь нашего русского богатыря?

— Я, Михаил Иванович,— ответил мальчик,— не только вас знаю, но и все ваши лучшие партии наизусть. Любую могу показать.

— Вот видите! — сказал Дуз.

— А как тебя зовут? — поинтересовался Чигорин.

— Алехин Александр,— с гимназической четкостью последовал ответ.

— Алехин... Алехин,— пробормотал Чигорин.— Что-то я помню... играл даже.

— Это с его старшим братом, Алексеем,— пояснил Дуз-Хотимирский,— тоже хорошо играет, но куда до Саши! Покажи нам, Алехин Александр, несколько своих партий.

— Нет, Михаил Иванович,— твердо ответил подросток,— разрешите, я продемонстрирую любую из ваших лучших партий. А то вы подумаете, что я хвастаю. А я вправду помню.

— Ну, что ж,— призадумался удивленный и польщенный Чигорин.— Покажи нам, как я выиграл в Гастингсе у Ласкера.

Саша точно воспроизвел ходы знаменитого поединка. Чигорин и Дуз молча переглянулись.

— А ты помнишь, как я лет двадцать тому назад выиграл вслепую у Арнольда?

Алехин усмехнулся.

— Вряд ли кто, видевший эту партию, сможет ее забыть!

И снова без запинки и единой ошибки повторил замечательную комбинацию.

Чигорин, до того хмурый и печальный, расцвел, точно его живой водой sprysнули. Он, как очарованный, глядел на подростка.

— Ну, довольно обо мне. Показывай собственные победы!

Через час изумленный и радостный Чигорин тепло попрощался с Сашей.

— Ну, порадовал ты меня, старика! Вижу: есть у меня преемник. Помни только мой завет! Знаешь, в чем тайна успеха? Ничего не бояться!! Не бояться тех знаменитых слабостей, о которых так трубят. Веди

свою линию и не бойся! И еще тебе скажу, как молодому теоретику, — продолжал вдохновившийся Михаил Иванович. — В каждом дебюте, чуть ли не в каждом варианте его, можно избежать шаблонных, книжных ходов, достигая при этом, разумеется, не худших, если не лучших результатов! Ищи! Дерзай! Рискуй! Помни, Саша, нередко теоретическое — синоним шаблонного. Ибо что такое «теоретическое» в шахматах, как не то, что можно встретить в учебниках и чего стараются придерживаться, раз не могут придумать чего-либо более сильного или равного, самобытного.

Правда, есть классические дебютные варианты, выдержавшие даже самое серьезное из испытаний — испытание временем, — продолжал высказывать свое кредо Чигорин, как бы передавая молодому человеку творческую эстафету. — Их-то и надо досконально изучить! Но имей в виду: одно изучение теории не дает той силы игры, которая бывает результатом изучения совместно с практикой. Практика дает возможность при изучении теории выработать свою игру, улучшить ее качество и выработать известный стиль игры и известную манеру играть.

Алехин жадно запоминал каждое слово Чигорина.

— Ну, до свидания, милый Саша, — ласково протянул руку Михаил Иванович Чигорин Александру Александровичу Алехину. — Или, пожалуй, прощай! Я, братец, наверно, скоро умру.

— Что вы, Михаил Иванович!

— Ничего не поделаешь, — спокойно продолжал Чигорин. — Пусть такие, как ты, добьются того, чего не смог я! Чувствую, что ты будешь бороться за шахматную корону. От всей души, как русский русскому, желаю тебе удачи! Но помни одно: заботься о своем здоровье, чтобы оно не подводило тебя во время игры, и... и...

Чигорин замаялся. Алехин вскинул глаза. Дуз-Хотимирский хотел что-то сказать, но вовремя сдержал себя.

— Не пей! — резко оборвал Михаил Иванович и, еще раз пожав руку Саше, почти выбежал из комнаты. В его душе смешались печаль и радость.

Саша Алехин шагал по бульварному кольцу, снова и снова повторяя в уме слова основоположника русской шахматной школы.

Вот уже Страстная площадь с монастырем, нелепо раскинувшимся в самом центре Москвы. Вот через Твер-

скую виден задумчиво склонивший голову бронзовый Пушкин. Что ж, Пушкин тоже был страстным шахматистом.

Почему-то еще припомнились Алехину, когда он проходил мимо памятника, две строки поэта:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Сил больше нет

Вскоре после московского матч-турнира Михаил Иванович направился (третий год подряд!) в Остенде.

Там в мае 1907 года начались уже не один, как ранее, а два турнира. Один — огромный, продолжавшийся полтора месяца, при тридцати участниках, куда были приглашены почти все тогдашние молодые маэстро, а из стариков — только знаменитый Блекберн и ничем не знаменитый середнячок Шеве.

Для шестерых же маститых знаменитостей был устроен в четыре круга матч-турнир чемпионов. В нем встречались Тарраш, Шлехтер, Маршалл, Яновский, Берн и Чигорин.

Чемпион России был приглашен только из уважения к его блестящему прошлому, так как всем было ясно, что он уже не сможет бороться с соперниками, находящимися в полном расцвете сил.

Организация одновременно двух турниров явилась в сущности первой попыткой разделить маэстро на две группы: более известных и сильных, не раз бравших первые призы на международных турнирах, и менее сильных, или, вернее, менее заслуженных (кроме Блекберна), так как многие участники «турнира маэстро» по силе игры уже не уступали участникам «турнира чемпионов».

Такое деление маэстро диктовалось все ширившимся размахом международного шахматного спорта и десятилетия спустя привело к формальному введению званий: «мастер» и «гроссмейстер».

Чигорин сознавал, что дни его сочтены, но не мог отказаться от привычной, манящей и возбуждающей обстановки соревнований. Хотя ему на успех, да еще в соревновании маэстро высшего класса, надеяться было нельзя.

здоровым и тренированным коллегам-чемпионам и после четырехнедельной борьбы, проиграв матчи всем остальным участникам, занял последнее место. Он набрал лишь $4\frac{1}{2}$ очка из двадцати возможных.

Победитель «турнира чемпионов» Тарраш набрал $12\frac{1}{2}$ очков, причем все же проиграл одну партию Чигорину, выиграв две при одной ничьей. На втором месте оказался Шлехтер — 12 очков, третье и четвертое места поделили отставшие на пол-очка Маршалл и Яновский. У Берна было 8 очков.

Чигорин, несмотря на быстро ухудшавшееся здоровье и уже исчезнувшую спортивную форму, все же принял участие еще в одном (последнем) международном турнире. Никак не мог Михаил Иванович заставить себя распрощаться с шахматами, избавиться от пленяющего очарования любимого искусства, от тридцатилетней привычки, обратившейся в насущную потребность, бороться до последней капли крови и красиво побеждать.

Турнир в Карлсбаде (Карловы Вары), проходивший в августе — сентябре 1907 года, явился «лебединой песней» великого русского шахматиста. Состав был исключительно сильный, но Чигорин уже не мог играть с должным вниманием и техничностью. Например, в партии против Сальве, где к 23-му ходу у Чигорина был решающий позиционный перевес, русский чемпион в дальнейшем шесть раз выпускал выигрыш и свел партию вничью. В двадцати партиях Чигорин набрал лишь $7\frac{1}{2}$ очков, но волю к победе этот изнемогающий боец проявлял по-прежнему поразительную! Когда в предпоследнем туре лидер турнира Рубинштейн предложил Чигорину ничью, тот отклонил ее и продолжал борьбу, хотя потом ошибся и проиграл. И все же, несмотря на полную утрату спортивной формы, Чигорин выиграл у таких выдающихся противников, как чемпион США Маршалл, Шпильман, Тейхман, Ионер, Олланд, Дуз-Хотимирский. Как курьез отмечу, что партия, выигранная в этом турнире Э. Коном у Чигорина, была отмечена призом «За красивую комбинацию, связанную с исключительно глубокой жертвой пешки», хотя Кон сам заявлял, что он не жертвовал пешку, а Чигорин у него пешку отобрал.

Карлсбадским турниром завершился долгий и славный шахматно-спортивный путь Михаила Ивановича.

Всего за тридцать три года Чигорин сыграл в два-

дцати четырех международных турнирах, в трех чемпионатах России, в десяти отечественных турнирах обычного типа «на равных» и в десятках турниров-гандикапов. Михаил Иванович сыграл также двадцать четыре матча, из которых шесть были международными; два матча со Стейнником и по одному матчу с Арну де Ривьером, Гунсбергом, Таррашем и Ласкером. Чигорин сыграл также очень много партий по телеграфу и по переписке, а также консультационных, показательных и обычных «легких» партий как со столичными, так и с местными шахматистами в своих гастролях в Москве и других городах Российской империи и за рубежом — в Европе и Америке.

А партиям, сыгранным Чигориным «запросто» в начальный период его творческого роста у «Доминика» и в петербургских шахматных клубах «на равных» или на фьору (в которых он был сначала получающей, а потом дающей стороной) — счету нет! Их можно исчислять десятками тысяч, и во многих из них, очень многих, блистала искорка гения Чигорина.

Смерть в тоске и отчаянии

Итак, жизнь прошла, ибо жизнь любого творческого работника заключается в возможности творить, а Чигорин, как мы видели, боролся за такую возможность до предела. Лишь осенью 1907 года он, сломленный болезнями вконец, оставил постылый Петербург и переехал в Люблин, где жил его свояк генерал Дубравин. К семье того притулились Анастасия Дмитриевна и дочь Михаила Ивановича, которых он в последние годы часто навещал после своих выездов за границу на обратном пути на родину.

И даже в Люблине, стоя одной ногой в могиле, Чигорин еще проводил сеансы одновременной игры, консультационные партии, уже лежа играл вслепую, работал над шахматными отделами газет и журналов. Например, последний отдел в «Литературных приложениях» к «Ниве» вышел в свет за несколько дней до смерти его автора, и там после сообщения о начале пятого чемпионата России было кратко сказано, что в нем «Чигорин по болезни не мог участвовать».

Незадолго до нового, 1908 года Михаил Иванович окончательно слег. Кроме болезней, его терзало мучи-

тельное разочарование в жизни, в собратях по шахматному оружию, отвернувшихся от него, в соотечественниках, не сумевших окружить заботой четырехкратного чемпиона России.

В докладе, читанном в первую годовщину кончины Михаила Ивановича его младшим современником и другом Е. Зноско-Боровским, говорилось:

«Чигорин умер после долгой болезни; последние дни он часто впадал в бред; болезненные грезы окутывали его ум. Но накануне смерти он пришел в себя, сильно тосковал и нервничал. Он стал требовать, чтобы ему принесли его дорожные шахматы, те шахматы, которые сопровождали его на все турниры, с которыми он никогда не расставался, которыми и я играл с ним по дороге в Остенде в 1907 году. Когда их ему принесли, он потребовал, чтобы сейчас же, тут же перед ним, их уничтожили, сожгли. При этом он страшно волновался, все торопился, словно боялся, что не успеют это сделать: а оно почему-то казалось ему необходимым. Он успокоился только тогда, когда его требование было исполнено и от шахмат осталась только небольшая кучка золы... Тогда он снова впал в беспамятство и больше уже не приходил в себя. Почти все время он бредил. Ему чудилось, что какая-то тройка мчит его куда-то, но недостаточно быстро, он погоняет ее, торопит — он поднимался на постели, произносил невнятные слова и опять падал...»

Некоторые шахматисты нашего времени сомневались, несмотря на свидетельства трех очевидцев — друга Чигорина, его свояка и его жены, — в факте сожжения шахмат, усматривая в этом якобы порочащее Чигорина «разочарование в шахматах». А почему бы умирающему, забытому всеми «шахматному королю России» и не разочароваться было в шахматах?

Возможно и другое, психологическое объяснение. Чигорин не желал, чтобы шахматы, всю жизнь сопровождавшие его на турниры, тридцать два творческих сотрудника, живущих хотя и призрачной, условной, но яркой, фантастической жизнью, были похоронены в пыльной лавке старьевщика или в шкафу коллекционера. Или попадут в руки врагов, и его маленькими друзьями будет тешиться, например, Дадьян Мингрельский.

Чигорин не мог предвидеть, что его огромный творческий труд будет достойно оценен потомками. 329

25 января нового стиля 1908 года великий русский шахматист Михаил Иванович Чигорин скончался.

* * *

Мировая шахматная печать отметила кончину Чигорина с большим сочувствием и дала высокую оценку деятельности русского корифея.

«Рядом с именем Чигорина могут быть поставлены лишь имена величайших мастеров нашей эпохи — Стейница, Пилсбери, Ласкера. В период своего расцвета, в 1883—1896 годы, его творчество вызывало величайшее восхищение и восторг во всем шахматном мире», — писал австрийский журнал «Винер шахцайтунг».

«Скончался последний из великих мастеров эпохи Стейница. Подобно Стейнице, Чигорин был истинным гением; он всецело посвятил себя шахматному искусству. Как жрец Каиссы (вымышленной шахматной музыки. — В. П.) Чигорин стоял, пожалуй, даже выше чемпиона мира... Наследие его так велико и так блестяще, что имя Чигорина никогда не будет забыто», — утверждал немецкий журнал «Дейче шахцайтунг».

«Чигорин был одной из популярнейших и интереснейших фигур шахматного мира, — писал английский журнал «Бритиш чесс мэгэзин». — В течение последней четверти века его имя было связано со всеми значительными событиями в истории шахмат, и мало кто оставил по себе такой яркий след, как он. Симпатии английских шахматистов всегда были гораздо больше на стороне колоритной и предприимчивой игры русской школы, чем осторожной, основанной на точности и методичности, — немецкой и потому стилю Чигорина, весьма близкому к игре нашего Блекберна, всегда было обеспечено понимание и признание в нашей стране».

Памяти Чигорина в русской прессе были посвящены только краткие некрологи и большая статья в журнале «Нива».

Ненадолго смерть Чигорина всколыхнула петербургские шахматные круги. Спустя год в Петербурге был организован крупный международный турнир, посвященный памяти Чигорина. В турнире первые два приза поделили чемпион мира Ласкер и чемпион России Рубинштейн. В организованном одновременно с международным турниром Всероссийском турнире любителей

330 первое место занял будущий преемник Чигорина и буду-

щий чемпион мира шестнадцатилетний Александр Алехин, глубоко родственный Чигорину и по стилю игры, и по творческим взглядам, и по теоретическим высказываниям.

Вскоре был выпущен сборник партий обоих турниров под названием «Международный шахматный конгресс в память М. И. Чигорина». Однако книга не содержала ни материалов из биографии Чигорина, ни воспоминаний современников о нем, ни оценки его творческого наследия. Не был издан, как предполагалось, и «Чигоринский сборник».

История этого заранее обреченного на провал замысла такова. Тотчас после смерти Михаила Ивановича Алапин вызвался составить сборник, в который должны были войти, согласно опубликованному в шахматной печати проспекту, «биография, избранные партии и творческие исследования покойного маэстро», причем не только на основе литературных публикаций, но и огромного личного архива Чигорина, переданного его вдовою Петербургскому шахматному собранию и по глупости или даже злой воле шахматных руководителей попавшего в цепкие руки Алапина.

Трудно, конечно, было бы найти более неподходящего составителя такого «нерукотворного памятника» великому русскому шахматисту! Это было так же нелепо, как если бы Булгарину поручили редактировать первое посмертное собрание сочинений Пушкина или чеховскому «человеку в футляре» дали бы цензуровать Добролюбова и Писарева. Ведь Алапин всю жизнь боролся с Чигориным, отрицал его теоретические установки, принижал его творческое значение. И действительно: «Чигоринский сборник» никогда не был издан Алапиным, а местонахождение чигоринского архива до сих пор не известно. Очевидно, Алапин его уничтожил.

По-видимому, истинная цель «заявки» Алапина была — не почтить память Чигорина, не воссоздать яркий творческий облик великого русского шахматиста, а наоборот, предупредить возможность составления «Чигоринского сборника» другим, действительно чтящим память Михаила Ивановича человеком. Это тем более вероятно, что Алапин, умерший в Мюнхене пятнадцать лет спустя, ни в России, ни за рубежом не напечатал никаких воспоминаний о Чигорине, хотя знал того больше тридцати лет.

Характерно, что заправилы Петербургского шахматного собрания за долгие годы ни разу не поинтересовались судьбой ценнейшего чигоринского архива и тем, почему Алапин пальцем о палец не ударил, чтобы выполнить взятое на себя добровольное обязательство.

Зато сердечно откликнулась на смерть Михаила Ивановича растущая шахматная молодежь. Как сообщало «Новое время», с осени 1908 года при Московском университете «с разрешения ректора был основан Студенческий кружок любителей шахматной игры памяти Михаила Ивановича Чигорина», насчитывавший до 150 членов. Организатором кружка был студент В. В. Ассонов. Собрания кружка проходили в чайной юридического факультета, и весной 1909 года там был проведен турнир — по существу первый чемпионат Московского университета.

Сообщения о таких же кружках памяти Чигорина были и в других газетах и журналах.

Но время шло, и русское шахматное движение, лишенное энергичной поддержки своего основателя, понемногу тускнело. Спустя же несколько лет Чигорину все больше и больше угрожало забвение. Даже, когда в 1914 году было решено перевезти его прах в Петербург, это не вызвало никакого общественного отклика. Вот как описывала тогдашняя газета эту печальную церемонию:

«22 июня в Петербург были привезены останки известного русского шахматиста М. И. Чигорина, скончавшегося в Люблине 12 января 1908 года. Отдать последний долг покойному собралось ровно восемь человек. Пока дошли до кладбища, эта горсть друзей М. И. Чигорина сократилась еще. Никого из родных покойного не было».

Зато неутомимый Алапин прислал на могилу Чигорина венок с надписью: «Талантливому, безвременно угасшему товарищу от С. З. Алапина». Нескромно-снижидельный тон надписи, эпитет «талантливый» по отношению к гениальному шахматисту, которого таким признавал весь зарубежный мир, не говоря уже о России, вряд ли можно расценивать как дань уважения памяти Чигорина. Со стороны Алапина это была попытка подчеркнуть и «освежить» свой собственный авторитет и связать свое имя с прославленным именем

Казалось, что жизненный подвиг великого шахматиста земли русской никем не оценен и жил он напрасно. Только в сердцах любителей игры образ Михаила Ивановича сиял прежним блеском, и не было высшей похвалы для человека, добившегося блестящей победы в турнирной или матчевой партии, чем слова: «Он играл, как Чигорин!»

«Рыцарь бедный» победил!

Со дня смерти Чигорина прошло 60 лет. Шахматы в Советском Союзе стали народной игрой: количество любителей ее, объединенных в низовые секции, превышает четыре миллиона. Для знатоков же, для гроссмейстеров и мастеров они стали своеобразным искусством.

Имя гениального русского маэстро воскресло в полном величии. Проводятся международные турниры, посвященные памяти Чигорина, массовые турниры в его честь, привлекающие сотни тысяч участников, цифры, неслыханные ни в царской России, ни в капиталистических странах наших дней.

Ленинградский шахматный клуб, занимающий обширный особняк, носит имя М. И. Чигорина.

Сотни шахматных книг, три шахматных журнала, десятки турнирных и матчевых бюллетеней, еженедельная шахматная газета выходят в нашей стране массовыми тиражами, о которых Чигорин не мог и мечтать.

В шахматных руководствах, в дебютных справочниках (как советских, так и зарубежных) повсюду мелькает: «атака Чигорина», «защита Чигорина», «дебют Чигорина», «система Чигорина», «вариант Чигорина». Высказанные русским корифеем теоретические идеи, разработанные им дебютные принципы, методы защиты и атаки, его эндшпильные анализы выдержали самое суровое испытание — проверку временем и вошли в золотой фонд шахматной культуры.

Основной установкой советской шахматной школы стала чигоринская разносторонность игры, уравновешенность комбинационных и позиционных элементов ее, в сочетании со смелым новаторством и неуклопным стремлением к инициативе, к атаке, к борьбе.

Велик авторитет Чигорина и за рубежом. Недавно талантливейший зарубежный гроссмейстер, десятикрат-

ный чемпион США Роберт Фишер по просьбе американского журнала составил список десяти лучших шахматистов всех времен и народов. И в эту «великолепную десятку» включен Чигорин!

Осуществились и общественные идеалы великого русского шахматиста: создана могучая Шахматная федерация СССР — тот самый Всероссийский шахматный союз, за организацию которого всю жизнь ратовал Чигорин.

Уже двадцать лет представители советской, отечественной, чигоринской шахматной школы прочно держат в своих руках личное мировое первенство среди мужчин и среди женщин, а также командное первенство мира.

На смену прославленным советским гроссмейстерам и мастерам идет молодежь — тысячи кандидатов в мастера и перворазрядников.

И всех советских шахматистов и шахматисток вдохновляет светлый образ Михаила Ивановича Чигорина — гениального художника игры, пламенного энтузиаста, русского патриота.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая

ПОСВЯЩЕНИЕ В ОРДЕН «ДОМИНИ- КАНЦЕВ»	7
--	----------

Глава вторая

ВЕЧЕР ГРУСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ	21
------------------------------------	-----------

Глава третья

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕХ ФРОНТАХ!	47
-------------------------------------	-----------

Глава четвертая

ЗВЕЗДА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЫ	81
-----------------------------------	-----------

Глава пятая

НЕ ДЛЯ СЕБЯ — ДЛЯ РОССИИ .	109
-----------------------------------	------------

Глава шестая

БОРЬБА ЗА МИРОВУЮ ШАХМАТ- НУЮ КОРОНУ	153
---	------------

Глава седьмая

НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ	221
-----------------------------------	------------

Глава восьмая

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ И БЕЗ НАДЕЖД .	259
-----------------------------------	------------

Глава девятая

ШАХМАТНЫЙ КОРОЛЬ ВСЕЯ РУСИ	283
-----------------------------------	------------

Глава десятая

УКАТАЛИ СИВКУ КРУТЫЕ ГОРКИ!	313
------------------------------------	------------

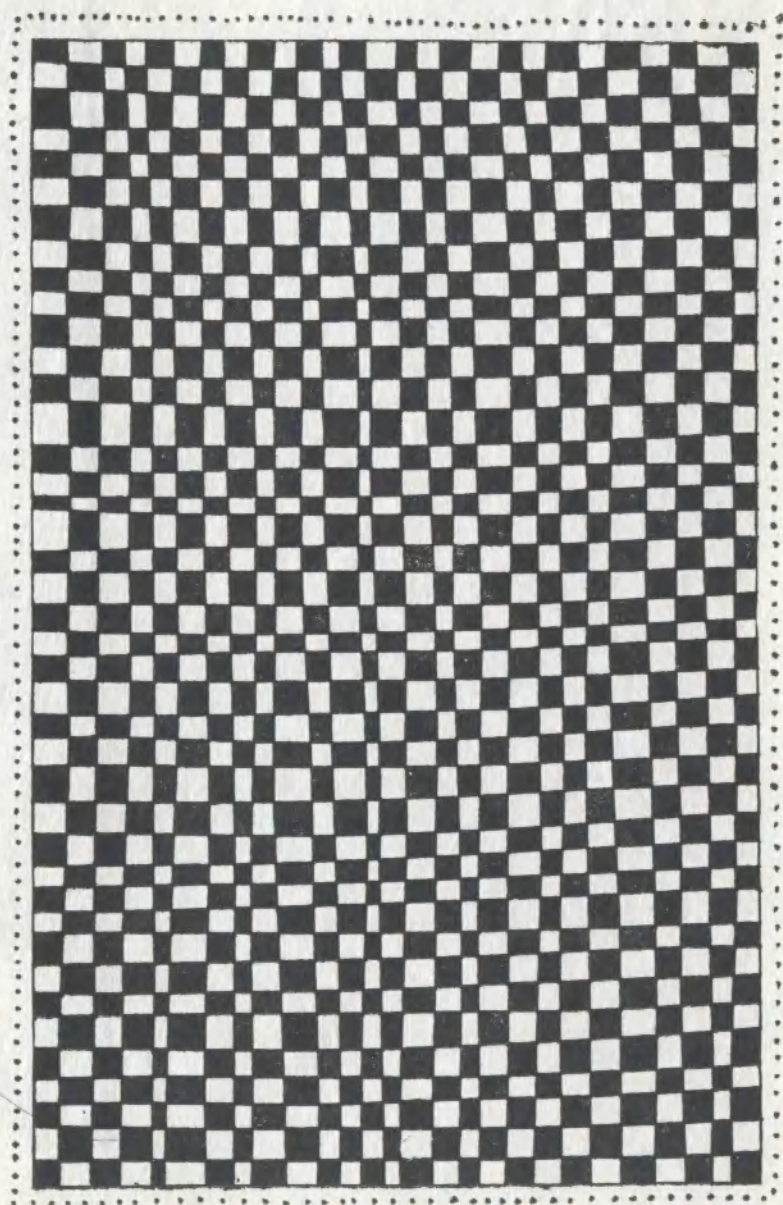
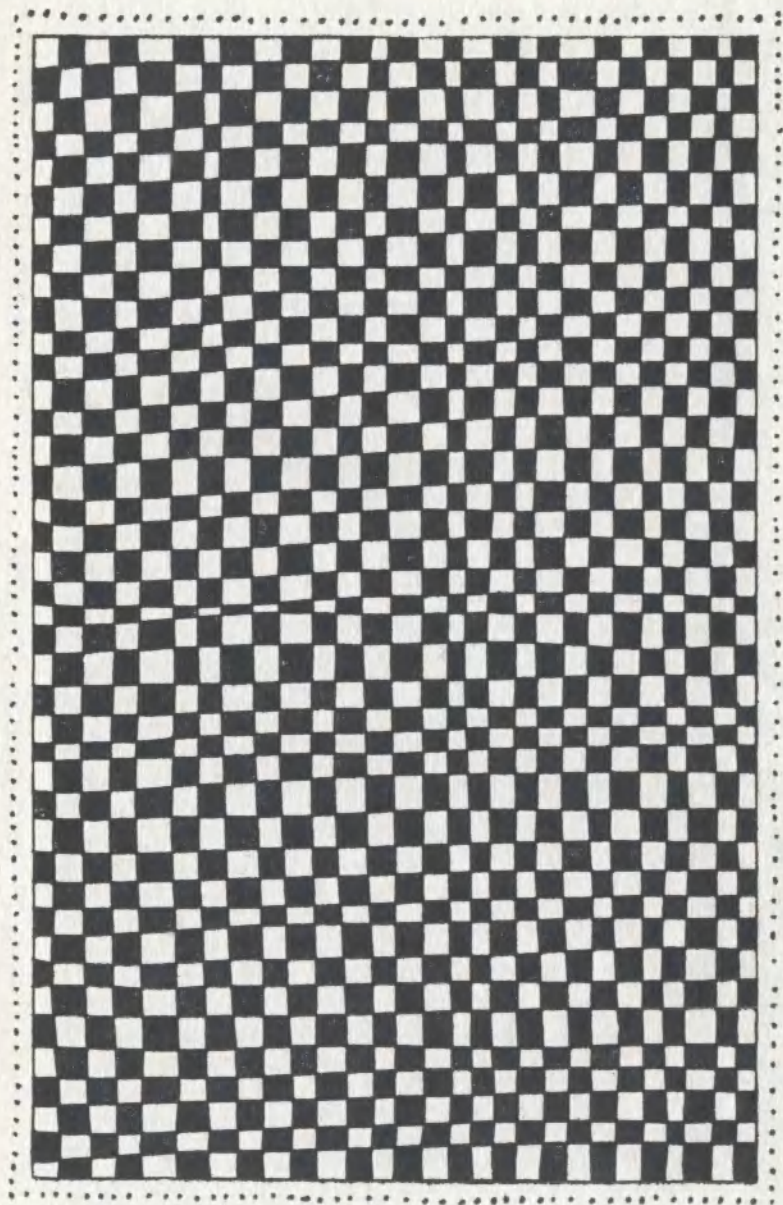
Панов Василий Николаевич
РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ

Редакторы **И. А. Арзуманова** и **С. Г. Берлин**
Художник **А. Е. Скородумов**
Художественный редактор **Н. Л. Юсфина**
Технический редактор **Н. И. Коробкова**
Корректор **В. Л. Данилова**

Сдано в набор 13/II-68 г.
Подписано к печати 15/VIII-68 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ д. л. Физ. печ. л.
10,5. Усл. печ. л. 17,64.
Уч.-изд. л. 17,55. Изд. инд. ХД-52, А09545.
Тираж 50 000 экз. Бум. № 1. Цена 72 коп.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР,
г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25, Заказ 391,

72 коп.

ВАСИЛИЙ ПАНОВ

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •